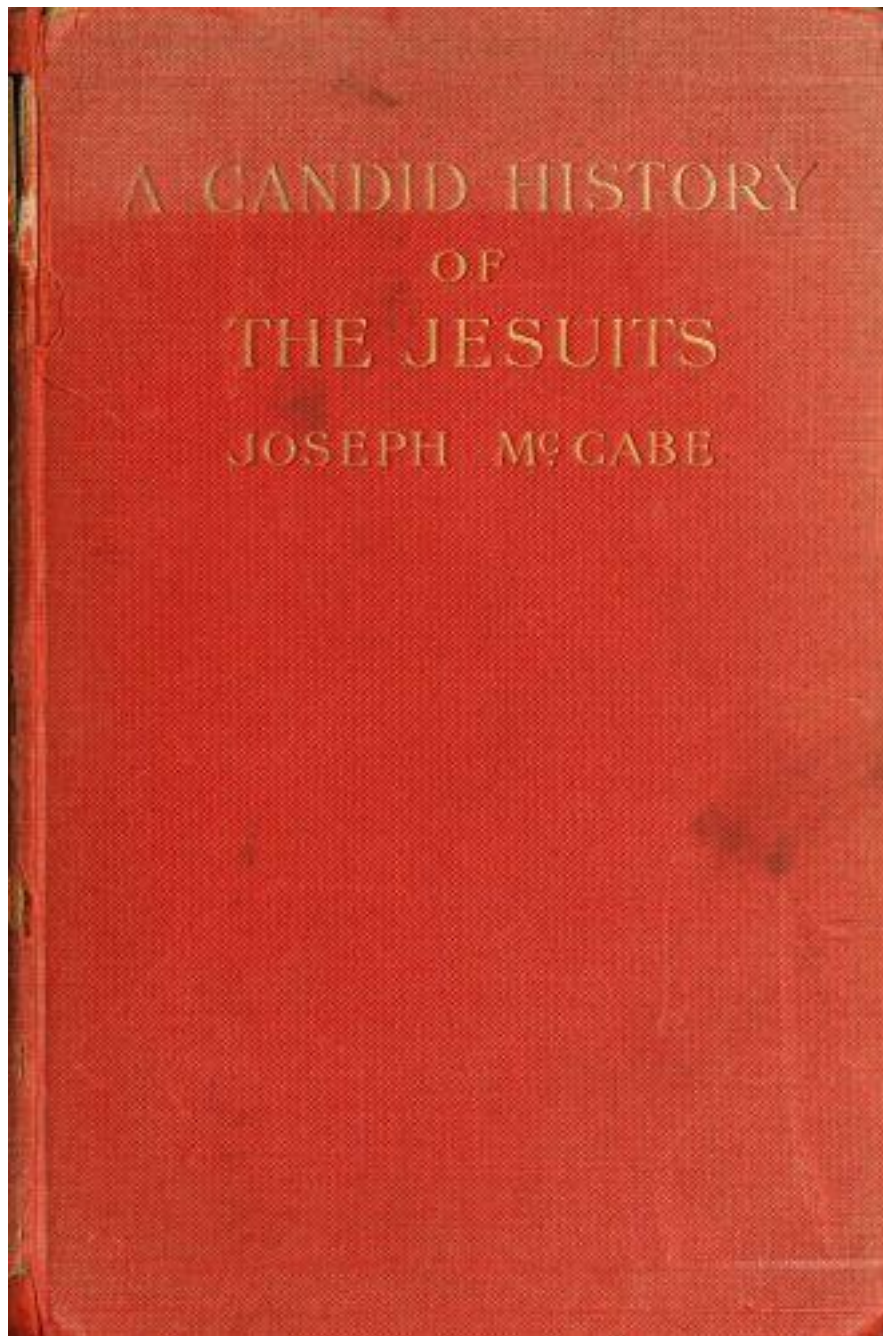

Откровенная история иезуитов

Джозеф Маккейб

Электронная книга проекта "Гутенберг" Откровенная история иезуитов

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Откровенная история иезуитов

Автор: Джозеф Маккейб

Дата выхода: 22 января 2018 [Электронная книга №56414]

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Clarity, Грэмом Макретом и командой онлайн-корректоров по адресу <http://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом / Американскими библиотеками.)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА "ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ГУТЕНБЕРГА: ОТКРОВЕННАЯ ИСТОРИЯ ИЕЗУИТОВ"

ОТКРОВЕННАЯ ИСТОРИЯ ИЕЗУИТОВ

ДЖОЗЕФ М.^ККЕЙБ

АВТОР КНИГИ "УПАДОК РИМСКОЙ ЦЕРКВИ" И ДР.

ЛОНДОН

ЭВЕЛИН НЭШ

1913

ПРЕДИСЛОВИЕ

Это исторический обычай Римской церкви привлекать к своей службе монашеские или квазимонашеские организации в дополнение к обычному духовенству. В час величайшей нужды, в самом начале Реформации, Общество Иисуса было сформировано как один из таких вспомогательных полков, и в войне, которую Римская церковь вела с тех пор, иезуиты оказали самую энергичную и заметную услугу. Тем не менее, порядок действий этого Общества во многих важных отношениях отличался от порядка действий других полков Церкви, и по этому поводу возникли обширные и непрекращающиеся споры. Вероятно, что об иезуитах было написано в тысячу или несколько тысяч раз больше книг, брошюр и статей, чем даже о старейших, наиболее могущественных или образованных монашеских организациях. Ни один исторический труд не может быть открыт ни на одном языке, но он будет содержать больше ссылок на иезуитов, чем на все остальные религиозные ордена вместе взятые. Но сегодня

мнения о характере иезуитов расходятся так же сильно, как и сто или двести лет назад, и самые теплые восхваления охлаждаются самыми горькими и уничтожающими обвинениями.

Что такое иезуит? Этот вопрос до сих пор задают в каждой цивилизованной стране, и ответ представляет собой запутанную массу противоречий. Самые образованные историки так по-разному трактуют факты своей карьеры, что один выносит вердикт, выражающий глубокую и преступную вину, а другой с честью оправдывает их. С момента основания Общества были приняты эти резко противоположные взгляды на его действия, и похвала и почитание поклонников уравнивались сильной ненавистью равного числа католических противников. Казалось бы, какая-то непроницаемая завеса лежит над историей и нынешней жизнью Общества, однако с обеих сторон его судьбы отказываются признавать неизвестность. Католические монархи и народы раз за разом с позором вытесняли иезуитов за свои границы; папы сурово осуждали их. Но в двадцатом веке они столь же активны и почти столь же многочисленны, как и в последние дни старого политического мира.

Никакая систематизация исторических фактов не изменит чувства явных поклонников и противников иезуитов, и было бы напрасно предполагать, что, поскольку автор настоящего произведения не является ни католиком, ни протестантом, он будет удостоен такой добродетели, как беспристрастность. Однако, по-видимому, существует определенная необходимость в историческом исследовании иезуитов, которое будет направлено на беспристрастность и откровенность. С одной стороны, у нас есть большие и важные работы, такие как *"История религии, политики и литературы Общества Иисуса"* Кретино-Жоли, и ряд более мелких работ, написанных католиками Англии или Америки на материале и в духе работ французского историка. Такие произведения, как эти, ни на минуту не могут рассматриваться как серьезная история. Это панегирики или извинения: приятное чтение для мужчины или женщины, которые хотят восхищаться, но чистая неправда для мужчины или женщины, которые хотят знать. Действительно, работа М. Кретино-Жоли, написанная совместно с иезуитами, которую иногда рекомендуют как классический авторитет в области общества, имеет недостатки похуже, чем добродушное упущение неучтываемых эпизодов. Он делает самые завышенные общие заявления на самом скудном материале, серьезно и часто неточно, очень щедро использует "ментальный запас", за который ратуют его друзья, и иногда представляет заведомо поддельные документы, даже не намекая, что они подвергаются сомнению.

Такие произведения, естественно, порождают антагонистический класс томов, в которых излагаются только нелестные истины и создается ложная картина в ущерб иезуитам. Полностью нейтрального труда об иезуитах не существует и, вероятно, никогда не будет существовать. Историк, который рассматривает все факты их замечательной и романтической карьеры, не может оставаться нейтральным. И дело не только в том, является ли автор римским католиком или нет. За работой М. Кретино-Жоли во Франции последовала работа, написанная ревностным священником аббатом Гетте, которая разорвала своего предшественника в клочья и представила Общество Иисуса как справедливо осужденное папой и королями.

По крайней мере, будет установлено, что настоящая работа содержит беспристрастный отчет как о добродетели и героизме, которые можно найти в хрониках иезуитов, так и о скандалах и злодеяниях, которые могут быть справедливо приписаны им. Как заметит читатель, она в не меньшей степени основана на оригинальных документах иезуитов в той мере, в какой они были

опубликованы, и на работах Кретино-Жоли, чем на антагонистической литературе. Независимо от того, кажется это кому-то обвинительным актом или нет, это терпеливая попытка изложить все факты в рамках книги и дать читателю возможность составить взвешенное суждение об обществе. Это попытка *понять* иезуитов: понять энтузиазм и пламенную привязанность одной половины католического мира не меньше, чем презрение или отвращение другой, использовать белое и черное, не смешанные с монотонным серым, а в соответствующих местах и оттенках, чтобы дать правдивую картину драматических состояний Общества на протяжении почти четырех столетий и некоторое представление о характере людей, которые завоевали для него такую горячую преданность и такую сильную враждебность.

Дж.М.

Содержание

ГЛАВА	СТРАНИЦА
I. Происхождение общества	1
II. Первые иезуиты	27
III. Ранние бури	55
IV. Генерал Фрэнсис Борджиа	80
Против Прогресса и упадка при Аквавиве	106
VI. Ранние иезуиты в Англии	142
VII. Первое столетие иезуитизма	167
VIII. При Стюартах	195
IX. Борьба с янсенистами	220
X. Изгнание из Португалии и Испании	253
XI. Иностранные миссии	279
XII. В германских землях	311
XIII. Подавление общества	334
XIV. Реставрация	364
XV в. Новые иезуиты	390
XVI. Последняя фаза	424
Индекс	445

ОТКРОВЕННАЯ ИСТОРИЯ ИЕЗУИТОВ

ГЛАВА I

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ОБЩЕСТВА

Ранним летом 1521 года, через несколько месяцев после того, как Мартин Лютер сжег папскую буллу в Виттенберге и зажег костер Реформации, молодой баскский солдат лежал в постели в

замке своего отца у подножия Пиренеев, размышляя о крушении своих амбиций. Иньиго из Лойолы был младшим сыном в большой семье с древним происхождением и небольшим достатком. Он рано потерял мать, и богатая тетя пристроила его ко двору, где он научился любить блеск мечей, улыбки принцев, мягкость шелка и женских глаз, а также все тяжелые подвиги и богатые награды рыцарской карьеры. От двора он отправился в лагерь и твердо поставил перед собой задачу проложить честный путь ко двору. Бесстрашный на войне, искусный в спорте и боевых упражнениях, утонченный личностью, веселый нравом, и пылкий в любви, молодой дворянин видел перед собой долгий путь рыцарских приключений и щедрого вознаграждения. В 1521 году ему было тридцать лет или около того — год его рождения по-разному указывается как 1491 или 1493; стройный, жилистый маленький человечек с темными блестящими глазами, сверкающими на оливковом лице, и густыми черными волосами, венчающими высокий лоб. А французский бал при осаде Пампелуны одним ударом сломал ему ногу и разбил вдребезги его амбиции.

Потребовалось некоторое время, чтобы осознать крах своих амбиций. Рыцарственные победители в Пампелуне оказали своему храброму противнику достойное лечение и, перевязав его раны, отправили его в замок Лойола в баскских провинциях, куда его старший брат привез хирургов, чтобы снова привести его в боевую форму. Они обнаружили, что кость срослась плохо; ее нужно было снова сломать и вправить заново. Он перенес операцию без единого стоны, а потом неделями лежал в боли и лихорадке. Он все еще надеялся вернуться в лагерь и завоевать расположение некой знатной дамы — вероятно, дочери вдовствующей королевы Неаполя, — памятью о которой он втайне дорожил. Действительно, в праздник апостолов Петра и Павла он говорил об этом с уверенностью; он сказал своему брату, что старший апостол вошел в темную комнату и исцелил его накануне праздника. К несчастью, когда лихорадка спала, он обнаружил, что вторая вправка его ноги была сделана так плохо, что кусок кости выступал ниже колена, а правая нога была короче левой. Он снова призвал средневековых хирургов и их устрашающий арсенал, и они отпилили выступающий кусок кости и растянули его ногу на подставке, которую они использовали для таких целей; и ни крика, ни проклятия не сорвалось с напряженных губ. Но правая нога по-прежнему отказывалась встречаться со своей собратой, и вокруг великолепной перспективы жизни Иньиго сгущались тени. Молодой человек, который хромот, вряд ли может надеяться занять почетное место в лагере, или в садах дворца, или в сердцах женщин. Позже Талейран, прихрамывая, начнет свою карьеру; и Талейран станет дипломатом.

Иньиго покоился в прочном квадратном замке из грубого камня, который сейчас благоговейно заключен, как драгоценность, в обширном доме иезуитов. Тогда он одиноко стоял в красивой долине, у подножия последних южных склонов Пиренеев, примерно в миле от маленького городка Аспейтия. Разум молодого баска был переполнен смутными и лихорадочными мечтами, когда он лежал там, в летнюю жару, рядом с крушением своих амбиций. Он попросил книги о странствующем рыцарстве, чтобы скоротать тоскливые дни, но в замке Лойолы их не было, и кто-то — возможно, благочестивая сестра — принес ему *Жизнь Христа* и *Цветы Святых*. За неимением ничего лучшего он прочитал их: сначала перебирал листочки с самым близким к презрению видом, который осмеливается признать христианский солдат, затем начал с интересом и, наконец, вспыхнул от энтузиазма. Что это было, как не другая форма рыцарства? Нет, если подумать, то это было единственное рыцарство, достойное такой яростной преданности, как у него. Здесь был способ завоевать прекрасную даму, Царицу Небесную, чьи взгляды стоили больше, чем ласки всех дам Кастилии; здесь был монарх, которому нужно было

служить, чей двор затмевал дворы Франции и Испании, как солнце затмевает звезды; здесь были приключения, которые требовали более высокого духа, чем бравада солдата.

Молодой баск начал смотреть на новый мир из узких окон старого замка. Ниже по долине находилась Азпейтия, и даже там можно было найти монстров и злых рыцарей, которых можно было убить во имя Марии. На юге простирались обширные провинции Испании, населенные наполовину обращенными маврами и евреями и постоянно процветающими пороками. За холмами и морями были другие королевства, столь же громко призывавшие нового защитника Бога и Марии. Одно поле, далеко на краю света, призывало его властным голосом; после всех Крестовых походов места на Святой Земле все еще были попраны ногами богохульствующих турок. Кровь снова заструилась по жилам солдата.

Следующей зимой его друзья заметили, что он пишет замечательную хронику жизни Христа и Его святых. Он был искусен во всех придворных достижениях — они не включали ученость — и мог писать очень красивые сонеты, посвященные тайной даме из его внутренней святыни. Теперь он использовал свое искусство, чтобы создать благочестивую хронику, где слова и деяния Христа были написаны киноварью и золотом, жизнь Марии — синим, а истории святых — менее царственными цветами радуги, и его смуглое бледное лицо было озарено странным светом. Были времена, когда этот новый свет мерцал или гас, и плотская королева его сердца, казалось, обнимала его белыми руками, и солнечная земля боролась со слабым видением далеких небес. Затем он помолился, побил себя и поклялся, что станет рыцарем Христа и Марии; и — так он рассказывал своим последователям много лет спустя — тяжелый каменный замок затрясся и загрохотал от разгневанного появления демона. Он сказал им также, что в то время у него было намерение похоронить себя в картезианском монастыре в Севилье, и послал одного из них разузнать о его образе жизни; но такой план так мало соответствует его настроению странствующего рыцаря, что мы не можем думать, что он всерьез его вынашивал.

К весне борьба закончилась, и Игнатий — он сменил свое мирское имя на имя святого — модели — отправился на поиски духовного приключения. "Внезапная революция", как Кретино-Жоли называет свое обращение, заняла около девяти месяцев. Действительно, друзья и враги иезуитов сговорились скрыть развитие его чувств: друзья, чтобы они могли распознать чудо в обращении, враги, чтобы они могли сделать вид, что это было вовсе не обращение, а переход эгоистичных амбиций из лагеря в Церковь. Какой бы ни была правда о прежних нравственных устоях Иньиго, он, безусловно, получил тщательное религиозное образование в детстве, и точно так же не научился бы скептицизму при дворе, созданном Фердинандом и Изабеллой. Его вера в то, что ему было видение святого Петра через несколько недель после получения ранения и до того, как он прочитал благочестивые книги, показывает, что в лагере он сохранял живую религиозную веру. Некоторая раскованность поведения не была бы несовместимой с этим, особенно в Испании, но мрачные описания его подростковых привычек, которые дают некоторые авторы, не оправданы. "Он был склонен к ссорам и любовным безумствам", — вот и все, что говорит самый откровенный из его биографов. Давайте признаем, что горячая баскская кровь обладает острым чувством чести и несколькими любовными связями. В целом, Иньиго, похоже, был офицером более строгого толка и убежденным католиком. Отсюда мы можем понять, что по мере того, как земля становится для него темной и безрадостной, а случайное

чение рисует перед ним в ярких красках видение веры, его пылкое воображение постепенно завоевывается, и он искренне посвящает свои руки служению Христу и Марии.

Благочестиво обманув своего брата относительно места назначения, он отправился в путь верхом на муле в марте месяце. Он отправится в храм Пресвятой Богородицы на Монсеррате, чтобы попросить благословения на свое предприятие, а затем пересечет море, чтобы обратиться к мусульманам в Палестине. Кстати, его темперамент проявляется в приключениях. Он встретился с одним из мавров, которые надели тонкую мантию христианского исповедания, чтобы им позволили остаться в Испании, и поговорил с ним о Богородице Монсерратской. Находясь вдали от города и ушей инквизиторов, мавр легкомысленно отзывался о Матери Христа и, когда новообращенный проявлял горячность, убегал галопом. Положив руку на меч, Игнациус задумался, требует ли его новый идеал, чтобы он последовал за этим человеком и убил его. Он предоставил это дело Богу или своему мулу, и его отвезли по дороге на Монсеррат.

Наконец он добрался до крутой горы с пиками, похожими на пилы, которая возвышается над равниной примерно в двадцати милях к северо-западу от Барселоны, на склоне которой находится знаменитое святилище Пресвятой Богородицы. В маленьком городке Игуэлада, у подножия горы, он купил грубую одежду паломника — тунику из вретиса, веревочный пояс, пару грубых сандалий, посох и тыквенную флягу — и направился вверх по диким склонам, среди скромных кипарисов, к бенедиктинскому монастырю, охранявшему святилище. В течение трех дней он преклонял колени у ног одного из самых святых монахов, рассказывая со слезами историю своей мирской жизни. Затем он снова отправился в город, отшел в сторону бедно одетого нищего, как это сделал Франциск Ассизский в своей хронике, и поменялся с ним одеждой, надев поверх его лохмотьев вретисовую тунику. Был канун великого праздника Девы Марии, Благовещения (25 марта), и он провел ночь, преклонив колени перед алтарем, как это делали добрые рыцари перед тем, как выйти на поле боя. Утром он повесил свой меч в святилище и отправился в путь. С этого момента нам следует забыть, что Игнатий был солдатом, и искать какой-нибудь другой ключ к разгадке его поведения.

Следующий шаг в его путешествии в Рим очень подробно описан в "Житиях святого", но он не совсем понятен. Вместо того чтобы отправиться в Барселону, где можно было сесть на корабль, он отправился в Манресу, и его паломничество было отложено почти на год. Он не поехал по большой дороге в Барселону, говорит его биограф, чтобы не встретить людей, идущих к святилищу: теория, которая не только потребовала бы другой теории для ее объяснения, но и не дает объяснения годовой задержке. Другие думают, что он слышал, что в порту свирепствует чума, хотя чума не продлится и года, и можно усомниться в том, что Игнациус сбежал бы от нее. Истина, по-видимому, заключается в том, что идея провести свою жизнь на Востоке уже уступала в его сознании другому замыслу: план формирования Общества смутно вырисовывался у него. Он изучал монашескую жизнь в бенедиктинском монастыре на Монсеррате и привез с собой книгу, написанную одним из их настоятелей, над которой он размышлял с какой-то целью. У него было смутное предчувствие, что намеченным полем для приключений может стать Европа.

Как бы то ни было, он выбрал дорогу, которая вела прочь от Барселоны, и поскольку он хромал и страдал, поскольку отказался от мула и собирался совершить свое паломничество пешком, он спросил, где он может найти больницу (в те дни это было нечто среднее между общежитием и

больницей). Его отвезли в Манресу, живописный маленький городок в одной из долин округа, где он на несколько дней пролежал в больнице, а затем, вместо того чтобы ехать в Барселону, нашел квартиру и стал местной знаменитостью. Нищий, которому он отдал свою одежду, естественно, был арестован, и Игнациус был вынужден рассказать свою странную историю, чтобы оправдать этого человека и себя самого. История разрасталась по мере того, как передавалась из уст в уста, и вскоре стало известно, что грязный, босоногий, плохо одетый нищий, который попросил немного грубого хлеба у дверей и удалился молиться и бичевать себя, был одним из богатейших вельмож восточных провинций. Дети ходили за "отцом Вретищем" по улицам; мужчины глумились над его нестриженными ногтями, длинными растрепанными черными локонами и худым лицом; женщины плакали и просили его молить.

Через несколько месяцев он нашел пещеру за городом, у подножия холмов, и вступил в период бесконечной молитвы и дикого аскетизма, в ходе которого написал свою книгу "*Духовные упражнения*". Он бичевал себя до тех пор, пока не пошла кровь, три раза в день: он ел так мало и жил такой напряженной жизнью, что иногда его находили без сознания на полу пещеры, и его приходилось уносить и ухаживать; его глубокие черные глаза, казалось, светились с лица трупa. Так он прожил шесть месяцев и написал свою знаменитую книгу. Мне нет необходимости анализировать это страстное руководство по духовной жизни или рассматривать легенду о его чудесном происхождении. Мы знаем от бенедиктинских писателей, что Игнатий получил на Монсеррате копию *Exercitatorium* их аббата Сиснероса, и любой, кто знаком с католической жизнью, знает, что подобные серии "медитаций" являются и всегда были очень распространены. В книге Игнатия есть оригинальный план, и период, в течение которого разум должен последовательно размышлять о грехе и аде, добродетели и небесах, Христе и дьяволе, смело продлевается до четырех недель. Это технические детали; [1] глубоко оригинальным в работе является ее интенсивность, и для поиска источника этого нам нужно только принять во внимание те шесть месяцев ожесточенной внутренней жизни в пещере близ Манресы.

В последующие годы Игнатий утверждал, что общий замысел его Общества и даже основные черты его устройства были открыты ему в той пещере. "Я видел это таким в Манресе", - обычно говорил он, когда его спрашивали, почему была включена та или иная функция. В этом он явно неправ. Его Общество было, по сути и деталям, полком, мобилизованным для борьбы с протестантизмом, и Игнатий, конечно, ничего не знал о протестантизме как о грозной угрозе правлению папы римского в 1522 году; можно усомниться, знал ли он еще о существовании Лютера. Мы снова можем заключить, что он имел в виду смутную альтернативу своей миссии перед мусульманами. Тем, кто склонен верить, что Общество Иисуса было в каком-либо определенном смысле спроектировано им в Манресе, будет трудно объяснить, почему в течение пяти лет после этого он все еще настаивал на том, что его миссия была направлена к туркам.

В январе 1523 года он отправился в Барселону, подстриг ногти, причесался и подстриг волосы и сменил свой мешок на одежду из грубой серой материи. По его словам, он не хотел привлекать к себе слишком много внимания. Его задержали на несколько недель в Барселоне, где он просил милостыню и служил бедным и больным в манере, которая впоследствии стала характерной для ранних иезуитов. В Вербное воскресенье он въехал в Рим, затерявшись в толпе других паломников и нищих, а оттуда пешком отправился в Венецию, откуда отплыл в июле. Через шесть месяцев он вернулся в Венецию. Монахи-францисканцы, контролировавшие христианскую колонию в Иерусалиме, очень быстро отправили его домой, опасаясь, что его

неосторожный пыл приведет к неприятностям с турками. Вся экспедиция была донкихотством, если она действительно задумывалась как нечто большее, чем паломничество, поскольку Игнатий не знал ни слова ни на одном языке, кроме баскского и кастильского. Он вернулся в Венецию в тонком изодранном пальто, его ноги отчетливо виднелись сквозь изодранные брюки, и в этом обличье он пешком добрался до Генуи в суровую зимнюю погоду. К концу февраля он снова был в Барселоне.

Еще несколько лет Игнатий будет продолжать говорить об обращении турок как о своей главной миссии, но его действия свидетельствуют о том, что альтернатива в его сознании становилась все шире. Годовой опыт научил его, что рыцарю Господню необходимо образование, и он сидел среди мальчиков в Барселоне, изучая латинскую грамматику и поражая их тем, что приходил в буквальнй экстаз от спряжения глагола "любить". Теперь он был одет в опрятную штатскую одежду, но по дороге в школу выпрашивал хлеб и пользовался любым случаем, чтобы проповедовать Евангелие. Однажды, когда он обратил в свою веру распущенную общину монахинь, быстрые молодые люди Барселоны, разгневанные таким вмешательством в их удовольствия, послали своих слуг подстеречь его. Они чуть не убили его своими палками. Многие насмеялись над ним как над лицемером или фанатиком; многие почитали его, и несколько юношей стали его первыми учениками. С тремя из них он после двухлетнего обучения в Барселоне поступил в Университет Алькала и начал свое высшее образование. Но он так стремился покончить с этой интеллектуальной подготовкой и был так занят спасением душ и обращением в свою веру, что пытался одновременно изучать последовательные разделы величественной средневековой учебной программы, но узнал очень мало.

Его первая попытка основать Общество также закончилась катастрофическим провалом. Мнение в Алькале о "людях в мешковине" разделилось. В религиозной жизни Испании были известны некоторые колоритные фигуры, но никто еще не видел ничего подобного этой маленькой группе молодых людей, возглавляемой бледным и изможденным мужчиной тридцати двух лет, которые ходили босиком от дома к дому, выпрашивая у них хлеб, а вечером переходили из школ в больницы или дома бедняков, или смело стояли на площадях и призывали грешников покаяться. Это было оскорблением достоинства церковной жизни, и поэтому на них донесли инквизиции, а из Севильи прислали двух ученых священников, чтобы допросить их. Мистики были едва ли менее противны инквизиции, чем тайные евреи и мавры, а затем появилось это новое изобретение сатаны, которое, как говорили, распространилось в Германии. Игнатий и его молодые проповедники в серых мундирах были арестованы и предстали перед страшным трибуналом. Их доктрина была признана здоровой, но им запретили носить форменную одежду и приказали обуться. Они покрасили свои плащи в разные цвета и вернулись к своей работе, как с тех пор часто делали иезуиты.

Четыре месяца спустя сотрудники инквизиции снова напали на них и посадили в тюрьму. Среди женщин, искавших духовного руководства Игнатия, были состоятельные дамы, пожелавшие последовать его примеру. Говорят, что он не согласился, и они против его воли отправились выпрашивать у них хлеб и ухаживать за больными. Это было слишком для уважаемых людей в Алькале, и Игнатия тщательно допросили, чтобы убедиться, не является ли он тайным евреем, поскольку христиане подобным не занимались. Расследование закончилось тем, что товарищам было приказано одеваться так же, как и другим студентам, и воздерживаться от проповеди в течение четырех лет. Важно заметить, что с самого начала Игнатий, полагаясь на свое внутреннее видение, не подчинится никакому авторитету, если сможет этому помочь. Он и

его юноши отправились в Саламанку и продолжили свой путь, но око инквизиции было приковано к ним, и они снова были заключены в тюрьму. Теперь власти наложили на них ограничение, которое может озадачить непрофессионала: им запретили пытаться проводить различие между смертным и простительным грехом до завершения их богословских исследований. На практике это означало, что они не должны беспокоить веселых грешников Испании угрозами ада, и на какое-то время это полностью разрушило замысел Игнатия. Его ученики отступили, а Игнатий бежал в страну, где не было инквизиторов. Он пересек Пиренеи и прошел пешком всю Францию.

Семь лет, которые он провел в Париже, имели величайшее значение в жизни Игнатия. О его учебе мало что нужно говорить. Теперь он посещал университетские курсы в надлежащей последовательности и получил свою степень в 1534 году. Но эти исследования были лишь средством для достижения цели, и он так и не стал ученым. Он забрасывал книги, писал на очень плохой латыни, и ему потребовалось много времени, чтобы овладеть итальянским. К светским знаниям он питал благочестивое презрение. Его последователи должны были быть образованными ровно настолько, насколько это было необходимо для захвата и удержания контроля над молодежью и укрепления авторитета папы. Главный интерес долгого пребывания в Париже состоит в том, что он основал там свое Общество, и способ его основания имеет большое значение.

Он недолго проработал в университете, прежде чем его странные манеры привели к обычному конфликту мнений. Был ли он лицемером, или дураком, или святым? Из молодых людей, которые более благосклонно относились к его образу жизни, он отобрал нескольких, чтобы сформировать небольшую группу учеников, которых он всегда стремился иметь, и подтолкнул их к Духовным Упражнениям. Они героически вышли из этого огненного испытания, продали свои скудные пожитки и начали просить милостыню на хлеб, к крайнему возмущению их друзей в испанской колонии. Чтобы сэкономить время для учебы, Игнатий на каникулах ездил в Нидерланды и выпрашивал средства для своих "бедных студентов" у испанских купцов. За год до Генриха VIII. основал Англиканскую церковь — он уехал в Лондон, но мы знаем только, что город был очень щедр к нему. На эти подаяния Игнатий и его ученики вели свою молитвенную, аскетичную и филантропическую жизнь, живя в одном из колледжей среди других студентов и благоразумно добывая души. Раздражение против Игнатия среди испанцев стало настолько велико, что ректора убедили подвергнуть его публичной порке, последнему позору непопулярного студента. Однако его не выпороли; и нет ничего действительно чудесного, как думают некоторые, в изменении мнения ректора. Игнатий опасался, что это подействует на его учеников, и перед назначенным часом поговорил с ректором наедине. Он обладал удивительной силой убеждения и проникновения.

Эти ранние последователи, по-видимому, со временем отпали или никогда не были посвящены в его тайные замыслы, и только в 1530 году он начал собирать вокруг себя людей, чьи имена были вписаны в историю Европы. В 1530 году Игнатий делил свою комнату с кротким и глубоко религиозным юношей из Савойи Питером Фавром, крестьянским сыном, который уже получил докторскую шапочку и священнический сан, столь же набожный, сколь и умный. На тринадцатом году жизни он дал обет целомудрия, и теперь, на двадцать пятом году жизни, ему так же хотелось сохранить чистую совесть, как и продвинуться в учебе. Он выступал в качестве

наставника Игнатия по философии. От Аристотеля и Фомы Аквинского в своих ночных беседах они перешли к другим вопросам, и Фавр вскоре приступил к упражнениям.

Фрэнсис Ксавье, наваррский юноша знатного происхождения, был другом Фавра и, как и он, блестящим студентом и страстным любителем знаний. Это был очень утонченный молодой человек, и его большие мягкие голубые глаза с презрением взирали на эксцентричность Игнатиуса; он немало кичился своей ученостью, своей привлекательной фигурой и своим умением бегать. Кто, кроме Игнатия, мог бы увидеть Франциска Ксаверия более поздних времен, растратившего свою жизнь на обращение дикарей, в этом элегантном и самоуверенном ученом? Фрэнсис Томпсон с восхищением отзывается о "святых уловках", с помощью которых Игнатий заполучил этого одаренного и неуловимого ученика. Он завладел им из-за его тщеславия. Ксаверий преподавал философию и стремился к тому, чтобы его аудитория была полна. Игнатий сидел у его ног, приводил других на лекции и щедро хвалил их. Через некоторое время Ксаверий выполнил Упражнения и в тайной беседе с Игнатием был склонен к плану посвятить свою жизнь обращению мусульман — или какой-нибудь другой религиозной кампании.

Один за другим первые иезуиты попадали в плен к искусному ловцу людей. К первым двум вскоре добавились Диего Лайнес, кастильский юноша с большими способностями и спокойной силой характера, будущий генерал Общества; Альфонсо Сальмерон, пылкий и красноречивый юноша из Толедо, которому тогда было двадцать лет, который станет одним из самых образованных противников протестантов; Николас Альфонсо из Вальядолида, широко известный в своей родной деревне как Бобадилья, бесстрашный и порывистый боец; и Симон Родригес, красивый испанский юноша благородного происхождения, который проявит себя замечательным придворным при королях. должны были быть побеждены. Многие другие, кого искал Игнатий, отказались принять его суровый идеал, и многих, так сказать, держали во внешних дворах его храма, не допуская к участию в его тайном замысле. Особенности грядущего Общества были предreshены необычным образом. Только эти шестеро из всех друзей и компаньонов Игнатия знали что-либо о великом плане, который занимал его ум, и ни один из шестерых не знал, кто из остальных был допущен, как и он сам, к внутренним советам учителя. Каждый проходил посвящение в строжайшей тайне, и ему запрещалось говорить об этом своему самому близкому другу. Это было совершенно непохоже на основание любого другого религиозного объединения.

Наконец, в июле 1534 года шестерым юношам было разрешено познакомиться друг с другом как товарищам по оружию. Пришло время обсудить, какую форму должен принять их крестовый поход, и Игнатий предложил, чтобы после недели или двух усиленного аскетизма и молитв они дали обет самопожертвования и определились со своим будущим. На каждой детали предприятия лежит характерный отпечаток Игнатиуса. Церемония должна была состояться не в одной из церквей Парижа, а далеко за лугами, в тихой маленькой часовне Сен-Дени на Монмартре; фактически, в склепе под часовней. И 15 августа ранним утром они вышли из городских ворот к тому, что оказалось историческим основанием Общества Иисуса. В то время Париж все еще представлял собой сравнительно узкую полосу города по обоим берегам Сены с центром на острове, на котором находились кафедральный собор и дворец. Одна или две мили лугов и виноградников лежали между ним и зеленым холмом Монмартр, на склоне которого стояла старая часовня Сен-Дени. Под хорами находилась небольшая часовня, похожая на свод, и в ней в праздник Успения Пресвятой Богородицы небольшая группа пылких

южан собралась послушать, как Питер Фавр, единственный священник среди них, отслужит мессу Пресвятой Богородицы. В конце они по очереди преклонили колени перед алтарем, и каждый поклялся, что будет жить в бедности и целомудрии и либо отправится обращать турок в свою веру, либо отправится туда, куда укажет папа. По этому случаю не было слышно ропота разгневанных дьяволов: жизнь Парижа текла своим сверкающим чередом; и все же в том сумрачном склепе тем августовским утром родилась одна из самых необычных и грозных сил в религиозной жизни Европы.

Таким образом было сформировано Общество Иисуса, хотя семь человек не знали об этом и не приняли никакого корпоративного названия. Они прервали свой пост и провели день на склоне холма, окрыленные радостью братства и обещанием великого предприятия, разговаривая о полном приключений будущем. Каким должен быть следующий шаг? И снова мы находим на их решении отпечаток своеобразного гения Игнатия: черты, которые выродились бы в то, что называется иезуитизмом, в сердцах и умах менее искренне религиозных людей. Им предстояло вернуться к своим занятиям, филантропии и секретности на два года, и они встретятся в Венеции в начале 1537 года. Игнатий никогда не спешил. Он жил так, как будто намеревался очень быстро покинуть этот мир; он действовал так, как будто был уверен в долгой жизни. Он основывал организацию, высшей и отличительной целью которой должно было быть служение Папе, однако он скрывал свою работу от представителей папы так тщательно, как если бы он действительно формировал вспомогательный отряд для Мартина Лютера. Следует также тщательно отметить, что они поклялись либо отправиться в Палестину, *либо* служить папе каким-либо другим способом, назначенным им. Кажется очевидным, что, если Игнатий еще не отказался от идеи миссии к туркам, он отнесся к ней легкомысленно. В Париже он узнал, что дух Реформации распространяется по Европе, как пожар распространяется по выжженной прерии. Мужчины много говорили о Лютере и Кальвине, мало о Мухаммеде.

Они вернулись в свои колледжи и больницы на два года, и их товарищи знали их только как монахов, которые были слишком аскетичны, чтобы уйти в монастырь. Игнатий практиковал страшные аскезы, а его последователи постились и бичевали себя. Ксавье оглядывался назад с таким раскаянием на свою былую славу бегуна, что обвязал ноги веревками до тех пор, пока они не впились в плоть и не вызвали опасную болезнь. Вероятно, длительная отсрочка была предложена Игнатием в надежде, что он сможет увеличить число своих последователей, но он не нашел больше в Париже достойных или желающих пройти посвящение; хотя трое — Ле Жей, Пашаз Бруэ и Кодюр — были добавлены после его отъезда. Он отправился в Испанию весной 1535 года. Те из молодых людей, у которых было имущество, которым можно было пожертвовать, говорили о поездке в Испанию, чтобы устроить свои дела, но Игнатий взял эту работу на себя. Он сказал, что у него слабое здоровье, и он попробует родной воздух; он также стремился оградить их от родного воздуха и неодобрительных семей. В марте он пешком добрался из Парижа до Лойолы, по дороге выпрашивая себе на хлеб.

Весть о его жизни достигла тихой долины у подножия Пиренеев, и он застал своего брата и множество поклонников ожидающими его на последнем этапе своего путешествия. Он оставался в Азпеитии три месяца, и, поскольку теперь никто не мог помешать его пламенной проповеди, он призвал своих горожан покаяться и потряс провинцию. Теперь его святость не подлежала сомнению, потому что женщина восстановила способность пользоваться иссохшей рукой, стирая его белье. Затем он привел в порядок дела своих учеников и отправился в Венецию. Здесь Хозес и братья Эгия были присоединены к тайному братству, и год был

потрачен на уход за больными и другую назидательную работу. Наконец наступил 1537 год, и в первую неделю его шестеро учеников, измученных долгим путешествием, присоединились к своему учителю. Прогуливаясь скромными парами, с посохом в одной руке и венком в другой, прося милостыню и призывая всех встречных к добродетели и покаянию, шестеро образованных студентов Парижского университета преодолели пешком в разгар зимы сотни миль, лежащие между Парижем и Венецией; отступая перед нападками смелых женщин, сияя от оскорблений новых еретиков, встречая Альпы более храбро, чем Ганнибал или Наполеон. Были предприняты серьезные усилия, чтобы удержать их в Париже. Зачем бросать свою драгоценную работу в университете ради неизвестного мира? По их словам, у них был тайный обет, хотя они, вероятно, имели не больше представления, чем Игнатий, о поездке в Палестину. Никто из них не изучал арабский или турецкий языки, не изучал Коран: единственное, что они узнали, - это католическую доктрину, подвергшуюся нападкам последователей Лютера.

В течение месяца или двух странные миссионеры озадачивали и назидали Венецию. Было известно, что некоторые из них были дворянами, и все блестящие ученые, однако они оказывали больным самые отвратительные услуги, а иногда прикладывали свои рты к гноящимся ранам. Кардинал Караффа, суровый неаполитанский реформатор, попросил Игнатия присоединиться к новому театинскому ордену, который он только что основал, и Игнатий ответил, что они поклялись отправиться в Палестину. Они вспомнят свой отказ, когда Караффа станет папой. Наконец, в середине Великого поста Игнатий отправил своих последователей в Рим просить папского благословения на их миссию. Сам он не поехал бы, так как опасался вражды Караффы и испанского посланника Ортиса, которые выступили против них в Париже. На самом деле опасность того, что Игнатий отправится в путь без благословения папы, была невелика, поскольку разразилась новая война с турками, и было бы не несправедливо заключить, что истинной целью Игнатия было привлечь внимание Павла III к своему небольшому отряду. Ортис сам добился для них аудиенции, и они получили папское благословение сопровождать их в Палестину — если они смогут туда добраться, легкомысленно заметил папа. Удивительно, что Игнатий, после столь долгого ожидания, выбрал время для их отплытия, когда моря были закрыты для них.

Они были рукоположены в священники в Венеции, а затем рассеялись по Северной Италии, чтобы предоставить годичную отсрочку палестинской миссии и показать другим городам, как они поступают. Болонья, Феррара, Сиена и Падуя — все университетские города — теперь стали свидетелями странных подвигов безымянных рыцарей Христа. Недалеки были те годы, когда люди начинали с подозрением относиться к появлению "иезуита" и задавались вопросом, какие темные интриги привели его к ним, но в те первые дни они казались самыми простыми и бесхитростными из служителей. Двое скромно одетых босоногих юношей с бледными лицами, согретыми улыбкой, которую учитель велел им носить на глазах у людей, однажды вечером войдут в ворота, покрытые дорожной пылью, и взберутся на какой-нибудь камень на оживленной улице или площади; и когда мужчины и женщины соберутся вокруг, чтобы посмотреть на трюки этих иностранных жонглеров или акробатов, они будут поражены, услышав такую пламенную проповедь, какой не слышали в Италии со времен свежей весны последователей Франциска и Доминика. Затем проповедники выпрашивали корку хлеба и чашку воды и просили указать больницу, где они могли бы обслуживать больных. Как выяснил исследователь, у них не было имени, и они не принадлежали ни к какому монашескому ордену; они были простыми странствующими рыцарями, сражавшимися за дело Христа и бедных. Единственная черта, по которой они могли бы, по мнению какого-нибудь внимательного

наблюдателя, дать представление о будущем, заключалась в том, что они околачивались в университетах и производили впечатление на молодежь своей ученостью; или что, служа бедным, они были рады направлять совесть знатных и богатых женщин. И все же, кто бы мог предположить, что через двадцать лет эти люди будут интриговать ради контроля над университетами и формирования советов королей?

Игнатий, Фавр и Лайнез отправились в Виченцу и нашли приют в разрушенном монастыре недалеко от города. С тех пор они ежедневно ходили просить милостыню, ухаживать за больными и пугать горожан и селян взрывными призывами на ломаном итальянском оставить свои грехи. Инквизиция снова вызвала их и отпустила. Наконец, когда стало ясно, что дорога на Восток закрыта на неопределенный срок, Игнатий созвал своих последователей из нескольких их городов, и в старом монастыре состоялся совет. События тех ранних дней известны нам только от иезуитских писателей следующего поколения, и, отбрасывая только чудеса, которыми они без необходимости украшают путь своих основателей, мы можем следовать за ними без особых оговорок. Эти люди, вне всякого сомнения, были смертельно серьезны, хотя мы увидим, что некоторые из них прятали маленькие человеческие слабости под своими власяницами. Но совершенно очевидно, что, какой бы высокой и чистой ни была их цель, они формировали и осуществляли свои планы с дипломатичностью, почти проницательностью, которой вы не найдете и следа в основании какого-либо другого монашеского объединения. Одна монашеская добродетель явно отсутствует в ореоле святого Игнатий — святая простота.

Было решено, что Игнатиус, Фавр и Лайнез должны отправиться в Рим, а остальные вернуться к работе в своих университетских городах до тех пор, пока их не призовут в Рим. Однако, прежде чем расстаться, они дали себе имя, поскольку люди этого требовали. Мы, по словам Игнатия, "Compañia de Jesu", "Общество Иисуса"; хотя в прозе более позднего поколения это слово было переведено как "Общество Иисуса". Затем Ксавье и Бобадилья отправились в Болонью, Родригес и Ле Жей - в Феррару, Сальмерон и Бруэ - в Сиену, Кодуре и Хозес - в Падую, ухаживать за больными, учить детей и набирать рекрутов; а Игнатий и его спутники глубокой зимой пешком отправились в Рим.

Павел III. занял папский престол в 1537 году и с тревогой взирал на земли за Альпами, где Реформация была в разгаре. По темпераменту он был папой эпохи Возрождения, человеком гениальной культуры и художественного чутья, человеком, который был обязан своим возвышением близости своей сестры к предшественнице и который мог бы, если бы эпоха не стала такой мрачной, перенести даже в папские покои изящные пороки своей юности. Но теперь нельзя было ошибиться в раскатах далекого грома; Рим протрезвел и был настроен навести порядок в своем доме. Павел, зная, что ужасающая коррупция Ватикана, духовенства и монахов должна прекратиться, иначе Ватикан, духовенство и монахи прекратят свое существование, назначил комиссию из самых суровых кардиналов для рассмотрения обвинительного акта Лютера в адрес его Церкви, и одним из наиболее четких пунктов соглашения было то, что бесспорная деградация монахов во всемхристианском мире должна быть сурово наказана. Общее мнение заключалось в том, что большинство, если не все, монашеских орденов должны быть упразднены. Поэтому это было особенно неподходящее время для предложения об учреждении нового ордена. Был ли Игнатий более святым, чем Бенедикт, или Бруно, или Франциск, или Доминик? И разве все ордена, которые еще были основаны, не скатились на путь зла в течение пятидесяти лет?

Игнатий был не более святым, чем Доминик и Франциск, но он был пронзительнее и более чутко реагировал на обстоятельства. Он не собирался спешить в присутствие Павла III. Он и его спутники поселились в испанском госпитале и начали ухаживать за больными и обучать детей. У них также появились влиятельные поклонники. "Давайте, - сказал Игнатий, когда они въезжали в Рим, - избегать любых отношений с женщинами, за исключением женщин самого высокого ранга". Позже он сказал об их ранней работе в Риме: "Таким образом мы стремились привлечь на нашу сторону образованных людей с положением в обществе — или, правильнее сказать, на сторону Бога". Это отождествление "нашей" стороны и стороны Бога является ключом к раннему иезуитизму. Люди, которые были убеждены в этом, могли быть чрезвычайно серьезными и не от мира сего, но при этом действовать так, как если бы они были честолюбивы. Фактически, они стремились завоевать богатых и могущественных — Игнатий неоднократно говорит об этом — "для вящей славы Божьей". И работа продвигалась с огромной скоростью. Они сняли маленький бедный домик в винограднике у подножия Пинчийского холма и ежедневно выходили оттуда, чтобы служить и назидать. Одним из их первых друзей был Кодачио, богатый и важный чиновник папского двора. Это также поощряло лучшее расположение Ортиса, испанского посланника. Игнациус обучал его упражнениям в старом аббатстве Монте-Кассино, а когда напряжение почти сводило его с ума, развлекал его исполнением нескольких старинных баскских танцев : сюжет для художника, если он когда-либо существовал. Через некоторое время папа принял Игнатия очень приветливо, призвал его проповедовать и нашел академические кафедры для Фавра и Лайнца. За месяц или два Игнатий добился такого большого прогресса, что римские сплетни окрестили его интриганом из-за красной шляпы, которую он был недостаточно богат, чтобы купить.

Через четыре месяца, или на Пасху 1538 года, Игнатий созвал всех своих последователей в Рим. Бедный маленький домик на винограднике стал теперь слишком мал, и Кодачио подарил им большой дом на Пьяцца Маргана. Исходя из этого, они ежедневно выходили просить милостыню, учить и проповедовать, а также навещать "дам самого высокого ранга". Эти одиннадцать красноречивых и образованных проповедников, эти аристократы, которые попрошайничали и мыли паразитных инвалидов, вскоре разделили римский мир на пламенных поклонников и пламенных критиков. Монах-августинец, в частности, открыл по ним огонь со своей кафедры. Игнатий был "волком в овечьей шкуре", настаивал он; пусть люди наведут справки в Алькале, Саламанке, Париже и Венеции и посмотрят, не разыскивался ли он инквизицией здесь и там. Другьям в Ватикане напомнили, что подобные вещи мешают их хорошей работе, и папу побудили расследовать обвинения; но даже оправдание их папой не заставило замолчать их критиков, и какое-то время они были очень бедны и встревожены. Половина Рима, если не половина католицизма, ненавидела иезуитов с первого года их существования; и было бы абсурдно думать, что это было связано с их рвением обличать грех. Это было связано вочень большой степени с дипломатическим характером работы Игнатия, который мы так ясно видим даже в сдержанных повествованиях ранних историков-иезуитов.

Зарождающееся общество было избавлено от своих опасностей, вернувшись от воспитания богатых и могущественных к служению слабым и бессильным. Мы будем постоянно видеть, как судьба ранних иезуитов колеблется в зависимости от того, занимаются они тем или иным из этих несообразных видов деятельности, и мы вполне можем понять, что их критики стали видеть элемент расчета даже в их филантропии. Своим отважным служением бедным они завоевывают расположение богатых: благодаря благосклонности богатых они поднимаются на политическую и просветительскую работу, а о бедных почти забывают, пока какая-нибудь эпидемия критики

не угрожает самому их существованию. Совершенно бесполезно отрицать, что в их скромном служении был расчет, когда мы находим, что Игнатий признает это с самого начала; однако было бы столь же неверно отрицать, что они служили бедным с искренней и часто героической человечностью и что благосклонность и власть, которые они надеялись получить, поступая таким образом, были приобретены не ради их личной выгоды, а для лучшего выполнения того, что они считали высокой миссией.

Так было зимой, завершавшей 1538 год, когда их проект подвергся некоторому риску быть погребенным под камнями критиков. Ужасные холода той зимы привели к массовому голоду в Риме, и последователи Игнатия проводили день и ночь, помогая страждущим и выпрашивая для них милостыню. Их дом на Пьяцца Маргана был переоборудован в больницу, и не менее четырехсот обездоленных мужчин нашли в нем приют. К ним постепенно возвращалось сочувствие благочестивых людей. "За столь удачную диверсию пришлось ответить", - говорит Кретино-Жоли, и Игнатий начал составлять правила своего Общества для представления папе римскому. Ночь за ночью одиннадцать священников заседали на совете, чтобы определить общие черты своего объединения: сказать, в частности, добавят ли они обет послушания к своим обетам бедности и целомудрия и таким образом станут монашеской организацией. В апреле они решили, что у них будет Начальник и поклялись ему в послушании; в мае они решили принять этот шедевр "святых уловок" Игнатия, самую отличительную и наиболее полезную черту Общества — обет предоставить себя в прямое распоряжение папы. Естественно, в Католической церкви не было и нет ни одного религиозного объединения, члены которого не бросились бы с готовностью выполнять любой приказ папы и не сочли бы за честь быть избранными за такое отличие; более того, мы увидим, что ни одна другая религия никогда не осмеливалась бросить вызов или уклониться от приказов пап, как это делали иезуиты. Но мы должны заметить, насколько удачно этот парад послушания соответствовал обстоятельствам. Папа вступил в войну против половины христианского мира. Ересь, подобно страшному приливу, захлестывала даже его южные владения, и было неизбежно, что его привлекло предложение предоставить к его услугам группу людей высокой культуры и героических намерений, которые были бы готовы по одному слову броситься в опасную точку, переодетыми проникнуть в земли еретиков, нашептывать на ухо и вникать в замыслы королей или нести Евангелие в новые страны за морями.

Это было началом знаменитых иезуитских конституций, которые не были завершены и напечатаны до 1558 года. Краткое изложение их предложений было передано Игнатием в сентябре кардиналу Контарини, который должен был представить его папе римскому. Оно было прочитано и одобрено одним из монахов-советников папы, а затем Контарини сам прочитал его Павлу III. "Здесь перст Божий", - как сообщается, сказал папа и назначил трех кардиналов для тщательного изучения документа. К несчастью для Игнатия, один из троих, кардинал Гиддиччони, был настолько возмущен состоянием монашеских орденов, что даже не захотел читать этот документ. Ему казалось абсурдным увеличивать их число в то время, когда их испорченность разрушала Церковь. В этом смысле он и его коллеги доложили папе, и Игнатий молитвами и добрыми делами предпринял энергичную атаку на небеса, чтобы какое-нибудь чудо открыло глаза кардиналу. И примерно год спустя, как утверждают историки-иезуиты, враждебность Гиддиччони была чудесным образом устранена. Он прочитал документ и был им очарован; и 27 сентября 1540 года булла "Regimini militantis Ecclesiae" поставила Общество Иисуса на службу Контрреформации.

Вряд ли нужно добавлять, что "чудо" поддается естественному объяснению. У Орландини, одного из первых историков Общества, есть краткое утверждение, что в течение 1540 года в Рим приходили письма из всех городов, где уже работали последователи Игнатия, рассказывающие о чудесных результатах их проповеди. Игнациус сделал гораздо больше, чем просто молился. В течение следующих нескольких глав мы не раз будем встречать поток писем-свидетельств, обрушивающихся на город, где существует противодействие приему иезуитов, и они не были "нежелательными свидетельствами". Контарини тоже не смирился бы с поражением от своего брата-кардинала. Кодачио, Ортис и многие другие помогли бы работе под чутким руководством Игнатиуса. Задолго до того, как Общество было санкционировано, папу убедили нанять иезуитов для выполнения важных миссий. Он избрал Родригеса и Ксавье по настоятельной просьбе короля Португалии нести евангелие в Индию; он послал Лайнеса и Фавра, по просьбе выдающегося кардинала, бороться с ростом протестантизма в Парме. Другие члены маленькой группы отправились выполнять специальные задания, и в Рим пришли восторженные сообщения об их успехе. Папа был побежден, и, когда папа пожелал, вряд ли понадобилось бы чудо, чтобы заставить кардинала Гуиддиччони прочесть документ, который входил в его обязанности. Действительно, заявление о том, что он в течение двенадцати месяцев отказывался читать документ, который папа предписал ему прочитать, невероятно; это был хороший предлог для изменения мнения и для чуда. Общество Иисуса было основано на дипломатии.

СНОСКИ:

[1] Хорошее исследование спора о долге Игнатия бенедиктинцам и даже мусульманам с точки зрения стороннего наблюдателя можно найти в книге Х. Мюллера *"Происхождение компании Иисуса"* (1898).

ГЛАВА II

ПЕРВЫЕ ИЕЗУИТЫ

Из этого рассказа о влияниях, сформировавших характер Общества Иисуса до и во время его зарождения, мы можем извлечь наш первый ключ к необычной истории иезуитов. Они могли бы, как это ни неправдоподобно, с гордостью хвастаться тем фактом, что они всегда испытывали сильную враждебность еретиков и неверующих, но сама причина, которую они приписывают этому — их эффективное служение Церкви, — мешает им объяснить, почему они с момента своего основания навлекли на себя почти такую же враждебность со стороны очень значительной части монахов, священников, и мирян их собственной Церкви. "Ревность", — шепчут они; но поскольку ни одно другое тело в Церкви, каким бы образованным или активным оно ни было, не испытывало этой особой критической концентрации своих соседей, мы обязаны искать более глубокое объяснение. Есть отличительные черты иезуитского общества, которые одинаково раздражают благочестивых и нечестивых, католиков и не католиков.

Мы начинаем осознавать эти особенности с самого зарождения Общества. У его основателя характер монаха, но времена не позволяют основать монашеский орден старого типа; новый полк солдат Церкви должен участвовать в активной внешней службе, а не вырождаться в жиреющих в домашних казармах. Успех Игнатия был обусловлен тем фактом, что у него были другие качества, чем у монаха, и он с поразительной проницательностью справился с новыми условиями. Мне кажется ошибкой считать его прежде всего солдатом. Он был в высшей степени дипломатом. Он привнес в Общество энергию и бесстрашие солдата, но он также вооружил его оружием дипломата или, можно сказать, сотрудника секретной службы. Он был самым искренне и бескорыстно религиозным человеком, но сам использовал и учил других использовать приемы, которые глубоко религиозный человек обычно презирает. Иезуиты были иезуитами с самого начала. Это прописная истина, выполнение известного повеления Игнатия, что они искали благосклонности богатых и могущественных; это факт, лежащий на самой поверхности их истории, написанный ими самими, что они приспосабливали свои идеалы к обстоятельствам так, как ни один другой религиозный орден никогда не делал в первые десятилетия своей жизни; это хвастовство их поклонников, что они использовали "святые уловки" для достижения своих целей. Этот отпечаток был наложен на них наследством от их отца и давлением их окружения. Все это было освящено несомненной искренностью ранних идеалов иезуитов; они хотели власти только для служения Христу и спасения людей. Позже произошло то, что внутренний огонь, сияние которого освящало эти мирские маневры в сознании первых иезуитов, потускнел и ослабел, и традиционная политика развивалась до тех пор, пока даже преступление, порок и лицемерие не стали считаться законными, если они способствовали власти иезуитов.

Изучение правил и деятельности ранних иезуитов прояснит это. Конституции Общества были завершены Игнатием только через несколько лет после учреждения, и впоследствии они были изменены и дополнены Лайнцем, менее религиозным человеком, чем Игнатий, но будет полезно сразу рассмотреть их отличительные и наиболее важные особенности. В основном они следуют обычным линиям монашеских уставов, и многие моменты, которые приписываются воину Игнатию и обычно считаются отличительными для его Общества, являются древними доктринами монашеского мира; таковы обязанности слепого повиновения, отрешения от семьи и страны и отказа от своей личности. Знаменитое изречение о том, что у иезуита должно быть не больше воли, чем у трупа, знакомо каждому монашествующему и даже встречается в правилах мусульманских братств. Некоторые авторы высказывали предположение, что Игнатий многое позаимствовал у мавританских братств, но трудно понять, откуда он мог что-либо знать о них, а параллели не важны. В любом случае, история Общества очень быстро покажет нам, что эта мрачная теория слепого повиновения и самоподавления не была реализована на практике; даже самые ранние иезуиты ни в коем случае не были безвольными трупами и людьми, пожертвовавшими своими привязанностями и индивидуальностью.

Опуская небольшие технические моменты, я должен сказать, что наиболее важными чертами иезуитских уставов являются: учреждение большого числа священников (духовных помощников) между новичками и назвавшимися членами церкви, чрезвычайные положения, с помощью которых настоятель получает глубокие знания о своих подданных, акцент на обязанности преподавания, различие между "домом" и "колледжем", преднамеренная рекомендация отдавать предпочтение молодежи из богатых или знатных семей (*cæteris paribus*) бедным юношам, деспотическая власть и пожизненное назначение генерала, ошибочный и навязчивый обет прямого подчинения папе римскому и отсутствие "хора". Эти примитивные и

фундаментальные черты Общества, взятые в сочетании с особыми привилегиями, которые Общество постепенно добивалось от пап, в значительной степени объясняют его огромный материальный успех и моральное разложение. Некоторые из этих моментов не нуждаются в пояснении или уже были объяснены, и нескольких слов будет достаточно, чтобы показать эффект от других.

Сначала о Духовных Наставниках. Тот, кто стремится вступить в Общество, проходит два года испытаний в качестве "послушника", затем принимает "простые" (или расторгаемые) обеты и становится "схоластом" (студентом). В других монашеских организациях, где теперь есть простые обеты, стремящийся дает свои "торжественные" (или нерасторжимые) обеты три года спустя, прежде чем стать священником. Особенность иезуитов заключается в том, что они откладывают принятие "торжественных" обетов на значительное количество лет, и, таким образом, у них есть большое количество священников, которые не связаны жестко с Обществом и не могут занимать в нем важные должности. Это дает генералу, обладающему деспотической властью увольнять этих Духовных Помощников, очень длительный период для изучения интимного характера людей, прежде чем они будут допущены к тайнам Общества.

Затем существует замечательная схема шпионажа, распространения слухов и регистрации, с помощью которой обеспечивается такое знание людей. Стремящийся должен сделать общее признание в своей жизни настоятелю или какому-нибудь назначенному им священнику, когда он вступает в Общество. С этого дня за ним пристально наблюдают и подвергают экстраординарным испытаниям, и на каждого возлагается строгая обязанность сообщать о недостатках и самых личных замечаниях своего соседа. Затем местное начальство периодически отправляет полные отчеты о каждом человеке в штаб-квартиру в Риме, где должно быть бюро, мало чем отличающееся от отдела криминальной разведки крупного полицейского центра: за исключением того, что хорошие и посредственные лица регистрируются так же тщательно, как и подозреваемые.

Важное место, отводимое преподаванию в программе Общества, также приводит к серьезным изменениям монашеского идеала. У каждого ордена есть то или иное средство, с помощью которого он избегает практических неудобств, связанных с обетом бедности, но иезуиты пошли дальше всех остальных. Они провели казуистическое различие между "колледжем" и "домом исповедующих" и заявили, что владение первым не противоречит их обету бедности. В результате они могут накопить неограниченное богатство в виде колледжей и их доходов, но при этом хвастаться своим обетом бедности. Различные ухищрения монашеских организаций, направленные на то, чтобы в одно и то же время сохранять за собой право собственности и отказываться от него, многочисленны и любопытны. Это единственный пример монашеского сообщества, смело заявляющего, что его обет согласуется с владением большим богатством. Отсюда меркантильный дух, который сразу же распространится в Обществе.

Преднамеренный совет предпочесть богатых или знатных молодых людей бедным, когда их другие качества равны, является еще одним очевидным источником материальной силы и моральной слабости; вскоре мы обнаружим, что они ставят богатство, общественное положение или талант на первое место. Освобождение от "пения хором" (или пения псалмов в хоре в течение нескольких часов в день) относится к той же категории. Если мы добавим к этим элементам их Конституций чрезвычайные привилегии, которые они получили от пап в течение одного-двух десятилетий, мы получим предварительные подсказки к истории взлета и падения

Общества. Им было разрешено присуждать ученые степени в своих колледжах (и, таким образом, разорять и вытеснять университеты); они были объявлены освобожденными от юрисдикции местных властей, духовных или светских; они могли вторгаться в сферу любого существующего монастыря; и они получили множество других полномочий, которые позволяли им выдавать себя за уникальных представителей папства.

Тенденция, которую мы, таким образом, обнаруживаем в законодательстве Общества, в равной степени заметна во многом в личном поведении его основателя и вскоре обнаруживает свою опасность в жизнях его менее ревностных последователей. Мы видели, как была обеспечена санкция Общества, и мы должны отметить, что Игнатий не был более простодушен в получении контроля над ним. Традиционный рассказ о его назначении на должность Генерала поучителен. Примерно на Пасху 1541 года он созвал в Рим для избрания Полководца девять отцов церкви, принявших торжественные обеты. Четверо не смогли приехать, но они прислали или оставили в Риме письменные голоса, и Игнатий был единогласно избран. Однако он заявил, что недостойн занимать этот пост, и вынудил их провести повторное голосование. На этом голосовании он получил две трети голосов, три из которых были отданы за Фавра. Затем он посоветовался со своим духовником, и тот посоветовал ему принять эту должность; и в течение нескольких дней после этого он мыл посуду и выполнял самые скромные обязанности.

Однако Орландини наивно признается, что на выборах Игнатий отдал пустой голос, и мы вряд ли можем предположить, что он был настолько погружен в размышления, что не осознавал, что пустой голос был голосом за него самого. Кроме того, результат второго голосования ясно свидетельствует о том, что, если бы Игнатиус снова отказался принять этот пост, Фавр был бы назначен. Трудно сомневаться в том, что он с самого начала намеревался занять должность генерала, и действительно, с их стороны было бы нелепо назначать кого-либо другого. Но Игнатий знал своих молодых последователей, и он, по-видимому, действовал таким образом для того, чтобы они могли передать власть в его руки самым решительным образом. В хрониках они описаны как немногим менее ангельские, но вскоре мы обнаружим, что некоторые из них были очень человечны, особенно в вопросе послушания, и что после смерти Игнатия они ссорились, как мелкие князьки, за престолонаследие. Игнатиус был благочестиво дипломатичен. Он безоговорочно использовал бы свою власть во имя Христа и Папы Римского, но важно отметить, как с самого начала основатель Общества использует казуистику или дипломатию для *получения* власти.

В течение следующих пятнадцати лет Игнатий оставался в Риме, совершив всего три короткие и относительно незначительные миссии в Италию. Они переехали из дома на Пьяцца Маргана к подножию Капитолийского холма, где сейчас находится знаменитая церковь Джезу. Старая церковь Ста Мария делла Страда была отдана им, и Кодачо (который вступил в Общество и передал ему свое состояние) построил для них дом рядом с ней. Когда Sta Maria оказалась слишком маленькой, они предложили построить церковь побольше и почти заручились услугами Микеланджело; но фактическое строительство было начато в 1568 году кардиналом Александром Фарнезе.

Из своего дома рядом со старой церковью зоркие глаза генерала следили за путешествиями своих подданных на край света и не спускали глаз с Рима. Сейчас ему шел пятидесятый год: лысый, изможденный мужчина с пронзительными черными глазами на желтоватом лице,

скрывающий огромную энергию и силу интриги под своей скромной внешностью. Под его присмотром послушники обучались, и характерно, что он обычно протестовал, когда другие уговаривали его выгнать неуправляемого брата, что, выражаясь современным языком, ему нравился маленький "дьявол" в его послушниках. Одним из первых был молодой Рибаденейра, паж кардинала, дворянин по происхождению. Однажды, прогуливая уроки, он пришел в их дом и был захвачен романтикой жизни. Ему было всего четырнадцать лет, но Игнатий принял его и терпел его вспышки гнева и бунтарство до тех пор, пока он не стал полезным и послушным членом церкви. Между пылким испанским юношей и пожилым и простым Кодачио, бывшим папским чиновником, были все оттенки характера, которые требовали изучения и юмора. Младших послушников — им исполнилось одиннадцать лет — поощряли смеяться и играть, а также приходило в комнату генерала, чтобы тот очистил для них фрукты; возможно, в тот самый день, когда он уговаривал папу учредить инквизицию по испанскому образцу в Риме или в Португалии. Он любил цветы их сада, и у нежных дам не было более отзывчивого наперсника. Он строго запрещал великие аскезы, подобные Манресе. Иезуит должен был быть опрятным, чистоплотным, веселым, сильным, трудолюбивым, сдержанным в речах — и послушным. Когда нужно было нанести удар, он наносил его сразу. Однажды ночью, когда префект палаты пришел с докладом, оказалось, что один из послушников (молодой дворянин) высмеял чрезмерное усердие другого. Брата Сапату немедленно подняли с постели и выставили за дверь.

Его личная жизнь была простой на первый взгляд. Библия, требник и *Подражание Христу* были единственными книгами в его бедной комнате, которые все еще показывают посетителю; и из них требником не пользовались, так как он так много плакал, читая богослужение, что это угрожало его зрению, и папа отстранил его от чтения. Первые четыре часа своего раннего рабочего дня он провел в медитации и служении мессы, затем работал до полудня, когда все обедали вместе, в тишине, а после этого провел час в беседе под его наблюдательным оком. Затем он возвращался к своему письменному столу или брал свою трость и сомбреро и прихрамывал в больницу, или в дома очень бедных или богатых, или в покои кардиналов или папских чиновников. Множество насмешек и проклятий сопровождали его, когда он шел, в опрятном черном плаще, с опущенными глазами и серьезной улыбкой, вежливый с каждым нищим или дворянином, которые обращались к нему. Рим был богат памятниками его филантропии — школами, сиротскими приютами, приютами милосердия и т.д.; Но жестокая враждебность никогда не утихала, а временами достигала апогея шторма. После череды визитов он, прихрамывая, вернулся в дом, серьезный и смиренный, на молчаливую вечернюю трапезу. Когда послушники улеглись спать, префект пришел, чтобы дать ему подробный отчет о дневной жизни в доме, и, когда префект лег спать, большие глаза все еще сверкали на изможденном оливковом лице. Он спал всего четыре часа в сутки.

Но все эти страницы письменной биографии Игнатия представляют меньший интерес, чем ненаписанные. Чтобы понять его настоящую жизнь в течение этих пятнадцати лет двадцатичасового рабочего дня, вам придется изучить приключения его коллег издалека: отметить, как враждебность епископов, врачей и принцев обезоруживается папской привилегией или папской рекомендацией, как протестантская чума не может вспыхнуть нигде, кроме как появляется иезуит, как для каждой специальной миссии посылают наиболее хорошо подготовленного человека, как этот человек исчезает, когда раздается, справедливо или нет, скандальный крик, как длинные белые руки Игнатия Лойолы, кажется, простираются над планетой из Ста Мария делла Страда, недалеко от города. папский дворец. Об этой обширной и

малоизвестной деятельности генерала лучше всего можно узнать из краткого обзора судеб иезуитов за время его правления.

Первой миссией, представляющей для нас интерес, хотя и не совсем первой по времени, была отправка двух иезуитов на Британские острова. Казалось, что Англия потеряна, и все, что можно было сделать, - это противостоять попытке Генриха искоренить старую веру в Ирландии и убедить Якова V. последовать его выгодному примеру в Шотландии. Миссия была опасной, поскольку, по словам иезуитов того времени, почти все вожди в Ирландии перешли в протестантизм, а в Шотландии знать и чиновники смотрели, поджав губы, на жирные доходы монастырей. Архиепископ Армы, бежавший в Рим, попросил папу прислать в его страну двух иезуитов, и были назначены Кодуре и Сальмерон. Однако Кодюр умер во время переговоров, и на его место был назначен Пашаз Бруэ. Как обычно, Игнатиус грамотно подбирал своих людей. Бруэ, "ангел Общества", был воплощением энергии и образованности Сальмерона. Папа даровал им привилегии нунциев, хотя Игнатий приказал им упоминать об этих привилегиях только тогда, когда этого требует успех миссии. Фактически, он дал им письменные инструкции относительно их личного поведения, когда 10 сентября 1541 года они отправились в Париж и Эдинбург. Они должны были путешествовать как бедные иезуиты, но богатому молодому дворянину Сапате было разрешено сопровождать их и заботиться о них.

Какова была точная цель этой миссии, мы не знаем, но со всех точек зрения это был полный провал. Это, конечно, преподносится как успех, и говорят, что его целью было всего лишь ободрить страдающий ирландский народ в его сопротивлении и дать ему индульгенции и отпущения грехов. Но исходя из обстоятельств того времени и продолжительности миссии, мы можем быть уверены, что оба иезуита очень мало изучали английский и еще меньше гэльский, так что эта идея кажется абсурдной. В Шотландии, конечно, их миссия была политической. Они встретились с Джеймсом в замке Стерлинг и легко добились от него заверения, что он устоит перед соблазнами Генриха VIII. Что они собирались делать в Ирландии, нам не сообщается, и кажется наиболее разумным предположить, что они должны были встретиться с вождями и укрепить их в их противостоянии Англии. Этого они совершенно не смогли сделать, потому что ведущие люди не хотели иметь с ними ничего общего. Обычная католическая версия этого предприятия заключается в том, что они счастливо выполнили свою миссию, объехали "всю Ирландию" (как говорит даже Фрэнсис Томпсон), утешая и отпуская грехи, и вернулись домой, чтобы сообщить об успехе. Можно опасаться, что этот отчет может быть типичным для ранних отчетов иезуитов о миссиях. Выучить гэльский язык и пересечь всю Ирландию или любую большую ее часть за тридцать четыре дня (Орландини) в шестнадцатом веке и при обстоятельствах, которые вынуждали их путешествовать с величайшей осторожностью, несомненно, было бы чудом, особенно когда нам говорят, что некоторое время даже простой народ шарахался от них, и намекают, что рассеянные ирландские священники были недружелюбны.

Очевидно, они немного путешествовали переодетыми или прятались на фермах то тут, то там в течение нескольких недель, предоставляя индульгенции и разрешения, вероятно, через какого-нибудь переводчика с гэльского, пока английские чиновники не узнали об их присутствии и не назначили награду за их головы. Иезуитское повествование приписывает им смелую идею отправиться в Лондон и сразиться с нечестивым Генрихом в его дворце. Их поведение было на редкость благоразумным для людей с такими возвышенными идеями. Покинув Ирландию, возможно, по просьбе ирландцев, как только их поиски стали горячими, они вернулись в

Шотландию и, обнаружив, что эта страна тоже охвачена пламенем, сразу же отправились в Париж. Там они получили приказ вернуться в Шотландию и выполнить секретную миссию, аналогичную той, которую они выполняли в Ирландии. Они "поколебались и сообщили папе о положении дел в Шотландии", - говорит историк-иезуит; на самом деле они оставались в Париже до тех пор, пока папа не разрешил им вернуться в Рим. Если кто-то склонен критиковать их поведение, ему можно напомнить, что Бруэ и Сальмерон провели несколько недель в Ирландии, рискуя своими жизнями. Однако очевидно, что мы должны внимательно изучить эти ранние иезуитские отчеты о миссиях, которые покрыли молодое общество славой. Тщательное изучение их обнаруживает черты, которые были тщательно исключены из более поздних иезуитских или проиезуитских работ на эту тему.

В роли Генриха VIII. умер в 1547 году и Эдуард VI. в 1553 году может показаться странным, что Игнатий, когда католичка Мария взойшла на престол, сразу же не отправил группу своих священников помочь в восстановлении старой веры. Ни Орландини, ни его осторожный последователь Кретино-Жоли не проливают никакого света на тайну, но несколько важных намеков можно почерпнуть у более откровенного раннего историка-иезуита Поланко, близкого соратника Игнатия, а полное решение указано в *Истории реформации* Бернета (ii. 526, Оксфордское издание). Это редкое обнаружение независимого документа наводит на мысль, что ранняя история могла бы читаться несколько иначе во многих деталях, если бы мы не были вынуждены почти полностью полагаться на иезуитские авторитеты.

Из кратких заявлений, разбросанных по различным томам *"Истории общества"* Поланко, следует, что с 1553 года и до своей смерти Игнатий прилагал самые энергичные усилия, чтобы добиться допуска в Англию. Кардинал Поул, по-видимому, просил молитв Игнатия о своем успехе, когда его вызвали в Англию, и, когда Игнатий умер и Лайнез снова обратился к Поулу, кардинал многозначительно ответил, что единственный способ, которым иезуиты могут помочь ему, - это их молитвы. Тем временем (1554) Игнатий надавил на отца Араоза, пользовавшегося большой популярностью при испанском дворе, чтобы тот убедил Филиппа и придворных дам уговорить его взять иезуитов в Англию. В 1556 году он послал отца Рибаденейру, придворного священника, присоединиться к Филиппу в Бельгии и настаивать на просьбе, но в ответ всегда было, что Полак против принятия иезуитов. Поланко совершенно ясно дает понять, что Поул сопротивлялся всем усилиям Игнатия с 1554 по 1556 год.

Бернет предлагает разгадку этой тайны. Его друг обнаружил в Венеции рукопись, из которой явствует, что Игнатий переусердствовал и вызвал враждебность кардинала. Он написал Поулу, что, поскольку королева Мария восстанавливает монастырскую собственность, перешедшую к трону, было бы целесообразно доверить это иезуитам, поскольку монахи в Англии пользуются дурным запахом; и он добавил, что иезуиты вскоре найдут способ заставить других владельцев монастырской собственности отступить. Поул отказался от их сотрудничества и оставил иезуитов разгневанными и разочарованными. Историк не может считать анонимную рукопись заслуживающей доверия сама по себе, но это заявление очень правдоподобно проливает свет на ситуацию. Я могу добавить, что в 1558 году отец Рибаденейра действительно был тайно переправлен в Англию в свите графа Гомеса де Фигероа, который отправился утешать больную королеву. [2] Граф был горячим покровителем иезуитов, но королева Мария умерла вскоре после его прибытия, и последняя надежда иезуитов угасла.

Мы не можем с одинаковой свободой исследовать все хроники ранней деятельности иезуитов и должны довольствоваться извлечением со страниц *Истории общества Иисуса*, первый раздел которой написан отцом Орландини, таких фактов, которые могут позволить нам составить взвешенное суждение об Обществе при Игнатии. Италия, естественно, была первым и главным театром их деятельности, и в течение нескольких лет они распространились от беспокойных городов Сицилии до подножия Альп. Я уже описывал работу Игнатия в Риме, и нужно только добавить, что, как говорит нам Орландини, он был одним из самых настойчивых в оказании давления на сопротивляющегося папу, чтобы тот "реформировал" римскую инквизицию или наделил ее страшными полномочиями испанского трибунала. В то самое время, когда он разрабатывал призывы к терпимости в протестантских и языческих странах, он настаивал на том, чтобы в Италии и Португалии был создан самый бесчеловечный инструмент нетерпимости, который когда-либо знала цивилизация. Психология его отношения проста; он был убежден, что требует терпимости к правде и нетерпимости к неправде. Либерально настроенные римляне не были убеждены в справедливости его отличия, и оппозиция Обществу усилилась. Враждебность, которая порой доходила до разбивания окон иезуитами, его биографы приписывают главным образом его рвению к обращению проституток. Он основал большой дом для этих женщин и часто следовал за ними в их пристанища на *площади* и сам приводил их в дом Святой Марты. В целом, его великие филантропические заслуги и личная аскетичность обеспечили уважение к его Обществу в Риме, и оно процветало там до его последних лет.

В первые годы на юге Италии Общество не встречало особого сопротивления. Бобадилья проделал неплохую работу в беспокойной Калабрии еще до основания Общества, и в течение следующих десяти лет колледжи были открыты в Мессине (1548), Палермо (1549) и Неаполе (1551). Поэт Тассо был одним из первых студентов Неаполитанского колледжа. Более тяжелую работу приходилось выполнять на севере. Семена Реформации перелетели через Альпы и нашли плодородную почву в городах эпохи Возрождения. Вряд ли где-либо еще монахи и духовенство были столь коррумпированы и невежественны, и нигде не было такого большого знакомства с безнравственностью ватиканской системы. Сам Рим жил за счет этой коррупции и относился к ней снисходительно, но в университетских городах севера образованные мужчины и даже женщины, которые почти помнили жизни Сикста IV, Иннокентия VIII, Александра VI, Юлия II и Льва X, лишь улыбались, когда их призывали держаться за "Наместника Христа".

Вырвать эти процветающие ростки ереси из почвы северной Италии было близкой по духу задачей первых иезуитов, и Лайнез, Бруэ и Сальмерон с некоторыми из новобранцев ездили из города в город, вызывая протестантов на дебаты, укрепляя католиков в сопротивлении и основывая колледжи для правильного образования молодежи. Их процедура и негодование, которое она постоянно вызывала, могут быть проиллюстрированы их опытом в Венеции. Лайнез был отправлен папой в Венецию в 1542 году по просьбе дожа. Его ожидали почетные апартаменты во дворце дожей, но он смиренно отказался и отправился жить среди больных в убогой больнице, чередуя свою ученую кампанию против лютеран с самыми скромными услугами бедным и немощным. Многие получили назидание, особенно некто Андреа Липпомани, пожилой и богатый дворянин. Вскоре от Игнатия пришло указание, что Лайнез должен принять гостеприимство, предложенное ему Липпомани; а немного позже наследники дворянина пришли в ярость, узнав, что он передал иезуитам свой богатый бенефиций в Падуе. Они обратились в Венецианский совет и проиграли, поскольку генерал приказал Лайнесу и Сальмерону защищать пожертвование. Так был основан первый колледж Общества в Падуе, а впоследствии Липпомани позволил им основать еще один в Венеции. С какой бы точки зрения

на это ни смотреть, это была обычная процедура: ухаживай за больными и попрошайничай до тех пор, пока "люди с состоянием и положением" не откроют свои кошельки, затем брось всю свою энергию на основание колледжей и набор новичков. Это, несомненно, был наиболее эффективный метод служения Церкви; у него также был аспект, который привлекал критиков.

Можно было бы ожидать, что в католической атмосфере Испании и Португалии Общество будет процветать, что в конечном итоге и произошло, но его успех на полуострове скорее обусловлен политикой генерала по привлечению влиятельных покровителей, чем каким-либо народным приемом. Еще в 1540 году Игнатий отправил своего племянника Араоза в Испанию, и можно прочесть — между строк, — что он не добился большого успеха. Наконец, к гневу многих университетских профессоров, в Алькале был основан колледж. Один профессор так долго и яростно сопротивлялся, что отец Вильянуэва, настоятель-иезуит, по-братски сообщил ему, что инквизиция предложила задать ему несколько вопросов, и профессор угрюмо удалился. Затем ученый экс-ректор самого университета был завоеван Игнатием во время визита в Рим и был отправлен обратно иезуитом основать колледж в Саламанке. Он был, как обычно, основан в бедности; у отцов церкви не было даже распятия, чтобы повесить его над своим алтарем, и одному из них пришлось нарисовать фигуру на листе бумаги. Исходя из общих закономерностей этих явлений, можно было бы сделать вывод, что эта история вызвала шквал распятий. Однако благосклонность короля Португалии и влияние Рима выровняли их пути, и вскоре в Вальядолиде, Толедо, Сарагосе и других городах были основаны небольшие колонии.

Именно в Испании Общество столкнулось с самым яростным из своих ранних католических противников, Мельхиором Кано. Он был очень образованным и трезвомыслящим доминиканским монахом, профессором университета, врагом мистицизма и эксцентричности. Он знал о ранних покаяниях и "видениях" Игнатия и видел его за работой в Риме. Когда бледные, одетые в черное, загадочные юноши скромно вошли в ученую Саламанку и основали колледж для обучения молодежи, монах взорвался. Они были гибридами — ни плотью светского духовенства, ни рыбой обычного духовенства: они были пиявками, присасывающимися к богатым святым и грешникам; и так далее. Мигель де Торрес, настоятель, призвал разгневанного монаха и рассказал ему о великих привилегиях, которыми папа наделил Общество, и о высоких миссиях, которые он возложил на его членов. Это распалило его еще больше, и он обрушил на них пламенные предостережения Павла против лицемеров, которые придут после него. Он сильно преувеличивал, особенно в отношении личного характера иезуитов, но он очень ясно видел те опасные черты и обычаи раннего общества, на которые я указал. Борьба подошла к дипломатическому завершению. Мельхиор Кано был назначен епископом Канарских островов, и иезуиты приглашают нас восхититься тем, как Игнатий отвечал добром на зло. Можно добавить, что впоследствии Кано распознал уловку, сложил митру и вернулся, чтобы досаждать своим благодетелям.

В разгар этого конфликта иезуиты обратили в свою веру самых важных людей, и их будущее в Испании было обеспечено. Франциск Борджиа, герцог Гандийский, один из ведущих вельмож королевства, познакомился с Фавром и был очарован им в 1544 году, когда король Португалии привез этого мягкого и убедительного иезуита с визитом к испанскому двору. С помощью Упражнений его проводил Фавр, один из самых милых и искренних первых отцов церкви. Когда Фавр умер два года спустя, преждевременно измученный своими трудами, Борджиа написал Игнатию с просьбой принять его в орден. Проследите за процедурой еще раз. Он прошел тайное посвящение, даже папа римский не знал его имени, что позволило ему оставаться в

глазах людей герцогом Гандии и изливать свое богатство и покровительство на Общество. На самом деле не имеет большого значения, какие возвышенные цели преследуются при такой извилистой процедуре; это была новая политика в истории религиозных основателей. Когда несколько лет спустя папа предложил кардинальскую шапку герцогу Гандии, а король Испании настоял, чтобы он принял ее, правда должна была выплыть наружу. Игнатий строго запретил, чтобы ни один член его Общества никогда не признавал никакого достоинства, однако, чтобы не оскорблять короля, он сказал, что оставляет решение за Борджиа.

Под покровительством Борджиа сеть Общества распространилась по всей Испании, многие благословляли, а некоторые проклинали. В Сарагосе, где они построили часовню, монахи-августинцы жаловались, что это вторгается в их сферу деятельности. Чтобы предотвратить необразованное поведение со стороны соперничающих монахов, Церковь постановила, что ни один орден не должен обосновываться в радиусе пятисот футов от дома, принадлежащего другому ордену. Когда иезуиты, нарушившие этот закон, отказались сдаться, генеральный викарий отлучил их от церкви, и горожане устроили приятную процессию, в ходе которой маленькие дьяволы несли к месту назначения изображения проклятых иезуитов. Августинцы были популярны. Но длинная рука Игнатия была протянута еще раз, и папский нунций вмешался в пользу иезуитов. Не прошло и нескольких лет, как иезуиты добились от папы римского заявления о том, что закон к ним неприменим и они могут строить там, где им заблагорассудится. Они процветали, и их ненавидели.

Инцидент такого же значения произошел в Алькале. Колледж набрал много учеников, хотя и не был богат, и отцы-иезуиты начали проявлять большую активность. В 1551 году они были удивлены, узнав, что архиепископ Толедо отстранил их всех от священнических обязанностей за то, что они осмелились выслушивать исповеди без его разрешения. Иезуиты предъявили свои привилегии и убедили губернатора Толедо и даже Королевский совет объяснить прелату, что папа освободил их от юрисдикции епископов. Он отказался признать такие экстраординарные привилегии и сохранил приостановку. Затем Игнатий передал дело папе, и архиепископу было приказано из Рима отозвать свое возражение.

Когда мы обращаемся к Португалии, мы находим интересную иллюстрацию раннего влияния большого процветания на общество. На троне в то время находился Иоанн III, с правления которого все историки датируют падение того, что стало одной из самых блестящих и богатых Держав в Европе. Не обращая внимания на грубую административную коррупцию в своем королевстве и на упадок волнующего патриотизма, который нес португальский флаг над земным шаром, Иоанн заботился только о религиозных нуждах своей страны и своих новых колоний. Он пригласил Ксавье и Родригеса в 1540 году, намереваясь отправить их в Индию, но был так очарован ими, что пожелал оставить их в Португалии. Игнатиус разрешил Родригесу остаться, и Ксавье отправился со своей исторической миссией на дальний восток. В этом Игнатий проявил свою обычную проницательность: Родригес проявил себя таким же гибким и грациозным придворным, как Ксавье - пламенным миссионером. Затем Джон пожелал доверить опеку над своим сыном Родригесу, и Игнатиус согласился. Его собственные последователи временами были озадачены, узнав, какие *были* достоинства, которые им было запрещено принимать. Когда Джон попросил позвать исповедника-иезуита, Родригес отказался, но Игнатий отменил его просьбу. Следующим шагом было создание инквизиции при посредничестве Игнатия, и Орландини признает, что, когда в 1555 году король пожелал

назначить отца Мерина, своего духовника, главой инквизиции, Игнатий серьезно обдумал это предложение. Он не отказался, как иногда говорят; переговоры сорвались.

В этой добродушной атмосфере Общество процветало. Его главный колледж находился в Коимбре, крупном университетском центре, где быстро развивались иезуиты. Поначалу они шокировали степенных католиков чрезмерностью своего рвения. Юноша из колледжа признался в искушениях плоти, и ему было приказано ходить по улицам в полдень без шляпы или плаща, держа в руке череп. Другой студент вышел почти голый на холодный ветер, прося милостыню от двери к двери; и, обнаружив толпу людей, танцующих и поющих в церкви, он взобрался на кафедру, чтобы увещевать их, но был вытаскен и сурово отчитан. По ночам отец Симон отправлял процессию юношей прокричать в уши возмущенным грешникам или тихим любителям вина какую-нибудь песенку вроде: "Ад, ад, ад для тех, кто погряз в тяжких грехах"; или длинные процессии детей с масками и фонарями шествовали по улицам и площадям. Мы пришли к выводу, что мальчики из Коимбры приятно провели время во время этих выставок. Но колледж процветал; через несколько лет в нем было сто пятьдесят учеников, и он поставлял большое количество миссионеров.

В 1546 году Фавр посетил Коимбру и сообщил Игнатию, что процветание всколыхнуло кровь в жилах его братьев. Николини и другие антииезуитские авторы говорят о колледже как о месте "разврата", но в хрониках об этом не говорится. Легкомыслие и хорошая жизнь - единственные пороки, которые обвиняются, что бы мы ни подозревали. Студенты опустились до написания сонетов, а королевские деньги доставляли массу удовольствия. Игнатий почувствовал, что отец Симон утратил свой пыл при дворе, сместил его с должности — он был провинциалом (или главой провинции) — и приказал ему отправиться либо в Бразилию, либо в Арагон. Благодетель Родригеса, очевидно, пошатнулось, и он изо всех сил старался удержаться на своем месте. Он был красивым и удобным мужчиной, которого очень любили за его щедрость. Он отправился в Коимбру, где Игнатий назначил нового настоятеля, и либералы попытались убедить суд защитить их. Однако король был встревожен, и отцу Саймону пришлось подчиниться, а колледжу - исправиться. Многие студенты ушли или были отчислены, а что касается остальных, то, когда новый ректор благочестиво ходил по улицам Коимбры, возлагая окровавленную плеть на собственные обнаженные плечи, они заливались слезами и всем скопом выходили, бичевав себя на глазах у горожан. История заканчивается в Орландини тем, что Симон Родригес покоряется в святой радости и целует обличающие письма своего генерала. Но когда мы обращаемся к Саккини, иезуиту, который пишет о следующем разделе "Истории общества Иисуса", который не всегда внимательно следит за тем, что говорил его предшественник, мы узнаем, что Родригес годами страдал от унижения и ждал возможности исправить это. Однако провинция вернулась к благочестию, и перед смертью Игнатия мы видим, как иезуиты после долгой осады захватывают знаменитый университет Коимбры.

Во Франции Общество полностью потерпело крах при Игнатиусе. Он поместил студентов, поддерживаемых богатыми покровителями, в Парижский университет, а через некоторое время послал отцов собрать своих неопитов под одной крышей. Затем начало войны с Испанией вынудило большинство из них уехать за границу, и даже когда война закончилась, колония медленно развивалась в условиях нищеты и враждебности. В 1549 году Игнатий завоевал благосклонность кардинала Гиза де Лоррена, а через него и французского двора. Король издал

письма, разрешающие иезуитам жить и преподавать в Париже, и Бруэ был послан умиротворять парижан. Затем началась долгая и знаменитая борьба между парламентом и Парижским университетом, двором и иезуитами. Парламент наотрез отказался зарегистрировать письма короля, и они не имели никакой силы до тех пор, пока этот могущественный юридический орган не принял их. Генрих приказал своему Тайному совету изучить Конституции иезуитов и утвердить их; парламент в ответ пригласил архиепископа, который был настроен очень враждебно, и теологический факультет университета выступить с этим советом, и речь шла о яростном осуждении иезуитов в духе Мельхиора Кано. Говорили, что они принимали в свои ряды всевозможных претендентов и что чрезвычайные привилегии, о которых они заявляли, были оскорбительны для духовных и светских властей и противоречили интересам других орденов и университета.

В основном, несомненно, именно привилегии иезуитов сделали большую часть Парижа и всей Франции враждебными по отношению к ним. Епископы не должны были смотреть на них, гражданские власти не должны были облагать их налогами, университетам должны были противостоять свободные классы, и они должны были уважать степени, присуждаемые иезуитами любому, кого они считали подходящими. Враждебность была вполне естественной, и она подпитывалась неосторожностью со стороны иезуитов. Они приняли племянника архиепископа против воли дяди и сначала вскружили голову (своими Упражнениями) очень ученому украшению университета по имени Постель, а затем выставили его за дверь. Архиепископ приказал им покинуть Париж, и они оставались беспомощными за пределами города, в Сен-Жермен-о-Пре, до самой смерти Игнатия. Он настаивал на рассмотрении дела в Риме, и доктора Сорбонны отправились туда, чтобы обменяться аргументами с докторами-иезуитами, но ничего не было сделано лишь спустя годы.

Во время войны испанские иезуиты перебрались из Парижа в Лувен и начали преподавать там. И здесь университет снова презирал их и выступал против них, и в течение многих лет (пока они не заручились интересами эрцгерцогини) они не добились никакого прогресса. Рибаденейра, который был главным, обычно не выдерживал и уходил из комнаты поплакать. В Германии у них была иная, более ожесточенная борьба, но они, по-видимому, не имели большого влияния на различные конференции и сеймы, на которых все еще предпринимались попытки примирить стороны. Фавр был на сейме в Вормсе в 1540 году, затем на Ратисбонской конференции, где его сменили Бобадилья и Ле Жей. Они были ограничены попытками реформировать самих католиков и сочли это трудным делом. Письма этих ранних иезуитов делают совершенно невозможным для любого историка подвергнуть сомнению ужасающую коррумпированность священников, монахов и других людей во всех частях Европы во времена Реформации. Из Вормса Фавр писал Игнатию, что в городе нет трех священников, которые не были бы запятнаны наложничеством или преступлением. В Ратисбоне католики угрожали сбросить Ле Джея в реку. "Какая мне разница, попаду ли я на небеса по воде или по суше?" он сказал. Они очень плохо знали немецкий, в основном проповедовали на латыни, и несколько лет имели незначительное влияние.

Со временем, когда они выучили немецкий и ограничились католическими провинциями, их работа стала более успешной. Особенно они зациклились на Кельне и напали на архиепископа, очень мирского прелата старого типа, который был раздражен, обнаружив, что вокруг него жужжат эти иезуитские осы, и власти на время закрыли их дом. Но они пользовались благосклонностью императора, и архиепископ был низложен. В 1545 году открылся

Тридентский собор, и Лайнез и Сальмерон появились там в качестве папских богословов вместе с Петером Канисиусом (способным немецким студентом, которого Фавр привлек в Общество) в качестве богослова нового архиепископа Кельна. Нужно только сказать о более ранних заседаниях знаменитого Собора (в 1545 и 1551 годах), что иезуиты имели небольшое влияние, и это они использовали, чтобы противодействовать любым уступкам протестантам и возвеличивать авторитет папы. Это станет более понятным в связи с более поздними заседаниями.

Впоследствии работа в Германии была сорвана из-за рвения вспыльчивого Бобадила. Наконец, к удовлетворению иезуитов, дело дошло до войны с протестантами, и Бобадила выступил в поход вместе с войсками и был тяжело ранен при Мюльберге. Однако в 1548 году Чарльз опубликовал свой *Interim*, или временную уступку некоторым протестантским требованиям (таким как брак духовенства) до тех пор, пока Церковный совет не примет решения по спорным вопросам. Можно напомнить, что генеральный Тридентский собор изначально задумывался как общая встреча протестантских и католических богословов, и надежда на примирение еще не умерла. Примирение, однако, могло означать только уступку, а иезуиты были решительно против уступок. Какое бы влияние они ни имели в Германии, помимо их усилий реформировать мораль католиков, оно было реакционным и пагубным в высшей степени. Бобадила переполняет гнев *напромежуточном*, и осудил его люто пером и языком. Карл гневно приказал ему покинуть Империю, и он вернулся в Рим; и записано, что Игнатий так горячо возмутился его "неосмотрительностью", что поначалу отказался впустить его в дом. Так святой подтвердил величие королей, говорит г-н Кретино-Жоли. Вспышка, несомненно, на какое-то время затормозила продвижение иезуитов, но перед смертью Игнатия они прочно обосновались в Вене, Праге, Кельне и нескольких других городах. В Вене двор потребовал, чтобы Канисий принял сан архиепископа, и Игнатий пошел на компромисс, позволив ему управлять кафедрой и отказаться от ее доходов. В том же году иезуит был назначен "патриархом Абиссинии". Прошло всего семь лет с тех пор, как Игнатий убедил папу издать указ о том, что ни один иезуит никогда не должен принимать церковного сана.

О зарубежных миссиях здесь невозможно говорить сколько-нибудь подробно. В 1540 году Франциск Ксаверий прибыл за благословением своего лидера, отправляясь в Индию. Его сутана была поношенной и залатанной, и Игнациус снял свой собственный фланелевый жилет и надел его на молодого священника, прежде чем отпустить его с обычным: "Иди и подожги мир". Это был совсем не тот Ксавье, которого он видел, тщеславный и блестящий преподаватель Парижского университета, и хорошо известно, как он поджег мир. Это был красивый голубоглазый мужчина тридцати шести лет, и ни один португальский моряк никогда не встречал неизвестного с большим мужеством и героизмом, чем Ксавье проявил в своих знаменитых путешествиях из Индии в Японию. После года работы в Гоа, где его первой потребностью было обратить христиан и португальских священников, он отправился на Малабар, на Молуккские острова, в Малакку и далее в Японию, закончив свою жизнь в 1552 году в попытке добраться до Китая. Каков был результат его миссии, трезво оценить трудно. Хронист-иезуит забывает о смешении языков и заставляет Ксавье скакать из страны в страну, проповедуя и обращая тысячи людей повсюду, как будто все они говорят по-португальски. В Японии он явно потерпел неудачу, хотя португальские купцы очень стремились к успеху, а японцы из-за своего высокого характера и из уважения к великому королю (Португалии), его другу, были чрезвычайно вежливы.

Другие зарубежные миссии ранних иезуитов были менее вдохновлены чудесами или героизмом. Лайнез отправился вслед за испанскими войсками в Тунис, отслужил там мессу и не оставил после себя никаких следов. Нуньес, "Патриарх Абиссинии", отправился с двумя другими, чтобы возглавить свою епархию, но уже нашел там "Патриарха", который оказал активное сопротивление, и иезуитам пришлось удалиться в Гоа. Четверо иезуитов были отправлены в Конго. Двое умерли сразу, а двое других настолько заинтересовались торговлей, что король встревожился. Игнатий отозвал и заменил их, но король изгнал новоприбывших. В Бразилии они добились большего прогресса, проникнув в леса и завоевав расположение местных жителей своей медицинской и другой материальной помощью. Они пытались спасти предназначенные каннибалам обеды, а когда им это не удалось, окропили бедняг святой водой; но каннибалы обнаружили, что от этого они становятся менее сочными, и запретили эту практику. Они проделали полезную работу в Бразилии и заложили фундамент великой миссии.

Таковы были труды первых иезуитов во время правления Игнатия, и остается только завершить карьеру их способного лидера. Разнообразная история успеха и неудачи, поток восторженных отзывов и горьких обличительных речей, героизм одних и слабость других поддерживали его попеременно в приподнятом настроении или депрессии до самого конца. Он, должно быть, видел, что первоначальный пыл не мог быть поддержан, и что противодействие становилось все более серьезным по мере роста Общества. Сейчас в нем насчитывалась почти тысяча членов, разбросанных по всему миру, и сотня факультетов и колледжей. Однако цифры вводят в заблуждение, поскольку там было всего тридцать пять названных отцов и только два названных дома; во многих так называемых колледжах не было учеников, и они представляли собой не более чем названия. За последние несколько лет Игнациус дважды пытался сложить с себя полномочия, и это его очень огорчало. Едва он успел сочинить "беду" в Португалии в 1552 году, как Лайнез доставил ему беспокойство. Лайнез, который был назначен провинциалом Италии, когда Бруэ отправили в Париж, жаловался, что генерал лишает его колледжи лучших учителей ради блага Рима. Игнациус продиктовал своему секретарю гневное письмо. "Он просит меня передать вам, - говорит писец, - чтобы вы сами занялись своим делом ... и тебе не нужно давать ему советов по этому поводу, пока он сам не попросит".

В следующем году (1553) у него произошла серьезная ссора с кардиналом Карафой. Иезуиты Сицилии приняли юношу вопреки желанию его родителей, и Караффа, к которому обратилась мать, приказал Игнатию выдать юношу. Он подал апелляцию папе римскому, и вердикт Караффы был отменен. Когда два года спустя Караффа стал папой Павлом IV., Игнатий с беспокойством вспоминал свой мимолетный триумф, и в доме иезуитов были серьезные лица. Павел III. умер в 1549 году. Его преемник Юлий III. как показывает предыдущий отчет, он был очень щедр по отношению к иезуитам, хотя из-за Реформации в Риме средств было очень мало, и Игнатию стоило больших усилий сохранить основанный им немецкий колледж. Юлий умер в 1555 году, и иезуитские писатели утверждают, что пять кардиналов проголосовали за самого Игнатия на следующем конклаве. Марцелл, следующий папа, прожил меньше месяца, а затем Караффа занял престол. Для Караффы испанцы были "варварами", а иезуиты - испанцами. Но он отложил борьбу, которую ему предстояло вести с Обществом, и принял Игнатия учтиво.

Работа, аскетизм и тревоги в конце концов серьезно подорвали крепкий организм Игнатия, и он начал готовиться к концу. Удивительно, как он дожил до шестидесяти пяти лет и продолжал руководить могучей борьбой своего Общества против его различных врагов. Однако с открытием в 1556 году он в значительной степени удалился от дел своего кабинета и проводил

свои дни главным образом в молитве. Он умер ранним утром 31 июля 1556 года, и началась борьба за престолонаследие.

СНОСКИ:

[2] См. *Церковную историю Рейно де Инглатерра Рибаденейры* (1588), Л. ii. глава xxii.

ГЛАВА III

РАННИЕ ШТОРМЫ

В отношении событий следующих десяти лет, о которых будет рассказано в этой главе, мы по-прежнему почти полностью полагаемся на иезуитских авторов. Это заявление может звучать как намек на нечестность, но это всего лишь напоминание о том, что наши власти являются панегиристами, а не историками. Их цель полностью отличалась от цели современного историка, и соответственно отличались их отбор и обращение с документами. Было бы наивно воображать, что они беспристрастной рукой взвешивали веса добра и зла, успеха и неудачи. Однако то тут, то там какой-нибудь скандал был настолько широко известен в их время и так рьяно раздувался их противниками, что разумнее было бы придать ему смелый блеск, чем игнорировать, и, таким образом, мы, живущие позже, можем просто различить человеческий облик под густой завесой панегириков. Это становится все более и более очевидным после смерти Игнатия. Отец Саккини, который берется за перо, начатое Орландини, так же верен своему ордену, но все чаще возникает необходимость оправдываться и объяснять, и временами он откровенно порицает. Общество сотрясают "очень жестокие бури", и одна из них обрушивается на него на первых страницах его книги.

Конституции предусматривали, что после смерти генерала должен быть назначен генеральный викарий, и он должен приступить к созыву ведущих отцов каждой провинции для выборов. Теперь Игнатий назначил викария, который помогал ему в последние годы жизни, и все считали, что этот отец Наталис будет генеральным викарием и будет контролировать выборы. Однако Наталис была в Испании, а Лайнез, хотя и очень больна, находилась в Риме. Мы помним Лайнеса как ученого и властного кастильца, который однажды спровоцировал Игнатиуса на очень простую речь. В Риме было всего пять отцов церкви, включая Лайнца, которые имели право голосовать за генерального викария, и Лайнец помог упростить проблему, проголосовав безучастно, как Игнатий, или "предоставив решение вопроса Богу". Его назначили, и он назначил более важные выборы на ноябрь. Для этого ему пришлось созвать провинциалов, Помощников и двух префектов от каждой из двенадцати провинций Общества. Можно представить себе большую и разнообразную организацию, но на самом деле там было всего около двадцати избирателей; таковых в Бразилии и Индии ожидать было невозможно, в то время как "провинция Эфиопия" (или Абиссиния) существовала только на бумаге. Более того, случилось так, что, поскольку папа находился в состоянии войны с Испанией, испанские отцы не смогли приехать, а Лайнез не осмелился продолжить работу без них. Они придерживались мнения, что Наталиса следовало бы признать генеральным викарием.

Таким образом, выборы пришлось отложить на два года, и Лайнез продолжал, с перевесом в четыре голоса, исполнять обязанности генерального. Замечательные события тех двух лет имеют огромное значение для изучения характера раннего общества. Возникли два очень серьезных конфликта, один между самими иезуитами, а другой с папой римским, и именно в таких конфликтах проявляется настоящий персонаж. Кретино-Жоли полностью отрицает одно и грубо искажает другое; он не только менее откровенен, но и гораздо менее правдив, даже чем первоначальные авторитеты-иезуиты. Если мы хотим составить справедливую оценку ранних иезуитов, а не просто восхищаться многими добродетелями, которыми они обладали, мы должны внимательно рассмотреть эти конфликты, поскольку они описаны Саккини в "Истории общества".

Лайнез немедленно явился к папе римскому в качестве временного главы Общества и приготовился к борьбе. Мы запомним прекрасное изображение Караффы, сделанное Ранке, который теперь стал Павлом IV. Мрачный и вспыльчивый неаполитанец, горячий итальянский патриот, он, сидя за бокалом жгучего южного вина, выражал самое яростное презрение к испанцам и надеялся, что они будут изгнаны с итальянского полуострова. Он недолюбливал Игнатия и, по словам Саккини, пренебрежительно отзывался о нем после его смерти. С другой стороны, он был глубоко религиозным человеком и искренним реформатором, и он понимал, что в этом новом Обществе, с точки зрения Церкви, есть ценное. Должен ли он объединить его с Театинами или просто лишить его возмутительных привилегий и приблизить его к обычному уровню религиозных орденов? Было известно, что он колебался между двумя направлениями политики, и Лайнез был полон решимости непримиримо противостоять обоим и научить папство реальной ценности знаменитого четвертого обета. Лайнез был холодным, решительным, трезвомыслящим мужчиной сорока пяти лет, Караффа - нервным и порывистым восьмидесятилетним стариком. Однако конфликт был отложен до тех пор, пока в Обществе не будет должным образом сформирована власть. Павел ограничился тем, что предупредил Лайнца, что иезуиты должны быть осторожны в своих поступках, и напомнил ему, что то, что папа дал папе, у него могут отнять.

Через несколько месяцев разгорелся бытовой конфликт. Пылкий Бобадилья возразил, что Диего Лайнес узурпировал власть над Обществом; в этих непредвиденных обстоятельствах правильнее всего было разделить руководство между пятью оставшимися в живых из десяти первоначальных иезуитов. Родригеса, который все еще страдал от своего унижения, по словам Саккини, убедили принять эту точку зрения; Когордан, "упрямый" брат, которого Лайнез осмелился поправить, присоединился к ним; и даже кроткий и нежный Бруэ был вовлечен в восстание. В течение многих месяцев суровая тишина римского дома была оживлена странной ссорой. Повстанцы составили пространные обвинительные акты против Лайнца и тайно распространили их среди братьев; и каким-то образом, как говорит историк, копии их *клеветнических* всегда попадали в руки Лайнца, в то время как сам он ничего не писал. Затем Когордан сказал двум кардиналам, которые должны были сообщить Папе Римскому, что Лайнес предложил провести выборы в Испании, чтобы они могли принять свои Конституции без вмешательства папы римского. Идея, безусловно, была поддержана, и мы можем легко поверить, что Лайнец одобрил ее. Павел сердито приказал, чтобы ни один иезуит не покидал Рим, и закрыл дверь перед Лайнцем. Союз этой могущественной и казуистической организации с королем Испании был одной из последних вещей, которые Павел желал бы видеть; и он с нетерпением ждал принятия их Конституции как возможности подрезать им крылья. Наконец Лайнез отделил Родригеса и Бруэ от повстанцев, и Бобадилья напрямую обратился к Папе с

просьбой о его доле в управлении Обществом. К скандалу или развлечению Рима, кардинал Карпи был назначен третейским судьей в семейных ссорах детей святого Игнатия. Его решение — что Лайнез должен остаться генеральным викарием, но посоветоваться со старшими отцами церкви — не положило конец неприличным ссорам, и Лайнез, в свою очередь, обратился к папе Римскому, добился назначения другого кардинала и заставил мятежников замолчать. Мы можем представить себе чувства Павла IV. Когда кардинал сказал ему, что Лайнез поручил Бобадилье почетную миссию в Фолиньо и приговорил нечестивого Когордана произнести *одно* "Отче" и "Аве", он перекрестился, как это делает неаполитанец, когда рядом дух зла. По словам Саккини, он был поражен упорством повстанцев; но есть те, кто считает, что на самом деле его поразила проницательность Лайнца. Вскоре ему предстояло испытать это на себе еще более болезненно.

В то время как лидеры ссорились из-за мантии учителя в Риме, в провинциях были серьезные беспорядки. В том году (1557) Иоанн III. погиб в Португалии, многие ценные работники были потеряны, а решение Парижского университета и обжигающие обвинения Мельхиора Кано были переведены на все языки Европы. При Павле IV такой возможности не было. о противодействии этим вещам путем переговоров в Ватикане. Было крайне важно провести выборы как можно скорее и вернуться на поле боя. Конец войны наступил в 1558 году, и к маю двадцать избирателей собрались в римской палате. Они должны были избрать генерала и утвердить Конституцию, которую сейчас завершил Лайнез.

Сначала возникли трения, потому что Лайнез отдал отцам определенные приказы, направленные на предотвращение агитации, но в июле они приступили к выборам. К их ужасу, кардинал Пачеко вошел в зал в день выборов и сказал, что папа послал его председательствовать. Однако он добродушно заверил их, что не будет вмешиваться, и они подали свои голоса. Лайнез был избран тринадцатью голосами из двадцати. Затем они провели ряд заседаний по Конституциям и приготовились к борьбе с папой Римским. Эта борьба не лишена некоторого юмора, если вспомнить, что Общество Иисуса было, так сказать, личным полком папы Римского, единственным орденом, давшим особый обет повиновения ему, самым ярким поборником его власти в христианском мире. Это был первый случай, когда Ватикан осознал, что он может рассчитывать на беспрекословное повиновение иезуитов до тех пор, пока иезуиты диктуют свои указы. Лайнез и его коллеги были полны решимости всеми доступными им средствами воспротивиться воле Павла IV. и не потерпеть вмешательства в свою собственную волю. Они спокойно одобрили свои Конституции и приготовились разъехаться по своим провинциям. Невозможно найти, какой именно приказ папа отдал им об изменении их Конституций, но он определенно сделал это в какой-то форме, и его гнев бурно вспыхнул. Он послал кардинала сказать, что они должны пересмотреть вопрос о пении в хоре, как это делали другие религиозные организации, и о назначении генерала только сроком на три года.

Иезуиты были "удивлены", но подчинились. Они "пересмотрели" пункты и составили отчет о том, что они единодушно выступают против перемен. Лайнезу и Сальмерону было приказано явиться к папе и представить этот отчет, и Саккини вложил в уста Лайнеза на аудиенции несколько смелых выражений — таких, которые папа редко слышал и, должно быть, был бы поражен, услышав от иезуита, если бы они действительно были произнесены. Историк, однако, признает, что они не представили этот отчет. Павел сурово сказал им, что они "непокорны", на самом деле недалеко от ереси (что было правдой), и прервал их защиту безапелляционным

приказом поступать так, как им было велено. Поглядев на седые волосы восьмидесятилетнего папы римского, они удалились, чтобы исправить свои правила и упорядочить церковное пение. Теперь оказалось, что из их ста заведений только два были "домами", и они удовлетворились приказом, чтобы в этих домах пели вечерню — до смерти Павла IV. . Они тайно поинтересовались мнением ученого кардинала о ценности приказа папы. Кардинал Путео был не просто экспертом в подобных вопросах; он был деканом Роты и в состоянии распустить орден папы, что он в конце концов и сделал. Он сказал им, что это был "простой приказ" и что, поскольку указ его предшественника, освобождающий их от хора, не был прямо отменен, он снова вступит в силу после смерти Павла IV. С этим заверением они безропотно подчинились папе и разошлись по своим миссиям.

Я довольно подробно рассказал эту любопытную историю, полностью полагаясь на иезуита Саккини, потому что она имеет чрезвычайное значение для того, кто может судить о характере и истории Общества. Католические историки, которые полностью замалчивают это или дают очень вводящую в заблуждение версию, явно придерживаются мнения, что простое изложение фактов обеспокоит их читателей, в то время как антикатолические авторы с удовольствием расширяют его. Те, кто желает иметь разумную и справедливую оценку иезуитов, не могут ни игнорировать, ни неверно истолковывать подобные факты. Вряд ли можно сомневаться в том, что Лайнц был лично честлюбив, что его стремление к власти носило не совсем бескорыстный характер такого честлюбия, какое мы можем распознать у Игнатия. Но Бруэ и Сальмерон разделяли и поддерживали его поведение, и, по крайней мере, в этих двоих можно увидеть первый дух Полка Иисуса в его первоначальной чистоте. Ключ к кажущейся непоследовательности или лицемерию таких людей, бросающих вызов папским повелениям или уклоняющихся от них, я уже указывал. Общество Иисуса посвятило дипломатию служению Богу. Если папа хотел лишить их орден тех отличий и привилегий, которые, по их убеждению, особенно подходили ему для ведения священной войны, он действовал не как наместник Христа, и его приказы должны были выполняться. Им не приходило в голову, что это, в конце концов, был протестантский принцип частного суждения, против которого они громили доктрину папской власти. Они были детьми Игнатия, который всегда чувствовал, что *его* личное суждение было судом Божьим. Так иезуитизм медленно продвигался к своей неизбежной цели.

Можно записать еще один инцидент в Риме, прежде чем мы распространим информацию о событиях следующих семи лет по национальным департаментам. Немногим более чем через год после выборов, 18 августа 1559 года, Павел IV. умер. О том, как римляне, уязвленные страданиями, которые они перенесли во время его войны с Испанией, и жестокостями его инквизиции, с диким ликованием ворвались на улицы и напали на дворец инквизиторов, и как новый папа отправил на эшафот преступных племянников своего предшественника, включая кардинала Церкви, должно быть прочитано во всеобщей истории. Тот факт, что иезуиты были призваны поддержать кардинала Караффу в его последние часы, не имеет никакого значения. Более уместно сказать, что Лайнез вернулся к ученому кардиналу Путео и одиозному командованию Павла IV. было объявлено, что он умер вместе с ним.

Говорят, что сам Лайнц был выдвинут на папский престол после смерти Павла IV. Конклав кардиналов в таком случае, как известно, изолирован, как комната присяжных, но кардинал может вызвать своего духовника, и Саккини не только заявил, но и подтвердил кардиналом Ото много лет спустя, что Ото вызвал Лайнца и сказал, что будет предложено его имя. У нас нет справедливых оснований сомневаться в этом заявлении, но у нас есть очень веские основания

отказываться рассматривать его как серьезное предложение. Папские выборы 1559 года длились три месяца и были отмечены ожесточенной борьбой Франции, Испании и Италии. Это привлекло внимание Европы, однако ни один римский посол или прелат того времени не упоминает имени Лайнца. Даже слова, использованные кардиналом Отто много лет спустя, известны нам только в иезуитской версии.

Кардинал Медичи, который теперь стал Пием IV, оказался одним из самых щедрых покровителей Общества. Хотя он был папой культурного и либерального типа и не имел личной склонности оказывать им благосклонность, он, по-видимому, пришел к выводу, что иезуиты были самыми грозными поборниками его власти, и он предоставил им множество привилегий. Именно он в 1561 году дал им разрешение строить в сфере деятельности других орденов и присуждать академические степени в их колледжах, а также повсюду направлял своих местных представителей защищать их и помогать. С таким вспомогательным персоналом энергичный и одаренный генерал получил возможность вести дела своего Общества с успехом, который проявится по мере того, как мы будем рассматривать его жизнь в различных провинциях. Необходимо добавить только еще одну личную деталь в отношении Лайнез. Хотя приказы Караффы были признаны недействительными, он выразил сомнение в том, что занимал должность генерала в течение трех лет, и предложил уйти в отставку. Учитывая его поведение на выборах, никто не склонен искать искренности в этих сомнениях, да и сам вопрос об этом не предполагает. Его духовник сказал ему, что он должен проконсультироваться со своими советниками (или помощниками). Они воспротивились его предложению, но он все еще испытывал угрызения совести и разослал циркулярное письмо всем так называемым отцам церкви, в котором якобы излагал им все "за" и "против" своего замысла. Письмо, однако, является прозрачным призывом к власти. Избиратели единогласно настаивали на том, чтобы он сохранил свой пост, и он вернулся к своей работе с более твердыми полномочиями.

Британские острова все еще оставались темной и почти недоступной территорией на карте иезуитов, но англичане, бежавшие от уголовных законов Елизаветы, начали входить в Общество на континенте, и были отправлены одна или две секретные миссии. Томас Кинг был отправлен из Лувена в Англию, но он умер в следующем году (1565) и, как просто утверждается, обратил в свою веру нескольких человек. Другой беженец в Бельгии, ирландец по имени Дэвид Вульф, был отправлен в 1560 году на родину в качестве нунция. Он был настолько эффективно замаскирован, что во Франции был арестован как лютеранин. Его ранние отчеты представляют его как строгого наблюдателя всеобщей коррупции ирландского духовенства, монахов и народа. Он говорит об отпущении грехов за один год тысяче кающихся, вступивших в "кровосмесительные браки", и описывает людей, приходящих в его убежище в рубашках и босиком. Однако отец Вульф, похоже, подхватил эту заразу, поскольку несколько лет спустя был с позором изгнан из Общества. Уильям Гуд, житель Сомерсетшира, и "ирландец Эдмунд" присоединились к нему в 1564 году, раздавая крестьянам разрешения и индульгенции, запрещенные в Англии, к серьезному неудобству папской казны.

Миссия в Шотландию была не менее авантюрной. Шел 1562 год, когда Мария, королева Шотландии, вернулась из Франции, полная печальных предчувствий, в страну Джона Нокса. Николас Гауда был прислан из Лувена в качестве тайного нунция, чтобы утешить ее и помочь, и его сопровождали два шотландских студента, Хэй и Крайтон. Они были одеты как знатные джентльмены, которым предстояло повидать мир. К сожалению, Крайтон выдал секрет знакомому в Лейте, и огненный крест переходил с кафедры на кафедру в городе Эдинбурге.

Гауда отправил Крайтона обратно в Лувен, а сам отправился в Эдинбург. После многих бесплодных попыток увидеться с Марией, однажды ночью его наконец пустили через заднюю калитку в присутствие прекрасной и рассеянной молодой королевы, но с этим ничего нельзя было поделать. Он попросил, чтобы епископы могли собраться где-нибудь для встречи с ним, и оказалось, что на одном из островов был только один епископ, который отважился бы принять его, если бы он был хорошо замаскирован. По-видимому, наименее примечательной одеждой, которую нужно было надеть при посещении его светлости, была одежда ростовщика, и отец Николас, привыкший к такому образу жизни, пересек дику и суровую Каледонию. Слух о его присутствии распространился повсюду, и ковенантеры следили в Эдинбурге за его возвращением. Французский купец, прибывший из Абердина, был жестоко избит ими, прежде чем он смог подтвердить свою личность. Но двое из верующих встретили Гауду за пределами Эдинбурга, и они отплыли с небольшой группой шотландских претендентов в Бельгию.

В Италии эта история - история большого прогресса и ожесточенной враждебности. К 1561 году в Риме насчитывалось двести шестьдесят иезуитов (в самом широком смысле этого слова), из которых сто девяносто были студентами римского колледжа. Они процветали в лучах благосклонности папы. Однако в других частях Италии им нанесли жестокий удар. В 1561 году на Общество обрушились не менее четырех серьезных бурь в различных частях Италии.

Сначала из Вальтеллины поступило сообщение, что отцы были изгнаны и им запретили посещать всю территорию Граубюндонеров на том основании, что они проявили чрезмерное рвение в получении денег старика. Затем начались неприятности в Монтепульчано. По словам Саккини, добрые отцы убедили столь значительную часть женщин Монтепульчано вести достойный образ жизни, что мужчины пришли в ярость. Они подкупили распутную женщину, чтобы та попыталась соблазнить одного из иезуитов, и наняли мужчину, который переоделся иезуитом и позволил увидеть себя выходящим из дома беспорядков. Версия Монтепульчано заключается, конечно, в том, что один иезуит пристал к женщине, а другого видели выходящим из неприличного дома. Что еще хуже, женщина обвинила настоятеля-иезуита отца Гамбара в интимной связи со своей сестрой. Это был акт ревности, поскольку две сестры соревновались за улыбки настоятеля; однако признается, что отец Гамбар был "нескромнен" в своих письмах к даме, которые были обнародованы. Гражданские власти заняли более мрачную позицию и потребовали отстранения Гамбара. Когда Лайнез отказался, горожане пригрозили самим поговорить с настоятелем, и он сбежал. Лайнез утверждал, что он невиновен, но исключил его из Общества за побег без разрешения. Он послал нескольких старших иезуитов навести порядок в Монтепульчано, но это было бесполезно. Горожане лишили иезуитов пенсии, которую они до сих пор выплачивали за преподавание, и отказались давать им милостыню или жилье. Лайнез сражался со своими самыми способными людьми и субсидиями из Рима год или два, но его победили и вынудили распустить колледж.

Затем Венеция сообщила о трудностях. Новый архиепископ Тревизани ненавидел иезуитов и заверил своих друзей, что *кьяппини* ("мошенники", если перевести это вежливо) недолго останутся в Венеции под его властью. Инциденты множились, и в 1561 году Сенат перешел к обсуждению отцов церкви и не пощадил их. Суть обвинения заключалась в том, что они были иностранцами, вмешивающимися в дела Венеции; они исповедовали всех знатных дам Венеции, навещали их в своих домах и через них узнавали государственные секреты. Спор закончился словами, хотя дож вызвал отца Пальмио и предупредил его о необходимости быть

благоразумным; и венецианцы, ссылаясь на Монтепульчано, использовали небольшую домашнюю власть, чтобы держать своих жен подальше от исповедальни иезуитов.

В том же году из Неаполя пришли вести о враждебности и поношениях. Сальмерона отозвали из Неаполя в Рим, и агрессивные наблюдатели начали выдвигать теории по поводу этого отзыва. Когда легенда разрослась до небывалых размеров, она гласила, что отец Сальмерон вымогал четыре тысячи фунтов у умирающей женщины, прежде чем отпустить ей грехи, а когда папа услышал об этом и потребовал объяснений, бежал в Женеву и стал протестантом. Мальчики пели на улице баллады об отце Сальмероне и его четырех тысячах фунтов, и у колледжа были неприятные переживания. Почему Сальмерона не послали опровергнуть легенду, и действительно ли были какие-то небольшие трудности с денежной суммой, мы сказать не можем. Но этот инцидент показывает, что католический Неаполь был в значительной степени враждебен иезуитам. Папе пришлось вмешаться и использовать авторитет вице-короля.

Несколько лет спустя на севере разразился более серьезный шторм. Во всех этих случаях предъявления обвинений ранним иезуитам чрезвычайно трудно установить истину; дело всегда излагается за нас защитой. Так получилось, что в случае беспорядков в Милане в 1563 году у нас есть один независимый документ, и я излагаю факты немного более полно. Не имеет большого значения, были ли различные иезуиты виновны или нет в этих местных беспорядках, и большинство людей грубо придут к выводу, что, вероятно, не все они были безупречны. Но стоит выяснить, действительно ли вся эта яростная враждебность к иезуитам среди католических народов основана на разочарованном пороке или пустой клевете, и мы можем взять за образец миланское дело.

Знаменитый кардинал-архиепископ Милана Кароло Борromeо был племянником папы римского. Он получил свою должность в 1560 году, в раннем возрасте двадцати двух лет, и вскоре попал под влияние иезуитов. Папе было доложено, что Карл жертвовал большие суммы денег иезуитам и, похоже, собирался вступить в Общество. Затем духовник-иезуит молодого архиепископа, отец Рибера, был обвинен в противоестественном пороке вместе с пажом в учреждении Донны Вирджинии, невестки Чарльза. Саккини говорит, что Чарльз расследовал обвинение и нашел его ложным, и что епископ, который настаивал на этом (и обвинял других иезуитов, помимо Рибера), предстал перед кардиналом Савелли в Риме, представил своих свидетелей — нескольких уволенных или бывших студентов иезуитского колледжа — и сам был наказан за клевету. Добавляется, что Чарльз продолжал доверять свою семинарию иезуитам и не сделал бы этого, если бы они были виновны. Известно, что Рибера был отправлен Лайнцем в Индию, но только потому, что папе римскому не нравилось его влияние на Чарльза.

Случай с иезуитами, как обычно, правдоподобен, но не удовлетворяет пристального исследователя. Отправить выдающегося и модного иезуита в Индию из-за того, что он делает своего кающегося грешника более благочестивым, чем хотелось бы папе, особенно в то время, когда его обвиняют в пороке, - вряд ли это тот поступок, которого мы должны ожидать от такого благоразумного человека, как Лайнез. Это была очень решительная мера - разделить Рибера и его праведного кающегося грешника на пять тысяч миль. Что касается расследования кардинала Савелли, мы вполне можем поверить, что папа был бы готов приоткрыть завесу над скандалом, который мог бы разрушить Общество в Италии, после того, как Лайнез отправил главного виновника в зарубежные миссии; более того, кардинал Савелли был покровителем и

заступником иезуитов, и он, похоже, отклонил показания свидетелей, не выслушав их, на том основании, что они были исключенными или отделившимися студентами Общества. Далее мы можем понять, что Карл мог бы сохранять дружеские отношения с иезуитами, если бы верил, что виновен только один человек, и этот человек был наказан; но мы увидим в следующей главе, что отношения Карла и иезуитов *были* нарушены, и что в 1578 году они совершили необычайно дерзкое нападение на кардинала в его собственном городе.

Но главное заключается в том, что почти современный писатель Каспар Шоппе, опираясь на высочайший авторитет, утверждает, что иезуитские школы в Милане были глубоко запятнаны пороком. Шоппе - ярый антииезуит, и к нему следует относиться с осторожностью, когда его авторитет невелик. В данном случае он призывает Бога в свидетели того, что кардинал Фредерик Борромео, племянник и преемник Карла, сказал в его присутствии (Шоппе), что он сам нашел иезуитский колледж в Браиде настолько коррумпированным, что не допустил бы ни одного иезуита приближаться к нему, не позволил бы ни одному студенту своей семинарии приближаться к учителю-иезуиту и, если бы у него была власть, запретил бы любому иезуиту преподавать. [3] Кретино-Жоли отвечает, что Шоппе, очевидно, лжет, поскольку известная дата его рождения делает невозможным, чтобы он когда-либо общался с *Шарлем* Борромео. Эта путаница Фредерика и Шарля изначально произошла из-за Кенеля, который допустил эту ошибку, цитируя Шоппе, но очень странно, что французский апологет иезуитов не должен знать, что Шоппе говорил о *Фредерике* Борромео, а не о Чарльзе, как указано в более поздних изданиях Кенеля. Еще более странно, что Кретино-Жоли уверяет своих читателей (которые вряд ли станут усердно искать древнюю работу Шоппе), что это утверждение сделано "формально сомнительно", хотя он должен знать, что это самое торжественное и выразительное утверждение в книге Шоппе. Беспристрастный исследователь должен прийти к выводу, что против миланских иезуитов имеются серьезные улики и что враждебность к иезуитам имела подчас более веские основания, чем они готовы признать.

Папа не поспешил на свое покровительство Обществу из-за этих обвинений. Когда кардинал-покровитель Общества умер в 1564 году, Пий IV сам занял этот пост, как бы для того, чтобы запугать его критиков; хотя критики несколько не были запуганы. Вскоре после этого он назначил комиссию из кардиналов и прелатов для рассмотрения вопроса о создании семинарии в Риме, и они рекомендовали, чтобы ею руководили иезуиты. Это предложение распалило римских критиков Общества, и Монтепульчано, Милан и все другие скандалы были яростно обсуждены. Однако папа держался твердо, и борьба не закончилась, когда Лайнез умер.

В Испании и Португалии общество продолжало добиваться материального прогресса и, в той же пропорции, морально деградировать. Благоприятствуемое благоприятным климатом полуострова, Общество быстро прошло свой обычный путь развития и принесло скороспелые плоды. Колледж в Коимбре, как мы видели, нуждался в очищении еще при Игнатии. Сейчас он снова процветал и содержал около ста пятидесяти послушников и священников. Но самой примечательной особенностью португальской провинции было раннее вмешательство иезуитов в политику. Примитивный план избегать политики и запрещать иезуитам часто бывать при дворах князей был впервые отвергнут самим Игнатием и был совершенно несовместим с общей идеей завоевания благосклонности богатых и могущественных. В Португалии при дворе теперь доминировали иезуиты; отец Мигель де Торрес был духовником королевы-регентши Екатерины, отец Гонсалес да Камара - духовником молодого короля Себастьяна, а отец Лео Энрикес -

духовником кардинала дома Генри, двоюродного деда короля. В любой истории Португалии можно прочесть, как кардинал начал, по наущению и при содействии иезуитов, интриговать ради регентства и в 1562 году вынудил Екатерину отречься от престола. В письме от 8 июня 1571 года, которое Екатерина впоследствии написала генералу Борджиа, мы ясно информированы об интригах исповедниц. "Всемирно известно, - говорит королева, - что зло, обрушившееся на это королевство, вызвано некоторыми из ваших отцов, которые настолько заблуждались, что посоветовали королю, моему внуку, сместить меня и изгнать из моего Государства". Она уволила своего духовника Торреса, который посоветовал ей подчиниться интригам ее брата и отца Гонсалеса, но после пятилетней борьбы она была вынуждена уехать из Испании. Затем отец Гонсалес стал самым могущественным человеком в Португалии и назначил своего брата премьер-министром, пока, как мы увидим, Себастьян не стал достаточно взрослым, чтобы положить конец их интригам.

В Испании Общество было менее процветающим. Историческая борьба в Алькале закончилась захватом университета иезуитами, но в Севилье, Вальядолиде и других городах было упорное сопротивление, а на Гренаде поднялась опасная суматоха из-за того, что исповедник-иезуит вынудил кающуюся грешницу назвать свою сообщницу по пороку. У самого Борджиа было много врагов при дворе, и противостояние ему в конце концов вылилось в нападение, которое вынудило его бежать в Португалию. Два благочестивых произведения, написанные им в более ранние годы, были переданы инквизиции и осуждены. Иезуиты утверждают, что подозрительные отрывки из его книг были вставлены человеком, который их опубликовал, и этот момент не представляет особого интереса. Борджиа не остался отвечать на вопросы инквизиторов, и король так разгневался на него, что, когда Лайнес пригласил его в дом митрополита в Риме, испанские отцы предупредили Лайнеса, что если Борджиа будет удостоен какого-либо сана, это вызовет глубокое негодование при дворе.

Едва эти неприятности закончились позором и бегством Борджиа, как в кастильской провинции возникла очень серьезная домашняя ссора. Лайнес послал отца Наталиса из Рима проинспектировать провинцию, и кастильский провинциал, отец Араос (племянник Игнатия), обнаружил, что у Наталиса были секретные инструкции разрушить его положение при дворе. Араос, старейший иезуит Испании и фаворит при дворе, получил комфортное положение и власть, которые, безусловно, не соответствовали личным идеалам Общества. Однако, когда они попытались сместить его, он жестоко отомстил римским властям. Наталис собирал и отправлял в Рим значительную сумму денег, когда внезапно было издано распоряжение суда, в котором указывалось, что перевод денег за границу или отправка мужчин на учебу в другие страны противоречат законам королевства. Иезуиты открыто приписывали этот орден влиянию отца Араоза. Последовала сердитая ссора, и один из друзей Араоза предъявил секретные инструкции, которые Лайнес дал Наталису, а какой-то отец украл. Нам нет необходимости распространяться об этой ссоре. Более интересно отметить, что иезуиты настаивали на том, что их действия по отправке денег в Рим не подпадали под королевский приказ, поскольку у Церкви нет границ. В течение нескольких лет дела Общества в Испании оставались в очень тяжелом состоянии, несмотря на их большое процветание.

Во Франции мы, естественно, наблюдаем самую суровую борьбу за десятилетие, поскольку многочисленное протестантское население поддерживалось большинством католиков в противовес иезуитам. Первые попытки завоевать Париж аскетизмом жизни и скромным уходом за больными полностью провалились. Архиепископ, университет и юристы парламента

заметили, что эти скромные служители имели в своем запасе самые внушительные привилегии, и выставили иезуитов за ворота. Они оставались на лугах Сен-Жермена пять или шесть лет, а затем, в 1560 году, Лайнез приказал начать новую кампанию. Его представителем в Париже был проникательный интриган отец Когордан, который дал Лайнесу болезненное доказательство своих способностей в Риме. Франция была накануне ужасной борьбы католиков и гугенотов, и Когордану не составило труда убедить королеву в том, что иезуиты были назначенной силой для сдерживания протестантизма. Парламенту было приказано зарегистрировать письма Генриха II, уполномочивающие иезуитов. Отважные юристы снова отказались, и все факультеты университета присоединились к решительному осуждению иезуитов и их привилегий.

Следующий шаг иезуитов заслуживает внимания. Когордану было поручено ответить, что иезуиты пожертвуют во Франции любыми привилегиями, которые противоречат законам страны или правам французской церкви. Их противники прекрасно понимали, что жертва была неискренней и временной, но этот маневр сильно ослабил позиции архиепископа. В качестве последнего средства он оговорил, что они также должны отказаться от названия "Общество Иисуса", которое многие католики считали оскорбительно высокомерным, и снова Когордан согласился. Парламент, однако, по-прежнему отказывался регистрировать королевские письма и вынес решение на рассмотрение Совета, который должен был состояться в Пуасси, где католики и гугеноты должны были встретиться в диалектическом турнире.

Франциск II. умер в конце 1560 года, и Екатерина Медичи, фактическая правительница, полностью разделила точку зрения иезуитов. Но гугеноты, возглавляемые принцем де Конде и адмиралом де Колиньи, были настолько могущественны, что трезвое католическое мнение выступало за уступки им в интересах мира: политика, которой иезуиты безжалостно противостояли везде, где католики все еще составляли большинство. Таким образом, беседа в Пуасси была вдвойне интересна иезуитам, и Лайнез лично отправился туда в сопровождении папского легата кардинала д'Эсте, чтобы добиться их целей; он должен был добиться признания Общества и предотвратить примирение католиков и гугенотов. К несчастью, ему удалось осуществить оба замысла. Коллоквиум открылся в июле, когда небольшая группа наиболее способных богословов-гугенотов выступила перед шестью кардиналами и сорока епископами и архиепископами на глазах у короля и королевы. Когда после нескольких заседаний стало ясно, что еретикам необходимо пойти на уступки, Лайнез произнес пламенную и красноречивую речь против этого предполагаемого святотатства. Екатерина Медичи задрожала и больше не посещала заседаний. Беседа закончилась безрезультатной перепалкой Лайнеза и гугенотов, и Франция, во многом благодаря Лайнезу, продолжила свой путь к Святому Варфоломею.

В искренности Лайнеза в этом фанатичном проповедовании нетерпимости сомневаться не приходится, но это резко контрастирует со второй частью его миссии, в которой он столь же преуспел. Он привез с собой свидетельства о работе, проделанной его Обществом в сотне мест, подтвердил обещание, что они откажутся от своих привилегий и самого своего имени (до тех пор, пока не будет безопасно возобновить их), и таким образом обеспечил право въезда в Париж для этой безымянной группы священников. Это было сделано, конечно, путем тихой деятельности прелатов, без какого-либо публичного обсуждения. Лайнез оставался несколько месяцев во Франции, укрепляя новый фонд и — в то самое время, когда он в дружеской переписке убеждал Конде склонить протестантов присоединиться к Тридентскому собору, — используя все свое огромное влияние на королеву и двор, чтобы предотвратить любую уступку

церквей или других обычных прав гугенотам. В результате его успеха иезуиты переехали в Париж и вступили во владение отелем, который епископ Клермона завещал им несколько лет назад. Вряд ли можно предположить, что они последовали совету проницательного Лайнца, когда начертали над дверью слова "Колледж Общества имени Иисуса". Это легкомысленное уклонение от обещания отказаться от своего названия не привело к примирению парижан. Когда им удалось за короткое время, благодаря бесплатным занятиям и самым способным преподавателям, привлечь несколько сотен молодых людей из университета, они осмелели и объявили, что "Клермонский колледж" присоединен к университету. Ректор Маршан с негодованием оспорил их требование, и они предъявили учредительные письма, которые тайно получили от его предшественника два года назад. Они не могли настаивать на действительности этого нерегулярного диплома, и завершение генералитета Лайнца снова поставило их в положение серьезной незащищенности и непопулярности.

Несколько похожая борьба происходила и в Бельгии. Университет и гражданские власти в Лувене сопротивлялись им, и их колледж оставался настолько бедным, что мы находим, как его ректор жаловался в Рим на бремя содержания отца Рибаденейры, который, как мы видели ранее, был отправлен для продвижения интересов иезуитов при дворе Филиппа в Бельгии. Даже когда Маргарита Австрийская, которую они легко заполучили, попросила государства Брабанта принять иезуитов, они отказались и уступили только прямому вмешательству Филиппа в 1564 году.

С другой стороны, способный и преданный делу иезуит Канисиус очень прочно закладывал фундамент своего Общества в католических провинциях Германии. Канисий - величайшая фигура второго десятилетия жизни Общества и, по-видимому, был более глубоко религиозным и совестливым человеком, чем Лайнез. Он до конца придерживался более сурового уровня жизни, путешествуя пешком из города в город, из Рейнланда в Польшу и Австрию и повсюду внедряя эффективную систему образования, которую Ранке объявил превосходящей систему реформаторов. Диллингенский университет был передан иезуитам, границы Общества были расширены до Польши в 1554 году, и миряне были отождествлены с его интересами в католических городах, будучи призванными в многочисленные братства, которые контролировались иезуитами. Историк может с большим сочувствием остановиться на их в целом просвещенной борьбе с протестантизмом и католической коррупцией в Германии, где ересь обеспечивала им бодрящую атмосферу и здоровый стимул к работе. Однако даже здесь мы видим, что они временами прибегают к тактике, которой мы не можем восхищаться, и в следующей главе мы познакомим их с некоторыми необычными приключениями. Их поведение, особенно в Баварии, не требует пристального внимания. Альберт V. был сильно обременен долгами, и это нечто большее, чем совпадение, что в тот момент, когда он принял иезуитов, Ватикан выделил ему крупную субсидию из церковных фондов; еще яснее, что иезуиты были главным образом ответственны за преследование протестантов, последовавшее за их поселением в Баварии.

Лайнез совершил турне по этим провинциям после основания своего Общества во Франции. Из Парижа он отправился в Бельгию, где герцогиня Пармская правила от имени своего брата. Маргарет слышала проповедь Лайнца в Риме, и он легко заручился ее поддержкой своих борющихся братьев во Фландрии. Затем он отправился в Трент, где в 1562 году Совет возобновил свои заседания. Больше не было ни малейшей надежды убедить реформаторов присутствовать, и теперь Церкви оставалось решить, какие изменения она примет, чтобы

соответствовать протестантскому обвинительному заключению. Северные монархи, столкнувшиеся с задачей примирения большого католического и протестантского населения, были склонны идти на уступки, а их духовенство, по крайней мере, стремилось обуздать высокомерные претензии и умерить расточительность папского двора. Этой политике противостояли Италия, Испания и папство, а иезуиты были самыми яростными сторонниками ультрамонтанских взглядов. Возможно, было бы ошибкой приписывать Лайнесу главенствующую роль в несчастливых соборах, которые проводились в Тренте, но какое бы влияние ни оказали на него его ученость и красноречие, они использовались с целью возвеличивания папской власти. Даже богатство и роскошь римского двора, которые в значительной степени были ответственны за раскол, нашли в нем красноречивого защитника. Он смог вернуться в Рим с уверенностью, что католические государства не пошли ни на какие уступки, в то время как северные прелаты были вынуждены вернуться на свои места с тяжелым предчувствием кровавой борьбы.

Об иезуитских миссиях за морями в течение этого десятилетия мало что нужно говорить. Только в Индии был достигнут некоторый материальный прогресс, и это было в значительной степени благодаря тактике, которая не обещала постоянного результата. Такие авторы, как Кретино-Жоли, намеренно опускают наиболее важные детали, касающиеся этих ранних миссий, и создают крайне обманчивое впечатление, что десятки тысяч местных жителей были собраны в лоно церкви духовным учением и возвышенными трудами миссионеров. Сами ранние иезуиты были более откровенны. Они рассказывают, например, как в 1559 году они совершили высадку с сопровождающим отрядом солдат на остров, жители которого долгое время сопротивлялись крещению. Туземцы были задержаны войсками, а их лидеров заковали в кандалы и сказали, что они подлежат депортации. В сложившихся обстоятельствах они заявили, что горят желанием креститься, и священный обряд и хороший обед были сразу же дарованы пятистам "обращенным". Португальские власти были главным органом, на который полагались миссионеры. Обращенным были предоставлены самые заманчивые привилегии; административные должности, которые индуистское духовенство занимало веками, были переданы иезуитам; а в 1557 году ими в Индии был учрежден даже трибунал инквизиции.

В других странах миссионерская деятельность в течение десятилетия была на редкость бесплодной. В Бразилии отцы все еще бродили по лесам, постепенно завоевывая доверие и преданность местных жителей медицинскими и другими гуманными услугами. Абиссиния снова подверглась вторжению, и некоторые из отцов вошли в Конго, но через несколько лет обе миссии были разрушены. В Египте была предпринята попытка побудить коптов признать власть папы. Патриарху были преподнесены богатые подарки, и папство на какое-то время было польщено сообщениями об успехе; но эта авантюра закончилась болезненным и позорным бегством миссионеров из страны. Японские миссии также были почти уничтожены в течение десятилетия, и две хитроумные попытки проникнуть в Китай оказались безуспешными. В 1556 году отцу Мельхиору Нуньесу разрешили прибыть в Кантон, но его очень дипломатичный рассказ о своей цели не убедил мандаринов, и он был вежливо изгнан. В 1563 году была предпринята еще одна попытка. Мандаринам сообщили, что из Европы прибыло посольство с ценными подарками для императора. Осторожные мандарины попросили показать их удостоверения, и, когда им сказали, что они были случайно уничтожены во время путешествия, они снова дружелюбно проводили своих гостей до границы. Среди "посланников" были три переодетых иезуита, и ясно, что вся экспедиция была мошеннической попыткой торговцев и миссионеров из Гоа сломить сдержанность китайцев.

Такова была судьба Общества Иисуса в течение десятилетия, которое завершилось смертью Лайнца в 1565 году. Сотня учреждений, которые Игнатий завещал ему в 1556 году, теперь увеличилась до ста пятидесяти; тысяча подданных превратилась в три тысячи. От Португалии до Польши иезуиты были самыми ярыми солдатами в войне против наступающих еретиков, и едва ли был католический двор в Европе, который не приветствовал детей Игнатия и втайне не прислушивался к их советам. Тем не менее, такой проникательный наблюдатель, как Лайнез, должно быть, понял, что это процветание было менее прочным, чем казалось, и его последние годы были омрачены объявлениями о враждебности и поражении. Во Франции и Бельгии выигрыш был совершенно непропорциональнее той ожесточенной борьбе, которую они вели; в Португалии материальный успех и политическая активность принижали идеалы Общества; в Испании католический монарх, инквизиция и высшее духовенство были настроены враждебно; а Англия строго закрывала свои двери перед иезуитами. Будущее все еще оставалось неопределенным, и другой Караффа мог в любой момент занять папский престол. Бросив последний взгляд на бывшего герцога Гандии, словно давая понять, что Борджиа лучше всех подходит для того, чтобы взять на себя возложенное на него бремя, второй генерал Общества, способный, энергичный и благородный до конца, устало опустил на покой.

СНОСКИ:

[3] *Relatio ad Reges*, by Alphonsus de Vargas (Caspar Schoppe), 1636, p. 40.

ГЛАВА IV

ГЕНЕРАЛ ФРЭНСИС БОРДЖИА

Выборы, последовавшие за смертью Лайнца, не были омрачены ни одним из тех болезненных инцидентов, которые мы часто находим по таким поводам в хрониках иезуитов. Когда в начале лета ведущие отцы Общества прибыли в Рим, чтобы сравнить свои истории о военных действиях во всех странах Европы и посоветоваться о будущем своей великой организации, среди них был один, который обладал настолько естественным превосходством, что его избрание было обеспечено. Это был Фрэнсис Борджиа, бывший герцог Гандии и вице-король Каталонии. В этом выдающемся собрании было много людей с гораздо большими способностями и заслугами — на самом деле, вероятно, не было никого менее способных, чем Борджиа, — но его высокое происхождение, дружба с половиной королей Европы, его почтенная личность и суровая жизнь ясно указывали на то, что он достоин высшего командования. Филипп Испанский перерос свою враждебность, и после смерти Лайнца Борджиа был назначен генеральным викарием. Намерения избирателей были настолько очевидны, что он искренне умолял их не возлагать на него столь тяжкую ответственность. Они проигнорировали его протест, и 2 июля он стал генералом Общества.

Тогда он был немощным и почтенным человеком шестидесяти пяти лет, измученным аскетизмом, глубоко искренним и религиозным. В своем лице он ярко проиллюстрировал перемены, произошедшие с католицизмом. Имя Борджиа сразу наводит на мысль о рощах удовольствий или преступных покаях, из которых папство было вырвано голосом Лютера: его отец был сыном папы Александра VI, его мать - внебрачной дочерью архиепископа Сарагосы,

который, в свою очередь, был внебрачным сыном Фердинанда V. Но со своими власяницами, кровавыми бичами и долгими постами Франциск принадлежал к новому веку и, казалось, взял на себя искупление тяжких грехов Борджиа. Он был вице-королем Каталонии с 1539 по 1543 год, а затем в течение нескольких лет подвергался легкой и незаметной опале. Во время этого вынужденного уединения в своем герцогстве он познакомился с Питером Фавром и подпал под его обаяние, и его, как мы видели, тайно приняли в Общество. Хотя он был изгнан из Испании всего несколько лет назад, папа восстановил свой престиж, и его избрание было одобрено всем обществом и Церковью.

Возможно, мы можем увидеть отражение его религиозного духа, а также указание на то, что в Общество проникли серьезные злоупотребления, в длинной серии указов, которые приняла Конгрегация. Отныне ни один иезуит не должен был жить при королевском дворе — по крайней мере, "не более двух-трех месяцев": общины иезуитов не должны были владеть крупными фермами и управлять ими, а также продавать их продукцию на общественных рынках; следовало избегать судебных исков от имени наследников; от зарплаты преподавателя следовало отказаться, когда учитель вступал в Общество. Эти и другие заповеди дают нам авторитетную уверенность в том, что беспорядков было много. Даже в Собрании были представлены либералы или казуисты. Когда при обсуждении неуместности обращения в суд за получением наследства один из самых строгих братьев процитировал Нагорную проповедь, другой убедительно доказал, что неправильно уступать мирянам средства, которые могли бы быть использованы на служение Богу. Пуритане победили, и их декреты вышли в свет; но фермы, как мы увидим, не были заброшены, а юристы не обнищали.

Принимая во внимание деспотическую власть, которой обладал генерал, может показаться странным, что избиратели рискнули доверить этот пост человеку с такими посредственными способностями, как Борджиа. Мы должны помнить, что у генерала был совет из четырех способных помощников, и можно было смело полагаться на то, что смирение Борджиа оставит власть в их руках. И прошло совсем немного времени, прежде чем их государственная мудрость подверглась суровому испытанию. Их княжеский благодетель Пий IV умер до конца 1565 года, и кафедру занял доминиканский монах Пий V. Он был личным другом Борджиа, но принадлежал к конкурирующему ордену, и Рим был сильно взволнован надеждой, что он лишит Общество его чрезмерных привилегий. К облегчению и радости иезуитов, Пий V. воспользовался первой же возможностью, чтобы продемонстрировать свое дружелюбие. Проезжая в торжественной процессии мимо их церкви, он подозвал генерала к своей карете и четверть часа ласково беседовал с ним на глазах у его офицеров. Когда он выдвинул кандидатуры иезуитов на некоторые важные должности, казалось, что они нашли другого защитника.

Однако в 1567 году они были встревожены, получив любезное, но твердое предложение от Пия петь в хоре, как это делали другие религиозные организации, и отказаться от "простых" или временных обетов, которые позволяли им годами удерживать священников в Обществе, не давая им торжественных обетов. [4] Комиссия кардиналов в то время обсуждала реформу монашеского мира, и иезуиты представили ей пространные и искусные мемуары в защиту своих институтов. Разве полк легкой кавалерии, готовый по первому требованию отправиться в любую часть папских владений, не должен иметь особых примет? Разве у тех сотен людей, которые присоединились к Обществу в его настоящей форме, не было бы оснований жаловаться, если бы оно стало более обременительным? Были бы благотворители, построившие их дома и часовни, безразличны к переменам? Более того, что сказали бы еретики, если бы решения

целого ряда пап, не говоря уже об откровениях, сделанных Игнатию, были признаны неправильными? Эти остроумные соображения были затем устно доведены до сведения папы Борджиа и Поланко, и они льстили себя надеждой, что им снова удалось уклониться от выполнения приказов, соблюдение которых было их главной обязанностью в остальном христианском мире. Папа согласился отложить вопрос о хоре до тех пор, пока не будет опубликовано его новое издание Требника, и, похоже, он не настаивал на реформе обетов. Однако несколько месяцев спустя они услышали, что папа собирается издать указ о том, что в будущем ни один член религиозной организации не должен быть допущен к священству до тех пор, пока он не примет свои последние обеты.

Подробности борьбы здесь нет необходимости повторять, но мы, несомненно, должны видеть значение в этих повторяющихся конфликтах с Папой. Во всей истории монашеских орденов Католической церкви нет примера упорного противодействия или решительного уклонения от выполнения приказов Папы Римского, который можно было бы сравнить хотя бы на мгновение с таким поведением людей, давших особый обет повиновения ему. Более того, иезуитские писатели того времени откровенно признаются, что они воспротивились желанию папы в своих собственных интересах. Если бы торжественные обеты давались в возрасте двадцати с небольшим лет, им пришлось бы гораздо внимательнее изучать характеры претендентов на Вступление в Общество, и их число сократилось бы. Это было одно из самых постоянных обвинений против них в каждой стране, что при приеме послушников они приносили духовные качества в жертву количеству или социальному отличию; и, конечно, число священников, покинувших Общество или изгнанных из него, было велико. Пий V знал это и, к их великому огорчению, настоял на реформе их системы. Они угрюмо отказались от одного из наиболее характерных своих институтов — до тех пор, пока Пий V не пойдет по пути своих предшественников. В Риме царило ликование, и ходили слухи, что это было только начало реформы, но Пий поспешил успокоить Борджиа и его коллег.

В 1571 году папа обратился к Борджиа с просьбой выполнить важную миссию. Неуклонное наступление турок на разделенный христианский мир встревожило папу, и он пожелал объединить католических монархов с целью обороны. Его племянник, кардинал Алессандрини, должен был посетить дворы Испании, Португалии и Франции, и Борджиа был приглашен сопровождать его. Теперь он был уже в преклонных годах и страдал от подагры, но он принял эту миссию, и мы можем составить наше представление о провинциях Общества, следуя за его путешествиями.

Испания попыталась почетным приемом искупить позор, которому она ранее подвергла его. Король обещал свою помощь в борьбе с турками; инквизиция разрешила публикацию книг Борджиа; иезуиты повсюду приободрились при виде своего почтенного лидера и оказанных ему почестей. После смерти Лайнеса испанская провинция продолжала иметь весьма неоднородный послужной список. Отец провинции, Араоз, сопротивлялся всем попыткам римских властей вытеснить его из уютного гнезда при дворе, и его поведение оттолкнуло многих от Общества. С другой стороны, самоотверженные усилия иезуитов во время эпидемий 1565, 1568 и 1571 годов вернули им большую часть прежнего уважения, и было создано много новых миссий. В течение этого десятилетия большинство стран Европы неоднократно подвергались эпидемиям, и иезуиты повсюду отличались храбростью, с которой они подвергали себя опасности и часто теряли свои жизни, оказывая помощь больным. Тем не менее, в Испании

сохранялось стойкое ощущение, что они чрезмерно стремятся заполучить наследство, и почти каждый год по отношению к ним происходили яростные вспышки враждебности.

Типичный пример можно найти в иезуитских хрониках в начале года визита Борджиа. Иезуиты Алькалы приняли в свои ряды юношу по имени Франческо д'Эспанья, сына богатой и знатной мадридской дамы, которая решительно выступала против его вступления в Общество. В его распоряжении было большое состояние, наследником которого он был. Мать обратилась в Королевский совет, во главе которого стоял кардинал Спиноза, и иезуитам было приказано восстановить юношу. Тем временем они тайно отправили юношу в свой дом в Мадриде, — чтобы быть готовым дать показания, дерзко заявляет Кретино-Жоли, — и когда викарий архиепископа Толедского пришел в их дом в Алькале, чтобы обеспечить исполнение приказа, они сказали ему только, что д'Эспанья там не было. Последовал очень оживленный спор. Разгневанный прелат грубо оскорблял иезуитов, которые хвастались перед ним своими привилегиями, и какой-то ревностный брат позвонил в колокол колледжа, призывая студентов встать на защиту своего ректора. Когда, наконец, викарий пригрозил посадить провинциала-иезуита в тюрьму, а студенты обнажили ножи, чтобы защитить его, ректор пообещал выдать д'Эспанья в течение двадцати четырех часов. Его вызвали, и его мать попыталась убедить его вернуться или, по крайней мере, оставить свое состояние семье вместо того, чтобы оставлять его иезуитам. Он отказывался до тех пор, пока Провинциал, предвидя взрыв негодования, не посоветовал ему отказаться от своего состояния. Чувство, порожденное подобными инцидентами, не рассеял визит Борджиа. В следующем, 1572 году, гражданские власти Мадрида обратились в Королевский совет с просьбой закрыть иезуитскую школу на том основании, что уроки были всего лишь "приманкой" для молодых людей из богатых семей.

В Португалии Борджиа стал свидетелем замечательного зрелища, когда один из его подданных фактически правил королевством. Португалия прискорбно утратила свое прежнее величие. Обширная структура его Империи не уменьшилась, но дух, необходимый для ее поддержания, умер, и она была обречена на упадок. Никакие серьезные вопросы историков, которые возникали у иезуитов, по крайней мере, из-за создания инквизиции и преследования евреев и мавров, значительно ускорили ее падение, и под властью отца Гонсалеса да Камары и его брата, выступавших от имени молодого короля, мирские интересы Португалии неуклонно приходили в упадок. Строгий французский критик иезуитов Паскье говорит, что маркиз де Пизани, французский посол при испанском дворе, сказал ему, что иезуиты были настроены на получение контроля над королевством Португалия. Их апологеты приглашают нас позабавиться над этой невероятной выдумкой антииезуитов, однако вряд ли это нечто большее, чем яркое отражение исторических фактов. Паскье прямо говорит, что иезуиты намеревались править не без короля, а через короля по своему собственному выбору, и они делали это в течение десяти лет, когда Борджиа приехал навестить их. Как мы видели, они помогли заменить Екатерину кардиналом Генрихом, а в 1568 году сместили кардинала, объявив Себастьяна совершеннолетним (ему шел шестнадцатый год).

Вряд ли нужно говорить о том, что они продвигали интересы общества в Португалии и ее колониях, но есть достаточно свидетельств того, что они имели большее влияние. Мать короля хотела, чтобы он женился на дочери императора Максимилиана, но папская политика предпочла брак с сестрой французского короля; и у нас есть письмо Борджиа Гонсалесу, как духовнику Себастьяна, в котором он предписывал ему способствовать заключению брака с французами. Даже Борджиа временами мог пренебрегать указами своего Общества или

превращать мирские дела в духовные. Мы можем, однако, рассматривать это как натянутую и причудливую догадку некоторых критиков о том, что португальские отцы пытались удержать Себастьяна от брака и заставляли его выполнить свою роковую миссию в Африке, чтобы корона попала в их руки. Но это относится к более позднему времени. Отец Гонсалес все еще был фактическим главой государства, когда Борджиа посетил Португалию, и Общество процветало там и в Индии. Хотя Борджиа недавно получил гневный протест от Екатерины против вмешательства отцов церкви в политические дела, он оставил Гонсалеса при дворе.

Затем Алессандрини и Борджиа отправились во Францию; и когда мы вспоминаем, что историческая резня гугенотов произошла несколькими месяцами позже, мы чувствуем, что важно с некоторой тщательностью изучить визит и позицию иезуитов. Давайте сначала посмотрим, как продвигалось Общество в своей непрерывной борьбе со своими противниками в Париже.

В 1565 году на иезуитский колледж было совершено новое нападение, и в королевский сенат была подана бесплодная апелляция против него. Затем иезуиты предъявили обвинение Университету, который отказался признать их колледж, перед парламентом, и парижским юристам была предоставлена новая возможность составить свои уничтожающие обвинения Обществу. Тем временем отец Поссевин, ректор колледжа, который они недавно открыли в Лионе, был отправлен повидаться с молодым королем и Екатериной Медичи в Байонне и убедить их использовать свою власть и командование в юридических целях. Конференция в Байонне, на которой Поссевин в некоторой степени содействовал, имеет огромное значение в истории Европы. Под предлогом ознакомления Карла с его королевством Екатерина водила его по соседству с другими католическими принцами и совещалась с ними. В Байонне она познакомилась с женой Филиппа Испанского, а в свите королевы находился мрачный герцог Альва. Мы можем только догадываться, что обсуждалось на этой конференции, но никто не сомневается, что главной темой был рост протестантизма в католических странах.

Протестантские историки часто предполагают, что Варфоломеевская резня на самом деле была спланирована в Байонне, но мы вряд ли вправе думать, что там было что-то большее, чем общее обсуждение жестокой политики, которая впоследствии была принята Альвой в Нидерландах и Екатериной во Франции. В любом случае, маловероятно, что Поссевин принимал какое-либо участие в этих тайных советах. Он был новым человеком, едва известным двору в 1565 году. Он обсудил дела своего Общества с испанской королевой и рассказал ей о контрабанде протестантских книг в ее страну; и он вернулся в Париж с письмами, одобряющими иск парижской коллегии, от Екатерины, Карла и кардинала Бурбонского.

Когда президент парламента обнаружил, что эти увесистые документы неправильной формы брошены на чашу весов, он потянул время. Рассмотрение иска было приостановлено; иезуитам временно разрешили преподавать. Однако в следующем году университет обратился к констеблю Франции с жалобой на то, что профессора не смогли поддерживать дисциплину, поскольку ученик перешел к иезуитам сразу же, как только ему сделали выговор. Затем иезуиты сделали два необычных открытия, которые обезоружили многих их патриотически настроенных противников. В 1567 году отец Оливер Манарес, провинциал, всообщил суду и гражданским властям Парижа, что гугеноты составили заговор с целью разграбления и сожжения города; он узнал об этом от польского дворянина, который находился с визитом в Париже и был предупрежден о необходимости вовремя уехать. [5] Париж взялся за оружие и напугал предполагаемых заговорщиков; он также был благодарен отцу Манаресу и возмущен против

гугенотов. В том же году отцу Оже посчастливилось обнаружить аналогичный заговор в Лионе. Есть свидетельства заговора в Лионе, но историк должен относиться к "открытию" Манареса с серьезным подозрением. Результатом этих открытий было то, что благодарный король немедленно приказал прекратить всякое противодействие иезуитам, а все завещания Обществу должны иметь юридическую силу; и что католики вскоре были выставлены против гугенотов в открытом поле. Способнейшие из иезуитов, Оже и Поссевиен, горячо воодушевляли католиков, сопровождали войска и даже были замечены в гуще сражений.

В 1570 году, к разочарованию иезуитов, был заключен мир; и страна все еще наслаждалась этим шатким миром, когда Алессандрини и Борджиа прибыли ко двору в Блуа в первый месяц 1572 года. Что касается имевших место дискуссий, мы знаем только, что Франция заявила о своей неспособности присоединиться к крестовому походу против турок, и сестра Карла, Мария Валуа, была обещана Генриху де Беарну вместо Себастьяна Испанского, как того желал папа. Алессандрини и Борджиа вернулись в Рим, чтобы объявить умирающему папе о своей неудаче. А 24 августа того же года произошла ужасная резня, которая ложится вечным пятном на память Екатерины Медичи. К счастью, нам не нужно ни задерживаться на отвратительных деталях этого безобразия, ни вступать в более масштабный спор относительно ответственности за него. [6] Общее мнение историков таково, что резня была намеренно спланирована Екатериной; и, поскольку иезуиты имели влияние на Екатерину, мы должны рассмотреть, могли ли они быть причастны к варварской резне.

С тех пор как генерал Борджиа совещался с ней в Блуа за несколько месяцев до резни, многие считали, что он был посвящен. Тщательное изучение характера Борджиа располагает к тому, чтобы с уверенностью снять с него это подозрение; кажется невероятным, что он одобрил или что Екатерина ожидала от него одобрения столь бесчеловечной меры. Распространенной ошибкой является предположение, что существовал определенный тип иезуитов и что почти любого члена Общества можно рассматривать как человека, который санкционировал бы преступные средства для достижения благой цели. Наше повествование уже показало нам, что иезуиты значительно различались по характеру и что индивидуальные черты не были, как иногда думают, стерты отпечатком корпоративной печати. Борджиа был жесток только к самому себе, и он, похоже, не был большим казуистом.

Настоящий вопрос заключается в том, насколько такие люди, как Оже, Поссевиен и Манарес, были ответственны за то общее настроение и вспыльчивость Екатерины, кульминацией которых стала Варфоломеевская резня. Не представляется вероятным, что кто-либо из них действительно был посвящен в заговор. В то время они не были хранителями королевской совести во Франции, и Екатерина вовсе не консультировалась с ними постоянно. Но с тех пор, как во время и после конференции в Пуасси Лайнез строго запретил ей предоставлять гугенотам элементарную свободу вероисповедания, они подтолкнули ее к той жесткой и нетерпимой политике, которая в конце концов приняла в ее больном сознании такую преступную форму. Их интеллектуальная кампания против гугенотов провалилась. Они обратили в христианство немногих и призывали к насилию, чтобы предотвратить его распространение. Затем, когда гугеноты зашевелились от такого несправедливого обращения, они очень ревностно предупреждали суд о "заговорах". Мне кажется серьезным обстоятельством, что в 1567 году отец Манарес "обнаружил" со стороны парижских гугенотов замысел, мало чем отличающийся от того, который католики впоследствии осуществили против них; вероятно, это был зародыш кровавого предприятия Екатерины. Обсуждала ли она когда-либо свой план с кем-либо из

ведущих иезуитов, у нас нет никаких доказательств для определения. Позже, когда на их дом совершат налет, а их проповедники станут смелее, мы обнаружим, что парижские иезуиты открыто пропагандируют преступления в интересах религии. На данном этапе мы можем только сказать, что они проводили политику насилия и несправедливости, и преступление Екатерины, с которым они согласились, было крайним выводом из этого.

Одновременно с волнениями во Франции Алва занимался "умиротворением" Нидерландов. Здесь иезуиты неправильно рассчитали силу католиков и, поощряя политику жестоких репрессий, привели к своей собственной гибели. Только благосклонность принцев обеспечила им какое-то убежище в Бельгии, и теперь их дома исчезли в пламени гражданской войны. Их колледж в Дуэ был запрещен университетскими властями в 1567 году, но освобожден папской властью. Однако по мере того, как испанцы проводили решительную и кровавую политику, которую, как известно, одобряли иезуиты, толпы людей штурмовали их резиденции, и к 1570 году они были почти изгнаны из страны. Они вернулись вслед за Альвой, но к ним относились с ожесточенной враждебностью, и обычно их обвиняли в том, что они перестроили свой дом в Антверпене на награбленное во фламандских городах. Отец Саккини тронут тем, что сетует на порочность людей, которые могли питать подобные подозрения, хотя, как замечает их язвительный критик Штайнмец, "было бы лучше заменить эту моральную максиму указанием, откуда были получены средства на строительство или украшение дома в Антверпене".

Когда мы переходим к Германии, мы, естественно, обнаруживаем, что иезуиты являются апостолами терпимости, милосердия и спокойного интеллектуального обсуждения различий в вероисповедании на севере, фанатичными нетерпимыми на юге и сторонниками любого мыслимого компромисса между двумя крайностями в промежуточных или смешанных государствах. Канисий по-прежнему придерживался своей великой работы и своих строгих стандартов. Назначенный легатом папы римского в 1565 году, он пешком пересек всю Германию и укрепил лояльность католических правителей Тридентскому собору. В следующем году мы находим его на сейме Аугсбурга, помогающим объединить протестантов и католиков против турок. Им было основано много новых колледжей, в том числе три в Польше, еще до смерти Борджиа. С другой стороны, из более католических и процветающих центров в Рим приходилось отправлять серьезные отчеты. Диллингенский университет, который контролировали иезуиты, в 1567 году был уличен в ереси, и тщательная проверка привела к тому, что некоторые иезуиты (включая английского беженца Эдварда Торна) перешли к протестантам. В 1570 году ректор-иезуит Пражского колледжа стал протестантом и женился. В Баварии поднялся крик, что они калечат мальчиков в своих колледжах. Самый экстраординарный судебный процесс привел к их оправданию, но против них существовало глубокое и широко распространенное предубеждение. В том же 1565 году они подверглись жестокому нападению в Австрии. Их колледж в Вене подвергся нападению разъяренной толпы, и дворяне, созванные Максимилианом, отказались оказать помощь в кампании против турок, если император не выгонит иезуитов.

В итальянских хрониках Общества рассказывается о медленном продвижении вперед, перемежаемом приступами враждебности. К 1567 году в римском колледже насчитывалось более тысячи учеников, но провинции начали роптать на бремя содержания этого заведения, и следующая конгрегация ограничила бы его рост. В Генуе, Сиене и других городах отцы боролись с бедностью; в одном месте колледжу пришлось отказаться от борьбы и умереть. Однако в большинстве районов Общество процветало и приспособляло свою работу к

обстоятельствам. В 1567 году в Палермо мы слышим о странном зрелище, известном как "Триумф смерти", устроенном иезуитами. Люди в мешковатых одеждах со свечами, огромной фигурой Христа в гробу и двести флагеллантов, которых отряд хористов, одетых отшельниками, побуждал к этим жутким упражнениям, прошли перед повозкой, в которой находился чудовищный скелет, возвышавшийся над крышами домов, с огромной косой в руке. На севере зывали к принцам. Борromeо по-прежнему благоволил Обществу в Милане, в то время как в Ферраре и Флоренции иезуиты руководили совестью принцесс. Дочери императора, вышедшие замуж за герцога Феррарского, и Франциск Медичи настояли на том, чтобы оставить у себя духовников-иезуитов; и, когда Борджиа отказался дать им разрешение, сами исповедники заявили, что прекрасные дамы никак не могут поддаться чужому влиянию. Борджиа неохотно согласился. Он видел и сожалел, что одно из самых суровых правил Общества было принесено в жертву целесообразности, но его советники, казалось, взяли над ним верх. Игнатий санкционировал назначение первого королевского духовника: теперь их было четверо.

После осмотра провинций, в которых он увидел много такого, что расстроило его суровые чувства, Борджиа, измученный, вернулся в Рим. Он умер через несколько недель (1 октября 1572 г.), и Поланко, один из самых способных администраторов римского центра, был назначен генеральным викарием. Он назначил выборы на апрель, и ранней весной самые известные офицеры армии начали прибывать со своих отдаленных полей сражений. Оже был настолько занят во Франции, что не захотел приезжать в Рим; он был с католическими войсками, осаждавшими гугенотов в Ла-Рошели. Но там было впечатляющее собрание ветеранов Общества. Сальмерон и Бобадилья все еще были там, чтобы рассказать историю своего скромного начала на склонах Монмартра тридцать лет назад; Рибаденейра, Мигель де Торрес, Канисиус, Поссевин, Манарес, Лео Энрикес, Мирон, Поланко и другие отцы, перед которыми склонялись короли, пришли от границ в вечный город, как это делали командиры легионов до них. И из этой блестящей группы один из самых слабых по способностям и отличиям, отец Эверард Меркуриан, был избран генералом.

Вмешался новый папа Григорий XIII. "Сколько у вас было испанских генералов?" - спросил он, когда старшие иезуиты подошли поприветствовать его. Все трое были испанцами. "Сколько голосов среди вас имеют испанцы?" затем он спросил. Вполне достаточно, чтобы еще раз избрать испанца, к чему они и стремились; и человеком, на котором они сосредоточили свои мысли, был одаренный и энергичный Поланко. Но Поланко происходил из обращенных евреев, класса, которого не любили высокородные испанцы, и короли Филипп и Себастьян написали папе римскому с просьбой помешать его избранию. Отцы церкви почтительно возразили, что папа, который является Защитником их Общества, не должен принуждать их к принятию решений. "Неужели среди вас нет способных людей, кроме испанцев?" он пошел дальше и предложил Эверарда Меркуриана. Григорий знал, что слепое повиновение иезуитов папе было не из тех, которые спешат выполнить малейшее желание правителя, и утром в день выборов он послал кардинала сказать им, что они не должны избирать испанца. Они все еще возражали, но Грегори настоял на своем, и Меркуриан, мягкий и заурядный старик, был назначен генералом. Будучи бельгийцем, он, по крайней мере, был подданным Испании, и ему было шестьдесят восемь лет.

Затем отцы-призывники собирались день за днем, чтобы обсудить массу секретных сообщений из всех центров и принять те поучительные указы — по этому случаю было издано сорок восемь, — которые так ясно говорят нам об упадке первоначального духа. Игнатий научил их искать власти и богатства для Бога: это оказалось опасным уроком. В июне собрание разошлось, и Меркуриан приступил к своему семилетнему командованию. Реальный контроль был открыто возложен на отца Пальмио, помощника итальянца, пока отец Манарес не вытеснил его и не обеспечил себе главное место и надежду на преемственность. При этом прозвучала какая-то невразумительная формулировка; сейчас мы увидим, что Манарес, по крайней мере, несомненно стремился к главенству. Но различные провинции теперь находились под командованием таких способных людей, что прогресс Общества не замедлился. Давайте взглянем на более значимые события в провинциях, а затем подведем итоги работы Общества за первые четыре десятилетия его существования.

В случае с Испанией нам нужно только отметить, что вмешательство папы в выборы вызвало резкое возмущение, и среди отцов церкви распространилось чувство, которое, как мы увидим, получило самое необычное выражение при правлении Аквавивы. Несмотря на суровый замысел Игнатия и решительное правило Общества, согласно которому иезуит должен был притуплять каждую патриотическую жилу в своем сердце и знать себя только как гражданина града Божьего, испанцы лелеяли свою национальную гордость в пугающей степени. При амбициозном и властолюбивом Филиппе II, который мечтал о мировой империи и был готов включить иезуитов в свой дипломатический корпус, они процветали и были самой важной организацией в Обществе. Они были раздосадованы тем, что командование вышло из их рук, и начали подумывать об отделении от римских властей. Когда папский нунций умер в Мадриде в 1577 году, среди его бумаг были найдены мемуары, написанные в этом смысле. Позже мы увидим, как развивалось это чувство и как война с Римом привлекла внимание к вырождающемуся характеру испанской провинции.

Итальянские дела того десятилетия примечательны главным образом жестокой ссорой со святым Карлом Борромео в Милане. Он продолжал в течение нескольких лет покровительствовать им и нанимать их на работу. Отец Адорно оставался его духовником; в 1572 году он отдал им аббатство Браида под колледж, а в 1573 году доверил им Колледж знати в Милане. Они уже руководили епархиальной семинарией, и неприятности, похоже, начались с передачи этого учебного заведения Облатам (религиозной организации, основанной Чарльзом) в 1577 году. Кретино-Жоли объясняет, что иезуиты теперь контролировали так много учреждений в Милане, что были перегружены работой и умоляли освободить их от семинарии. Он апеллирует к Джуссано, составителю биографии святого; но Джуссано просто говорит, что Чарльз "передал семинарию облатам с согласия иезуитов", что является вежливым способом сказать, что они были уволены. Мы увидим, на самом деле, что Карл был убежден, что иезуиты находятся в распущенном и дегенеративном состоянии.

В следующем, 1578 году кардинал поссорился с губернатором Милана, и иезуиты разделились в верности друг другу. Адорно и еще несколько человек были верны Карлу, но придворный и модный проповедник-иезуит, которого назначили проповедовать Великий пост, напал на кардинала-архиепископа и высмеял его с одной из главных кафедр своего собственного города перед переполненной аудиторией богатых миланцев. Этот проповедник, Маццарино, дядя

знаменитого священника, был духовником и другом губернатора. Чарльз протестовал против этого неподобающего нападения, но провинциал-иезуит снова назначил Маццарино проповедовать Великий пост в 1579 году, и он напал на Чарльза более яростно, чем когда-либо. Все менее аскетичные миланские дамы, для которых он проложил путь праведности, стекались в его часовню и с удовольствием слушали его насмешки над аскетическими предписаниями их святого архиепископа. Чарльз обратил внимание провинциала на то, что Маццарино проповедовал моральные принципы скандальной распущенности, и его нападки на высшую духовную власть были очень вредными. Провинциал не стал упрекать Маццарино, и Шарль обратился к генералу. Единственным ответом генерала было, по просьбе некой графини, указание Маццарино проповедовать круглый год. Чарльз пригрозил отстранить проповедника от должности, и ему бросили вызов с кафедры; он пригрозил довести свои принципы до сведения инквизиции, и иезуиты послали курьера в Рим, чтобы защитить своего проповедника. Затем Карл поручил своему римскому агенту Специано передать дело в папский суд, и Маццарино был отозван своим генералом и церковным трибуналом от проповеди на два года.

Этот спор интересен по двум причинам. Во-первых, он иллюстрирует ценность "Истории иезуитов" Кретино-Жоли. Французский писатель игнорирует нападение в 1577 году и говорит, что, как только Маццарино начал плохо себя вести, "миланские отцы поспешили осудить неосмотрительного оратора", и генерал отозвал его. Конечно, верно, что духовник Шарля, Адорно, "не одобрял" своего брата-иезуита, но фракция Маццарино возразила, что он завидовал, потому что у Маццарино была большая аудитория для его проповедей; а Кретино-Жоли умалчивает о том факте, что провинциал, а какое-то время и генерал, демонстративно поддерживал Маццарино. Мы знаем об этом из писем Борромео своему агенту. [7] Дальнейший интерес к этой ссоре, который полностью замалчивается французским историком, заключается в том, что в этих письмах Карл высказывает очень суровые критические замечания в адрес иезуитов как организации. Вместо того чтобы придирается только к одному человеку, Маццарино, он придирается ко всем, кроме одного, своего духовника, к которому оставался привязан. "Я признаюсь, - пишет он Специано, - что в течение некоторого времени я чувствовал, что Обществу угрожает серьезная опасность упадка, если не будут приняты срочные меры". Иезуиты, объясняет он, принимают умных молодых людей независимо от их характера и предоставляют экстравагантные вольности своим коллегам по литературе. Они раздуваются из-за благосклонности знати и толп богатых женщин, которые стекаются к таким распущенным моралистам, как Маццарино. Мы также можем вспомнить здесь серьезное заявление племянника и преемника Карла, архиепископа Фредерика Борромео, получившего образование у иезуитов: заявление, повторенное в самых торжественных выражениях автором, которому он его сделал.

Я подробно остановился на этом споре, потому что здесь у нас есть редкое преимущество беспристрастного и безупречного свидетеля, и мы видим, насколько серьезная почва иногда возникает, когда можно найти независимые доказательства, для осторожного чтения иезуитских и проиезуитских авторов. Однако мы не должны впадать в противоположную крайность и делать вывод, что итальянские иезуиты в целом были любимцами дам, которые ценили снисходительность в своих духовниках и проповедниках. Это единственный серьезный скандал итальянской провинции при Mercurian.

Во Франции, как и в Испании, история является подготовкой к волнующим событиям следующей главы. Враждебно настроенный архиепископ Парижа умер, и Пьер де Гонди, сменивший его, был итальянцем из свиты Медичи и благосклонен к иезуитам. Карл IX уступил место Генриху II, и новый король избрал Оже своим духовником и дал иезуитам все, о чем они хотели попросить. Теперь не могло быть и речи о том, чтобы замалчивать их имя и привилегии во Франции. Третьим могущественным покровителем был кардинал де Бурбон, который приобрел для них "дом исповедующих" в Париже и попытался заставить университет включить в его состав свой колледж. Парламент и университет по-прежнему прилагали все усилия, чтобы остановить их триумфальное продвижение, но теперь они начали посылать своих учеников для получения высшего образования в университете и ослаблять его оппозицию. Их колледж в Лотарингии был преобразован в университет, и королевские ученики сидели у их ног. Когда была создана знаменитая Католическая лига, они с большим рвением взялись за ее работу, и мы увидим ужасный исход в следующей главе.

Следует отметить два инцидента в перманентной ссоре с парижским университетом. Один из иезуитов, Мальдонат, шокировал профессоров Сорбонны, уча, что непорочное зачатие Марии было вопросом свободного мнения, [8] и Рим поддержал иезуита. Более интересны мемуары, которые доктора Сорбонны представили папскому двору, когда в 1575 году кардинал де Бурбон пытался добиться создания иезуитского колледжа. Среди тяжких обвинений в алчности и захвате имущества других религиозных организаций мы находим странное обвинение в том, что иезуиты учили, что души освобождаются из чистилища после десяти лет страданий. Непрофессионалу этот тезис кажется академичным, а верующим - очень утешительным. На практике это действительно означало, что иезуиты утверждали, что через десять лет они могут направить на другие цели большие средства, завещанные им для проведения месс по усопшим.

В Бельгии альбом по-прежнему был полон проблем и превратностей. Когда Альва "умиротворил" провинцию, они открыли несколько домов, которые горожане (как в Антверпене и Льеже) угрожали сжечь. Затем, когда дон Джон, сводный брат Филиппа, потерпел поражение в 1578 году, иезуиты отказались принять присягу, навязанную Штатами, и были изгнаны из Антверпена и других центров. Они начали в некоторой степени восстанавливаться при герцоге Пармском, но им пришлось стать свидетелями отделения северных провинций и образования новой протестантской державы, Голландии, которой было суждено доставить им неприятности. В Лувене они вели борьбу с университетом, аналогичную той, что велась в Париже. В конце концов они подставили подножку знаменитому Мишелю де Баю (Baius), ректору университета, и послали своего блестящего молодого богослова Беллармина, которому тогда было всего тридцать лет, вступить с ним в длительную дуэль. Когда, наконец, они убедили Рим серьезно отнестись к ошибкам Бая, и папа послал отца Толедо добиться его подчинения, они начали подниматься с того низкого положения, в котором их держал университет.

Католики Австрии и Южной Германии продолжали выступать против них и запугивать, несмотря на самоотверженные усилия Канисия. Они подверглись ожесточенному нападению в Граце, Праге, Инсбруке и Вене. Император Максимилиан был даже вынужден запретить их венскому колледжу присуждать ученые степени или соревноваться в чтении лекций с университетом, хотя иезуиты вскоре добились снятия этого ограничения. Похоже, что они объявили лекции по тем же предметам и в те же часы, что и в университете, и, как всегда, не вносили никакой платы. Это было одной из главных проблем университетов, тем более что иезуиты явно надеялись получить контроль над самими университетами. Другая жалоба, которую мы заметили в обвинительном

заключении парижан, заключается в том, что они каким-то образом приобрели собственность более старых религиозных орденов. Один из многих примеров этого происходит в настоящий период. Они открыли колледж во Фрайбурге, и их пригласили работать в швейцарские кантоны. В начале их миссии папа выделил им доходы Марсенского аббатства, и вскоре у Канисия появился центр борьбы с кальвинизмом в Швейцарии. Польские колледжи продолжали процветать, как мы сейчас поймем, при короле Стефане Батори.

Самым интересным приключением под властью Меркурианца является попытка проникнуть в Швецию. Принципы Реформации были радушно приняты в Швеции и, казалось, что король Иоанн III. что мир может быть обеспечен только за счет какой-то компромисс между старой верой и новой. Однако Иоанн был женат на сестре королевы Польши, и иезуиты, которым был строжайше запрещен въезд в королевство, увидели в этом средство перехитрить бдительных протестантов. Сочетание женщин и иезуитов было высшим средством сдерживания прогресса Реформации в Европе.

В 1574 году в Стокгольм прибыл посланник, чтобы передать привет от Анны Польской ее сестре Екатерине. Нельзя было закрывать ворота перед посланником, хотя было известно, что изысканная одежда посла была тонкой маскировкой польского иезуита отца Варшевича, а секретные инструкции посланника состояли в том, чтобы исправить либерализм Иоанна и предложить ему союз с Испанией. Джон знал богословие и целую неделю препирался с посланником во дворце. Миссия оказалась безрезультатной, и в 1576 году Джона убедили согласиться на еще более романтическое приключение. Молодой норвежец представился протестантскому духовенству Стокгольма и сказал, что, проведя несколько лет в южных университетах, он хотел бы получить место профессора в новом колледже, который они создают. Он умолял, чтобы они рекомендовали его королю, и они рекомендовали, так что он добился назначения. Это был иезуит отец Николай, который, как знал Джон, был прислан из Рима с инструкциями совершить это удивительное мошенничество. Николай, несомненно, солгал протестантским властям о своих убеждениях, чтобы получить место преподавателя теологии в протестантском колледже. Когда мы размышляем о том, что он действовал по инструкциям из Рима, и что ни один иезуитский или проиезуитский писатель, похоже, не видит в его поведении ничего предосудительного, мы чувствуем, что иезуитская дипломатия уже достигла стадии, которую было бы невежливо описывать простым английским языком.

Николай, по-видимому, занимал свою кафедру лютеранского богословия в течение значительного времени. Были те, кто учуял ересь в его лекциях, но они были быстро изгнаны, и Николай даже стал ректором колледжа. Многие бы отдал за то, чтобы сегодня иметь экземпляр лекций этого лютеранско-иезуитского проповедника. Затем властный Поссевин был отправлен в качестве легата с ирландским иезуитом Уильямом Гудом в качестве компаньона. Он должен был предотвратить союз Швеции и Голландии и исправить ошибки короля. Поссевин сначала отправился в Прагу, где убедил вдову Максимилиана назначить его своим послом в Швеции, а затем, одетый соответственно роли, со шпагой, болтающейся на боку, он смело вошел в Стокгольм, где профессор Николаи все еще преподавал лютеранское богословие в своей утонченной манере. Методы контрреформации отличались от методов Лютера. Иоанн был готов вернуться к вере и вступить в союз с Испанией, если Рим разрешит брак священников, проведение мессы на шведском языке и другие требования реформаторов. Поссевин поспешил в Рим, оставив по дороге свой меч, и яростно настаивал на том, чтобы комиссия кардиналов предоставила эти уступки. Это (если не считать некоторых замечательных послаблений,

которые позже были предоставлены иностранным миссиям) единственный случай, когда иезуит умолял о компромиссе, но Поссевин был честолюбив. Не сумев добиться уступок, Поссевин поспешил к герцогу Баварскому, императору и королю Польши, чтобы, по крайней мере, предложить Иоанну обещанные им материальные союзы, если он порвет с Англией и Голландией. Но он мало что мог предложить, и протестанты теперь были встревожены; и Поссевина, Гуда, Варшевича и профессора Николаи вежливо выпроводили из страны.

О зарубежных миссиях, которые приведут нас в еще большее бешенство, когда иезуиты утвердятся прочно, должно быть достаточно нескольких слов. В Индии использование гражданской власти для поддержки их проповеди продолжало увеличивать число и ограничивать качество обращенных. Японская миссия продвигалась медленно и была ликвидирована в некоторых крупных городах. Ворота Китая были вежливо открыты, чтобы впустить португальскую миссию (в составе которой были переодетые иезуиты), но после собеседования в Кантоне снова вежливо закрыты настороженными мандаринами. Поселение в Бразилии сильно пострадало от болезней, которые европейские христиане принесли в Южную Америку, наводя ужас на местных жителей; и серьезные потери были понесены в 1570 году, когда корабль, перевозивший сорок иезуитов в Бразилию, был захвачен "пиратами-гугенотами". Все они были убиты. Флориду, Мексику и Перу посетили впервые за это десятилетие, и несколько отцов заложили основы новых миссий. В целом, миссионерская деятельность при Борджиа и Меркуриане не соответствует ранее данному обещанию.

Меркуриан умер летом 1580 года, всего через сорок лет после основания Общества. Несомненно, за эти четыре десятилетия был достигнут значительный прогресс. Десять иезуитов превратились в грозную армию из 5000 обществ (включая послушников и братьев-мирян), борющихся с ересью в будуарах королей и на рыночных площадях Германии, воспитывающих сотни тысяч молодых людей по всей Европе в фанатичном рвении к папству, распространяющих его влияние на мирян с помощью братств, распространяющих обширную литературу, от яркой брошюры до увесистого фолианта, касающуюся великой религиозной борьбы, ношения одежды нищего или шелковой одежды монарха. о благородных людях, говоривших на сотне языков и ежегодно отправлявших десятки людей в земли, откуда они никогда не вернутся и где их ждали лихорадка или топор. Они были костяком контрреформации, одинаково грозной из-за простой и суровой преданности одних, блеска и образованности других и беспринципности третьих в служении Церкви. И каждый человек и каждое движение каждого человека регистрировались в центральном бюро в Риме, где четыре пронизательных руководителя руководили стратегией и тактикой этого разбросанного по планете полка.

Наш обзор роста и эволюции этой духовной армии предостерегает нас от обобщений. Неправда, что иезуиты с самого начала были алчными, амбициозными и беспринципными; неправда, что они сохраняли свой дух незапятнанным в течение полувека, а затем выродились. Никакой эпитет не применим к ним как к группе, за исключением того, что в корпоративном плане они отличались от всех других религиозных организаций дипломатическим характером своих действий. В их рядах можно было встретить самых разных людей: сурового флагелланта и добродушного царедворца, человека, который служил бедным, потому что они были бедны, и человека, который служил им в назидание богатым; человека, который с улыбкой бросался в объятия смерти, и человека, который любил маскировку и авантюрное уклонение от смерти, святого и грешника, крестьянина, дворянина и ученого. Никакая единая печать не стирала их индивидуальных характеров. Слабые, чувственные или казуистичные выродились в первое

десятилетие: сильные сохраняли свой идеализм до последнего. Но эта изначальная тенденция посвящать мирские уловки высшей цели, придавать значение эффективности, а не внутренней уместности средств, стремиться к богатству и власти, потому что они обеспечивают более быстрый успех, шла своим неизбежным чередом, и от рекомендации лгать во имя Христа мы вскоре увидим, как некоторые из них переходят к попустительству пороку и совету совершить преступление.

СНОСКИ:

[4] Ранее я объяснял различие между простыми и торжественными обетами и то преимущество, которое имели иезуиты, ограничивая последние несколькими избранными из своего сообщества. См. стр. 30. Эти "простые" обеты сейчас допускаются в других орденах, но на протяжении веков они были присущи только иезуитам и были очень неприятны старым орденам.

[5] Позже выяснится, что Манарес был человеком с твердой совестью и позже навлек на себя порицание своих братьев за неподобающее поведение.

[6] Я могу привлечь внимание к любопытной иллюстрации трудности вынесения вердикта по делу о Варфоломеевской резне. В том же томе *Кембриджской современной истории* нам сообщается (стр. 20), что "Григорий XIII. говорят, что он выразил тревогу", и (стр. 285) что он услышал новость с "триумфальным одобрением". Несомненно, нет серьезных сомнений в том, что второе утверждение верно.

[7] See a selection in the *Annales de la Société des soi-disans Jésuites* (1764), vol. i. pp. 132-159.

[8] Это не стало догмой Церкви до 1854 года.

ГЛАВА V

ПРОГРЕСС И УПАДОК ПОД РУКОВОДСТВОМ АКВАВИВЫ

Старшие из отцов церкви, которые подчинились призыву к новым выборам и собрались в Вечном Городе, должно быть, задавались вопросом, обойдется ли это без нового проявления тех самых человеческих страстей, которые так часто проявлялись среди них при таких обстоятельствах. Отец Оливер Манарес был назначен генеральным викарием и объявил о проведении выборов весной 1581 года. Мы помним Манареса как удачливого первооткрывателя гугенотских заговоров в Париже, а затем столь же успешно вытеснившего отца Пальмио с должности главного помощника Меркуриана. Он добрался до ступеней трона, и наиболее религиозные собратья теперь были поражены, обнаружив, что он бесстыдно агитирует за голоса избирателей, несмотря на строгий запрет в их Конституциях. Четверо старших отцов были сразу же назначены расследовать выдвинутое против него обвинение. Бобадилья, все еще порывистый и властный в своем преклонном возрасте, был одним из четверых, но он так сильно выразил свое негодование по поводу обвинения, выдвинутого против его друга, еще до начала расследования, что им с большим трудом удалось вывести его из состава комиссии; и когда члены комиссии признали Манареса виновным, он вызвал очень серьезные волнения в

палате представителей. В конце концов Манареса убедили отказаться от своего права выдвижения кандидатуры, и отец Аквавива был избран.

Клод Аквавива был одним из самых молодых выборщиков. Хотя уже началась напряженная работа по отбеливанию его темных волос южанина, ему было всего тридцать семь лет; но он отличался высоким происхождением, большими способностями, честностью и счастливым сочетанием решимости и холодной невозмутимости, которые напоминали Лайнца. Он был сыном неаполитанского герцога Атри, и ему было суждено править Обществом в течение тридцати четырех лет того опасного периода, когда его стремление к богатству и власти в служении Богу завело его на темные пути политических интриг и накопления земных сокровищ. Теперь мы обнаружим, что семена гниения распространяются на большие площади и быстро прорастают. Мы станем свидетелями исключительного расцвета мирского духа на испанском полуострове и становления политического иезуита, каким он известен в истории Англии, которую я оставляю для особой главы, и Франции.

Первые несколько лет правления Аквавивы были мирными. Дружественный папа Григорий XIII занял римский престол, и Общество увеличилось в численности и престиже. Джезу, знаменитая столичная церковь иезуитов, была открыта папой римским в 1583 году; Григорианский календарь был в значительной степени составлен одним из их членов, ученым Клавием Баварским. Но Григорий умер в 1585 году, и Аквавива приготовился к борьбе с папством. Суровый, деспотичный Сикст V теперь получил тиару, и весь Рим ожидал, что он подрежет крылья парящему Обществу. Аквавива подумал, что было бы благоразумно разоружить папу и отречься от жажды власти. Он предложил отказаться от контроля над Римской семинарией. Сикстус отказался от предложения и ждал удобного случая; и в следующем, 1586 году вспышка и рев сгущающихся туч в Испании побудили его вмешаться.

Испанские отцы, как я уже говорил, рассматривали генеральство почти как наследственное право и были возмущены избранием Меркуриана и Аквавивы. Но это чувство настолько противоречит религиозному идеалу Общества, что мы сразу же заподозрили серьезное разложение характера испанских иезуитов, и мы находим несколько замечательных свидетельств этого. Официальная история Общества в Испании не пытается скрыть, что при Борджиа и Меркуриане был широко распространен упадок, [9] и я показал, как это было связано с материальным достатком, отсутствием серьезной работы и соседями-еретиками. Однако у нас есть более необычный и обширный отчет об этом упадке. Один из самых блестящих испанских иезуитов, Мариана, знаменитый сторонник царевубийства, стремился дискредитировать римские власти, показав коррупцию, которой они позволили погрузиться в его собственную провинцию, и его *"Тратадо дель Говерно де ла Компанья де Хесус"* дает нам очень откровенную картину испанских домов. Эта работа, естественно, не была опубликована Марианой. Как и многие документы Общества, он предназначался для частного распространения в рукописи, но был найден среди его бумаг епископом, которого король назначил изучить их, и единственным основанием для заявления некоторых иезуитов о том, что он частично поддельный, является то, что им не нравятся содержащиеся в нем откровения. Постановления самого Общества подтверждают суть его обвинений, а характер и дух книги вполне соответствуют ее иезуитскому авторству.

В нем жалуются, главным образом, на низкий уровень культуры и большой комфорт жизни испанских отцов. Из 540 иезуитов в Испании 230 являются братьями-мирянами: обстоятельство,

которое следует иметь в виду, когда мы читаем, что в Обществе насчитывается так много тысяч членов. Брат-мирянин - всего лишь слуга священников, и огромная доля этих братьев-мирян в Испании означает, что отцы владеют большими фермами и виноградниками, продают продукцию на рынках (как мы узнаем из постановлений Общества) и благополучно живут на полученные доходы. Мариана не говорит открыто о пороке — достаточное доказательство того, что книга не была написана, даже частично, антииезуитом, — но он говорит, что "удовольствия" его коллег "чрезмерны и скандальны". Они также существенно увеличивают свои доходы, управляя делами своих кающихся; только в Вальядолиде таких капелланов-распорядителей насчитывается двенадцать. Они одеваются в дорогие ткани, путешествуют в экипажах или верхом на мулах и превышают свои немалые доходы. Вся провинция погрязла в долгах, но в собственном доме Марианы в Толедо расходы на душу населения составляют около 50 фунтов стерлингов в год: очень приличная сумма для того времени и места, для общины, обреченной на бедность. Фаворитизм и лесть подрывают дисциплину, а постоянная слежка и доносы вызывают ожесточенные ссоры в домах.

Этот серьезный отчет об испанской провинции — трезвый и убедительный, но мрачный по контрасту с примитивной жизнью и высокой профессией — написан исключительно с целью показать, что отдаленная власть не может поддерживать дисциплину, и испанские иезуиты должны иметь местную автономию и менее деспотичных правителей — одним словом, самоуправление и демократию. Такова нота замечательной борьбы, которая сейчас начинается между испанцами и итальянцами. Аквавива хотел сохранить суровый игнатианский идеал уничтожения национальности и держать иезуитов как можно дальше от их родных стран; но он совершил ошибку, удалив старых и давно обосновавшихся отцов и заменив их молодыми людьми, которые разделяли его собственные идеи, и, несмотря на свой идеал, он отдавал предпочтение итальянцам.

В 1586 году один из главных испанских недовольных, отец Эрнандес, обратился к Аквавиве за разрешением выйти из Общества. Когда Аквавива отказался, Эрнандес уведомил инквизицию, что генерал не позволит ему покинуть Общество, чтобы он не выдал некую тайну, которую иезуиты скрывали от инквизиторов. Мы видели, как мало инквизиторы и ведущие прелаты Испании любили иезуитов. Они сразу же заставили Эрнандеса раскрыть секрет. Один из иезуитов, по-видимому, соблазнил кающуюся женщину - преступление, от которого могла освободить только инквизиция, - но провинциал Марчений отпустил ему грехи и перевел в другой город. Большая сенсация была вызвана, когда инквизиторы сразу же посадили Провинциала, ректора Саламанки, и двух других иезуитов в их тюрьму и потребовали копии Конституций, Привилегий и других документов Общества. К радости Испании и разочарованию Аквавивы, они собирались провести общее расследование характера и жизни этого полутайного общества.

Аквавива ловко намекнул папе, что это один из тех любимых им случаев утвердить свою верховную власть, и поссорил Сикста с испанцами. Папа поручил своему нунцию в Мадриде вмешаться, и Аквавива послал иезуита завоевать расположение Филиппа II. Филипп, однако, был вполне готов к реформированию Общества, и инквизиторы продолжили арестовывать других иезуитов и требовать дополнительные документы. Восставшие испанцы теперь открыто требовали, чтобы у них был местный комиссар, независимый от Аквавивы, и генерал как можно быстрее вывез отцов из Испании и заменил их места иностранцами. Инквизиция постановила, что ни один иезуит не должен покидать Испанию. Ничто так не будило энергию Сикста V., как

ссора с местными прелатами, и теперь он гневно угрожал сместить кардинала с поста главы инквизиции, если все дело немедленно не будет передано ему. Итак, иезуиты были освобождены, а документы отправлены в Рим в 1588 году. Конечно, с того времени мы больше не слышали о нечестивом исповеднике, но Аквавива не рассчитывал на столь пристальное изучение документов Общества острым глазом Сикста V. И он опасался такого исхода. "Спутники Иисуса!" Сикст обычно бормотал, задумчиво поглаживая свою длинную белую бороду: "Кто эти люди, которых мы не должны называть, не склонив головы?" [10] Он сразу издал два предварительных указа. Первый запрещал иезуитам принимать незаконнорожденных сыновей; их собственное правило запрещало это, и указ только подтверждает обвинение в том, что иезуиты при приеме послушников рассчитывали главным образом на богатство или способности. Второй указ оставлял за генеральным или провинциальным собранием право принимать послушников. Аквавива воспротивился этому, и он был изменен — и умер со смертью Сикста V.

Тем временем в Испании возобновилась борьба. Один из французских иезуитов, которого Аквавива поставил вместо мятежника, оказался хуже своего предшественника. Он поинтересовался мнением инквизиции о письме, написанном самим Игнатием о послушании, и оно было немедленно осуждено. Аквавива снова передал дело на повторное рассмотрение в Риме, и, хотя Сикст говорил о письме на простом неофициальном языке, римская инквизиция оправдала его, и дерзкий отец Винсент оказался в папской тюрьме за то, что продолжал подвергать сомнению авторитет папы. В то же время неосмотрительный шаг со стороны критиков Общества объединил испанских иезуитов со своим генералом и на время положил конец борьбе. Король назначил епископа для расследования состояния всех религиозных орденов в Испании и устранения их нарушений. Ни местные иезуиты, ни генерал не хотели, чтобы "королевский визитатор" заглядывал в их винные погреба, и Аквавива снова обратился к папе, не забыв напомнить Сиксту, который в высшей степени ненавидел клерикальных "ублюдков", что этот епископ Карфагенский подпадал под эту категорию. В то же время он послал в Мадрид английского иезуита, отца Парсонса, который тогда, как мы увидим, помогал Филиппу присоединить Англию к испанской короне. Ему было позволено самому выбирать себе "посетителя", и испанские отцы были достаточно поглощены этим новым занятием в течение следующего года или двух.

Тем временем Сикст размышлял над огромной массой представленных ему иезуитских документов, и в 1590 году он намекнул, что собирается провести радикальную и всеобъемлющую реформу. Название Общества должно быть изменено; дата принятия обетов и классификация членов Общества должны быть изменены; правила в отношении "братского исправления" (эвфемизм в иезуитских правилах для обозначения шпионажа и распространения сплетен) и послушания должны быть изменены; и инструкции, которые фактически заставляли послушников оставлять свое имущество Обществу, хотя номинально советовали им оставлять его бедным, должны быть отменены. Аквавива вступил в эту отчаянную борьбу — никогда не было ни малейшего вопроса о том, чтобы иезуиты уступали папам по какому-либо пункту - с той холодной и упрямой решимостью, которая одна могла помешать пламенной энергии Сикста V. Сначала он долго и уважительно спорил с папой римским и убедил императора, короля Польши и герцога Баварского молиться о том, чтобы не произошло никаких изменений в характере Общества. Сикст мрачно улыбнулся и приказал кардиналу Караффе приступить к пересмотру их Конституций. Затем они набросились на кардинала, и Сикст пришел в ярость, обнаружив, что Караффа не добился никакого прогресса. Он знал, что они надеялись увидеть его смерть

прежде, чем он сможет сформулировать свои реформы, и он доверил эту работу четырем теологам, чьи взгляды он знал. Они составили грозный обвинительный акт против Конституций, но он должен был пройти через Священную коллегия — и Аквавива позаботился о том, чтобы он не прошел.

Нам нет необходимости вдаваться во все подробности этой четвертой за полвека попытки уклониться от самых позитивных и искренних указаний папы Римского. Это была гонка со смертью, и иезуиты прилагали самые решительные и беспринципные усилия, чтобы помешать папе достичь своей цели до того, как смерть настигнет его. Сиксту пришлось наказать одного иезуита за весьма резкий панегирик кардиналу Каэтану, своему сопернику и врагу, и арестовать другого за публичное сожаление о том, что в такие смутные времена у них не было Григория на троне. Умирающий деспот яростно сосредоточил свою угасающую энергию на своей последней задаче. Когда появилась новая книга Беллармина *"О сумме власти понтификата"*, он включил ее в Указатель, хотя Беллармин ему нравился, и книга действительно настолько возвеличивала папскую власть, что впоследствии была осуждена в Париже как мятежная. Поскольку кардиналы все еще препятствовали ему, он направил строгий личный приказ Аквавиве изменить название своего Общества. Он был недалек от смерти, но генералу сказали, что больше не может быть никакой изворотливости; однако он может попросить об изменении вместо того, чтобы ему его навязывали. Он подписал петицию, и папа составил свой указ. Он умер, не успев опубликовать его.

Нет серьезных оснований для слабых слухов о том, что иезуиты отравили Сикста V. Его смерть предвидели все, и иезуиты по опыту знали, что его указ умрет вместе с ним. Но римские сплетники сочли это совпадение слишком романтичным, чтобы оставить его без внимания. Аквавива приказал отслужить *новену* (девятидневную молитву) за Сикста в домах иезуитов, когда было объявлено о его болезни. Колокол звонил к вечерне на девятый день, когда престарелый папа скончался; и много лет спустя у римлян было мрачной, полусерьезной шуткой задаваться вопросом, когда они слышали иезуитский вечерний колокол, возвещает ли он о жизни другого папы.

После двухнедельного правления Урбана VII на трон взошел Григорий XIV. восстановил спокойствие Аквавивы и его коллег. Название их Общества было торжественно подтверждено, и их колледжам снова были предоставлены субсидии. Но Григорий был краткий период правления его преемника прошло еще быстрее от папского престола, а в начале 1592 Климент VIII. удался тиара. Обычно считалось, что Клименту не нравилась Аквавива, и повстанцы в Испании возобновили нападение на него. Испания и Португалия, которые все еще были объединены под властью испанской короны, были в равной степени едины в противостоянии римским властям. В годы трений с Сикстом V. испанские отцы Акоста и Карильо, а также португальские отцы Гоэлью и Карвалью поддерживали и возглавляли агитацию против Аквавивы, и было известно, что они пользовались поддержкой более способных людей, таких как Мариана, и сочувствием самого выдающегося и могущественного иезуита в Риме, Толедо, которого Климент сделал кардиналом. Аквавива не ослабил своих мер против этой могущественной коалиции. Он добился, по крайней мере, молчания Толедо; он льстил и пытался обезоружить Акосту, который был слишком большим любимцем Филиппа, чтобы подвергнуться наказанию; он изгнал некоторых менее влиятельных лидеров из Общества и привел других в Рим. Теперь, в последний момент, восшествие на престол Климента, казалось, вырвало победу из его рук, и испанцы воспрянули духом.

Акоста отверг уговоры генерала и убедил Филиппа отправить его в Рим с просьбой, чтобы новый папа созвал Общее собрание Общества и удалил Аквавиву из Рима на время его заседаний. В то время между герцогами Пармским и Мантуанским произошла ссора, и Климент любезно поручил Аквавиве отправиться на север и помирить их. Он не посмел отказаться от коварного назначения, но оставил после себя доверенного секретаря, и вскоре узнал, что Климент собирается созвать Всеобщее Собрание, чему Аквавива был категорически против. Он сообщил, что его миссия была тщетной и безнадежной; Клемент, по-прежнему вежливо, посоветовал ему набраться терпения, и силачу пришлось бездействовать на севере, пока испанцы отстаивали свою точку зрения. Он вернулся, чтобы найти Акосту в Риме, и Всеобщая конгрегация — "с целью укрепления общества и восстановления спокойствия в некоторых провинциях" — была объявлена на ноябрь. Другими словами, это должна была быть проба сил между Акостой и Аквавивой, между Испанией и Италией, и каждая сторона усиленно готовилась к перетягиванию каната; в то время как Рим легкомысленно аплодировал соперничающим детям Игнатия, а папа с улыбкой благословлял арену.

Как раз в это время Толедо получил красную шляпу, и испанцы умоляли папу назначить "кардинала" (Толедо) для руководства Конгрегацией. Он отказался; но Аквавива, в свою очередь, потерпел поражение, когда попытался изгнать Акосту из исповедуемого дома и исключить его из предстоящей Конгрегации. Не только Рим, но и иезуиты, рассеянные по всей Европе, теперь включились в лихорадочную борьбу. Мемориалы с молитвами о реформе общества и ограничении власти генерала начали поступать к папе от провинциальных иезуитов; ответные мемориалы последовали от сторонников Аквавивы. В общем, Аквавива восторжествовала, правда, с определенными уступками. Привилегии Общества, которые оскорбляли испанскую инквизицию, должны были быть отменены на полуострове; и Аквавива должен был менять своих Помощников и созывать Конгрегацию каждые шесть лет (приказ, который, конечно, "умер вместе с папой"). Был проведен обычный обзор состояния общества и вынесены замечательные указы, и отцы вернулись в свои провинции. Затем Аквавива произвел окончательную и решительную зачистку мятежников, и многие были изгнаны. Они все еще были достаточно могущественны, чтобы побудить папу назначить Аквавиву архиепископом его родного города, но он ускользнул даже от этого заговора. Затем они убедили папу римского, что Аквавиве целесообразно посетить Испанию и увидеть провинцию собственными глазами. Генерал явно верил, и это достаточно вероятно, что в Испании его ожидало нечто вроде тюремного заключения, и он предпринял отчаянную борьбу, чтобы уклониться от приказа папы. Его спасла смерть папы римского в 1605 году, и в течение нескольких лет после этого мы все еще видим, как он борется с мятежными испанцами.

Этот примечательный конфликт внутри Общества и с Папой римским, который я заимствую главным образом у иезуита Жувенси, продолжателя официальной "Истории общества", хорошо иллюстрирует, насколько потускнел апостольский огонь в одной из крупнейших провинций Общества; как его пламя было задушено и испорчено материальным процветанием. Когда мы обращаемся к Франции и Англии, мы получаем не менее ценную иллюстрацию того, как повеление стремиться к власти во славу Бога развивает то, что известно как политический иезуитизм. Я не вижу никакой внутренней причины, по которой священник не должен стремиться к политическому влиянию во имя религиозных интересов. Несомненно, в шестнадцатом веке не было четкого разделения религиозной и политической сфер. Но жалоба на иезуитов заключается в том, что их власти демонстративно запрещают политические действия, но в то же время позволяют и поощряют своих подданных тайно заниматься ими, и

даже способами, недостойными религиозных идеалов; короче говоря, иезуит выходит на поле боя под белым флагом политического нейтралитета, применяет оружие, которое осуждается в цивилизованной войне, а затем отрицает, что он вмешивался. Рассматривая сорок лет их жизни во Франции, мы имеем прекрасную возможность рассмотреть это обвинение.

Когда мы в последний раз уезжали из Франции, Католическая лига только начинала разжигать страсти в стране, и иезуиты принимали активное участие в ее работе. Историческую ситуацию можно напомнить в нескольких словах. Дети этого отвратительного типа женского политика, Екатерины Медичи, бесславно погибли. Генрих III все еще слабо занимал трон, но вопрос был в том, как долго он под руководством своего духовника-иезуита Оже будет продолжать развлекать Париж чередующимися приступами разврата и мелодраматическим раскаянием; а законным наследником престола был Генрих Наваррский, протестант. Католики, естественно, были встревожены и создали Лигу для "защиты своих интересов"; ее конкретной целью было, как знал каждый человек во Франции, обеспечить трон католику Генриху де Гизу.

Сложившаяся ситуация полностью пришлась по вкусу наиболее пылким и предприимчивым иезуитам, и (за исключением немногих неизбежных сторонников Филиппа Испанского) они доблестно маршировали под знаменами Лиги и трепетали при католических дворах Европы в интересах Гиза. Провинциал Клод Матье получил прозвище "Курьер Лиги" за свои многочисленные поездки в ее поддержку. Отец Анри Саммье пересек Италию и Испанию, проник в Германию и Англию, чтобы достичь своей цели. У него был большой гардероб маскарадных костюмов, которые он носил с грацией актера, и, по словам современного юриста Паскье, он был так же хорошо знаком с игральными костями и картами, как со своим требником. Эдмунд Хэй, шотландский иезуит и нежный защитник Марии Стюарт, оказал этому делу свою горячую помощь. Отец Оже, однако, не был ярым сторонником Лиги, и он предпринял попытку заставить замолчать своих более молодых коллег. Он убедил Генриха III. присоединиться к Лиге, чтобы Лига не была склонна ждать естественной смерти молодого короля, но он справедливо не доверял Гизу. Не следует предполагать, что он придерживался более строгих стандартов иезуитского долга, чем другие, поскольку его королевский кающийся был печально известен своим распущенным поведением, болезненной любовью к драгоценностям и женской одежде и полным принижением своих настоящих дарований. Дело в том, что он видел политических соперников в Матье и Саммье с их рвением к Гизу, а также в Парсонсе и других с их привязанностью к Филиппу Испанскому. Он пожаловался Аквавиве, и генерал, чувствуя, что такая политическая работа должна вестись не открыто, а через мирян, контролируемых иезуитами, поддержал его. После длительной борьбы Аквавива сверг Матье и перевез его в Италию, передал одаренного Саммье и его гардероб в Бельгию, а затем обратился против самого Оже. После очередной жестокой борьбы он выгнал Оже со двора. Иезуиты иногда бывают очень живыми "трусами", когда их начальство желает их убрать.

Это, однако, было в основном личной ссорой. Одон Пигна, новый провинциал, и десятки других отцов были ярыми участниками Лиги. Дом иезуитов в Париже все еще использовался для тайных собраний Лиги, а "Комитет католической безопасности" был создан по вдохновению Пигена. Французский апологет не ставит под сомнение их энтузиазм в работе Лиги, и никто не ставит под сомнение тот факт, что целью Лиги было воспрепятствовать восшествию на престол законного наследника. Действительно, при следующем драматическом повороте французских дел все это стало ясно всем.

В 1588 году Гиз был приглашен в Париж и встречен там с таким бурным ликованием, что Генрих III. бежал в Блуа, а вскоре после этого Гиз и его брат-кардинал были приглашены в Блуа и подло убиты там Генрихом. Лига теперь разведала свои знамена на ветру, а Генриха проклинали с сотен кафедр. Когда он бросил вызов папе римскому и заключил союз с Генрихом Наваррским, который быстро продвигался к Парижу, католические чувства возросли до фанатизма, и Генрих III. в свою очередь был убит доминиканским монахом Жаком Клеманом. Иезуиты, несомненно, были не единственными проповедниками, аплодировавшими этому убийству, но они были одними из первых, кто понял и громче всех заявлял, что если король может быть отправлен в отставку частной рукой за преступление, то он, безусловно, может быть смещен, когда задумает гораздо более серьезное преступление - ввергнуть нацию в ересь. Отец Коммоле, настоятель дома иезуитов в Париже и выдающийся проповедник, призвал со своей кафедры ко "второму Эхуду", чтобы сместить Генриха Наваррского. Отец Мариана, который вскоре после этого написал свое знаменитое "*Деяние*", приветствовал убийцу как "вечную славу Франции" и говорил об этом "запоминающемся зрелище, призванном научить принцев, что безбожные предприятия не остаются безнаказанными".

От имени иезуитов было сказано, что даже их старый враг Сорбонна присоединилась к общему ликованию по поводу убийства Генриха III, но те, кто настаивает на этом, забывают или игнорируют тот факт, что в течение нескольких прошедших лет иезуиты посылали учеников в университет, чтобы постепенно пополнить его факультеты. Это больше не было отчетливой антииезуитской организацией, с которой мы встречались в предыдущие годы. Также нет необходимости обсуждать абстрактный вопрос, учили ли иезуиты тираноубийству. Сам Кретино-Жоли цитирует четырнадцать богословов-иезуитов того времени, которые допускали убийства королей, не говоря уже о более или менее безвестных писателях, и мы можем быть уверены, что политики Общества были не более щепетильны в этом вопросе, чем их богословы. Хорошо известная работа Марианы, на которую я ссылался, "*О праве и региональном учреждении*" (1599), была разрешена к публикации иезуитскими властями, и только после убийства Генриха IV в 1610 году Аквавива, стремясь спасти французских иезуитов от изгнания, запретил своим подданным преподавать опасное учение. Даже тогда он написал сначала только французским иезуитам, и только когда крик негодования прокатился по другим странам, он сделал орден генеральным. Короче говоря, его общий приказ был настолько двусмысленным, что даже менее гибкий политик, чем иезуит, мог бы найти в нем выход. Он осудил доктрину о том, что "любой человек под любым предлогом может убивать королей и принцев"; что оставляет за казуистами право заключить, что *определенные* люди могут делать это по *определенным* причинам. [11]

Генрих Наваррский захватил Париж, и нет сомнений в том, что иезуиты были одними из самых ярых сторонников сопротивления ему. На более позднем судебном процессе в Парламенте, который мы рассмотрим, они признали, что драгоценности короны были спрятаны в их доме во время осады и что там встречались вожди Лиги. Стоит привести любопытный эпизод осады. Еды стало катастрофически не хватать, и полуголодные горожане боролись за то, чтобы завести кошек и крыс, но обитатели религиозных домов оставались холеными и довольными. Гражданские власти распорядились провести проверку их домов, и их апологет признает, что иезуиты пытались добиться освобождения от этого обыска. Когда власти настояли на своем, в их доме был обнаружен богатый запас продовольствия. Однако их рвения к народному делу было достаточно, чтобы перевесить это неприятное открытие, и они продолжали громить еретика. Герцог Майенский теперь был католическим кандидатом на трон, хотя значительное

число иезуитов теперь смотрели на Филиппа Испанского. Он должен был быть, как и в Англии, "защитником веры" — до тех пор, пока для него не станет безопасным присоединить страну к своим раздутым владениям. Сикст V, однако, ни в коем случае не разделял этот иезуитский и испанский идеал сделать Филиппа главой огромной мировой державы, и он начал переговоры с Генрихом, силы которого набирали обороты. Затем умер Сикст, и восшествие на престол происпанского папы придало Лиге новую энергию. Но Париж устал от осады, и когда Генрих благоразумно объявил, что собирается серьезно изучить свидетельства в пользу католической веры, оппозиция рухнула. Иезуиты были одними из последних в Париже, кто раздул тлеющие угли Лиги, и когда, наконец, в марте 1594 года Генрих вступил в Париж и получил корону, они (вместе с капуцинами и картузианцами) отказались подчиниться, пока папа не отпустит ему грехи.

Но они очень скоро расстались с менее сообразительными капуцинами и замкнутыми картузианцами, и следующая страница их истории во Франции не лишена юмора. Политическое изучение Генрихом католического вероучения, конечно, привело к его "обращению", но папа обладал достаточной порядочностью чувств, чтобы не доверять столь своевременной и выгодной смене вероучения, и он холодно отверг добродушного монарха. Когда Генрих отправил герцога де Невера в Рим отстаивать свое дело перед папой римским, Климент приказал иезуиту Поссевину перехватить его в Италии и сказать, что папа отказался его видеть. Мы помним Поссевина как изобретательного и сговорчивого шведского легата, и мы увидим другие доказательства его дипломатических способностей. С дерзостью, которой, должно быть, почти нет аналогов в хронике папской дипломатии, он сделал прямо противоположное тому, что приказал папа: он уговорил де Невера встретиться с папой, а затем бежал перед бурным гневом Климента и испанцев. Это была первая услуга, оказанная Генриху иезуитом, за которой быстро последовали другие полезные услуги. Они осознали силу Генриха и изменили свою политику. Кардинал-иезуит Толедо, хотя и был испанцем, вмешался в пользу Генриха, и глава дома иезуитов в Париже Коммоле — проповедник, который призывал к убийству Генриха, — приехал в Рим, чтобы сказать, что он и его коллеги теперь убеждены в искренности короля и умоляют папу уступить.

Эта смена фронта пришлась как нельзя кстати. Хотя враждебность университета к иезуитам ослабла из-за проникновения учеников-иезуитов на богословский факультет, он по-прежнему ненавидел Общество, и его лидеры чувствовали, что могут извлечь некоторую выгоду из упорного сопротивления Генри. В апреле университет умолял парламент изгнать иезуитов из королевства. Еще одна крупная дискуссия, в ходе которой антииезуитские юристы Парижа обрушились на Общество и выдвинули против него все обвинения, какие только можно было найти в Европе, позабавила сочувствующих граждан. Арно, который теперь был на местах, оценил общий годовой доход иезуитов более чем в два миллиона *ливров*; он сказал, что только во Франции они за несколько лет обеспечили доход в двести тысяч *ливров* в год, и он красноречиво осудил их вмешательство в политику. Иезуиты выступили в замечательную защиту, заявив, что они присоединились к Лиге только для того, чтобы умерить ее пыл, что у них нет непатриотической привязанности к Испании и что в будущем они будут тщательно избегать политики. Генри разрешил им остаться. Незадолго до этого (август 1593 г.) Барьерр попытался убить его, и, поскольку у Барьера был духовник-иезуит, было высказано предположение, что иезуиты вдохновили его. Генри сказал, что, напротив, именно иезуиты предупредили его о заговоре. Более полное ознакомление с этим предупреждением было бы чрезвычайно интересно, но у нас нет никаких доказательств этого, кроме прямого заявления Генри позднее.

Иезуиты должны были остаться, избегать политики и, как ранее постановил Генрих, уничтожить всю литературу, касающуюся Лиги и прошлых потрясений.

27 декабря того же 1594 года Жан Шастель попытался убить Генриха, и на иезуитов обрушилась яростная буря. Два неоспоримых факта четко выделяются из длительной полемики, последовавшей за этой попыткой; Шастель получил образование в иезуитском колледже, прежде чем поступить в университет (ему было девятнадцать лет), и он совещался со своим бывшим профессором, отцом Герэ, за несколько дней до попытки. Это ни в коем случае не является удовлетворительным доказательством соучастия иезуитов, но суду была представлена еще одна улика, носящая весьма подстрекательский характер. Власти совершили налет на иезуитский колледж и обнаружили в комнате ректора большое количество литературы Лиги, которую Генри строго-настроено приказал уничтожить. В частности, были документы, написанные настоятелем, отцом Гиньяром, в которых Генри подвергался самым жестоким оскорблениям и требовал его смерти. Они были написаны пять лет назад, но сохранение их считалось очень серьезным признаком скрытых чувств иезуитов. Мы можем признать, что суд все же вышел за рамки доказательств, осудив иезуитов. Гиньяр был казнен, Герет подвергнут пыткам, а всем членам Общества было приказано покинуть Францию в течение трех дней. 8 января тридцать семь иезуитов с грустью отправились в Лотарингию, и на доходы от их конфискованного имущества в Париже была воздвигнута большая каменная пирамида с приговором "пагубной секте".

Это внезапное падение с их гордого положения стало ценой политических действий, но Генрих был не в том положении, да и не в том характере, чтобы выдержать приговор, и иезуиты сразу же начали борьбу за отзыв. В течение десяти лет ненавистная пирамида была разрушена, и иезуиты восстановили свой престиж. Они никогда полностью не покидали Францию. Некоторые сбросили рясы и стали, по внешнему виду, "мирскими" учителями молодежи; некоторых приютили местные парламенты. Последовало официальное примирение Генриха с папством, и папа призвал его отозвать иезуитов. Он снова умолял Генриха заключить мир с Филиппом Испанским, когда вел переговоры для Генриха, но парламент твердо придерживался своего указа, и Генрих посоветовал им подождать. Затем папа оказал Генриху услугу, аннулировав его брак, и бдительный Аквавива снова оказался в тени папского трона. Отец Маджио был послан в свите архиепископа Арльского завоевать расположение короля. Они знали Генриха и проницательно выбрали посланника, который мог перенять широкий ум, который нравился Генриху, так же легко, как Поссевин или Парсонс могли носить шпагу, а Риччи - косичку. "Сир, - сказал Маджио королю грубости, когда дело затянулось, - вы медлительнее женщин, потому что они вынашивают свой плод всего девять месяцев". - Совершенно верно, отец Маджио, - сказал Генрих, - но королей избавить от бремени не так легко, как женщин. Это был способ завоевать Генриха IV., и он был завоеван, но общественное мнение все еще было слишком враждебно по отношению к иезуитам. В 1603 году им представился удобный случай. Гугеноты были настолько неосмотрительны, что оскорбили папу, и иезуиты должны были быть восстановлены для утешения папы; кроме того, появилась новая королева, Мария Медичи, и любезный отец Котон завоевал на нее влияние. И в начале 1604 года парламент угрюмо зарегистрировал указ о реадмиссии иезуитов, и все отцы церкви принесли звучную клятву верности королю "без мысленных оговорок", как гласил указ; ни одну другую группу людей никогда не нужно было оскорблять подобным пунктом.

Оставшиеся годы, вплоть до убийства Генриха в 1610 году, знаменуют быстрое восстановление Общества. Отец Котон был королевским проповедником и исповедником и приобрел такое влияние, что, когда король оставался глух к их молитвам или протестам, люди говорили, что у Генриха "вата в ушах"; и град памфлетов и контрпамфлет - остроумных, яростных и грубых с обеих сторон — снова оживил Париж. Они построили больше домов, чем когда-либо прежде, и получили допуск в протестантский Беарн и канадскую миссию. Едва ли в Европе был более щедрый благодетель Общества, чем Генрих, хотя мы можем поверить Ришелье на слово, что он не доверял им как организации и действовал исходя из политики. В конце концов Генрих осознал реальную ничтожность их влияния на него и начал готовиться к войне с Испанией; и 14 мая 1610 года он пал от руки католического фанатика.

Вопрос о том, были ли иезуиты причастны к преступлению Равайяка, является одной из сотен почти неразрешимых проблем их истории. В данном случае, действительно, исключительно трудно вынести уверенный вердикт, потому что после смерти Генриха был установлен полностью испанский и иезуитский режим, и неудобные показания могли быть легко замалчиваемы. Мне кажется, что при обсуждении этих проблем обычно упускается из виду одно очень важное соображение. Когда доказательства скудны или неясны, мы даем иезуитам "презумпцию невиновности", как если бы мы обвиняли их в чем-то, что они считали преступлением. Это ложное отношение, которым они в полной мере пользуются. Кретино-Жоли цитирует дюжину выдающихся теологов того времени, которые учили, что было справедливо сместить монарха, правление которого наносило серьезный ущерб, и вряд ли найдется хоть один выдающийся теолог, который учил обратному. Нам стоит только предположить, что отцы-иезуиты были разделены примерно в такой же пропорции, и мы сразу увидим, что в каждой провинции должно было быть — и мы знаем, что было — множество иезуитов, которые расценили бы убийство короля, угрожавшего вере в его стране, как вполне нравственный и достойный поступок. Утверждение Марианы о том, что Жак Клеман, убийца Генриха III, был "вечной славой Франции", было поддержано тысячами его коллег. Мне кажется, что иметь это в виду во всех этих случаях покушения очень важно. Позиция их апологетов необычна: они признают, что иезуиты как единое целое рассматривали убийство королей, угрожавших вере, как справедливое и надлежащее действие, но при этом с удивительным рвением доказывают, что иезуиты никогда не действовали в соответствии со своей верой. По иезуитским принципам убийство Генриха IV. не было преступлением.

С другой стороны, мы должны сказать, что доказательства причастности иезуитов к Равайяку неудовлетворительны, несмотря на то, что Мишле горячо полагался на них. Некая мадам д'Эскоман утверждала, что она подслушала, как герцог д'Эпернон рассказывал о заговоре бывшей любовнице Генриха, маркизе де Верней, и что она рассказала об этом настоятелю иезуитов заблаговременно, чтобы предупредить Генриха; солдат по имени Дюжарден затем рассказал, что видел Равайяка на службе у Эпернона в Неаполе и что иезуиты этого города убедили его (Дюжардена) участвовать в заговоре. Оба этих свидетеля обладали низкими моральными качествами и имели перспективу извлечь выгоду из своих откровений; поэтому мы должны воздержаться от вынесения вердикта на основе их показаний. Недавний французский исследователь этого предмета [12] пришел к выводу, что Эпернон и другие действительно замыслили лишить жизни Генриха, но что Равайяк совершил преступление по собственной инициативе, и что иезуиты не участвовали ни в одном из заговоров, хотя может быть правдой, что мадам д'Эскоман предупредила их о заговоре Эпернона. Это остроумное, но не вполне убедительное предположение объясняет, как Равайяк мог на последнем издыхании и под

угрозой смертной казни поклясться, что у него не было сообщников, но на самом деле это оставляет открытым вопрос о виновности иезуитов. Свидетели имеют слишком низкую репутацию, чтобы мы могли решить, говорят они правду или нет. Подозрительно, что отец Котон посетил Равайяка в тюрьме и предупредил его, чтобы он своими заявлениями "не навлекал беды на хороших людей", как мы знаем из источников д'Эстуаля.

Эти свидетели выступили со своими рассказами лишь позже, но Париж уже с яростным негодованием обрушился на Общество. Хотя доктрина тираноубийства, возможно, проповедовалась до основания Общества, главным образом благодаря более ясному и общему учению иезуитов она стала популярным убеждением среди основной массы верующих и начала воспалять мозги фанатиков. Книга Марианы была сожжена по приказу парламента, несмотря на усилия иезуитов спасти ее; им удалось добиться, чтобы ссылка на иезуитский характер автора была скрыта в обвинительном заключении, и предотвратить осуждение работ Беллармина, Бекануса и других их богословов. Они пользовались ревностной защитой Марии Медичи, и враждебность к ним вылилась в ливень остроумных и ядовитых памфлетов. Особенно яростным нападкам подвергся отец Котон. Снисходительность, с которой он относился к печально известным любовным похождениям своего царственного кающегося грешника, считалась вполне естественной для человека, у которого были собственные нежные родственники. Иезуиты продолжали наступать, несмотря на эту враждебность. Отец де Сюффрен руководил совестью самой Марии; отец Котон и отец Маргарита наставляли ее сына (Людовика XIII) и ее дочь на пути добродетели и политического невежества. Там мы можем оставить французских иезуитов до тех пор, пока не придет Ришелье, чтобы помешать их пагубной происпанской политике.

Когда мы перейдем к Нидерландам, нам снова придется рассмотреть серьезное обвинение в соучастии в замысле покушения. Теперь Нидерланды были формально разделены на католическую Бельгию и протестантскую Голландию, и голландцы стремились предотвратить въезд ненавистных иезуитов в страну. Нескольким удалось пересечь границу и, переодевшись, служить оставшимся католикам. Какого рода деятельность они вели, станет понятно, когда мы проследим за аналогичными трудами иезуитов в Англии. Однако в 1598 году в Лейдене был арестован бельгиец за покушение на жизнь Мориса Нассауского, и по поводу соучастия иезуитов ведутся обычные споры.

Петер Панне был ипрским бондарем, беспокойным и, по-видимому, довольно сомнительной репутации человеком. Его метод покушения на жизнь голландского принца оказался на редкость тщетным, и он сделал пространное и обстоятельное "признание", в котором обвинил иезуитов Дуэ в подстрекательстве его к совершению убийства. Убийца Вильгельма Оранского в 1568 году обвинил исповедника-иезуита, и было естественно, что голландцы снова ожидали услышать о соучастии иезуитов. Поэтому его рассказу безоговорочно поверили в Голландии и везде, где ненавидели иезуитов, и законы против них были ужесточены. Однако в следующем году отец Костер выступил в защиту своих коллег, и их апологеты утверждают, что он полностью опроверг обвинение. [13] Для беспристрастного исследователя этот случай представляет собой простое утверждение и отрицание, без очень надежных оснований для суждения. Костер опирается на ряд отчетов, опубликованных небольшими юридическими и гражданскими органами Бельгии, которые по просьбе иезуитов допросили многих свидетелей, включая жену Пана и других, названных им по имени. Эти свидетели категорически отрицали историю, рассказанную Паном о его передвижениях, и затем неофициальные судьи составили заявления

о том, что иезуиты были невиновны. На первый взгляд может показаться, что мы должны сразу же предпочесть показания этих многочисленных свидетелей показаниям Панне; но когда мы размышляем об иезуитской доктрине ментального резервирования, мы должны признать, что слова этих свидетелей, предоставленные иезуитами, не следует воспринимать поверхностно. Согласно богословам-иезуитам, свидетели могли давать абсолютно ложные ответы и подтверждать их самыми священными клятвами судьям или другим лицам, если они считали, что спрашивающий не имеет права узнавать от них правду. В случае с женой Пана, например, иезуит наверняка решил бы, что у нее было бы право под присягой отрицать, что она когда-либо говорила своему мужу о планируемом убийстве, даже если было правдой, что, по словам пана, она подтолкнула его к этому. В следующей главе мы увидим, что английский отец Джерард действует по этому хорошо известному иезуитскому принципу. Поэтому мы не можем придавать никакого значения этим опровержениям. И когда отец Костер продолжает доказывать или утверждать, что Панне был сомнительным католиком и беспринципным человеком, он, кажется, переигрывает сам себя. Почему такой человек должен стремиться выполнять работу католического фанатика, рискуя своей жизнью? Очевидно, только потому, что кто-то предложил ему плату. Либо самый серьезный судебный орган Голландии заплатил ему за ложь, либо его история дает единственное правдоподобное объяснение его поведению. Более естественно предположить, что иезуиты действовали в соответствии со своими известными принципами царевубийства и ментальной сдержанности, чем то, что голландцы действовали самым вопиющим образом, нарушая их принципы; и сам факт того, что равнодушный католик рисковал своей жизнью, чтобы убить принца-еретика, наводит на такую точку зрения.

В Бельгии иезуиты восстановили все земли, которые они потеряли в религиозных войнах, и, наконец, обеспечили себе неприступное легальное существование. В этот период мы на каждом шагу наблюдаем сговор иезуитов с Филиппом II Испанским, и нам еще предстоит увидеть, как они помогли ему в его стремлении аннексировать Англию. Он не был неблагодарным, и он определенно преодолел предрассудки фламандцев и легально учредил орден иезуитов в Бельгии (1584). Они сразу же осмелели настолько, что мы видим, как губернатор Люксембурга взимает налоги с граждан для возведения домов иезуитов: проект, вызвавший такую вспышку гнева, что им пришлось отступить из провинции. Лувенский университет продолжал презирать их и нападать на них, но их великая победа, добившаяся осуждения ректора университета Мишеля де Бея, придала им большой престиж. Баий пытался выздороветь, донеся в Рим на их богослова Лессия; но его попытка провалилась, и иезуиты возобновили свои усилия по захвату или перемещению университета. [14]

История германских провинций примечательна главным образом распространением на Польшу и попыткой проникнуть в Россию. Иезуиты пришли в Польшу под руководством Стефана Батори и за двадцать лет достигли таких успехов, что люди с горечью говорили об их "укрепленных дворцах" и с сожалением видели, что почти все образование знати находилось в их руках. В одном колледже (Пултуск) хвастались, что у них учатся четыреста юношей благородного происхождения. В 1581 году поляки победоносно завершали свою долгую войну с Россией, и царь обратился за посредничеством к папе римскому. Это была благоприятная возможность для возобновления обсуждения вопроса об объединении латинской и греческой церквей, и предприимчивый отец Поссевин (бывший легат в Швеции) был направлен в качестве легата. По дороге от Батори он узнал, что поляки пойдут на жесткую сделку, и почувствовал, что это укрепляет его позиции по отношению к России. В России его приняли с большим почетом, и царь даровал католикам множество привилегий, но в конце концов война закончилась без

единого слова о союзе. Ясно, что затем он использовал свое влияние, чтобы побудить русских уступить, чтобы его Общество могло, по крайней мере, заслужить благодарность поляков. Он долгое время оставался в Москве, но не добился никакого прогресса, и папа отозвал его, чтобы сокрушить ересь в Трансильвании. Впоследствии он был посредником между Германией и Польшей. Поссевин обладал значительными дипломатическими способностями, хотя и был склонен любить мелодраматические ситуации, как многие политические иезуиты. В конце концов Аквавива возмутился его вопиющей политической деятельностью и вынудил его устроиться учителем в Падуе.

Стефану Батори в 1586 году наследовал ученик иезуитов Сигизмунд III, и их могущество стало больше, чем когда-либо, и вызвало бурную реакцию. Их поведение в Трансильвании, где большинство дворян все еще были протестантами, привело к тому, что сейм изгнал их из этой провинции, и многие дворяне польского сейма пытались изгнать их из всего королевства. Их жестоко обвиняли в интригах с целью завладения имуществом протестантов и даже конкурирующих религиозных орденов. В Данцике они были вынуждены вернуть имущество общины монахинь. Дворяне в основном возмущались их вмешательством в политику и контролем над образованием и сочинили несколько пламенных обвинений в том, что они называли их "махинациями". Указ сейма от 1607 года им не льстит.

В тот же период они захватили католические кантоны Швейцарии, Богемии, Бадена и большинство южногерманских земель. Во всем германском мире их процедура носила во многом одинаковый характер. Несколько достойных и влиятельных людей, таких как Канисий, обеспечили бы открытие дверей в Общество, а затем множество менее религиозных отцов начали бы выискивать средства для строительства колледжей и обучения молодежи, а также организовали бы католических мирян в восторженные братства или содалитеты. Отчасти благодаря этим методам, но в значительной степени благодаря своему большому умению заручиться вниманием князей, они не только значительно усилили выжившее католическое население, но и, несомненно, отвоевали у реформаторов значительную территорию. Противоречивым доктринам протестантов они противопоставляли позитивное и неизменное вероучение, а религиозная жизнь, которую они сами демонстрировали, не имела ничего общего с той грубостью, которая так сильно спровоцировала Реформацию. Однако то тут, то там они явно прибегали к недостойным средствам для получения собственности или влияния и подвергались яростным нападкам. В 1584 году произошла очень любопытная серия выступлений против них. Они хвастались участием их отца Клавия в реформе календаря; но когда дело доходило до Карнавала и Великого поста, а позже и Рождества, отвлеченные горожане иногда лишались своих традиционных удовольствий из-за изменения календаря и мстили иезуитам окнами.

Единственным заметным событием, произошедшим с Обществом в Италии, было изгнание отцов церкви из Венеции. Чувство раздражения по отношению к ним сохранялось в Республике с момента их зловещего вступления на престол при Игнатии, а в последние годы французские и испанские репрессии в отношении них нашли очень зловещее эхо в Венеции. В первые годы семнадцатого века это чувство было подогрето позицией иезуитов, которые встали на сторону папы римского против гражданских властей. Светские власти были настолько возмущены раскрытием некоторых жестоких преступлений, совершенных некоторыми представителями духовенства, что, несмотря на церковные привилегии, они приняли меры против преступников. Последовавшая ссора с Римом закончилась тем, что папа наложил на Венецию интердикт, а

большая часть венецианского духовенства патриотически проигнорировала интердикт и продолжала служить горожанам. Иезуиты оказались перед болезненной дилеммой. Они предприняли тщетную попытку избежать ее, закрыв свои общественные церкви, но оставив свои дома открытыми, и Совет изгнал их из города. Толпа горожан собралась на берегу канала, когда гондолы с осужденными отцами покидали город, и они не пытаются представить это как толпу, оплакивающую их отъезд. "Ande в мал-горе" - таков был презрительный ответ одного из них, обратившегося к народу. Их очень ценное имущество было конфисковано, и они не возвращались в Венецию в течение полувека.

Мы могли бы восхищаться иезуитами, по крайней мере, за их мужественную приверженность своим собственным принципам в этих событиях 1606 года, и мы не можем считать иначе, как естественным, что они пытаются склонить остальное духовенство разделить их позицию. Но обвинительный акт в их адрес, который венецианский сенат вынес после их отъезда, идет дальше этого. Их обвинили в серьезных интригах в ссоре между Римом и Республикой, и было сказано, что они злоупотребили своим положением исповедников благородных дам Венеции, чтобы узнать секреты Сената и помешать его целям. Следует помнить, что Венеция особенно гордилась секретностью своей политической жизни и особенно не доверяла такой печально известной испанской организации, как иезуиты. Эти обвинения мы, конечно, не можем контролировать, но они согласуются с обычными действиями Общества. Было постановлено, что они будут изгнаны навсегда; что, если когда-либо будет поднят вопрос об их отзыве, этот обвинительный акт должен быть повторно зачитан в Совете Десяти, и что любой гражданин, поддерживавший связь с иезуитами, должен быть отправлен на галеры. Разумеется, сразу же был поднят вопрос об их отзыве. Генрих IV. был вынужден отстаивать их интересы в Венеции, в то время как Испания использовала всю свою мощь, чтобы предотвратить примирение папства и Республики, за исключением условий восстановления Общества. Венецианцы были настолько убеждены в антипатриотических действиях иезуитов, что категорически отказались сдаваться, и Аквавиве пришлось смириться с поражением.

В Риме более длительная и более академическая ссора подпитывала чувство неприязни к Обществу. Предмет этого спора представляет интерес только для теологов, и вся борьба должна быть изложена в нескольких словах. Короче говоря, португальский богослов-иезуит по имени Молина в 1588 году опубликовал работу (*Liberi arbitrii cum gratiae donis concordia*), в которой он предпринял новые попытки пролить свет на тайну согласованности человеческой свободы с действием благодати и на то, каким образом Бог может предвидеть события, которые могут иметь место, а могут и не иметь. Когда Кретино-Жоли замечает, что Молина "говорил так, как будто был допущен к советам Всевышнего", мы можем понять возмущение соперничавших теологов того времени. У доминиканского богослова по имени Баньес была другая теория на этот счет, и вскоре между двумя орденами разгорелась ожесточенная ссора. Когда испанская инквизиция отказалась осудить Молину, доминиканцы перенесли эту ссору в Рим, где она оживляла и обогревала помещения Ватикана и религиозные дома более двадцати лет. Комиссия, назначенная папой римским, осудила учение Молины как "опасную новинку", иезуиты убедили папу приостановить вынесение приговора, и даже послы-профаны были привлечены на священную арену. Испания направила свое влияние против Молины: Франция, естественно, поддержала его. Только в 1607 году Павел V. рассудительно решил, что любого мнения можно придерживаться с чистой совестью; и когда обе стороны оказались глубоко

неудовлетворительными, обнаружив, что их соперникам оставлено в живых, папе римскому в 1611 году пришлось заставить спорщиков замолчать. Борьба все еще продолжается в отдаленных и безобидных томах догматического богословия, которые время от времени публикуют конкурирующие ордена.

В конце концов, мы должны взглянуть на прогресс иностранных миссий под руководством Аквавивы. Японская миссия достигла теперь своего наивысшего расцвета и вступила в дни преследований. В 1565 году в Японии было десять миссионеров-иезуитов, но в 1577 году к ним добавились еще тринадцать, и работа продвигалась быстро. Отцы церкви не брали денег с новообращенных, строя свои церкви на средства, полученные ими из Европы; фактически, мы находим, что они, как и везде, используют очень новые и несколько сомнительные приемы, чтобы расширить свою работу и увеличить число обращений, которые было важно отправить в Европу. Они приняли в Общество богатого португальского купца по имени Алмейда, а затем приказали ему оставаться на своих складах и заниматься прибыльной торговлей в Японии до нескольких лет до своей смерти в интересах Общества. Их официальные историки, не краснея, описывают эти подробности. Главная сила их японской миссии заключалась в португальской торговле с Японией. Эта торговля была прибыльной для страны, и ее правители не видели особого вреда в том, чтобы покупать ее, позволяя португальцам проповедовать свое странное евангелие местным жителям.

Тем не менее, никто не может читать отчеты японской миссии, не осознавая, что успех этой раннехристианской миссии был исключительно искренним и основательным и представляет собой самый замечательный и необъяснимый контраст с опытом нашего времени. К 1580 году иезуиты объявили, что они обратили 100 000 человек; к 1593 году они представляют это число удвоенным. Мы можем предположить, что большое количество очень несовершенно обращенных японцев помогает округлить эти щедрые цифры, но необычайное количество коренных христиан, которых мы вскоре обнаружим готовыми вынести страдания и смерть за свою веру, должно убедить каждого искреннего исследователя в том, что ранние миссионеры искренне обратили поразительную часть нации. Успех кажется тем более странным, когда мы размышляем о том, что иезуиты не были людьми того, что обычно понимается как "апостольский" характер. Члены их Общества не только зарабатывали деньги в качестве торговцев, но и убедили Филиппа Испанского ежегодно присылать им субсидию в виде пятидесяти больших тюков шелка, и они обеспечили их продажу с наибольшей выгодой для себя. Еще менее поучительным является тот факт, что в 1585 году они вынудили папу Римского издать указ, запрещающий въезд в Японию другим священникам, кроме иезуитов.

Два года спустя тучи, словно в наказание, начали сгущаться над их процветанием. Тайкосама узурпировал главный трон Японии в 1583 году, и, поскольку католические генералы в армии не выступили в защиту своего законного монарха, он в течение нескольких лет продолжал благоволить Церкви. Однако изменение местной веры заставило его задуматься о том, что это может повлечь за собой политические сдвиги, и, как говорят, он воспользовался возможностью, когда некоторые христианские девушки отказались от чести быть добавленными к длинному списку его наложниц, чтобы отменить миссию. Иезуиты должны были покинуть его королевство в течение двадцати дней или умереть; и он сжег почти треть из их 240 часовен. Провинциал Валиньяни вернулся из Италии и обнаружил, что его миссия на грани разрушения. Он взял с собой в Европу нескольких знатных японских юношей и привозил их обратно, чтобы они рассказали своим собратьям о величии Рима и Испании. Как иезуиту, ему

был запрещен въезд в королевство. С поразительной легкостью он превратился в посла вице-короля Индии, и его доставили на великолепных носилках к Тайкосаме, которого он осыпал подарками и комплиментами. Иезуитам разрешили остаться в стране, хотя по-прежнему запрещали исповедовать свою религию, и сотне священников пришлось некоторое время довольствоваться тайным ночным служением своим новообращенным.

Наконец Тайкосама с яростью набросилась на них, и началось великое преследование. Кемпфер говорит, что иезуиты вызвали гнев знати дерзким отказом оказать им обычное уважение; но до ушей монарха дошла более существенная жалоба. В 1596 году японец рассматривал карту земли, на которой были показаны обширные владения Испании. Он спросил испанского пилота, как его хозяин заполучил эту огромную территорию, и тот неосторожно ответил, что Филипп сначала послал в страну миссионеров, чтобы подготовить ее к подчинению, а затем армии. Об этом замечании доложили императору, и он обрушился на миссионеров с справедливым обвинением в том, что они нарушили его запрет на отправление христианского культа. Несколько иезуитов и францисканцев были распяты, и тысячи — иезуиты говорят, что 20 000 — местных христиан засвидетельствовали искренность своей веры, приняв мученическую смерть. Смерть Тайкосамы в следующем, 1598 году положила конец преследованиям, и утверждается, что за следующие два-три года было обращено 70 000 человек. Голландские торговцы-протестанты, однако, теперь вытесняли португальцев и испанцев и повторяли японцам те мрачные мнения о политических интригах иезуитов, которые были в ходу в их собственной стране. Снова вышел указ об уничтожении, и к году смерти Аквавивы миссия была практически уничтожена. Ее второе восстановление и окончательное уничтожение займут нас позже.

Правление Аквавивы также запомнилось началом китайской миссии. Неоднократные неудачи с получением приема побудили иезуитов прибегнуть к новым мерам, и несколько их наиболее образованных членов занялись тщательным изучением китайской культуры и религии. Первым и наиболее выдающимся из них был отец Риччи, которого мы находим живущим в Чао Хине и который поражал местных мандаринов своей ученостью в 1583 году. Нам точно не известно, как Риччи получил допуск, но мы видели и еще увидим, что иезуит был готов выбрать любую профессию, лишь бы попасть в запретную страну. Он, по-видимому, скрывал свою религию и выдавал себя за ученого-мирянина, пока не завоевал достаточно доверия немногих, чтобы доверить им свои идеи. Он одевался как китайский ученый, и (после 1587 года) в его доме жили два переодетых брата-мирянина, которые были переведены в Чао Чу. Толпа, узнав о его целях, напала на дом; но умелое владение Риччи западными знаниями и техникой произвело большое впечатление на китайских ученых, и он добился устойчивого, хотя и медленного, прогресса. В 1600 году он был приглашен навестить императора в Пекине и предусмотрительно прихватил с собой коллекцию телескопов, часов и других чудес Запада. Ему разрешили жить в Пекине и пользоваться благосклонностью императора, а другие священники спокойно въехали в Китай и помогли основать миссию. Одно время это обещание было почти разрушено из-за ссоры соперничающих миссионеров - иезуитов, францисканцев и светских, — но Риччи тактично предотвратил преследование, которое навлекли на них их взаимные обвинения. Он умер в 1610 году и был удостоен пышных похорон в Пекине. Что касается численности, то обращенных было пока немного. Риччи был не из тех людей, которые выбегают на улицу с распятием и заявляют, что китайские божества - ложные. Только позже мы обретем большую и важную миссию в Китае.

Остальная часть миссионерского поля сообщила о почти равномерном прогрессе под энергичным правлением Аквавивы. Канада была открыта французскими войсками, и несколько иезуитов начали работать среди индейцев. Мексика, по их словам, оказалась легкой добычей; они утверждали, что к 1608 году половина населения была христианской. Теперь в бразильской миссии насчитывалось сто пятьдесят священников, продолжавших ее процветающую работу, и были совершены первые экскурсии в Парагвай (1586) и Чили (1593). В 1604 году пятьдесят шесть отцов церкви были отправлены в Перу. На Востоке индуистская миссия продолжала распространяться в тех направлениях, которые мы уже описали, и Абиссиния, наконец, согласилась принять иезуитов. Будет удобно отложить до следующей главы более подробное рассмотрение этих миссий.

Этот обзор состояния Общества за тридцать пять лет правления Аквавивы является достаточным свидетельством способностей этого одаренного лидера. Когда он умер 31 января 1615 года, из 5000 членов Общества, приветствовавших его избрание, стало 13 000, а 550 иезуитских заведений были разбросаны по всему земному шару, от Пекина до склонов Анд. Принимая во внимание методы Общества — прямое и порой неделикатное вымогательство денег и благосклонность сильных мира сего — этот рост нельзя рассматривать как единичный. Общество приняло новые и очень эффективные средства для увеличения своего влияния и членства; это не значит, что другие религиозные организации использовали те же средства и были менее успешными. И теперь ясно, что отличительные общие принципы Общества быстро приобретали тот оттенок, который нетерпеливые чувства его критиков выразили в максиме о том, что "цель оправдывает средства". Это станет еще более очевидным, когда мы рассмотрим более подробно деятельность иезуитов в Англии.

Я до сих пор не упомянул о "Регулировании учебы" (*Ratio Studiorum*), которое некоторые считают одной из наиболее значительных услуг Асквавива обществу. Я не вижу этого значения в трактате, который (с более поздними изменениями) Аквавива представил на утверждение Генеральной конгрегации в 1599 году. Это скорее дисциплинарная мера, чем образовательный кодекс, и за его обнародованием не последовало никакого улучшения иезуитской культуры. Он попытался навязать единый двухлетний курс риторики и гуманитарных наук (с фрагментарными или удаленными изданиями классики), трехлетний курс философии (включая математику) и четырехлетний курс теологии для всех студентов Общества. Он также ввел использование латыни в разговоре, за исключением времени отдыха и по праздникам. Эта схема никогда не соблюдалась и не соблюдается сейчас, а там, где она соблюдается, выгода скорее дисциплинарная, чем культурная. Мы лучше увидим, когда приступим к рассмотрению иезуитской учености, серьезные недостатки иезуитского образования с общепедагогической точки зрения. Его цель была узкой и специфической — подготовка здравомыслящих теологов, — и было бы ошибкой вообще судить о нем с более широкой образовательной точки зрения, если бы не легкая и поверхностная похвала, которую он иногда получает.

СНОСКИ:

[9] См. "*Историю компании Иисуса в Испании*" отца Астрейна, том ii. глава iii., глава v. и в других местах.

[10] В католических странах был и остается обычай склонять голову при упоминании имени Иисуса.

[11] См. " *Четырнадцать лет иезуита*" графа Хозенсбруха (1911), ii. 334.

[12] Jules Loiseleur, *Ravaillac et ses complices*, 1873.

[13] Я ознакомился с латинским переводом другого иезуита работы Костера " *Sica tragica Comiti Mauritio a Jesuitis* "... *intentata* (1599).

[14] Когда я учился в Лувенском университете в 1893 году, я обнаружил борьбу такой же, какой она была триста лет назад. Иезуиты по-прежнему тщетно пытались захватить университет, и их ненавидели так же горячо, как и прежде.

ГЛАВА VI

ПЕРВЫЕ ИЕЗУИТЫ В АНГЛИИ

О первых попытках иезуитов перенести свою войну против протестантизма на Британские острова в разное время говорилось в предыдущих главах. Мы помним храброе и тщетное путешествие Бруэ и Сальмерона в 1541 году; труды Дэвида Вульфа, печальной памяти, в Ирландии в 1560 году; бесплодные приключения Гауды среди шотландских кальвинистов в 1562 году; и малоизвестное апостольство короля-отца в Англии в 1564 году. Через три года после последнего свидания отец Эдмунд Хэй предпринял столь же безрезультатную экспедицию в Шотландию. Ему и Томасу Дарбиширу, племяннику епископа Боннера, было поручено сопровождать нунция в новой попытке консультировать и утвердить королеву Марию. Нунций благоразумно остался в Париже и отправил отца Хэя, предприимчивого молодого шотландца, любившего переодеваться и вдохновляющие возможности политики, исследовать королевство. В начале 1567 года он провел два месяца в бегах в Эдинбурге и, вернувшись, сказал, что надежды на успех нет. Наконец, в 1580 году очень способный и замечательный английский иезуит, отец Роберт Парсонс, открыл ту волнующую главу истории иезуитов, которая заканчивается Пороховым заговором.

С начала Реформации в Англии несколько студентов-католиков уехали за границу, и многие из них поступили в послушничество иезуитов в Бельгии, Германии и Италии. Отец Мор сохранил в своей *Истории англиканской миссии* (1660) имена примерно тридцати англичан, которые фигурируют в хрониках той или иной провинции вплоть до 1580 года. Из них наиболее важными были Роберт Парсонс и Эдмунд Кэмпиион, которые открыли миссию в 1580 году. Парсонс, уроженец Сомерсетшира, принадлежавший к сословию йоменов, был членом семьи Баллиол, где привлек некоторое внимание своими способностями, религиозными колебаниями и неприятным характером. В 1573 году он был вынужден уйти в отставку и уехать за границу. Некоторые (Камден и другие) говорят, что он был исключен за нечестное поведение, другие - что он был мучеником за религиозные убеждения; но отец Тонтон в своем превосходном исследовании о Парсонсе приходит к выводу, что он ушел "из-за постоянных разногласий со своими товарищами". [15] В Лувене он познакомился с отцом Уильямом Гудом, который уговорил его пройти эти упражнения, и в 1575 году он вступил в Римское общество. Он был рукоположен в сан священника и стал английским исповедником в соборе Святого Петра в 1578 году. Эдмунд Кэмпиион, сын лондонского книготорговца и блестящий сотрудник Сент-Джонса

(Оксфорд), тем временем присоединился к Обществу и находился в Праге. Он знал Парсонса по Оксфорду, и они переписывались, когда оба стали иезуитами.

Далее следует рассказать об особых обстоятельствах, которые привели к их миссии и оказали важнейшее влияние на ее историю. Богатый английский священник, доктор (впоследствии кардинал) Аллен основал колледж в Дуэ для снабжения Англии священнослужителями для поддержки старой веры. В 1578 году он был переведен в Реймс; и поскольку бесплатное жилье и образование, которые он предлагал молодым беженцам, вскоре привели к тому, что он был переполнен, в Риме был открыт второй колледж, который папа щедро поддержал. Отцы-иезуиты читали лекции в этом колледже. Ректор, доктор Кленок, был неблагоразумным валлийцем, а национальные предрассудки английских и валлийских студентов, которые были очень беспокойным народом, привели к длительным и самым ожесточенным ссорам, которые закончились тем, что все юные апостолы маршем покинули колледж. Они требовали, чтобы управление колледжем было передано иезуитам, и совершенно ясно, что иезуиты поощряли их восстание. Через несколько месяцев они обнаружили, что иезуиты также были неподходящими мастерами, и неприятности вспыхнули с новой силой. Именно тогда Роберт Парсонс начал свою знаменитую дипломатическую карьеру. Он предложил иезуитам сотрудничать со светскими священниками в английской миссии. Генерал Меркуриан и его советники сначала возражали; в Англии не было епископа, который контролировал бы духовенство, и они предвидели ссоры. Трудность была устранена, когда престарелый епископ Святого Асафа стал ординарцем для всей Англии и убедил его присоединиться к миссии; и в апреле 1580 года Парсонс и Кэмпбелл (который был вызван из Праги) отправились пешком с девятью светскими священниками и братом-мирянином-иезуитом Ральфом Эмерсоном в Реймс.

Спорно, на каком именно этапе Парсонс начал заниматься политикой, но в 1580 году он был мало известен папству и, конечно же, не был допущен к его тайным советам. Однако в Реймсе он узнал, что в то же время в Ирландию была направлена миссия отнюдь не мирного характера, и мы знаем, что третья миссия, также политического характера, была направлена в Шотландию, чтобы подготовить почву для французского вторжения. Английские власти, естественно, пришли бы к выводу, что миссия в Англию была частью этого политического заговора против Елизаветы. У них были шпионы по всей Европе, и задолго до того, как апостолы достигли Реймса, писанный портрет каждого из них был изучен и роздан преследователям в Вестминстере. Уголовные законы до сих пор практически не применялись, несмотря на недовольное вмешательство папы римского в лояльность английских католиков. Было хорошо известно, что мессу служили не в одном доме в Лондоне и что многие тихие поместья приютили монахинь и священников, но там было мало склонности к преследованиям из-за веры, а католики пока еще не склонны к активной нелояльности. Признать иезуитов - совсем другое дело. Что даже католики Франции и Испании говорили о них? И когда это пришествие иезуитов совпало с политической деятельностью Гиза и папства против английского престола, было неизбежно, что власти решили проявить бдительность и строгость. Миссионеров это не остановило; они оставили своего престарелого епископа и отдельными группами направились к побережью. В Сент-Омерсе Парсонс и Кэмпбелл узнали, что их имена и приметы были известны в Лондоне, и офицеры следили за ними, но дух романтики и преданности побуждал их продолжать, и они спланировали свою кампанию.

Это забавная и характерная картина, которую Парсонс рисует о своем путешествии в Лондон. Это был крупный, дородный мужчина тридцати четырех лет, одетый в форму офицера,

вернувшегося с войн в Нидерландах. Украшенная перьями шляпа, расшитый золотом сюртук и военная выправка сидели на нем так хорошо, что офицеры не только пропустили его, но и раздобыли лошадь для "капитана" и пообещали уделить всяческое внимание его другу, торговцу драгоценностями (Кэмпioniу), который должен был последовать за ним через несколько дней. К концу июня они были вместе в доме, который был снят для них на Чансерилейн. В Риме Парсонс познакомился с восторженным и богатым молодым англичанином по имени Джордж Гилберт и, вместо того чтобы сделать из него иезуита, заранее послал его подготовить им дорогу. Он смело снял для них комнаты под носом у главного чиновника, которому было поручено их арестовать, — который, вероятно, искал их в притонах у реки или в деревнях за воротами — и создал тайную ассоциацию католиков по всей стране, чтобы помогать им в их путешествиях. Вскоре по католическому миру разнеслась весть о том, что в Англии находятся два иезуита, и светские священники, с которыми они встретились и попытались примирить, убедили их вернуться на Континент. Трудно оглянуться назад и не увидеть, что они лучше всего послужили бы делу католицизма в Англии, немедленно покинув его; несколько тысяч обращенных, которых они обратили, или колеблющихся, которых они укрепили, были незначительной услугой по сравнению с яростной враждебностью, которую они навлекли на верующих, политическими заговорами, в которые они их вовлекли, и ожесточенными разногласиями, которые они вызвали среди духовенства. Если бы не приход иезуитов и заговоры иностранных католиков, католицизм мог бы продолжать существовать в Англии как значительная секта, на которую власти не обращали внимания, пока грубая ошибка папы не была забыта и дух карательства не был отброшен.

И все же мы должны уважать двух иезуитов — не говоря уже о более скромных заслугах Эмерсона — за отказ спасти свои жизни немедленным бегством, и ни один историк, каковы бы ни были его религиозные взгляды, не может читать эту первую главу их истории в Англии без сочувствия и восхищения. Гилберт снабдил каждого двумя лошадьми, двумя костюмами и слугой, и они попрощались друг с другом и отправились в путь, порознь, сквозь легионы шпионов и офицеров. Когда они въезжали в какой-либо округ, тайные члены ассоциации посылали предупреждение рассеянным католикам по пути следования, и было объявлено, что ожидается знакомство. Ближе к вечеру иезуит в каком-нибудь странном наряде въезжал во двор и на глазах у слуг оказывал обычные любезности случайному знакомому; но когда входили во внутренние покои и закрывали дверь, хозяин и хозяйка падали на колени и целовали руку путешественнику, а широкополая шляпа снималась, открывая лицо священника, призывающего благословение на преследуемых верующих. Тогда могли бы прийти соседи-католики, выслушать исповедь, и вечер был бы проведен в трезвом обсуждении ужасной катастрофы, постигшей их Церковь. Рано утром среди багажа предполагаемого солдата или торговца находили чашу, алтарный камень и облачения, и маленькая группа собиралась в охраняемом помещении на мессу. Возможно, в разгар церемонии часовой шепнул бы, что их преследуют, и какой-нибудь флегматичный слуга-католик удерживал бы людей у двери, пока священники и облачения не были бы надежно спрятаны в яме, вырытой под полом, или в потайной комнате, вырубленной в сплошной стене. По окончании мессы переодетый иезуит, как правило, произносил последнее благословение и снова отправлялся в путь, обедая в гостиницах, где он мог увидеть на стене свое описание и намек на то, что правительство хочет его повесить, привлечь к ответственности и четвертовать. Парсонс зашел в своем блефе так далеко, что разорвал один из этих счетов и спросил хозяина гостиницы, что он имел в виду, предъявляя честному путешественнику напоминания об этом злодейском иезуите.

Эти двое снова встретились в Аксбридже в октябре, когда Елизавета в третий раз выступила с прокламацией против них и поиски были усилены. Кэмпиион вернулся в провинцию, а Парсонс решил остаться в Лондоне или поблизости от него. У него был смелый план создать типографию и тайно выпускать католические книги, но разумно полагать, что теперь он пришел к убеждению, что только крупная политическая акция может спасти веру в Англии. Он часто виделся с испанским послом Мендосой, даже какое-то время жил в посольстве в качестве слуги; и из его бесед с Мендосой мы можем с уверенностью предположить, что идея об испанском вторжении в Англию должна была доминировать до конца его несчастной жизни и причинить неисчислимый вред. Не только общие правила его Общества, но и самое недвусмысленное указание, данное ему Меркурианом, когда он покидал Рим, запрещало ему вмешиваться в политику, однако постепенно он был полностью поглощен политическим и вероломным проектом, и мы можем с уверенностью датировать его рождение примерно этим временем.

Где-то за пределами Лондона — в Ист-Хэме, предполагает Симпсон, — он открыл свою типографию и привел в ярость Совет, распространяя книги, которые, по словам их советников, были напечатаны в Англии. Были произведены сотни арестов, в Тауэре вовсю готовили дыбу, законы ужесточали; и все же "воющий волк" (Парсонс) и "блуждающий бродяга" (Кэмпиион), как их охарактеризовали в дебатах в парламенте, продолжали ускользать от ревностных офицеров. Двое других иезуитов, Коттам и Босгрейв, которые попытались присоединиться к ним, были немедленно арестованы и заключены в Тауэр; в то время как ирландский иезуит О'Доннелл был повешен, казнен и четвертован в Корке.

В начале 1581 года отцы Холт и Хейвуд прорвали оборону протестантов и присоединились к Парсонсу. Он отправил Холта в Шотландию для реализации политического плана, который тот теперь лелеял, а позже приказал отправить отца Крайтона прямо в Эдинбург из Руана. Гениальная страница *Истории Шотландии* мистера Эндрю Лэнга (ii. 282) рассказывает о том, как эти иезуиты "позволили свиньям выполнять свою работу" в Шотландии. Романтика укрытия в Холируде и оказания помощи в великом предприятии по вторжению в Англию, по-видимому, возвысила их, и они составили Мэри, которую хотели спасти, очень плохое мнение об их качествах дипломатов. Они давали пустые обещания предоставить армии какой-нибудь иностранной державе, пока, наконец, даже Мендоса не стал умолять их ограничиться спасением душ и оставить государственные дела государственным деятелям. Отец Хэй, еще один шотландский иезуит, присоединившийся к ним, выступал за убийство ведущих протестантских дворян. Со временем эти иезуиты вернулись на Континент; отец Огилви в 1615 году был единственным католиком, который был казнен на почве религии в Шотландии после официального судебного разбирательства.

Чтобы вернуться в Англию, ранней весной 1581 года Парсонс обнаружил, что его проживание в Ист-Хэме вызывает подозрения, и перенес типографию в парк Дама Стоноу близ Хенли, куда Кэмпиион приехал, чтобы контролировать печатание своих *Десяти причин*: латинского произведения, не стесненного скромностью, которое сильно взволновало протестантских богословов того времени. Гилберт, который теперь находился под наблюдением и потерял большую часть своего имущества за это дело, был отправлен в Рим, чтобы сообщить, что за год в список верующих были добавлены 20 000 католиков — совершенно невероятное число, поскольку Совету было известно только о 50 000 отказавшихся от участия во всей Англии. 11 июля два товарища расстались в последний раз; Кэмпииона поймали в Лайфорде в Беркшире

примерно неделю спустя. Он неосторожно вернулся в дом, в котором служил, и офицеры окружили его. День и ночь Кэмпбелл прятался в "норе священника", но в конце концов полицейские обнаружили его и отправили в Лондон с пометкой "Кэмпбелл - мятежный иезуит". Мы не будем подробно останавливаться на истязаниях, втыкании шипов между его пальцами и ногтями и других ужасных приемах, с помощью которых Совет пытался добиться предательства других; хотя мы могли бы напомнить тем, кто, подобно Кретино-Жоли, говорит об этих вещах как об отвратительных изобретениях протестантской ненависти, что эти ужасные инструменты, напротив, уже были обогреты протестантской кровью. Огромное мужество Кэмпбелла дрогнуло под долгим и ужасным напряжением, и он назвал несколько названий католических домов, к великому скандалу верующих того времени; но он искупил свою минутную слабость 1 декабря, с большой храбростью встретив ужасную смерть "предателя" в Тайберне. Один из двух светских священников, приговоренных к смерти вместе с ним, отец Бриан, был принят им в Общество в ночь перед казнью и умер иезуитом. Отец Коттэм был казнен в мае следующего года (1582).

Парсонс покинул Хенли, где месяц спустя был обнаружен его пресс, и отправился в Сассекс. Светское духовенство теперь так стремилось изгнать иезуитов из Англии, что некоторые из них пригрозили ему предательством, и в марте он отправился во Францию. Вероятно, чувство, что он мог бы более эффективно продвигать свою политическую схему на Континенте, было больше связано с его бегством, чем страх смерти или давление светского духовенства. Он остался в Руане, контрабандой доставляя оттуда английские книги в Англию и делая все возможное, чтобы продвинуть шотландское предприятие. Именно из Руана он отправил Крайтона в Шотландию, и тот находился в постоянной переписке с Мендосой и герцогом де Гизом, которые должны были помочь в этом предприятии. Вскоре Крайтон вернулся, чтобы рассказать о крупных и неосмотрительных предложениях помощи, которые он сделал Ленноксу в Шотландии, и они решили приложить усилия, чтобы собрать войска для спасения Марии Стюарт. Крайтона отправили в Рим, а Парсонса - в Мадрид.

Главный интерес к работе английских иезуитов остается у неутомимого пастора на Континенте в течение следующих пяти лет, и нескольких слов будет достаточно, чтобы рассказать историю его коллег в Англии. Помимо двух светских священников, Метама и Паунда, которые были приняты в Общество в тюрьме, и Эмерсона, который сидел в тюрьме (и оставался там двадцать лет), Хейвуд теперь был единственным иезуитом в Англии; Холт был схвачен в Шотландии и отправлен обратно на Континент. Хейвуд вызывал большое раздражение своими властными манерами, и светские священники с негодованием описывают его как разъезжающего в роскошной карете, как барон, и живущего так безбедно, что заболел подагрой. Он был отозван на Континент, но попал в плен и содержался в Тюрьме до 1585 года, когда был изгнан. Его место вице-префекта миссии — Парсонс был префектом — занял отец Уэстон, новоприбывший, чьи способности в изгнании демонов были настолько необычными и впечатляющими, что он брал с собой одержимых людей во время своих тайных визитов к католической знати и устраивал самые удивительные демонстрации — пока не обнаружилось, что "медиумы" были мошенниками. Очевидно, им заплатили за то, что они проглотили тошнотворные препараты и позволили отцу Уэстону растерзать себя. Он был схвачен и поселен в замке Висбич в 1587 году, но к тому времени, как мы сейчас увидим, прибыли отцы Гарнет и Саутвелл. Мы должны следить за лихорадочной политической деятельностью Парсонса, кульминацией которой является отправка Армады.

Из Парижа Парсонс совершил быстрое путешествие верхом в Мадрид, где произвел большое впечатление на Филиппа II. По крайней мере, к этому времени Парсонс сознательно выступал за передачу английской короны Филиппу и, следовательно, был предателем своей страны и правил своего общества. Он получил от Филиппа крупную сумму денег для Джеймса Шотландского, пенсию для семинарии в Реймсе и обещание, что испанское влияние поддержит его притязания на красную шляпу для Аллена: он стремился исключить Аллена из основанных им колледжей, чтобы иезуиты могли контролировать поставки священников в Англию. Тяжелая болезнь задержала его на несколько месяцев в Испании, но в мае 1583 года он вернулся в Париж. В течение лета он поддерживал тесную переписку с Гизом и д'Алансоном, которые теперь выступали за убийство Елизаветы и замыслили его как простейшее решение сложившейся ситуации. В августе Парсонс отправился в Рим, чтобы оправдать свою деятельность, вызвавшую возмущение парижских иезуитов, и убедить папу субсидировать шотландскую экспедицию и перевести Аллена в более возвышенную сферу. Он вернулся осенью, обеспечив епископство для Аллена и еще одну пенсию для колледжа в Реймсе. Несмотря на протесты французских иезуитов, он продолжал осуществлять свои заговоры. Французские герцоги отказались от этого предприятия, и испанский король теперь был вполне готов переехать, если папа будет щедр на средства. Грегори умер весной 1585 года, и Парсонс и Аллен отправились в Рим, чтобы добиться избрания нового папы Сикста V.

На данный момент и в течение следующих нескольких лет нет места для сомнений относительно цели Парсонса. Мы неоднократно слышали из его собственных слов, что он работал над тем, чтобы посадить Филиппа на английский трон, и он проникательно посоветовал Филиппу скрывать свое намерение от английских католиков, Шотландии, Франции и папства до тех пор, пока его экспедиция не увенчается успехом. Смерть Марии Стюарт не встревожила его, и он постепенно отказался от идеи нападения через Шотландию. Филипп должен был предпринять прямое нападение, и английским католикам должны были быть даны указания смотреть на Филиппа не как на будущего короля, а как на восстановителя веры. Результат известен всему миру. Великая армада (с несколькими иезуитами на борту) опустилась на дно Ла-Манша, и Парсонс с огорчением узнал, что даже католики лояльно взяли за оружие, чтобы дать отпор испанцам. Так закончился второй этап его замечательной карьеры, и мы можем вернуться в Англию.

В июле 1586 года Генри Гарнет и Р. Саутвелл высадились на побережье Норфолка, как так точно рассказывает доктор Джессопп, и возобновили работу, которую я описал ранее. Гарнет был, хотя и несколько менее шумным и властным, новым Парсоном; Саутвелл, скромный и дружелюбный человек, - новым Кэмпбионом. Когда Уэстон был арестован в 1587 году, Гарнет стал вице-префектом. В следующем году к ним присоединились Джон Джерард и Эдвард Олдкорн, и история авантюрного служения продолжилась. Однажды четверых иезуитов чуть не поймали вместе, когда они служили мессу в католическом доме; а в 1594 году Гарнет был пойман и заключен в тюрьму на три года. Он сбежал из Тауэра с помощью извне в 1597 году и вернулся к работе. Саутвелл был предан католичкой в 1592 году и, проведя три года в Тауэре, был казнен в Тайберне в 1595 году. В том же году Генри Уолпол был арестован по прибытии и казнен в Йорке. Отец Гринуэй был единственным другим иезуитом, въехавшим в страну до 1600 года, и мы должны оставить этих отцов заниматься их авантюрной работой и принять во внимание растущую вражду иезуитов и светского духовенства.

Эту длинную и интересную историю следует рассказать здесь очень кратко. Замок Висбич был выбран в качестве тюрьмы для захваченных священников, и когда Уэстон прибыл туда в 1587 году, он очень явно пытался взять на себя руководство. Поскольку различные его предложения были отвергнуты, он сколотил партию среди заключенных-священников, добился назначения себя ее руководителем и положил начало ожесточенной и длительной вражде, которая распространилась далеко за стены Висбича. На обвинения светских священников в высокомерии и честолюбии авторы-иезуиты отвечают, что даже в тюрьме английские священники были настолько склонны к пьянству, азартным играм и безнравственности, что отец Уэстон был вынужден жить отдельно от более добродетельных. Профанный историк не должен пытаться различать их. Достаточно того, что, особенно в 1595-1597 годах, сообщения о жестоких ссорах доходили до Рима; и это совпало с жалобами из Бельгии на поведение отца Холта (который был послан в качестве агента Филиппа II. в Брюссель и был донесен властям за свою яростную политическую пристрастность), и еще одно восстание студентов римского колледжа. Они не только жаловались на своих хозяев-иезуитов, но и время от времени попадали в руки папской полиции в винных лавках и других неподобающих местах и были признаны очень бедной и недисциплинированной молодежью. Мистер Лоу настаивает, что иезуиты держали английских священников на низком культурном уровне, чтобы легче контролировать их или затмевать.

Теперь Парсонса отозвали из Испании и политических интриг, чтобы разобраться с этой новой угрозой. Он провел несколько лет в Испании, основывая новые английские колледжи (в Вальядолиде, Севилье и Мадриде) под своим собственным контролем и разрабатывая свою ученую теорию о том, что английская корона по строгому праву принадлежит Испании. Ему не удалось убедить Филиппа послать вторую армаду, и теперь он посвятил себя доказательству того, что Инфанта является наследницей английской короны. Такова идея книги *"Конференция о престолонаследии"*, которую он анонимно опубликовал в 1594 году: через год после того, как пятая Генеральная конгрегация его общества еще раз строго постановила, что ни один иезуит не должен вмешиваться в политику.

В 1597 году он прибыл в Рим и быстро усмирил студентов колледжа. Некоторые из них, по-видимому, считали, что его следует сделать кардиналом за его великие заслуги, и он поспешил со слезами на глазах попросить папу избавить его от этого сана; и мы будем надеяться, что он почувствовал облегчение, когда папа холодно заметил, что у него не было ни малейшей мысли навязывать ему это звание. Затем они обратились к важному вопросу о Висбиче, и его урегулирование вдвойне интересует нас; отчасти потому, что верховенство иезуитов в Висбиче может быть хорошим прецедентом для того времени, когда католический монарх сменил Елизавету, а отчасти потому, что это проливает очень необычный свет на иезуитскую процедуру.

Иезуиты утверждали, что заключенные священнослужители в Англии желали иметь какого-то канонического лидера. Климент VIII, который, как и его великий предшественник Сикст V, имел некоторый тревожный опыт общения с состоянием иезуитов (как мы увидим позже), требовал доказательств этого. Они привели к нему нескольких английских священников, дружелюбно настроенных к ним самим, которые заверили папу, что в их рядах в Англии нет разногласий; о масштабах их "ментальных оговорок" можно судить по тому факту, что более позднее расследование показало, что 343 из 400 священников в Англии были против предложения иезуитов. Папа был обманут, и он уступил предложению Парсонса сделать Джорджа Блэкуэлла, бывшего ученика иезуитов, "протоиереем" английского духовенства. Блэкуэлл отправился в

Англию, чтобы воспользоваться этой недавно изобретенной властью, а Парсонс вернулся к своим заговорам. В то время у него было несколько секретарей для ведения его огромной переписки, и он был настолько уверен в католическом престолонаследии, что выделил несколько домов в Лондоне для использования в качестве иезуитских колледжей.

Через некоторое время в Рим прибыли представители английского духовенства, которые рассказали, что приняли протоиерея с изумлением, и умоляли папу отозвать его. Папы римского не было в Риме, и Парсонс позаботился о том, чтобы они не добрались до него. Он убедил папские власти арестовать их как мятежников и поместить в колледж, контролируемый иезуитами; а когда они настояли на апелляции в римский трибунал, он добился отклонения апелляции. Позже в Рим прибыла новая группа апеллянтов, и Парсонс знал, что их показания будут очень убедительными. Мало того, что иезуиты, контролировавшие денежные средства, собранные для поддержки заключенных священников, пытались использовать эту власть, чтобы подчинить их, но когда папа распорядился больше не писать брошюр на эту тему, Блэквелл воздержался от публикации указа, пока у Парсонса не было времени издать один; и этот указ лживо утверждал, что был написан несколькими "священниками, объединенными в должном подчинении протоиерею". Светские священники обратились к Елизавете, и она действительно услышала и отпустила четверых из них на свободу, чтобы они могли отстаивать свое дело в Риме. Теперь они заручились поддержкой французского посольства, и, несмотря на всю клевету, которую распространял Парсонс в отношении них и английского духовенства в целом, они одержали частичную победу. Блэкуэлл должен был остаться протоиереем, но он не должен был консультироваться с иезуитами.

От этой домашней, но поучительной вражды мы возвращаемся к действиям иезуитов в Англии. Под десятью разными именами Гарнет продолжал, несмотря на сотни приключений, ускользать от своих преследователей, а его коллеги были лишь немногим менее активны. Однако здесь мы не можем сделать ничего большего, чем попытаться проследить их участие в политических интригах, кульминацией которых стал Пороховой заговор. Иезуиты в Англии выполнили предложение Парсонса о том, что вместо того, чтобы полагаться на возможное восшествие на престол и обращение Якова Шотландского, они должны научить католиков обращаться к Филиппу. В декабре 1601 года мы обнаруживаем, что Гарнет встречается с Кейтсби, Трешемом и Уинтером в доме Анны Во в Энфилд-Чейз и обсуждает вопрос о миссии в Испанию. Дело в том, что Уинтер и отец Гринуэй отправились в Мадрид и получили крупную сумму денег от Филиппа III. Впоследствии Гарнет сказал, что это было сделано для оказания помощи бедным католикам: в таком случае мы не очень хорошо понимаем, почему ему "не понравилась" эта экспедиция, как он говорит.

Елизавета умерла 24 марта 1603 года, и Джеймс Стюарт мирно взошел на престол. Нам нет нужды останавливаться на том, с помощью каких ухищрений Парсонс теперь добивался благосклонности Джеймса; он смело и неправдиво заявил, что отказался от идеи испанского наследства после смерти Филиппа II в 1598 году. Джеймса нельзя было обмануть, и в своих переговорах с Римом он настаивал на исключении иезуитов. Противоречивые советы в отношении католиков закончились, как известно, решением терпимо относиться к католикам-мирянам, но не к священникам, и началась ожесточенная агитация, которая привела к знаменитому заговору. Кейтсби и Уинтер задумали ужасную идею взорвать здание парламента, когда король, Королевская семья, а также лорды и палаты общин собрались в нем на открытие парламента. Гай Фокс, Томас Перси и Дж. Райт были посвящены в тайну, и в марте 1604 года они

встретились и поклялись осуществить заговор. В соседней комнате священник отслужил за них мессу, и Фоукс и Уинтер впоследствии сказали, что этим священником был отец Джерард; Джерард, однако, отрицал это, и это не важно, поскольку совершенно маловероятно, что Джерард когда-либо был посвящен в тайну, и ни один священник не узнал о заговоре еще долгое время спустя. Идея Джерарда заключалась в том, что терпимость можно купить, но ему даже не удалось найти денег. Более полутора лет заговорщики вынашивали свой ужасный план и готовились к его осуществлению; и 5 ноября 1605 года Фоукс был арестован в подвале под Домом рядом с кучей пороха.

Принято во внимание, что ни один иезуит не вдохновлял этот заговор; вопрос, который мы должны определить, заключается в том, знали ли иезуиты о заговоре и согласились ли на него своим молчанием. Вся эта тема всесторонне и неоднократно обсуждалась, и я предлагаю почти полностью полагаться на "Заявления", с которыми отец Гарнет обратился к властям во время суда над ним и тюремного заключения. [16] Ныне здравствующий иезуит, отец Жерар, может выразить искреннее сомнение в том, что Пороховой заговор вообще когда-либо имел место; его предшественник семнадцатого века, которому следовало бы знать, был озабочен только тем, чтобы с помощью ряда признаний, уверток и неправды, которым нет параллели в истории мучеников, освободиться от очень серьезного морального и юридического обвинения в том, что он знал о замышляемом этом ужасном побоище и не предпринял никаких усилий, чтобы раскрыть или предотвратить его.

Гарнет признается, что 9 июня 1605 года Кейтсби пришел к нему на квартиру в доме уличного торговца на Темз-стрит и, "застав меня одного", спросил, "если бы было законно убивать человека или людей, необходимо было бы уважать невинных, которые присутствовали". Иезуит ответил, что убийство невинных людей при законном нападении на других не является аморальным; он указал, что солдатам часто приходилось при осаде города убивать мирных жителей вместе с солдатами. В своем заявлении он утверждает, что понятия не имел о том, что Кейтсби имел в виду реальный заговор, который должен был быть осуществлен в Англии. За несколько недель до этого он написал Парсонсу, что многие католические миряне "обижены на иезуитов" на том основании, что они "препятствуют насильственным предприятиям"; и он хотел заставить нас поверить, что когда один из этих мирян, характер которого он хорошо знал, застав его одного, задает ему исключительно абстрактный вопрос такого рода, ему даже не приходит в голову, что он имеет в виду "насильственное предприятие". Однако, уходя, Кейтсби заверил Гарнета, что ни при каких обстоятельствах не выдаст, что консультировался с иезуитом. Даже тогда невинный иезуит не смог понять, и только поразмыслив, по его словам, он подумал, что, возможно, Кейтсби был в заговоре. Поэтому он счел своим долгом "предостеречь" Кейтсби при следующей встрече с ним, что тот "должен сначала посмотреть на законность самого акта, а затем не должен настолько пренебрегать невиновностью, чтобы не щадить друзей и необходимых людей для Государства, и сказал ему, что мы заботимся обо всей тишине и добиваемся того же от других".

Даже если мы предположим, что это "предостережение" действительно было сделано Кейтсби, как он его описывает, — кто-то колеблется, потому что поведение Гарнета на протяжении всего процесса является классическим примером казуистического искажения истины, — мы можем легко поверить, что Кейтсби отнесся к нему очень легкомысленно, как говорит Гарнет. Даже

если бы мы могли заставить себя признать, что Гарнет на тайной беседе увидел в вопросе Кейтсби всего лишь невинный и абстрактный моральный вопрос, который можно было бы обсудить в открытой гостиной, и поэтому невольно санкционировал кровавую резню, несомненно, что, поразмыслив, он понял, что какая-то такая резня замышлялась; и все же он может только предупредить его, чтобы он уважал "друзей и необходимых лиц", и слабо напомнить ему об их долге "молчания". Действительно, в июле, признается он, он получил "очень серьезное письмо" от генерала Аквавивы, который сказал от имени папы римского, что они смутно сознавали, что английские католики что-то замышляют, и что папа и сам Аквавива строго запретили любое применение насилия, поскольку это принесло бы больше вреда, чем пользы. Он показал это письмо Кейтсби, потому что, по его словам, "я сомневался, что у него в голове было какое-то устройство". Кейтсби признал, что было, и предложил рассказать ему об этом. Он отказался это слушать и просто оговорил, что на Континент следует отправить мирянина, чтобы узнать, правда ли, что папа не будет этого осуждать: миссия, которая, как знал Гарнет, не имела никаких последствий.

Это последнее интервью с Кейтсби состоялось во второй половине июля, более чем за два месяца до предполагаемого открытия парламента (3 октября). Таким образом, к тому времени Гарнет был вполне осведомлен, без малейшего упоминания о печати исповеди, что миряне-католики замышляли некое деяние, прямо направленное на то, чтобы лишить жизни в таких масштабах, чтобы невинные страдали вместе с виновными, и не требовалось большого размышления, чтобы предвидеть, что это деяние было направлено против суда или парламента, или и того, и другого. Далее, чтобы не быть обязанным формально осуждать это, он отказался, вопреки своему простейшему долгу, узнать о нем подробности. Ключ к пониманию его настроения, по-видимому, содержится в его письме Парсонсу в мае. Миряне были "обижены на иезуитов", потому что они не согласились бы на "насильственные действия"; следовательно, он не стал бы вмешиваться в их заговор. Он мог бы, не нарушая никакой священной тайны, поскольку признание Кейтсби отцу Гринуэю было сделано позже, предотвратить дальнейшее развитие заговора, но он позволил этому смутному ужасу продолжаться и пренебрег решительным приказом папы и его генерала, чтобы иезуиты не потеряли благосклонности ведущих католических мирян. Вероятно, он также верил, что возмущение будет оправдано результатом. Каковы бы ни были его мотивы, его поведение было извортливым, трусливым и вероломным, и он достойно умер смертью предателя. Позже в своем "Заявлении" он признает, что "мог бы помешать всему", поговорив с Кейтсби. Он утверждает, что через Парсонса оказал давление на римские власти, чтобы те послали более решительное осуждение заговоров; но у нас есть его письмо Парсонсу, датированное 4 сентября, в котором он заверяет Рим, что английские католики теперь тихие и покорные.

Поэтому нет необходимости решать, узнал ли он впоследствии все подробности заговора под печатью признания и было ли для него морально невозможно разглашать такое сообщение. Вина Генри Гарнета достаточно ясна, как бы мы ни решали дальнейший вопрос. Тем не менее, это представляет интерес, и дальнейшее развитие событий может быть кратко изложено.

Через несколько дней после встречи с Кейтсби, во второй половине июля, отец Гринуэй пришел к нему посоветоваться. Его беспокоило "изобретение", которое представил ему Кейтсби, и он предложил представить его своему начальнику "в порядке исповеди". Затем Гарнет узнал подробности заговора; он запретил Кейтсби рассказывать ему, но был готов узнать их без ведома Кейтсби. Он назвал заговор "ужасным" и сказал, что Гринуэй должен вернуться в

Кейтсби и осудить его. Папа римский, по его словам, отправит его на галеры, если такой заговор раскроется. Он призвал Гринуэя отговорить Кейтсби и добавил: "итак, мы расстались, но с таким соглашением, что, если когда-нибудь я буду подвергнут сомнению за соучастие в таком ужасном действии, будь то Папа Римский, или мое начальство за его пределами, или здешнее государство, у меня будет свобода высказать все, что было на этой конференции". Он ожидал увидеть Кейтсби в октябре — он, несомненно, мог бы увидеться с ним раньше — и говорит: "Я, конечно, [если бы они встретились] обсудил этот вопрос с мистером Кейтсби и, возможно, смог бы воспрепятствовать всему". Он, несомненно, мог бы в любой момент "помешать всем", прямо заявив, что заговор был смертным грехом, и пригрозив наказанием папы Римского.

Была предпринята попытка освободить Гарнета от тяжелой ответственности, которую налагает на него это заявление, ссылаясь на то, что Церковь возлагает на священника серьезнейшее моральное обязательство не сообщать ничего, что было узнано "путем исповеди". Во-первых, Гарнет не говорит, что Гринуэй узнал о заговоре на исповеди. Он говорит, что спросил об этом Гринуэя, и тот не дает своего ответа. На самом деле, из собственных слов и поведения Гарнет совершенно ясно, что сообщение было сделано вовсе не под грифом признания. Если бы это было так, Гарнет не имел бы никакой власти говорить об этом с Кейтсби, как, по его словам, он намеревался сделать: Гринуэй не имел никакой власти позволить Гарнету "высказать все, что происходило на этой конференции", если бы его привлекли к ответственности: и Гарнет совершил смертный грех и трусливое святотатство, в конце концов раскрыв, что он услышал о заговоре от Гринуэя. В теологической доктрине о "печати" есть неясные моменты, но они не являются неясными или оспариваемыми. Кейтсби рассказал Гринуэю по секрету, как и предлагал рассказать Гарнет. Даже если бы все было иначе, простой обязанностью Гарнета было позаботиться о том, чтобы его коллега обратился к Кейтсби и счел делом совести воздержаться от подобного замысла.

Далее, становится еще яснее, что сообщение, сделанное Гринуэем Гарнет, не носило печати признания. Гарнет прямо намекает, что никакого признания вообще не было, и просто намекает, что оно может рассматриваться как составляющая часть какого-нибудь будущего признания. В учении теологов-моралистов ясно сказано, что консультация ради наставления не подлежит разглашению, если только она не задумана как "подготовка к исповеди". [17] Гринуэй вовсе не был кающимся грешником, и даже грешник не может поставить исповедника за печатью, когда захочет; он должен исповедаться в своих грехах. В любом случае, вышеприведенные соображения применимы и здесь. Гарнет не имел бы никакого права приближаться к Кейтсби, если бы узнал о заговоре на исповеди; Гринуэй не имел бы никакого права называть имя Кейтсби на исповеди; Гарнет не имел бы права говорить на исповеди, будет ли он слушать этого "кающегося" или нет; и Гарнет совершенно определенно не имел бы права требовать разрешения сломать печать, если бы его шее угрожала опасность. Ввести "печать признания" - значит сделать поведение Гарнет хуже, чем когда-либо.

Очевидно, что Гарнет и Гринуэй боялись оскорбить мирян, воспротивившись им, и, вероятно, они думали, что резня может помочь их делу. Они заперли эту тайну в своих сердцах и, нервничая, принялись за свою работу. В августе Гарнет отправился на север, а в декабре, когда заговорщики были убиты, а Гринуэй и Джерард бежали на Континент, он нашел убежище в замке Хинлип, недалеко от Вустера, у отца Олдкорна. Они были преданы католиком и обнаружены после недельных поисков в замке. Затем проницательный тюремщик обманом втянул Гарнета в разговор с его коллегой и узнал, что есть один человек, который может связать

его с заговором. Затем в присутствии дыбы он заявил, что ему разрешено говорить в такой чрезвычайной ситуации, и рассказал о "конференции" с Гринуэем. Он оставался изворотливым и лживым до конца, используя доктрину ментального резервирования с ужасающим легкомыслием. Когда его обвинили в написании письма Гринуэю, он поклялся "своим священством" и безоговорочно, что не писал его; и затем Совет показал ему письмо, которое они перехватили. Он был справедливо, хотя и варварски, казнен 3 мая на основании общих сведений, которые он получил о заговоре от самого Кейтсби. Двусмысленный до конца, он заявил властям, что согрешил против Бога и короля, не раскрыв заговор; в то время как католичке Анне Во он заявил, что "раскрывать это не входило в его обязанности". Он не представлял это как услышанное на исповеди.

Поскольку невинный и уважаемый Олдкорн был казнен 7 апреля, миссия иезуитов на время была прекращена, и надежды католицизма рухнули. Кретино-Жоли приводит неточный список из семи иезуитов, которые "погибли" при Елизавете, и легкомысленно добавляет "сотню других". Правда в том, что с 1580 по 1606 год в Англии было всего двадцать иезуитов, даже включая светских священников, которым было разрешено принять постриг в тюрьме, чтобы их мученическая смерть могла осветить хронику Общества; что только семеро из них, включая упомянутых мною светских людей, были казнены; и что из пяти регулярно допускаемых иезуитов, которые были казнены, двое получили смягчение наказания, предоставив информацию. Тем не менее, их история - это, в целом, история героизма, которому помешали политические интриги.

Два других иезуита, Хант и Уортингтон, прибыли до заговора, и в 1607 году другие снова начали проникать за пределы обороны страны. Дома богатых католиков больше не были доступны, как раньше, и жизнь миссионера стала тяжелее, чем когда-либо; но колледжи на Континенте продолжали посылать своих пылких апостолов на службу, и к 1615 году, когда умер Аквавива, в Англии, как говорят, было шестьдесят восемь иезуитов. Prestиж Парсонса низко пал, но он оставался интригующим человеком на Континенте. В течение нескольких лет студенты переходили от иезуитов к бенедиктинцам, и в 1602 году, несмотря на противодействие священников, бенедиктинцы получили от папы римского право работать в Англии. Климент VIII. на него поступило так много жалоб, что он пригрозил выслать Парсонса из Рима, и Парсонс, по намеку, данному ему Аквавивой, отправился в Неаполь, чтобы поправить свое здоровье, и оставался там до смерти Климента. Он вернулся с восшествием на престол Павла V. в 1605 году и продолжал бороться со светским духовенством из-за протоиерея. Экстраординарный курс обмана и интриг, который он вел до своей смерти в 1610 году, следует прочесть в вдохновенном повествовании отца Тонтона. Его смерть закрывает главный интерес английской миссии при Аквавиве, и мы вернемся к борющимся апостолам позже.

СНОСКИ:

[15] Э.Л. Тонтон, *История иезуитов в Англии* (1901): замечательное критическое исследование Парсонса и ссор иезуитов со светским духовенством, хотя и не совсем сбалансированная и всеобъемлющая история. Эдмунд Кэмпбелл Р. Симпсона (1867) - очень прекрасная биография этого благородного иезуита; а Т. Лоу написал ученый и точный *исторический очерк конфликтов между иезуитами и светскими священниками* (1889). Более сочувственные и подробные описания религиозной деятельности английских иезуитов даны в "*одном поколении*

норфолкского дома" доктора Джессоппа (1879) и "Жизни отца Джерарда" отца Морриса (1881). Желательна полная и беспристрастная история иезуитов в Англии, рассказывающая с равной откровенностью об их героизме и недостатках. Труды недавних иезуитов - это не "история", а очень иезуитская полемика.

[16] Они были опубликованы в "Английском историческом обозрении" в июле 1888 года.

[17] Итак, главное иезуитское руководство, используемое в настоящее время, - "Теология морали" Лемкюля, i. 330; из которого меня учили казуистике.

ГЛАВА VII

ПЕРВЫЙ ВЕК ИЕЗУИТИЗМА

Поскольку за долгим правлением генерала Аквавивы последовало почти столь же долгое правление генерала Вителлески, будет удобно еще раз рассмотреть его пребывание на этом посту как этап в истории Общества и рассмотреть действия отцов церкви в их различных провинциях. Смерть Вителлески в 1645 году завершит первое столетие с момента основания Общества, и мы можем остановиться, чтобы вывести из огромной массы деталей несколько общих истин относительно характера иезуитов. С этого момента я предлагаю непрерывно следить за судьбами Общества в каждой провинции вплоть до года его подавления в восемнадцатом веке.

Избрание отца Муцио Вителлески не прошло без инцидентов. Испанские выборщики решили приложить усилия, чтобы отобрать верховную власть у итальянцев, и их тактика не была поучительной. Вскоре после прибытия в Рим они узнали, что Вителлески был предпочтительным кандидатом, и по мере прибытия принялись описывать его различным избирателям в самых нелестных выражениях. Он, по-видимому, был мягким и безобидным стариком, без особых способностей и отличий, римлянином по происхождению. Несомненно, есть много преувеличения в злобных обвинениях испанцев в том, что он был искушенным и честлюбивым человеком и до сих пор был в основном занят ухаживанием за богатыми дамами. Когда-то заявления, по-видимому, не повлияли на его перспективу избрания, испанские отцы обратились к испанскому и французскому послам; и, когда послы отказались помочь им, они обратились к папе и поведали ему о пороках отца Вителлески. Павел V. добродушно отпустил их, заверив, что, если бы он был таким, каким они его описали, у него не могло бы быть никакой надежды заручиться голосами сорока самых проницательных и религиозных членов Общества. На самом деле он получил тридцать девять голосов и мудро отговорил Конгрегацию от наказания испанцев, которого требовали его поклонники. Я могу добавить, что теперь потребовалось более сотни указов Конгрегации, чтобы упорядочить беспорядочную жизнь Общества; хотя мы все равно обнаружим, что эта масса суровых законов на него на удивление не повлияла.

Долгое командование Муцио Вителлески (1615-1645), по словам Кретино-Жоли, - это "монотонный период счастья". Когда, однако, мы обращаемся к официальному историку-иезуиту Кордаре, который продолжает *Общественную историю*, мы обнаруживаем, что год,

непосредственно последовавший за выборами, был отмечен серьезными беспорядками или скандалами в Кастельоне, Генуе, Артуа, Париже, Лионе, Фрейбурге и Вормсе, а также на Сицилии, Беарне, Кастилии, Польше и Гессен-Касселе. Далее мы увидим, что монотонность тридцатилетнего периода нарушается скандальным банкротством отцов церкви в Севилье, временным изгнанием с Мальты, Богемии и Венгрии, совместной атакой на Общество со стороны ведущих университетов Европы, публикацией *Секретных инструкций*, полным исчезновением великой японской миссии и новой миссии в Абиссинии и вполне нормальной чередой скандалов и невзгод во Франции и католической Германии. Поэтому серьезный историк не может отмахнуться от полководчества Вителлески, кратко заверив его, что это был период добродетели, героизма и процветания. Мы должны, как и прежде, внимательно рассмотреть жизнь Общества в каждой из его провинций.

История Общества в Италии - это неинтересная хроника мелких скандалов и ненавязчивой работы. Первый класс можно кратко проиллюстрировать приключениями неаполитанского иезуита, отца Онуфрио де Верми, в 1623 году. Историк сообщает нам, что почести, оказанные ему прославленным кающимся грешником графом д'Эльда, настолько воспламенили его дух, что он восстал против своих властей. Перебравшись в Испанию, он ухитрился добиться от королевы епископства и был изгнан из Общества по обвинению в честолюбии. Нет необходимости цитировать подобные мелочи из хроник. Выдающимся событием в Риме при правлении Вителлески стала канонизация Игнатия и Ксаверия в 1622 году. Подвергать сомнению их место в галерее выдающихся личностей было бы возмутительно, но любознательному исследователю подобных вопросов было бы интересно проследить за появлением чудес, которые были необходимы для их канонизации. В случае с Ксаверием, чья жизнь прошла на Дальнем Востоке, было бы легко привести доказательства чудес и трудно исследовать их. Чудеса Игнатия более интересны. Когда Рибаденейра, который знал его, впервые написал его жизнеописание, он, казалось, не слышал ни о каких чудесах; однако, когда сорок лет спустя встал вопрос о канонизации, отец Рибаденейра исправил свой недостаток, опубликовав более короткое житие, блиставшее чудесами. Со временем монархи Европы — везде, где иезуиты имели влияние, — начали настаивать на том, чтобы папа канонизировал Игнатия и Ксаверия, и в 1622 году иезуиты получили высшую гарантию святости своих основателей. Едва ли нужно говорить, что они озаряли Европу своими празднествами и извлекали значительную выгоду из почестей, которые они представляли как непрошенные ими самими.

Остров Мальта был ареной одной из бурь, обрушившихся на Общество за эти полвека. Отцы основали колледж в Лавалетте в 1592 году и процветали там до 1632 года, когда внезапная и таинственная буря на время унесла их с острова. Иезуитская версия этого приключения заключается в том, что великий магистр Ласкарис попытался обуздать хорошо известную распущенность рыцарей и, в ответ на их протест, возложил ответственность за реформу на иезуитов. Когда наступил карнавал и рыцарям помешали в их развлечениях, некоторые из них в отместку переоделись иезуитами в веселой толпе; и когда Магистр заключил их в тюрьму, по просьбе иезуитов они взломали двери тюрьмы и вынудили Ласкариса изгнать иезуитов. Эта история не является неправдоподобной, но мы в равной степени обязаны обратить внимание на различные версии, выдвигаемые их оппонентами. Они говорят, что иезуиты навлекли на себя всеобщее презрение тем, что спрятали в своем доме большие запасы продовольствия во время голода (как мы видели, они это делали в Париже) и потворством пороку. Можно склониться к мысли, что первое обвинение не может быть полностью лишено основания. Примечательно,

что, когда французский король по просьбе французских иезуитов заставил рыцарей вновь принять отцов церкви, двум ведущим иезуитам не разрешили вернуться на остров.

Однако самым серьезным событием за полвека стало банкротство одного из домов иезуитов в Севилье, и по этому делу у нас есть серьезные независимые доказательства. Состояние испанской провинции, очевидно, оставалось неизменным, несмотря на "посещения" из Рима и постановления Конгрегации. Их щедрый покровитель Филипп III, чье владычество они так материально помогли расширить, умер в 1621 году, но его преемник Филипп IV. был к ним еще более щедр. Они процветали и продолжали приходить в упадок. Возможно, мы не склонны безоговорочно признавать все грязные истории о них, которые мы находим в *"Teatro iезуитов"*, одном из самых яростных антииезуитских произведений того периода, [18] но у нас есть независимые свидетельства таких эпизодов, как убийство испанского иезуита раненым мужем. Однако вместо того, чтобы тратить время на эти изолированные расстроения, будет достаточно изучить историю знаменитого банкротства.

Одна из семи резиденций, принадлежавших отцам церкви в Севилье, обанкротилась в 1644 году и погасила долг в два с четвертью миллиона франков. Следует напомнить, что иезуитская система заключалась в том, чтобы передать управление домом в руки "мирянина-коадьютора" (или брата-мирянина, который не давал обета бедности), и их защита в этом исключительном случае заключается в том, что брат Вильяр, который нес эту ответственность в Севилье, занял большие суммы денег и вложил их в судоходство и другие предприятия без ведома отцов. Его спекуляции оказались катастрофическими, и отцы оказались банкротами. Кретино-Жоли добродушно завершает эпизод заверением, что отцы нашли деньги и исключили брата-нарушителя из братства.

То, что брат был изгнан, совершенно очевидно, но я не могу найти никаких следов того, что иезуиты, несмотря на их огромное коллективное богатство в Испании, когда-либо выплачивали больше, чем частичные дивиденды, и все обстоятельства заслуживают рассмотрения. То, что нас просят поверить в то, что община испанских иезуитов, самых рьяных бизнесменов во всем Обществе, позволила брату-мирянину проводить масштабные операции и занимать крупные суммы у их собственных последователей в Севилье, не имея ни малейшего представления о том, как он ведет их дела, - это почти дерзость. Однако у нас есть достоверные сведения о том, что иезуитская версия в высшей степени не соответствует действительности. Епископ Палафокс, один из их самых добросовестных противников, не только излагает иную версию в своем втором письме папе Иннокентию X., но и сохранился документ, написанный одним из кредиторов и представленный королю Испании (который благоволил иезуитам), который должен вызывать наше доверие. Из этих мемуаров или петиции, которые воспроизведены в *Анналах Общества социалистов-освободителей* (iii. 976), я предлагаю взять факты скандала.

У общин монахинь и благочестивых мирян города, как богатых, так и бедных, Виллар занял суммы, составлявшие в общей сложности 450 000 дукатов, и вложил их в неразумные спекуляции. Виллар повсюду заявлял, что действовал по указанию отцов церкви, и для него было бы совершенно невозможно так широко занимать деньги у их поклонников без их ведома; даже если бы мы могли предположить, что, вопреки всем обычаям, они слепо передали свои дела в руки брата-мирянина. В 1644 году отцы церкви призвали своих кредиторов, объявили себя банкротами и предложили мировое соглашение. Некоторые кредиторы пытались добиться выплаты долга в полном объеме, заявляя, что иезуиты серьезно пострадают в

кредитоспособности, если они не воспользуются огромными ресурсами своего Общества для погашения долга. "Потеря нашего кредита меня не беспокоит, - сказал ректор. - как гласит пословица, ворон не может быть чернее своих крыльев". Кредиторы, однако, отказались уступить, и был назначен управляющий. В петиции к королю утверждается, что этот чиновник обнаружил среди их бумаг некие письма, которые ясно показывали, что они направляли Вильяра, и секретные инструкции по нечестному использованию наследства, которое они получили при условии выплаты определенных денежных средств.

Следующим шагом иезуитов было добиться назначения судьи, который был бы в их пользу. Хотя беднейшие кредиторы испытывали серьезное беспокойство, этот чиновник заявил, что три четверти активов иезуитов являются священными фондами и что для раздела мало что осталось. Кредиторы подали апелляцию в Королевский совет, судья был уволен за коррупционную процедуру, и все имущество было объявлено "заложенным" для целей рассмотрения дела. Действительно, суд высшей инстанции объявил, что действия иезуитов были "позорными" и со стороны частного лица заслуживали бы смертной казни. Тем не менее, в 1647 году мы находим, что этот проситель все еще требует погашения долга и жалуется, что иезуиты пытаются склонить наиболее набожных из своих кредиторов согласиться на мировое соглашение.

Значение этого уродливого эпизода заключается не в том, что он иллюстрирует поведение одной общины иезуитов. Как таковой он не имел бы права на длительное рассмотрение в серьезной истории. Более неприятной особенностью является то, что в нем замешаны все иезуиты Кастилии, и, несмотря на то, что, по словам заявителя, их общий долг составлял два миллиона дукатов, они составляли одну из самых многочисленных и богатых провинций Общества и жили в самых внушительных заведениях. Они явно верили, что их коллеги будут уклоняться от уплаты законного долга, и навлекли на себя бурю гнева и презрения. Сам римский дом заимствовал огромные суммы из Испании, но это позволило местным иезуитам несколько лет не выполнять свои обязательства, полагаясь на чисто юридический и житейский взгляд на местную ответственность.

Иезуиты Португалии, которая все еще находилась под властью Испании, демонстрируют такое же процветание и мирской нрав, и их поведение в связи с революцией 1640 года было извилистым и непривлекательным. В 1635 году, когда началась агитация за восстановление португальского престола, они наказали некоторых из тех, кто перешел на сторону революционеров. Однако по мере того, как шло время и движение набирало силу, они колебались и тянули время самым забавным образом; и они так проницательно следили за национальным движением, что успешное завершение революции в 1640 году оказалось полностью на стороне португальского народа.

Когда мы рассматриваем тридцатилетнюю жизнь общества во Франции при правлении Вителлески, у нас складывается примерно такое же впечатление о плохом характере или характере, искаженном казуистикой. При таком католическом монархе, как Людовик XIII. и при таком могущественном государственном деятеле, как Ришелье, мы не ожидаем увидеть каких-либо крупных политических интриг, которым они предавались в прежние годы. Мы не находим ни серьезного скандала, ни возвышенной добродетели, ни религиозного героизма. Их жизнь - это хроника усердного обучения и служения, перемежаемая то тут, то там недостойными маневрами для получения власти или подавления соперников, и они никогда не поднимаются

выше посредственности. Для нашей цели будет достаточно нескольких слов об их отношениях ко двору и Ришелье, к епископам и университетам, а также к новым реформаторам, таким как кардинал де Берюль и святой Винсент де Поль.

Мелкие интриги и последовательные увольнения исповедников-иезуитов при дворе не имеют для нас достаточного значения, чтобы задерживаться на них. В 1624 году Ришелье стал первым министром Франции и положил конец их политическим притязаниям. В том же году они снова навлекли на себя гнев университета. Анри де Бурбон, незаконнорожденный сын Генриха IV, был назначен епископом Меца. Он получил образование у иезуитов, и его побудили совершить свой "теологический акт" в их колледже, а не в Сорбонне, как это было принято, и весь двор был привлечен к колледжу и развлекался в нем. Ришелье, однако, и в мыслях не имел разжигать ссору между университетами; он достаточно быстро вступил бы в конфликт с иезуитами, поскольку был полон решимости при первой же возможности изменить происпанскую политику Марии Медичи и ее духовных советников. Его первым действием было изгнать папские войска из Вальтеллины и бросить вызов Испании, а иезуиты удовлетворились тем, что анонимно внесли свой вклад в поток жестоких ультрамонтанских памфлетов, которые теперь посыпались на министра. Особенно две из них, написанные (кажется) отцом Келлером, иезуитским исповедником Максимилиана Баварского, и озаглавленные "*Мистерия политики*" и "*Наставление к христианскому миру*", вызвали у него сильное раздражение. Они были осуждены и сожжены вместе с "*Де Хереси*" отца Сантарелли (1626), но Ришелье был почти измотан яростью первого шторма, который обрушила на него его политика, и он не предпринял крайних мер против иезуитов, которые, как говорили, он обдумывал. Ясно, что они осознали его силу и решили быть осторожными. После бесплодной апелляции к молодому королю против него они подписали ряд предложений, составленных Сорбонной, и смирились с патриотической политикой великого министра.

Положение иезуитов в течение следующих двух десятилетий было очень процветающим, но вызывало острую неудовлетворенность из-за их политического бессилия. У них было (в 1627 году) 13 195 учеников в школах только в парижской провинции и больше, чем в остальных французских провинциях. Однако их противники были многочисленны и активны, и Ришелье не мог не видеть, как это сдерживает их честолюбие. Мы находим, что отец Сюффрен, королевский духовник, жаловался в 1626 году на количество и жестокость их врагов и добавлял: "Мало у кого из наших друзей хватает смелости открыто выступить на нашу защиту". То, что мы сейчас увидим об их отношениях с епископами и университетами, прольет некоторый свет на это. Не может быть никаких сомнений в том, что Ришелье презирал иезуитов, но предпочитал иметь их под своим присмотром, занятыми обучением молодежи, а не в качестве открытых противников. Он безжалостно наказывал их, когда они вмешивались в политику. Он посадил отца Моно, духовника Кристианы Савойской, в тюрьму за его политические интриги, а когда шпионы Ришелье обнаружили, что отец Коссен, назначенный духовником Людовика в 1637 году, предпринимал тайную и коварную попытку настроить короля против Ришелье, он был немедленно сослан. Людовик показал Коссену список теологов-иезуитов, предоставленный Ришелье, которые одобряли политику министра. "Ах, сир, - сказал иезуит, задетый этим хитрым ходом, - им нужно было построить церковь".

Одним словом, иезуиты были политически бессильны при Ришелье и не доставляли ему серьезного беспокойства. Скорее всего, он побудил многих из них, пусть и неискренне, поддержать его политику — политику, которая была гневно отвергнута Римом и католическими

державами. В 1638 году он пригрозил сбросить иго папства и, пойдя на некоторые из самых серьезных уступок, которых требовали реформаторы, объединить гугенотов и католиков Франции в независимую Галликанскую церковь. Если мы можем верить истории, приведенной в Bayle's *Dictionary* (article "Amyrant"), which was written shortly afterwards, he actually used the Jesuit Amyrant to negotiate with a leading Huguenot divine, and promise to surrender such Catholic doctrines as purgatory and the invocation of the saints. В [19] Два года спустя мы находим иезуита, зачисленного в полк памфлетистов, защищавших исключительную политику Ришелье. Возможно, учитывая их неизменную политику в отношении Реформации, это один из самых любопытных примеров их способности приспосабливаться к обстоятельствам.

Я уже говорил, что Ришелье презирал иезуитов, и об этом свидетельствует его переписка с отцом (впоследствии кардиналом) де Берюлем. Де Берюль, человек возвышенного характера и благочестия, был основателем ордена священников-ораторианцев и ценным другом министра. У нас есть письмо, которое он написал Ришелье в 1623 году, в котором мягким и милосердным языком святого содержится очень болезненное обвинение французских иезуитов. Их ревность к новой конгрегации и решимость предотвратить ее рост привели к крайне недостойному поведению. В городе за городом, как подробно описывает де Берюль, ораторианцы устраняли предубеждение против иезуитов и даже передавали им собственность, а иезуиты затем отплачивали своим благодетелям клеветой и интригами. В Дьеппе губернатор отказался разрешить иезуитам основать колледж, но с радостью принял ораторианцев. Затем один иезуит попросил гостеприимства у ораторианцев и воспользовался случаем, чтобы интриговать против них в пользу Общества среди граждан. Письмо, в котором он сообщал своим коллегам о своей надежде отвоевать колледж у ораторианцев, было перехвачено и отправлено де Берюлю. В Париже король предложил ораторианцам гостиницу, но вмешались иезуиты и помешали подарку. Они распространяли при дворе "странную и чудовищную клевету" на де Берюля, а в Бордо предлагали обвинить его в ереси. Интрига охватывает всю Францию в течение более чем десяти лет и свидетельствует об очень общем недостатке моральной чувствительности среди французских иезуитов. Подобным, хотя и менее энергичным, образом они пытались воспрепятствовать росту новой конгрегации священников, основанной святым Винсентом де Полем. [20]

Более общий взгляд на поведение французских иезуитов с 1615 по 1645 год мало что меняет в этом неблагоприятном впечатлении. Даже на страницах их французского апологета их послужной список на редкость посредственный; они обучали десятки тысяч учеников и проповедовали сотням конгрегаций, вот и все, что можно сказать. С другой стороны, когда мы обращаемся к многочисленным фактам, которые французский апологет предусмотрительно опустил, мы обнаруживаем, что они прилагают бесполезные усилия, чтобы расширить свою работу и влияние. В 1620 году иезуиты Пуатье бросают вызов епископу, который накладывает запрет на их церковь; епископ постановил, что его люди должны посещать свои приходские церкви по крайней мере раз в три недели, и иезуиты отвечают с кафедры, что достаточно, если люди будут посещать церкви. В Ангулеме в 1622 году они добились, через отца Котона и по секретному контракту с мэром, монополии на преподавание и контроля над университетом. Они продолжают в течение четырех лет бросать вызов епископу и настраивать народ против него, хотя кардинал де Сурдис осудил их, а парламент объявил их контракт недействительным до тех пор, пока епископ не будет вынужден отлучить их от церкви. В 1623 году у них возникли аналогичные проблемы из-за их решимости основать небольшие университеты в Тулузе, Понтуазе и Турноне, и все университеты Франции объединились в том, что французский

апологет называет "жестокой войной" против них. Несколько лет спустя они получают от короля письма, разрешающие им основать дом в Труа "по просьбе жителей". Жители были так неохотно приглашали их и так разгневаны обманом, что, несмотря на все их усилия, не пускали их в Труа в течение ста лет. Их послужной список во Франции полон таких подробностей. Ближе к концу периода в ней начинается рассказ о знаменитой борьбе с янсенистами; но мы рассмотрим эту историю полностью в одной из последующих глав.

Особого рассмотрения заслуживает инцидент, произошедший в провинции Лотарингия, которая была аннексирована Ришелье в 1633 году. Порывистый и чувственный молодой герцог Карл IV выбрал иезуита Шемино своим духовником в 1637 году, а неделю спустя, хотя его первая жена все еще была жива, он женился на принцессе Беатрикс де Кьюзанс. Вместо того чтобы удалиться от двора, который сразу же подвергся нападкам со всех концов Франции из-за двоеженства, Шемино написал казуистические мемуары, чтобы доказать, что брак был действительным, и шесть лет цеплялся за герцога. Проступок отдельного иезуита, как я уже сказал, не является предметом серьезной истории, и, если бы Шемино действительно бросил вызов своему собственному начальству, не было бы повода останавливаться на этом. Но переписка, опубликованная Кретино-Жоли, ясно показывает, что иезуитские власти на протяжении многих лет молча соглашались с позицией Шемино. Мы находим, что Чарльз в дружеских выражениях писал генералу Вителлески в 1639 году, жалуясь на то, что некоторые другие иезуиты враждебно относятся к его сговорчивому духовнику. Три года спустя мы видим, как Шарль заявляет Шемино, что он не даст ему разрешения уйти в отставку, на что его генерал "давит" на него; как будто иезуит нуждался в таком разрешении. Только в 1643 году, когда скандал стал известен всей Европе, римские власти отлучили Шемино от церкви. Они ждали пять лет в надежде, что им не придется жертвовать местом при герцогском дворе.

Их судьба в Бельгии и Голландии также была менее романтической, чем в прежние годы. Превращение Бельгии в католическую провинцию позволило им легко распространиться по ней и добиться процветания, а также получить очень большую долю в образовании молодежи. Фламандские отцы внесли исключительный вклад в литературу Общества, который привел в замешательство его более трезвых поклонников. В 1636 году, который они решили считать столетним юбилеем Общества, они опубликовали труд *"Имаго первобытного сакули"*, в котором они пером и карандашом дали замечательный отчет о первых ста годах жизни Общества. Его прогресс и добродетели были возведены в высшую степень чудесного героизма; иезуиты были представлены как отряд ангелов, перенесенных на планету земля в период кризиса ее религиозного развития. Поскольку, однако, современный апологет иезуитов представляет это произведение как "трогательный вымысел" и "благочестивый дифирамб", нам нет необходимости уделять ему серьезное внимание. Несомненно, в то время это было навязано Бельгии и другим странам как достоверная история.

Господин Кретино-Жоли не столь откровенен, когда обращается к Голландии. Он отмечает, как, несмотря на еретическую атмосферу, иезуиты основали колонии в Амстердаме, Гааге, Утрехте, Лейдене, Гарлеме, Делфте, Роттердаме, Гауде, Хорне, Алкмаере, Харлингене, Гронингене, Больсварде, Зутфене, Нимеге и Вианене; как они смешиваются с испанскими войсками и садятся на их корабли во время войны; как они продвигаются в Данию и повсюду видны как бесстрашные "знаменосцы Церкви". Возможно, было естественно, что он не хотел портить эту картину описанием отношений иезуитов к светскому духовенству; но, поскольку наша цель - составить справедливое и полное представление о характере иезуитов, мы вынуждены

рассмотреть это. В течение сорока лет они вели борьбу, подобную той, которую вели в Англии во времена Елизаветы.

Светское духовенство Голландии настаивало на назначении епископа, и иезуиты использовали все свои ресурсы, чтобы предотвратить такое назначение, поскольку это угрожало их господству. Когда на эту должность был назначен священник по имени Сэсболд, они устроили скандальную атаку на его репутацию; а когда в 1602 году он был назначен архиепископом Утрехта, они изменили его имя на архиепископ Филиппи. До его смерти в 1614 году они вели непрекращающуюся интригу против Сэсболда и сначала пытались предотвратить назначение преемника, а затем перенесли свою злобную враждебность на него. Они были изгнаны из Голландии в 1612 году, но снова добились веротерпимости, и к 1628 году в стране насчитывалось семьдесят иезуитов. Борьба против архиепископа продолжалась на протяжении всего этого периода, несмотря на несколько папских предписаний подчиняться ему; но нет необходимости вдаваться во все подробности. Нам нет нужды подвергать сомнению храбрость иезуитов как знаменосцев Церкви, но невозможно восхищаться их усилиями воспрепятствовать найму других знаменосцев. На самом деле их работа была менее эффективной, чем у светского духовенства, потому что голландские протестанты ненавидели их и не доверяли им. В 1638 году они были уличены в причастности к политическому заговору с целью введения испанцев, и двое из них были подвергнуты пыткам и казнены.

Поскольку рассматриваемый нами период совпадает с Тридцатилетней войной (1618-1648), мы, естественно, обнаруживаем, что послужной список иезуитов в Германии полон жизни и приключений. Их роль в развязывании этой катастрофической и парализующей борьбы не может быть измерена историком. Теперь, когда мир осознает пагубные последствия той войны и приведшей к ней католической политики нетерпимости, тормозящей развитие европейской цивилизации, власти иезуитов вряд ли когда-либо опубликуют в своих архивах документы, раскрывающие их деятельность. Мы должны руководствоваться двумя главными соображениями. Во-первых, общий историк может проследить движения, которые привели к началу войны, без какой-либо ссылки на иезуитов, и поэтому не склонен думать, что их интриги были существенным элементом в ее разжигании; с другой стороны, однако, иезуиты были самыми серьезными и настойчивыми сторонниками жесткой католической политики, которая привела к войне, и они имели значительное влияние на католических лидеров. Фердинанд II, Максимилиан Баварский и Валленштейн обучались в иезуитских школах; Тилли действительно вступил в Общество, но ушел из него до того, как принял постриг. Иезуиты кишели в католическом лагере, особенно вокруг палатки Тилли, заставляли солдат выполнять их работу и продвигались в тыл армии, чтобы занять все города, которые попадались им под руку.

Следует помнить, что война началась в Богемии, и здесь иезуиты были очень явно заинтересованы. Когда протестанты сбросили иго императора в 1618 году, они изгнали иезуитов из своей страны и сожгли некоторые из их колледжей. Мы можем очень хорошо представить жалобы иезуитов при дворах Фердинанда и Максимилиана и не удивимся, узнав, что восемнадцать иезуитов сопровождали войска Тилли, когда они пришли покорять Богемию. Это было началом войны. Точно так же, когда Бетлен Габор захватил Венгрию в 1622 году, одной из его первых мер было изгнание иезуитов; а победоносные шведы изгнали их из Ливонии в предыдущем году. Однако здесь нет необходимости проследивать за ними весь долгий ход Тридцатилетней войны. Они отступали и наступали вместе с солдатами Католической лиги, умирали от чумы в лагере или падали от сабель еретиков и продолжали борьбу до конца со всей

энергией, на которую были способны мирные жители. Были даже случаи, как при осаде Праги, когда они брались за оружие и отчаянно сражались в авангарде католических войск. Союз Франции с протестантами стал для них горьким разочарованием, и они были одними из немногих в Европе, кто глубоко сожалел о Вестфальском мире (1648), который, наконец, дал справедливую свободу протестантизму в Германии. Война, по их замыслу, обернулась дорогостоящим и прискорбным провалом.

Я уже говорил, что их яростно возмущала позиция Ришелье; тем не менее, любопытно отметить, что они извлекли из этого исключительную выгоду в своих собственных интересах. Одна из статей договора, который Ришелье заключил с северными еретиками, предусматривала, что после своих побед они должны уважать поселения иезуитов. Кретино-Жоли воспроизводит письмо, в котором Людовик XIII. напоминает своим союзникам-протестантам об этом положении. Французский апологет хочет заставить нас поверить, что соглашение было неприятно самим иезуитам, — по этому поводу он не цитирует никаких документов, — но нам было бы трудно представить, чтобы Ришелье предъявлял протестантам столь строгие требования, если бы иезуиты были даже равнодушны к этому. Это слишком хорошо согласуется с их извилистой и уступчивой политикой.

Их образовательная работа продолжалась в провинциях, которые не были разорены войсками; но даже здесь они столкнулись с большой враждебностью и пережили несколько катастрофических событий. Именно в этот период, в 1612 году, появились на свет знаменитые *Тайные советы* ("Monita Privata"), которые навлекли на себя большую ненависть. Принято считать, что эта книга была написана польским священником и бывшим иезуитом Джеромом Загоровски, епископ которого выступил против него на этом основании. Поскольку, однако, рукописные копии этой работы были впоследствии обнаружены в иезуитских колледжах в Праге, Париже, Рурмонде, Мюнхене и Падерборне, их критики утверждают, что это был секретный свод инструкций, выданный римскими властями своим последователям, и что Загоровски просто опубликовал то, что Общество уже распространило в частном порядке. Этот вопрос все еще должен оставаться открытым. Появление такого количества копий рукописей в иезуитских колледжах является редкостью, но невозможно доказать, что какая-либо из них была создана ранее печатного издания 1612 года.

Если мы обратимся к содержанию работы, то обнаружим, что почти в каждом абзаце она представляет собой краткое изложение принципов и тактики, которыми на самом деле руководствовались иезуиты в своем стремлении к богатству и власти; но в этой преднамеренной кодификации есть бессердечие, порой цинизм, который заставляет сомневаться в том, что она была написана высокопоставленными иезуитскими чиновниками. Мне кажется, что Загоровски, по крайней мере, переделал те инструкции, которые были подлинными, и намеревался написать сатиру на иезуитскую процедуру. Невероятно, чтобы римские власти предписывали отцам церкви всегда селиться в богатых городах, "потому что цель нашего Общества - подражать Христу, нашему Спасителю, который жил главным образом в Иерусалиме", и трудно поверить, что они прямо установили, что "каждый должен быть поставлен в зависимость от нас" и что богатым вдовам должно быть "позволено тайно развлекаться с теми, кто им нравится". Почти четверть книги занимают инструкции о том, как примирить богатых вдов: общеизвестно, что это один из главных разделов практики иезуитов. . Большая часть оставшейся части посвящена примирению князей и решительной процедуре, которая должна быть предпринята против отступников. Есть несколько строк, которые не

описывают хорошо известную процедуру иезуитов; но, по крайней мере, в своей реальной форме это произведение кажется преднамеренной и справедливой сатирой.

Второй инцидент, навлекший на иезуитов большую ненависть в тот период, произошел в Кракове. Здесь, как и во многих других местах, университет, сознавая, что иезуиты хотят установить контроль над высшим образованием, ревниво следил за своей школой. В 1622 году отцы церкви попытались обойти наложенные на них ограничения, включив в празднование канонизации святого Игнатия публичное обсуждение определенных тезисов. Университетские профессора и студенты помешали им сделать это, и последовала долгая и сердитая ссора. В 1626 году указом Генеральных штатов Польши (воспроизведен в *Mercure Jésuite*, ii. 312) иезуитская школа была закрыта, и университет направил официальный отчет в Лувен и другие университеты, умоляя их объединиться против интриг иезуитов. Это письмо, датированное 29 июля 1627 года, содержит очень серьезные обвинения против Общества и значительно усилило оппозицию им в университетских городах Европы. В нем жалуется, что иезуиты послали своих учеников с оружием в руках против студентов университета, а когда произошел бунт, побудили короля послать войска против студентов. Поскольку примерно в то же время в Лувене, Дуэ, Льеже, Саламанке и других университетах произошли серьезные неприятности, профессора по всей Европе были настроены враждебно по отношению к Обществу. Как бы сильно мы ни подозревали пристрастность или преувеличение в их суровых обвинениях, ясно, что иезуиты предпринимали недобросовестные усилия по захвату университетов.

И это чувство против них было сильно усилено их усилиями по завладению собственностью других монашеских организаций. Мы видели, как сам Игнатий подавал пример, пытаясь заполучить поместья бенедиктинцев в Англии, и как постоянно это обвинение выдвигается против Общества. В 1629 году Фердинанд II приказал протестантам своих владений восстановить церковную собственность; и мы узнаем об этом из указа папы Урбана VIII. что иезуиты были "главными авторами императорского эдикта". Бенедиктинцы, цистерцианцы и премонстратенцы сразу же начали предъявлять права на свою собственность и были немало взволнованы, когда "главным авторам" эдикта удалось добиться от папы распоряжения о том, что они должны разделить ее. Духовником императора был, конечно же, иезуит (ламормайни), и их апологет признает, что они сохранили "лучшую часть" восстановленной собственности. Чтобы прикрыть отсутствие у них моральных или юридических прав на эту собственность, иезуиты открыто упрекали старые ордена в коррупции и декадансе, и война памфлетов продолжалась в течение многих лет. Из этих публикаций мы узнаем несколько замечательных историй об иезуитских процедурах.

В Вольтигероде в Саксонии несколько монахинь-бернардинок в 1631 году приобрели один из отреставрированных домов. Отцы-иезуиты убедили их, что здание небезопасно, и, когда монахини удалились, заявили, что оно является "заброшенной собственностью". Однако монахини вернулись, и они стали свидетелями очень оживленной сцены. Иезуиты вызвали полицию, и монахинь, которые доблестно цеплялись за скамьи часовни, физически выволокли из здания. Впоследствии цистерцианские монахи взялись за это дело и добились изгнания иезуитов. В Праге иезуиты возжелали построить красивое цистерцианское аббатство и убедили императора, что только полдюжины монахов-дегенератов занимают это обширное заведение. Был послан императорский комиссар, который выяснил, что в аббатстве находится шестьдесят один монах и тринадцать послушниц. Разгневанные иезуиты, сопровождавшие комиссара, протестовали против того, что аббат надел монашеское платье на своих батраков, но

цистерцианцы стояли на своем и заручились защитой императора. Генеральный викарий ордена Ключи сообщил о большом количестве подобных мошеннических попыток иезуитов завладеть имуществом его монахов; и у нас есть гражданские и церковные документы, относящиеся к большому количеству подобных случаев во Франции, Германии и Швейцарии в начале семнадцатого века. [21]

Когда мы обращаемся к миссионерской деятельности Общества в этот период, мы обнаруживаем замечательную деятельность, которая сама по себе заслуживала бы отдельного тома. Казуистические методы иезуитов применяются особым образом для преодоления препятствий на пути к их успеху, и используются приемы, от которых современный миссионер любой конфессии содрогнулся бы от изумления. Простой пыл Ксаверия, как мы видели, рано уступил место более расчетливым методам и политическим интригам, но масштабы, до которых была доведена эта дипломатическая процедура в семнадцатом веке, вызвали бурю критики в адрес иезуитов. Здесь нам остается только заметить начало более необычной тактики, и в следующей главе мы рассмотрим миссии на пике их процветания и необычности.

Забавный пример такой готовности применять сомнительные и даже откровенно нечестные методы служения религии дает "Миссия к индусам". Похоже, что после всех ста лет деятельности в Индии, при свободном и не очень деликатном использовании португальских властей, результаты были расценены как скудные и неудовлетворительные. До сих пор мы не слышали ничего, кроме самых оптимистичных отчетов о работе миссионеров в Индии; но когда в начале семнадцатого века настал час оправдания новой и странной политики, иезуиты сообщили нам, что эффект от прежней политики был незначительным и что индусы высшей касты с презрением смотрели на толпы невежественных туземцев, которые под тем или иным предлогом приняли крещение. В 1605 году иезуит Роберт де Нобили, итальянец благородного происхождения и племянник Беллармина, присоединился к индийской миссии и положил начало новой политике.

Изолировав себя от своих коллег до того, как стал известен в Индии, он очень внимательно изучил обычаи и священные писания индусов высшей касты, выучил тамильский и санскрит и через несколько лет предстал перед народом Индии как член покаянной (или высшей) касты саньясси. Он жил отдельно, в хижине из дерна, и строго воздерживался от мяса и рыбы. Его голова была выбрита, за исключением единственного пучка волос, а на лбу красовался желтый знак касты. Одетый в мантию огненного цвета и тигровую шкуру, в характерных для этой касты деревянных сандалиях на ногах, он во всем выдавал себя за одного из набожных саньясси и вызывал почитание местных жителей. Брахманы, естественно, заподозрили это таинственное пополнение в их братстве и пришли допросить его. Он поклялся, что принадлежит к высшей касте, — совершенно невинный поступок, говорят апологеты иезуитов, поскольку он был дворянином по происхождению, — и предъявил документ, удостоверяющий, что он был Татува Подагар Свами, за которого выдавал себя. Этот документ сам по себе был грубым обманом, и мы можем быть совершенно уверены, что брахманы не пропустили бы его, что они и сделали, пока он не заявил предельно ясно о своей вере в Веды и индуистских богов и не исполнил идолопоклоннические обряды принятой им касты.

Какое-то время он жил обособленно и довольствовался назидательным аскетизмом своей жизни. Затем, подобно своему предшественнику, шведскому иезуиту Николаю, он начал привлекать нескольких впечатлительных брахманов и осторожно приобщать их к христианской

вере. Теперь об этом поступке знали другие миссионеры, и его вызвали предстать перед архиепископом в Гоа. В 1618 году он был выслан из Гоа, чтобы оправдать свое поведение перед римской инквизицией; и многие из его собратьев, включая его ученого дядю, были шокированы его одеждой огненного цвета и накрашенным лбом. Он утверждал, что в практике *саниасси* не было никаких суеверий, и он действительно получил разрешение от папы римского вернуться и продолжить свою работу при том понимании, что особенности его одежды и обряды его касты имели не более чем гражданское и санитарное значение! Теперь его примеру последовали другие члены Общества, и самозванство продолжалось на протяжении всего семнадцатого века. После его смерти в 1656 году утверждалось, что Роберт обратил 100 000 человек из высшей касты, а один из его коллег - 30 000. Однако позже, в более точном документе, мы читаем, что один из самых коварных этих иезуитов саниассис крестил девять брахманов за восемь месяцев, и это было больше, чем его коллеги сделали за десять лет. Весь этот сомнительный эпизод был не более чем потворством романтическому приключению, к которому иезуита всегда располагали его дипломатические принципы. Он инстинктивно любил маскировку и смягчал обман. Работа в Индии продолжалась в прежнем режиме. Тысячи детей были тайно крещены, чтобы пополнить списки, опубликованные в Европе; усердно использовались благосклонность и богатство португальцев; и, как мы узнаем из писем, отправленных в Европу, было применено немало обмана для того, чтобы заставить невежественных туземцев поверить, что иезуиты могут творить чудеса и управлять дьяволами. Время от времени цветные гирлянды были искусно расставлены так, чтобы освещать их статуи и алтари и вселять веру в чудеса.

Миссионеры из Индии проникли на Цейлон и Тибет, но через несколько лет были изгнаны. Китайская миссия продолжала процветать, и к 1620 году, как утверждали, обратилось сто тысяч человек. Один из миссионеров, Адам Шалл, специалист в области математики и механики, был нанят императором для исправления китайского календаря, изготовления оружия для своей армии и строительства укреплений. Взамен он получил разрешение своим коллегам проповедовать по всей Империи, и были построены сотни церквей. Однако вскоре соперничающие доминиканские миссионеры сообщили в Рим, что своим успехом иезуиты обязаны скандальному компромиссу с местной религией. Нет никаких сомнений в том, что христианство, которое они представили китайцам, сильно отличалось от того, которое намеревался принести Ксавье. Они не выставляли распятие напоказ своим обращенным и снисходительно относились к почитанию предков и кунфу-цзе. Когда доминиканцы и францисканцы настаивали на абсолютной чистоте веры и характеризовали языческих моралистов со всей силой средневековой нетерпимости, иезуиты убедили китайцев изгнать их, и в отношении их "китайских обрядов" развернулась ожесточенная борьба, в которую мы вступим позже.

Японская миссия, с другой стороны, была полностью уничтожена под командованием Вителлески. Какое-то время после 1616 года новый император Сोगун был безразличен к трудам иезуитов, которые проникли в страну переодетыми, и новообращенных снова собрали в Церкви. Говорят, что их насчитывалось 400 000 человек, и летопись последовавших за этим гонений показывает, что по крайней мере значительная часть из них были ревностными и убежденными христианами. Однако в 1617 году Сोगун приказал всем миссионерам покинуть страну, и началось долгое и кровавое преследование. Английские и голландские купцы теперь вытеснили португальцев и подпитывали враждебность императора. Большое количество иезуитов и их последователей были жестоко замучены и казнены; тем не менее, проявив

поразительный героизм, они продолжали входить в страну и отдавать свои жизни за свою работу. Но Сегун II и его сын подверглись жестокому гонению, и ко времени смерти Вителлески христианство в Японии вымерло.

Следующим по интересности полем миссионерской деятельности была Южная Америка, куда иезуиты прибыли, чтобы основать замечательные государства, о которых их почитатели до сих пор говорят с безграничным восхищением. Мы должны отложить до более позднего этапа всестороннее рассмотрение этих сообществ и можем здесь рассказать только историю их происхождения и ранней судьбы. Испанцы так жестоко обращались с уроженцами Парагвая, что, когда в 1586 году иезуиты вошли в страну, им было чрезвычайно трудно развеять свои опасения. Они рассеялись по стране, завоевав тысячи туземцев своей доброй и гуманной помощью, но обычно после крещения оставляли их прежними. В 1602 году миссия была организована лучше, и начали появляться определенные христианские поселения. Естественным результатом их симпатии к местным жителям стала ссора с испанцами. В то время как испанцы ожидали, что миссионеры сделают туземцев более сговорчивыми и покорными их власти, иезуиты сообщали, что туземцы не будут иметь ничего общего с европейскими колонистами, которых они осуждали за их жестокость и жадность. Испанцы возразили, что иезуиты стремились сохранить торговлю местными продуктами и промышленностью для получения собственной прибыли, и это спровоцировало ожесточенные споры. В 1610 году иезуиты получили от Филиппа III разрешение на колонизацию и основали первую из своих "редукций", или промышленных поселений.

В течение многих лет эта работа оказывалась чрезвычайно сложной. Местные жители ценили защиту иезуитов, которые получили королевский приказ о том, что никто из их новообращенных не может быть обращен в рабство, но их вероучение их мало привлекало. При малейшем давлении они возвращались в леса, и вернуть их можно было только с большим трудом. Однако из Европы прибыло больше рабочих — к 1616 году в Парагвае насчитывалось сто пятьдесят иезуитов, — и было основано больше поселений. К 1632 году произошло двадцать "сокращений", в каждом из которых насчитывалось около тысячи семей. Земля не только усердно обрабатывалась, но братья-миряне-иезуиты обучали искусствам и ремеслам цивилизации и даже сформировали вооруженное и обученное ополчение для обороны. Дети были обучены и прилично одеты, а вечера и дни отдыха скрашивались песнями и танцами. Часы молитвы, работы и сна назначались двумя отцами-иезуитами, которые контролировали каждое сокращение; праздность строго наказывалась, а трудолюбие вознаграждалось подарками в виде ножей, зеркал или безделушек; продукты их труда распределялись каждую неделю; и за нравственностью всех членов общества велось очень тщательное наблюдение.

Мы рассмотрим эти "идеальные республики" более внимательно, когда позже обнаружим их реорганизованными и более расширенными. На данный момент достаточно заметить любопытную непоследовательность, которая проявляется даже в апологетических отзывах о них. Испанцам иезуиты заявили, что местные жители настолько подозрительны, что ни одному европейцу не может быть позволено посетить церковь, и общение отцов церкви с другими европейцами должно быть скрыто; однако они отказались учить туземцев испанскому языку на том основании, что общение с испанцами развратило бы их мораль. Их критики, естественно, пришли к выводу, что они держали расы порознь, чтобы не нарушалась их монополия на торговлю, и провели недружелюбные сравнения между комфортабельными домами миссионеров и грубыми хижинами без мебели их новообращенных. Мы вернемся к моменту,

когда великая полемика по поводу сокращений начнется после 1645 года. До этой даты они пережили серию катастроф и были частично разрушены. Враждебное племя мамелу обрушилось на них и изгнало большинство из них из Парагвая. Из ста тысяч подданных в провинции Гуайра иезуиты удержали и перевели только двенадцать тысяч.

Об остальных иезуитских миссиях того периода можно ненадолго забыть. Они расширили свою деятельность до Новой Гранады, но были изгнаны архиепископом Санта-Фе по жалобе испанских купцов за то, что они смешивали торговлю с проповедью Евангелия. В Канаде они добились незначительного прогресса, пока англичане не покинули этот регион в 1632 году, и даже после этого они столкнулись с большими трудностями в создании поселений среди индейцев. Была предпринята еще одна попытка проникнуть в Абиссинию, и это также закончилось катастрофой. За услуги, оказанные португальцами императору, им было разрешено проповедовать свою веру, и они обратили в свою веру многих. Иезуит, наконец, стал "патриархом Абиссинии" и вовлек императора в кровавые репрессии против местной христианской церкви. Однако после восшествия на престол нового императора они были обвинены им в заговоре с целью отвоевать страну для Португалии и снова были изгнаны. Их письма, которые были перехвачены, показывают, что обвинение не было беспочвенным. В тот же период, наконец, они получили через Францию разрешение на въезд в Турецкую империю и начали работу по организации оставшихся в живых христиан и нападению на несториан в Греции, Малой Азии, Сирии, Персии, Армении и Халдее.

СНОСКИ:

[18] Это редкое и любопытное произведение, которое в последующие годы часто осуждалось и сжигалось, было опубликовано в 1654 году и дает особенно неприятную картину испанских иезуитов. Это приписывалось выдающемуся доминиканскому монаху. Он отрицал авторство, но многие считают, что отрицание было просто вопросом политики.

[19] См. книгу автора "*Железный кардинал*" (1909), стр. 341.

[20] Кретино-Жоли умалчивает обо всех этих фактах и описывает отца де Берюля как "тесно связанного с иезуитами"! Письмо де Берюля к Ришелье опубликовано в *Анналах*, ii. 738.

[21] Многие документы собраны в *Анналах Общества сой-дисанских евреев*. Самой знакомой процедурой иезуитов было обвинять монахов в коррупции и полагаться на их влияние при дворе, чтобы предотвратить слишком тщательное расследование. Государственный совет Франции вынудил их еще 4 августа 1654 года вернуть три аббатства их законным владельцам.

ГЛАВА VIII

ПРИ СТЮАРТАХ

За исключением английской миссии, которую я приберегу для дальнейшего рассмотрения в этой главе, мы теперь рассмотрели всю жизнь Общества Иисуса в течение первого столетия его

истории. Самый важный вывод, который можно сделать из этого обширного и разнообразного опыта, заключается в том, что любая попытка навязать ранним иезуитам единый характер обречена на провал. Единообразие в добродетели и героизме, которое приписывается Обществу на цветистых страницах *Imago Primi Sæculi*, так же далеко от истины, как и одинаково мрачные черты, которые навязывают иезуитам некоторые авторы противоположной школы. Честный историк должен последовать примеру Маколея и представить контрастные картины света и тьмы, героической преданности и деморализующей казуистики, которые в равной степени обнаруживаются в первом столетии истории иезуитов; и его попытка восстановить справедливость потерпит неудачу, как это произошло с Маколеем, потому что католические писатели простодушно отделят более раннюю и более лестную половину его вердикта и представят ее как его полное заключение.

Это крайнее разнообразие типов само по себе свидетельствует о том, что дисциплина в обществе потерпела крах. Игнациус подчеркивал два правила: послушников следовало отбирать с тщательностью, которой старые ордена уже не придерживались, и мужчин следовало контролировать с помощью системы надзора и беспрекословного подчинения властям, которая должна была обеспечить большую степень единообразия. Мы видели, что эти правила в значительной степени игнорировались. Постоянны и вполне обоснованны жалобы на то, что иезуиты при проверке кандидатов на поступление обращались не столько к характеру и преданности, сколько к способностям и социальному положению. Возможно, странно, что это, по крайней мере, не придало Обществу более внушительного интеллектуального статуса. Кретино-Жоли усердно собирал имена выдающихся писателей и ученых, которые украшали анналы Общества в течение первых двух столетий. Нужно только сказать, что, помимо богословов, в списке очень мало имен, которые можно найти в любом беспристрастном календаре тех, кто внес свой вклад в развитие современной культуры. Это обширное общество праздных и довольных жизнью холостяков предлагает нам на редкость скудные сведения о результатах. Его известные имена - это, как правило, имена политиков и памфлетистов. Эта сравнительная бедность, помимо богословия, неудивительна, если учесть, что целью Общества была борьба с ересью; просто необходимо отметить этот факт, поскольку так часто утверждается обратное. Пропорционально их численности, их ресурсам и их исключительным возможностям (через их школы) привлекать подходящую молодежь, иезуиты не являются и никогда не были образованным сообществом.

Эта общая посредственность интеллекта сопровождается общей посредственностью характера. Точно так же, как их хваленая система образования крайне неудачна в развитии высших способностей, так и их не менее хваленые духовные упражнения оставляют великое тело на очень обычном уровне развития характера. Когда мы справедливо восхищались апостолами, которые то тут, то там проявляют героическое самопожертвование в зарубежных миссиях, общинами, которые то тут, то там выдерживают ужасы и опасности пораженного чумой города, теми немногими, чья честность жизни завоевывает уважение людей, не связанных с Обществом, мы обнаруживаем, что сталкиваемся с общей группой людей без каких-либо моральных или духовных различий. Поколение за поколением крупнейшие провинции Общества пребывают в комфортном бездействии, а попытки начальства утвердить деспотическую власть, которой они, как предполагается, обладают, встречают негодование и интриги и почти всегда пресекаются. Теоретическая пассивность иезуитов, подобная трупу, является чистой насмешкой над фактами их истории.

Они отличаются от других религиозных конгрегаций римского мира только достижением большей власти и богатства, а также средствами, с помощью которых они их достигают. Только здесь в истории иезуитов прослеживается особая нить, заметная с самого основания Общества. Несомненно, в первом столетии после Реформации они сделали для своей Церкви гораздо больше, чем любая другая религиозная организация; и сделали они это именно тем, что стремились к богатству и власти. Они напрягали все силы, чтобы заручиться вниманием пап, принцев и богатых людей. Таково было прямое указание их основателя. Но мы можем быть уверены, что Игнатий не санкционировал бы обман, лицемерие, клевету, интриги и одобрение насилия, которые это стремление к власти принесло в Общество. В Индии и Китае, в Англии и Швеции они присвоили себе право лгать во имя служения Богу; и по той же высокой причине они советовали или потворствовали убийствам, клеветали на своих собратьев-священников, нарушали свои священные обязательства, поощряли войны и приспособляли христианскую этику к страстям богатых или влиятельных грешников. Иезуитскому теологу никогда не было необходимости заявлять, что "цель оправдывает средства". [22] Если рассматривать эту фразу не как цитату из написанного свода правил, а как интерпретацию поведения иезуитов, то она выражает наиболее отличительную черту характера Общества в течение его первых ста лет.

Теперь нам предстоит увидеть, как эта характеристика будет сохраняться в течение второго столетия и, в конце концов, приведет Общество к ужасной катастрофе. В течение полувека иезуиты будут продолжать наслаждаться и приумножать свое богатство и власть, но ненависть, которую они вызвали в умах своих единоверцев, сгущается все сильнее и темнее вокруг их великолепного процветания и, в конце концов, гаснет. Они умирают от руки католиков, понесая справедливоенаказание за грубое злоупотребление властью. Теперь будет удобнее непрерывно следить за их историей в каждой провинции, и мы можем начать с Англии.

После смерти генерала Аквавивы (1615) мы оставили иезуитов скрываться в нищете в Англии. После того как волна гнева, поднятая Пороховым заговором, частично улеглась, десятки иезуитов храбро пробрались на свою родину и тайно служили преследуемым католикам. В 1615 году в Англии их было шестьдесят восемь; к 1619 году их число увеличилось почти до двухсот, и римские официальные лица повысили миссию до статуса вице-провинции; в 1623 году, когда насчитывалось 284 члена, они были преобразованы в Провинцию Общества с отцом Блаунтом в качестве провинциала. Нежелание Якова I преследовать придало им смелости действовать с большей энергией. Фантастическая картина их деятельности в Кретино-Жоли, конечно, совершенно неточна. Мы читаем об отце Эрроусмите, "вышедшем из своего убежища", чтобы бросить вызов епископу Честерскому и победить его в дебатах, а также подвергнуть себя мстительности прелата. Это было не в 1628 году, а несколькими годами ранее, когда Эдмунд Эрроусмит спорил с епископом Честерским; тогда он вообще не был иезуитом и не выходил из какого-либо убежища, чтобы бросить вызов прелату или понести какое-либо мстительное наказание. Он был арестован как священник, случайно застал епископа за мясом в пятницу, мимоходом поспорил по этому поводу и был освобожден. [23]

Правда в том, что с 1607 по 1618 год в Англии было казнено всего шестнадцать человек на почве религии, и ни один из них не был иезуитом. В тюрьмах действительно содержалось несколько сотен священников и несколько тысяч католиков-мирян, но Джеймс не был склонен к крайним мерам, и священники пользовались большой свободой даже в тюрьме. Отец Перси, уроженец Дарема, обратил в свою веру 150 высокопоставленных мужчин и женщин, включая графиню Бекингам, мать знаменитого священника, за три года своего пребывания в Новой тюрьме на

Темзе. Сам Джеймс снизошел до того, чтобы поспорить с ним, и отец Перси завершил долгую и полную приключений карьеру в постели. На самом деле, в 1622 году, когда Джеймс начал переговоры с Испанией о браке принцессы-католички для своего сына, четыре тысячи католиков были освобождены из тюрем, а исполнение уголовных законов было значительно смягчено. Католики, как правило, с нетерпением ждали этого брака, но иезуиты в Ватикане выступили против него. Предполагается, что они боялись приезда епископа в свите принцессы, но не исключено, что они предпочли союз с Францией. Когда испанские переговоры провалились — а они потерпели бы неудачу без какой-либо помощи иезуитов — законы снова были приведены в исполнение с некоторой строгостью. И все же наказание иезуитов было вызвано только случайностью или неосторожностью. В 1623 году один из них, отец Друри, проповедовал воскресным днем примерно перед двумя или тремя сотнями католиков в доме французского посла в Блэкфрайарсе, когда пол провалился, и проповедник и сотня других были убиты. Простой лондонский люд жутко веселился над "печальной вечерней песней". Пять лет спустя несколько иезуитов были пойманы в доме, принадлежащем графу Шрусбери в Клеркенуэлле. Мы узнаем, что у них там был постоянный послушник и резиденция их провинциала. Должна была состояться внушительная церемония, и большое количество провизии вызвало подозрение охотников за священниками. Был казнен только один иезуит. В 1622 году сорок отцов посетили провинциальную конгрегацию своего Общества в Лондоне и решили основать колледжи в Уэльсе и Стаффордшире.

Однако есть еще один аспект деятельности иезуитов в Англии, который французский историк благоразумно игнорирует. В предыдущей главе мы видели, как отец Парсонс интриговал, чтобы получить контроль над континентальными колледжами и предотвратить отправку епископа в Англию. Его преемники продолжали раздражать светское духовенство, проводя эту эгоистичную политику. Из двадцати семи французских и фламандских семинарий, которые поставляли большое количество священников в Англию, иезуиты контролировали пять, помимо своих колледжей в Испании, и они прилагали все усилия, чтобы получить господство над священниками. Когда протоиерей умер в 1621 году, светское духовенство снова обратилось к папе за епископом, и иезуиты снова воспротивились этому обращению. Когда после долгой борьбы папа склонился к назначению, иезуиты убедили Тоби Мэтьюза (католика, сына архиепископа Йоркского) проинформировать Джеймса. Король послал весточку папе через Испанию, что он не потерпит этого назначения, но позже он был убежден, что его ввели в заблуждение, и светские священники получили "епископа Халкидонского". Он умер в следующем году, и его преемник, по-видимому, поступил неосмотрительно, поскольку монахи-бенедиктинцы присоединились к иезуитам против него. Внутреннюю историю этой семейной ссоры нам рассказал Панцани, который несколько лет спустя был агентом Ватикана в Англии. Он рассказывает нам, что иезуиты выдвинули королю неправомерное обвинение против епископа, и тот был изгнан на Континент.

Поскольку одной из главных проблем истории иезуитов является объяснение ожесточенной враждебности к ним священников, которые были не менее преданы, чем они, служению католицизму, необходимо обратить внимание на эти неприятные споры и интриги в самом сердце еретической страны. Я могу, однако, обратиться к *Истории иезуитов в Англии отца Тонтона* для более подробного описания этой внутренней борьбы и вернуться к более широкому историческому вопросу.

Первые годы правления Карла I. не были омрачены каким-либо применением более суровых уголовных законов. Наложение штрафов на католиков—мирян, о которых было известно около одиннадцати тысяч, все еще обеспечивало королю солидное пополнение личного кошелька, и действительно, было необходимо обезоружить угрюмую подозрительность, с которой наиболее ревностные протестанты наблюдали за иностранной королевой и ее духовным двором. Однако не было предпринято никаких серьезных усилий для обеспечения соблюдения законов против иезуитов, и их численность и ресурсы увеличились. В 1628 году они открыли второй послушничество в Лондоне. В 1634 году один из светских священнослужителей подсчитал, что в Англии насчитывалось 360 иезуитов и что в их колледжах обучалось 550 студентов. Это, очевидно, преувеличение, поскольку в *Ежегодных письмах* сообщается, что в 1645 году в провинции проживало в общей сложности 335 человек, и раскрывается интересный факт, что их совокупный доход составлял 17 405 *скуди* (около 35 000 фунтов стерлингов в пересчете на современные деньги). Их клерикальные оппоненты утверждают, что часть их доходов была получена от торговли. Некое мыло было широко известно в Лондоне как "папистское мыло", и говорят, что иезуиты через своих друзей-мирян владели акциями фабрики, которая его производила. Они находились в сильном и удобном положении, и, если бы они были склонны отложить в сторону свой корпоративный эгоизм и щедро сотрудничать с другим духовенством, история религии в Англии могла бы получить необычное развитие.

В правление Карла то, что мы сейчас знаем как "Высшую церковь", при архиепископе Лауде занимало сильные позиции в Англиканской церкви, и были признаки склонности вернуться к верности Риму. Глава английских монахов-бенедиктинцев Дом Джонс был направлен Ватиканом в 1634 году для изучения ситуации и руководства ею, и он и его преемник Панцани многое сделали для примирения светского и обычного духовенства. Иезуиты, однако, не желали мириться, и отчеты Панцани в Ватикан полны горьких обвинений против них. В католической Англии, которую они предвидели, они были полны решимости занять доминирующее положение. Говорили, что они побудили богатых и влиятельных кающихся дать особый обет послушания самим себе, и духовенство даже обвинило их в том, что они препятствуют общему восстановлению католицизма, чтобы новые власти не изгнали их из королевства. Они ответили резкой атакой на папского агента. Злобные памфлеты передавались из лагеря в лагерь, и иезуиты представляли Панцани как тайного агента Ришелье, стремящегося объединить Англию и Францию в противостоянии Испании. Несмотря на эти внутренние разногласия, Римская церковь продолжала прогрессировать до тех пор, пока тень Гражданской войны не пала на страну и успех пуритан снова не подавил надежды католиков.

Отношение иезуитов к пуританам никогда не было полностью выяснено — возможно, никогда не сможет быть выяснено полностью, — но есть достаточно свидетельств того, что они снова доказали свою замечательную способность приспосабливаться к различным обстоятельствам. Мы не будем предполагать, что они сами предложили мятежникам использовать свою теологическую доктрину о праве низлагать и казнить королей или вложили в их руки удобную *Книгу отца Парсонса о престолонаследии*, часть которой была опубликована парламентом. Но есть свидетельства того, что при Содружестве они были в косвенных отношениях с Кромвелем и использовали свои международные связи, чтобы снабжать его информацией о Франции. В Ирландии они выступали против папского нунция Пинуччини (на что он горько жалуется) и были в хороших отношениях с Кромвелем. Нам предлагается пикантная картина ирландского иезуита отца Неттервилля, обедающего и играющего в

шахматы с великим лидером пуритан. Эти маневры слегка прикрываются их апологетами под предлогом того, что иезуиты не разбирались в политике.

Однако есть и другая сторона истории иезуитов во время Гражданской войны и при Речи Посполитой. В то время как отец Тонтон, кажется, не видит ничего, кроме их интриг с Кромвелем, их французский апологет не видит ничего, кроме длинной серии кровавых казней от рук пуритан. Конечно, каковы бы ни были личные склонности Кромвеля и как бы он ни использовал иезуитов, они сильно пострадали от пуританской реакции. Сам отец Неттервиль, а также отец Бойтон, отец Корби и другие ирландские иезуиты были казнены. Отец Холланд был казнен в 1642 году, отец Корби принял ужасную смерть от предателя в Тайберне в 1644 году, а отец Морс последовал за ним в 1645 году. Морсу было разрешено провести ночь перед казнью в молитве с португальским послом и представителями французского, испанского и немецкого послов, а послы Франции и Португалии преданно сопровождали его на эшафот. Отец Харрисон был казнен в Ланкастере в 1650 году, и несколько других иезуитов погибли в результате строгого обращения с ними в тюрьме. Следует отметить, что эти казни происходили в ранний период ярости пуритан, и следует помнить, что миряне-католики были, пропорционально их численности, самыми щедрыми и горячими сторонниками короля. Это факт, что казни прекращаются, когда Кромвель становится протектором (1653), и не исключено, что, как нам говорят, он использовал иезуитов, чтобы дать Ватикану секретные гарантии в отношении религиозных преследований.

Менее жестокие уголовные законы, однако, строго соблюдались, как и следовало ожидать в той пуританской атмосфере, и записи иезуитов становятся скудными и неинтересными. Мы знаем, что в Ирландии их число сократилось до восемнадцати отцов, которые, живя в болотах или на унылых склонах холмов, в большой опасности и лишениях служили угнетенному народу. В Англии они были ограничены неясной и неискренней попыткой объединить преследуемых католиков. Новая катастрофа, обрушившаяся на них, заглушила семейную ссору.

В 1660 году Карл II вступил в свое правление, и католики снова вышли на солнечный свет. Достоверно установлено, что в течение первых двенадцати лет своего правления Карл был склонен к тому, чтобы страна вернулась к своей старой вере. Его личная склонность к католицизму была настолько незначительной, что он мог легко отказаться от нее в тот момент, когда политические события сделали это целесообразным, но он не был равнодушен к тому огромному преимуществу, которым пользовались католические автократы Франции и Испании. Поэтому он снисходительно выслушал, когда в начале его правления католики обратились с петицией о помощи. Основная часть нации все еще была убежденной протестанткой, и раздавались крики о том, что, по крайней мере, иезуиты должны быть освобождены от какой-либо меры терпимости. Многие католики настаивали на том, чтобы иезуиты пожертвовали своей провинцией ради общего блага Церкви, но мы вряд ли можем удивляться, узнав, что они категорически отказались, и последовали долгие пререкания. Когда было заявлено, что их учение о том, что папа может низлагать королей, не позволяет им оставаться в стране, они быстро отказались от этой доктрины. Они остались и процветали. Действительно, через несколько лет они вступили с Чарльзом в дружеские отношения необычным и тайным образом.

Их конституции, а также строгие папские указы запрещали им принимать в Общество мужчин незаконного происхождения, но мы часто заставляли их за этим, когда грех родителя искупался отличием его положения, и мы можем представить их радость, когда один из незаконных детей

Карла II. появился в их римском послушничестве в 1668 году. Им было известно, что Джеймс де ла Клош, как называл себя юноша, на самом деле был Джеймсом Стюартом, и не было ничего неизвестного в том, что Карл был привязан к нему и считал его восшествие на престол не такой уж несбыточной мечтой. Английский монарх и генерал иезуитов тайно обменивались сердечными письмами; генералу Оливе из Лондона были отправлены деньги, и через некоторое время молодого иезуита тайком перевезли в Лондон, где ему позволили насладиться объятиями своего отца.

Неудивительно, что Общество процветало. В 1669 году в английской провинции насчитывалось 266 членов. В том же году их провинциал, отец Эммануэль Лобб, обратил герцога Йоркского в римскую веру, и, хотя тайна какое-то время тщательно охранялась от протестантов, эта новость вселила большую радость и надежду в католиков. Чуть позже сам Карл сказал некоторым ведущим католическим дворянам, что он хотел бы принять их вероучение и открыто заявил бы об этом, если бы мог быть уверен в защите от протестантского гнева. В следующем году в Дувре был подписан секретный договор с Людовиком XIV. Карл должен был объявить о своем принятии римской веры, а Людовик должен был, в случае необходимости, предоставить французские войска для подчинения английских протестантов и, в любом случае, выделить крупные суммы денег беспринципному королю Англии. Трудно сказать, действительно ли Карл и католическая знать верили, что Людовик XIV. сочтет обращение Англии достаточной наградой за свою щедрость. Дизайн был предательским для всех заинтересованных сторон.

Теперь иезуиты были на вершине волны надежды. Король был тайным католиком и был женат на католичке Екатерине Браганцкой, которая находилась под их контролем. Брак казался бесплодным, но герцог Йоркский, следующий наследник престола, был предан им больше, чем любой другой принц в Европе. Союз с Францией контролировался ими, как и Людовиком XIV. в то время он был полностью послушен своему знаменитому духовнику-иезуиту. К растущему ужасу протестантов, отцы-иезуиты теперь начали уверенно появляться на публике. Двое из них служили королеве; двое охраняли совесть герцога Йоркского. В то же время была объявлена война с Голландией, и Карл издал свою Декларацию о снисхождении. Казалось, что наконец-то тучи рассеялись с небес, и, каким бы ни было политическое развитие событий, иезуиты были на пути к обретению власти над троном. С помощью английских законов (или королевских деклараций) и французских войск они вскоре положили бы конец протестантизму в Англии и, объединив силы Англии и Франции, вернулись бы к нападению на северных протестантов.

Затем произошел "папистский заговор", или воображаемый заговор Титуса Оутса, и яростная буря засвистела у них в ушах. Карл вскоре осознал тщетность союза с Францией, заключил мир с голландцами и успокоил своих протестантских подданных, отменив Декларацию о снисхождении. В целом, ему было выгоднее оставаться протестантом. Естественной и надлежащей позицией католиков теперь было молчаливое ожидание восшествия на престол герцога Йоркского, поскольку Екатерина оставалась бездетной, но протестанты уже смотрели на Вильгельма Оранского и не намекали туманно, что католик герцог Йоркский непригоден для восшествия на престол. Голландские агенты распределяли деньги среди знати и парламентариев; французские и католические агенты распространяли *лиудоры* в интересах Йорка и католицизма. Что бы мы ни говорили о голландцах, католики поддерживали с Францией тайную и предательскую переписку. Эта переписка поддерживалась с английской стороны ревностным секретарем герцога Йоркского по имени Коулман, учеником и другом иезуитов. Мы увидим, что впоследствии Коулман был арестован, а его бумаги изъяты, так что нет никаких

сомнений в том факте, что с 1675 по 1678 год Коулман вел предательскую переписку с французами. Французские деньги и, в случае необходимости, французские войска должны были быть использованы для разрушения Существующей Церкви. Письма, как правило, были зашифрованы, и иногда секретное послание было написано между строк лимонным соком (который стал бы разборчивым, если поддержать его перед огнем).

Теперь нас просят поверить, что этот заговор возник в воспаленном воображении Коулмена и что иезуиты не были посвящены в его переписку с Версалем. Лондонские иезуиты пользовались таким авторитетом в Сент-Джеймском дворце, что им разрешалось проводить свои тайные собрания в его покоях, а с французской стороны вся переписка велась знаменитым иезуитским духовником Людовика XIV, отцом Лашезом; и апологеты хотели заставить нас поверить, что эта переписка, имеющая такое глубокое значение для будущего иезуитского сообщества в Англии, велась в течение нескольких лет без их ведома и попустительства. На самом деле мы должны были бы поверить, что даже герцог Йоркский не знал об этом, поскольку он ничего не скрывал от иезуитов, и что отец Лашез не дал ни малейшего представления об этом своим коллегам. Нужно быть необычайно доверчивым, чтобы представить, что иезуиты посещали Сент-Джеймский дворец неделю за неделей в течение многих лет и были в полном неведении о том, что их друг Коулман постоянно получал важные сообщения от их французского коллеги.

Следовательно, мистер Поллок в своем недавнем и умелом исследовании "папистского заговора" заключает, что [24] мы можем принять или адаптировать известный вердикт Драйдена относительно заговора:

"Какая-то правда там была, но разбавленная ложью". Сейчас общепризнано, что Титус Оутс и его главные свидетели были не более чем безрассудными лжецами, игравшими на воспаленных протестантских чувствах того времени, но общепризнано, что заговор, подобный тому, который я описал, действительно имел место. Поскольку, однако, г-н Поллок также приходит к выводу, что иезуиты, вероятно, спровоцировали и обеспечили убийство лондонского магистрата, необходимо вновь поднять этот вопрос.

Титус Оутс, маленький плотный человечек с большим багровым лицом и полным отсутствием моральных чувств, присоединился к католической церкви и был принят иезуитами в их колледж в Вальядолиде. Он был изгнан, но представляется вероятным, что он собрал некоторую информацию об их надеждах и замыслах в Англии, и, когда он вернулся в Лондон, он вступил в связь с фанатичным антипапистом по имени доктор Тондж, хотя он продолжал вращаться среди католиков. Тот факт, что они затем приняли этого человека в колледж Сент-Омера, из которого он был снова исключен, мало что говорит о дискриминации иезуитов. Затем Тондж и он состряпали папистский заговор и сообщили королю, что иезуиты покушаются на его жизнь. Чарльз улыбнулся, и в сентябре заговорщики предстали перед известным мировым судьей сэром Эдмундом Берри Годфри — протестантом, но личным другом Коулмена и благосклонно настроенным к католикам — и выложили информацию об ужасном проекте католиков по уничтожению протестантов Лондона. Ситуация — католический наследник престола ожидает смерти протестантского короля, а голландский претендент укрепляет позиции в Лондоне — казалась настолько подходящей для заговора, что Лондон был охвачен драматическим ужасом, и Тайный совет был вынужден серьезно выслушать историю, которая была явно ложной во многих деталях и нелепой в других. Отец Уайтбрид, провинциал-иезуит, и двое его коллег были арестованы; и когда были изъяты письма Коулмена, в которых были обнаружены упоминания о

"великой работе, совершенной нашими руками", история, казалось, подтвердилась. Затем сэр Эдмунд Берри Годфри был найден мертвым в канаве у подножия Примроуз-Хилл, и город сотрясло безумие. Месяцами обученные отряды держали по ночам под ружьем, и горожане нервно спали, положив оружие рядом с собой, готовые вскочить при крике о том, что начались поджоги домов и резня протестантов.

В тот период ярости и паники характер свидетелей, которые вышли вперед, чтобы потребовать предложенную награду, не рассматривался, их несоответствия игнорировались, и несколько человек с низкой репутацией мимолетно разбогатели, поклявшись лишить жизни других. Трое мужчин, которые, вероятно, были невиновны, были повешены за убийство Годфри в Сомерсет-Хаусе (тогда Дворце королевы), а трое иезуитов — отец Ле Февр (духовник королевы), отец Уолш и отец Притчард — были обвинены в том, что наняли убийц. В конце концов семь священников-иезуитов и брат-мирянин были казнены, большое количество иезуитов, светских священников и мирян были заключены в тюрьму, и на католическое население обрушилось царство террора. Казалось, что великая мечта о преобразовании Англии была в очередной раз безжалостно развеяна.

Свидетель Бедлоу, обвинявший иезуитов, был настолько подлым человеком и так хорошо вознагражден за то, что выдвинул обвинение, которого хотели люди, что мы должны проигнорировать его показания. Если мы придаем какое-либо значение заявлениям свидетеля-католика Прэнса, как это сделали сэр Дж. Фицджеральд Стивен и другие, то может показаться, что Бедлоу действительно что-то узнал об убийстве, и может быть правдой, а может и нет, что в нем были замешаны иезуиты. Мы, конечно, не можем признать это на основании показаний Бедлоу. С другой стороны, мало кто, за исключением римских католиков, кто ознакомится с доказательствами, усомнится в том, что Годфри был убит и его тело было доставлено на то место, где оно было найдено. На том месте почти не было следов крови, а меч Годфри был вонзен в его тело способом, исключающим мысль о самоубийстве. Было еще яснее, что он не был убит с целью ограбления. Обстоятельства указывают на политическое убийство, и, поскольку имеется достаточно доказательств того, что Годфри ожидал покушения на свою жизнь, естественно предположить, что его устранили, чтобы он не выдал какую-то тайну, которой стал владеть.

Гипотеза мистера Поллока состоит в том, что Коулмен рассказал Годфри о собрании иезуитов в Сент-Джеймском дворце. Оутс заявил, что иезуиты встретились, чтобы согласовать свой заговор, в таверне "Белая лошадь" на Стрэнде 24 апреля 1678 года. Яков II несколько лет спустя признал, что иезуиты встретились в тот день, но в Сент-Джеймском дворце, а отец-иезуит Уорнер официально подтвердил, что они действительно проводили свою Провинциальную конгрегацию в тот день в Сент-Джеймском дворце. Если бы в то время стало известно, что сорок иезуитов провели тайный совет во дворце герцога, последствия могли бы быть очень серьезными, и поэтому есть некоторое правдоподобие в заявлении более позднего свидетеля, Дагдейла, о том, что протестантский магистрат был смещен, потому что он узнал об этом факте от Коулмена. Мы знаем, что Годфри тайно консультировался с Коулманом после того, как получил показания Оутса и Тонджа; у нас есть веские основания полагать, что он представил эти показания Коулману; и не исключено, что Коулман опроверг показания Оутса, сообщив, что встреча иезуитов состоялась во дворце Джеймса, а не в "Белой лошади". Несомненно, для иезуитов было бы серьезным делом, если бы об этом стало известно, и этого было бы почти достаточно, чтобы предотвратить наследование престола Яковом II.

Это должно оставаться всего лишь гипотезой. Я могу напомнить, что, согласно учению многих богословов-иезуитов, убийство человека с целью предотвращения нанесения серьезного вреда Церкви было не преступлением, а достойным похвалы поступком. Но многие другие, помимо иезуитов, были бы заинтересованы в принятии решительных мер для укрепления позиций герцога Йоркского, и то, что Годфри узнал об этой встрече, не более чем предположение. Вполне возможно, что эта встреча ни в коем случае не была невинным "собранием" иезуитов для обсуждения своих дел; и столь же возможно, что истинная причина убийства до сих пор не приходила нам в голову. Это остается одной из многочисленных нерешенных проблем в истории иезуитов.

Оставшиеся годы правления Карла II. были годами страданий для иезуитов. Они продолжали проникать в страну переодетыми и служить яростно преследуемым католикам. Мы узнаем, что в 1682 году провинция насчитывала 295 прихожан, а в 1685 году в Англии работало не менее 102 священников. В те суровые времена они пережили наихудшие испытания апостольской жизни. Независимо от того, были они невиновны в убийстве или нет, многие католики считали, что их присутствие в Англии было подстрекательством, а их поведение нескромным, и знакомые дома были закрыты для них. Некоторые из них умерли от лишений, которые им пришлось вынести. Но горячая и непоколебимая надежда побуждала их встретить опасности и страдания, и в первую неделю февраля 1685 года по пораженным и разрозненным рядам разнеслась весть о том, что Карл мертв и преданный католик собирается взойти на английский престол.

Историк, понимающий, что это должен был быть последний шанс, который судьба предоставила католической церкви для получения власти и большинства в Англии, читает историю тех трех лет триумфа и беспомощности со странными размышлениями. Никогда еще великая возможность не была столь трагически упущена. Подавляющее большинство нации, официальные лица и парламент были не просто протестантами, но и лихорадочно бдительными и крайне подозрительными по отношению к иезуитам. Это было время бесконечного терпения и сдержанной дипломатии, и, насколько мы можем установить, сам Ватикан и кардинал Говард, который консультировал папство в Риме, полностью осознавали эту необходимость. Но командовали иезуиты, и они самым вопиющим образом продемонстрировали в своих летописях неразумие и вредность своих отличительных методов. Хотя протестантский принц мрачно улыбался их промахам в Голландии, а его агенты в Англии охотно преувеличивали каждую неосторожность, они действовали с самым безрассудным пренебрежением к протестантским чувствам. В течение двух лет они распространили школы и церкви по всему Лондону, поговаривая о скором захвате университетов и магистратуры и назначив одного из своих членов членом тайного совета. И менее чем через четыре года Яков II. с позором бежал во Францию с иезуитами в свите.

Этот романтический эпизод вдохновил Маколея на написание одной из лучших глав *истории Англии*, и, какую бы вину ни возложили на "Сандерленд", нет никаких сомнений в том, что иезуиты были в значительной степени ответственны за неудачные советы Якова II. Одним из первых его действий было поселение отца Эдварда Питре в королевских покоях Сент-Джеймского дворца и передача Королевской часовни в его ведение; и вскоре он сделал Питре клерком Своего кабинета. Тюрьмы были открыты, отрекшиеся теперь смело выходили из своих уединенных домов, и иезуиты призвали своих коллег с континента приехать и разделить работу по сбору урожая. В Лондоне были открыты новые часовни; и не в одном случае, когда другие священники предлагали открыть часовни, королевское влияние пресекало их строительство и

закрепляло здания за иезуитами. Были открыты бесплатные "неконфессиональные" школы, и сотни протестантских, а также католических мальчиков были привлечены в эти коварные рассадники веры необычным отсутствием платы.

Во всем этом мы можем видеть только неоправданную поспешность и неосмотрительность, но политика развивалась стремительно. Когда парламент отказался выполнять пожелания монарха и его советников, он продолжил "раздавать власть" и вмешался в работу судей, чтобы утвердить свою власть. Четверо католиков были введены в состав Тайного совета, и дворяне и чиновники постепенно осознали, что крещение было первым условием для получения более высокой должности. Когда епископ Лондона отказался отстранить от должности священника за нападки на католицизм, была создана церковная комиссия, чтобы отстранить от должности епископа и заглушить голоса протестантского духовенства. По собственному почину Джеймс приостановил действие уголовных мер, издал Декларацию о снисхождении, вмешался в права протестантов в Ирландии, торжественно принял папского нунция в Виндзоре и отправил графа Каслмейна послом к папству. Гражданские и военные должности были быстро переданы католикам, и еще до конца 1686 года Оксфорд и Кембридж начали испытывать незаконное давление королевской власти в пользу католического вероучения.

Поскольку все это совпало с отменой Нантского эдикта и преследованием протестантов во Франции (от которой Яков, как и его брат, получал королевскую милостыню), протестанты увидели перед собой перспективу насилия и преследований. И все же Джеймс умножал свои неосмотрительные и, во многих случаях, незаконные действия со слепым фанатизмом. Когда наступила неизбежная катастрофа, иезуиты выразили сожаление по поводу неблагоразумия своего покровителя и возложили всю вину на Сандерленд. Однако, хотя Сандерленд оставался протестантом еще за несколько месяцев до падения Якова, монарх на протяжении трех лет был окружен иезуитами и беззаветно предан им. Письмо, написанное льежскими иезуитами иезуитам Фрейбурга и перехваченное голландцами, сообщает нам о влиянии, которое они оказали на Якова II. [25] Он преданный сын Общества; он полон решимости обратить Англию его средствами; он отказывается позволять какому-либо иезуиту целовать ему руку. И публичное действие соответствует секретному письму. Отец Уорнер, Провинциал Общества, является духовником короля; отец Петре, тщеславная и напыщенная посредственность, пользуется у него таким уважением, что осаждает Ватикан требованием подарить Петре красную шляпу. Придворные уже вежливо обращаются к тщеславному иезуиту "Ваше преосвященство". Но Иннокентий XI. строг и не потерпит грубых ошибок английского монарха. Каслмейн тщетно пытается произвести впечатление на папу своим посольским великолепием и вынужден вернуться с кратким напоминанием о том, что иезуиты не могут получать почести. Итак, Джеймс делает иезуита членом тайного совета, а отец Петре приносит присягу на верность (с учетом предполагаемой ереси) и заседает в духовном облачении в верховном совете страны. Его римское начальство не может сказать ни слова ни тогда, когда Петре соглашается на требование носить красную шляпу, ни когда он становится членом тайного совета. Месье Кретино-Жоли потрясен; отец Тонтон полагает, что всей политикой руководят иезуитские власти в Риме.

В последующие годы, когда иезуиты и придворные собрались вокруг павшего монарха в его приятном изгнании, вся вина за это безумие, естественно, была возложена на нечестивого графа Сандерленда, и историки, возможно, уделили этому обвинению излишне серьезное внимание. Нам нет необходимости задерживаться, чтобы проанализировать возможные

мотивы "Сандерленда", который, несомненно, не имел искреннего желания видеть, как Англия возвращается к своему старому кредо. Как Людовик XIV, Педру I и Карл II, правивший тогда Францией, Португалией и Испанией, Яков II. его окружала хунта иезуитов, и он был даже более послушен их предложениям, чем его собратья-монархи. Те, кто считает это возможным, могут поверить, что эти иезуиты настолько неохотно вмешивались в политику, что молча позволили недобросовестному священнику разрушить перспективы их Общества и Церкви. Напротив, у нас есть достаточные документальные свидетельства того, что они приветствовали, если не вдохновляли, каждый опрометчивый шаг короля, и мы узнаем их знакомые принципы во всей его политике. Они, без сомнения, были хорошо знакомы с политическими принципами, отстаиваемыми их коллегой Адамом Контценом, профессором-иезуитом из Мюнхена. В работе, которую он опубликовал в 1620 году (*Politicorum libri decem*), отец Контцен, между прочим, предложил несколько эффективных приемов, с помощью которых католический монарх мог бы вернуть свою еретическую страну к вере. Совершенно справедливо осудив "нечестивую доктрину Макиавелли", отец Контцен перечисляет ряд мер, которые следует принять, и он прямо упоминает Англию как поле для эксперимента. Насилие рекомендуется как очевидный курс; лидеры еретиков должны быть изгнаны, и им должно быть запрещено проводить публичные или частные собрания. Но отличительные рекомендации ученого иезуита заключаются в том, что принц должен прикрыть свои первоначальные усилия исповеданием веротерпимости, он должен сначала выбрать для нападения тех ересиархов, которые непопулярны, он должен хитроумно натравить соперничающие секты друг на друга и "позаботиться о том, чтобы они часто спорили друг с другом", он должен издать указ о том, что ни один брак не должен заключаться, если ему не предшествует исповедание истинной веры, и он должен передать все государственные должности католикам.

Исходя из этих принципов, или максим, Яков II. за пять лет предпринял свою ревностную попытку уничтожить Англиканскую церковь. Иезуиты хвастались, что все лорд-лейтенанты и большинство судей уже были католиками, и через короткое время все магистраты в Англии станут католиками. Дублинский Тринити-колледж уже был обещан иезуитам, и Оксфорд не оказывал особого сопротивления их продвижению. Вскоре все образование, а также гражданское и военное управление окажутся в руках католиков. Королева, правда, еще не родила наследника престола, но у них были основания полагать, что, если он умрет бездетным, Яков оставит английскую корону в распоряжении Людовика XIV.

Затем Джеймс, помимо того, что отправил судью Джеффриса разбираться с повстанцами в провинциях, предпринял более смелую атаку на Церковь. Он приказал епископам дать указание духовенству зачитать со своих кафедр его декларацию о свободе совести. Хорошо известно, что семеро епископов отказались, были заключены в Тауэр и оправданы присяжными к неистовому восторгу города. Как раз в это время у королевы родился сын, и это сообщение было встречено насмешками. Люди говорили, что это еще одна уловка иезуитов; но, подлинный или нет, ребенок означал продолжение тирании католического меньшинства, и принцу Оранскому было предложено прийти и захватить корону. Он отплыл через четыре месяца; и перед Рождеством Уильям въехал в Лондон, а Джеймс и его иезуиты оказались в изгнании. Шестеро из них жили в его роскошном убежище в Сен-Жермене и обсуждали с ним коварство "Сандерленда" и ужасающий крах их поспешного предприятия.

Английская провинция Общества продолжала существовать и насчитывала большое количество членов вплоть до подавления. Хотя уголовные законы снова были приведены в

исполнение и было постановлено, что любой иезуит, обнаруженный в королевстве после 25 марта 1700 года, будет пожизненно заключен в тюрьму, отцы церкви по-прежнему проявляли мужество и преданность, которые так много делают для искупления своих ошибок. В 1701 году в провинции насчитывалось 340 жителей, хотя большинство из них проживали в Бельгии или у католических колонистов в Мэриленде. В 1708 году мы находим 158 членов Общества в Англии, которые, как правило, жили в домах католической знати и джентри. Теперь их работа почти сводилась к оказанию помощи находящимся в депрессии католикам. Они сообщили только о 3000 обращениях в веру между 1700 и 1708 годами, и многие из них были солдатами, расквартированными в Бельгии. В 1711 году под их духовным опекой находилось 12 000 католиков. Но даже в этой ограниченной сфере они продолжали борьбу со светским духовенством и опубликовали множество брошюр против него. "Янсенизм" был последней обнаруженной ими ересью, и они обвинили светское духовенство в Риме как запятнанное им. Наконец, по мере того, как шел восемнадцатый век, они поняли, что все эти старые конфликты уступают место могучей борьбе. Общество борется за свою жизнь с католическими противниками. В 1759 году оно с большим позором подавлено в Португалии; в 1762 году оно подавлено во Франции; в 1767 году даже Испания безжалостно изгоняет тело, которое оно породило.

Английские иезуиты уже начали страдать от этой ужасной кампании. Когда Людовик XV приказал изгнать иезуитов из своего королевства, парижский парламент позаботился о закрытии их колледжа в Сент-Омере. Длинная вереница фургонов с учителями и учениками уныло тянулась через всю страну и доставила их в Брюгге в великом унынии. Там, десять лет спустя, они подвергаются высшей мере наказания в виде подавления со стороны папства, и Тайный совет Брюсселя приводит приговор в исполнение с той суровостью, которая в каждой стране показывает им, как глубоко их ненавидят. 90 представителей английской провинции, проживающих в Бельгии, и 184 отца, работающих в Англии, к сожалению, избавляются от привычных костюмов и сталкиваются с мрачным будущим. Это трагическая кульминация двух столетий героической борьбы и жертвоприношений; это цена грубых ошибок и преступлений их политиков и казуистических излишеств их теологов.

СНОСКИ:

[22] Возможно, стоит отметить, что ни один богослов никогда не говорил так многословно: "Цель оправдывает средства". Самый близкий подход — это, пожалуй, высказывание иезуита Бузенбаума:

"Для того, для кого цель законна, законны и средства".

[23] Он присоединился к Обществу позже, в 1624 году, и был арестован (по доносу католиков) и казнен в 1628 году. Этот раздел работы французского историка особенно неточен и фантастичен. Об Эрроусмите см. в *Записях* Фохли, ii. стр. 32.

[24] Дж. Поллок, *Папистский заговор*, 1903. Отчаянную защиту католической позиции в противовес мистеру Поллоку см. в книге А. Маркса " *Кто убил сэра Эдмунда Берри Годфри?*" 1905.

[25] Поскольку письмо неудобное, Кретино-Жоли предполагает, что оно было подделано. Но это безоговорочно признает отец-иезуит Фоули в своих *Записях*.

ГЛАВА IX

БОРЬБА С ЯНСЕНИСТАМИ

История иезуитов во Франции с середины семнадцатого по середину восемнадцатого века богата материалом для интерпретации их характера. Мы находим, что все мыслимые типы иезуитов занимали видное место в какой-то период длинной хроники. В то время как отец Франсуа Режи или Жюльен Манвир поддерживают лучшие традиции Общества роскошными тратами благородного характера на службу нищему крестьянству, его коллеги снисходительно улыбаются надушенным порокам дворян и принцев, участвуют в самых беспринципных интригах с целью уничтожения своих теологических противников и поощряют Людовика XIV. в вере, что он может покаяться за свои грехи на спинах янсенистов и протестантов. В то время как в течение целого поколения они направляли персты папы в силу своего высочайшего и особого рвения к его власти, в следующем поколении они заслужили похвалу парламента и благодарность двора самой экстраординарной интригой против папства. В новопостроенном Версальском дворце они получают огромное влияние на величайшего автократа современной истории; они наполняют Галликанскую церковь прелатами, которые будут подчиняться их приказам; они сокрушают протестантизм во Франции; и они, кажется, почти достигли великого идеала своего Общества - контроля судов, которые контролируют землю. А в течение следующего поколения их разнообразные враги объединяются и с позором изгоняют их из страны.

Эта необычная история по большей части сосредоточена на борьбе между янсенистами и иезуитами, о происхождении которой можно вкратце напомнить. В предыдущих главах я упоминал о теологической победе иезуитов над Мишелем де Беем в Лувене и о жестокой и затяжной борьбе, которую они вели с доминиканскими теологами в Испании и Италии. Следует помнить, что эта яростная борьба за истинное соотношение божественной благодати и человеческой воли должна была быть подавлена папством, и все дальнейшие споры на эту тему были запрещены. Поэтому, когда в тридцатых годах семнадцатого века иезуиты услышали, что некий блестящий и добродетельный *аббат* из Парижа и ученый теолог из Бельгии замышляют представить новую работу на эту тему, они внимательно наблюдали за ними.

Жан Дювержье де Оранн, или *аббат* де Сен-Сиран, был энергичным баском, окончившим богословское образование в Лувенском университете. Там он сблизился с бельгийским студентом по имени Янсен, который придерживался взглядов, противоположных взглядам иезуитов, на действие благодати. Святой Сиран, вернувшись во Францию, стал тайным проповедником этих взглядов и намекнул, что готовится ученая защита их. Случилось так, что в то время во Французской церкви зарождалось пуританское движение как протест против крайней распущенности того времени; и, поскольку пуритане считали, что иезуиты поощряют эту распущенность своими замечательными работами по казуистике (как мы увидим позже), существовала предрасположенность к принятию антииезуитских взглядов. Кроме того, среди

пуритан уже существовала традиция враждебного отношения к иезуитам. Главным центром аскетического движения было знаменитое аббатство Порт-Ройял, а настоятельница Порт-Ройяла Анжелика Арно была дочерью великого юриста, который не раз высказывал претензии парламента к Обществу. Несколько членов его большой и блестящей семьи были вовлечены в движение.

Родители отдали Анжелику Арно в аббатство в очень раннем возрасте, и, хотя оно разделяло общую распущенность монастырей того времени, в течение многих лет она возмущалась своей судьбой. Аббатство находилось в дикой, болотистой, нездоровой долине, примерно в восемнадцати милях от Парижа. Со временем Анжелика обратилась в христианство, стала настоятельницей монастыря и посвятила всю свою энергию и талант очищению его жизни. Он стал знаменитым садом монастырских добродетелей, и, когда нездоровье долины вынудило монахинь перенести свое заведение в Париж в 1626 году, аббатство Порт-Рояль-де-Пари привлекло каждого пиетиста в городе. Сен-Сиран вступил в переписку с Анжеликой, защищал ее книгу, которую осудили иезуиты, и в 1633 году стал духовным руководителем общины. Монастырь теперь претендовал на роль школы тонкого вкуса в литературе, а также добродетели, и многие наиболее искренне религиозные писатели и парижские дамы смотрели на него как на своего рода клуб. Иезуиты относились к этой независимой школе добродетели и теологии с некоторой опаской, и, когда Янсен умер в 1638 году и были перехвачены слухи о посмертной публикации его великого труда, Сен-Сиран был заключен в тюрьму в Венсенне по приказу Ришелье. Нам не нужно настаивать на подозрении, что кардинал был спровоцирован иезуитами. Янсен сатирически критиковал политику Ришелье в политической работе, и кардинал, возможно, счел целесообразным завладеть бумагами Сен-Сирана, чтобы найти какой-то ключ к таинственной работе Янсена, которую его поклонники тайно обещали миру. Сен-Сиран также отказался услужить кардиналу и выступил против доктрин, которые Ришелье отстаивал в своих ранних богословских работах. Однако следует отметить, что, когда Сен-Сиран был освобожден после смерти Ришелье (1642) и его бумаги были восстановлены, было обнаружено, что иезуиты присвоили некоторые из его писем.

Сен-Сиран продолжал руководить движением из Венсенна, и оно вступило в особый и знаменательный период развития. Анжелика вдохновила своими чувствами своего племянника, блестящего молодого юриста Ле Местра, своего брата Антуана и других способных и серьезных молодых людей, и они решили вести общинный и аскетичный образ жизни. В 1637 году они вступили во владение заброшенными зданиями Порт-Рояль-о-Шам и вскоре стали известны всему Парижу как добродетельные "Отшельники" унылой и отдаленной долины. Радость доброго духовенства и развлечение легкомысленных людей были сравнимы с раздражением иезуитов. Отшельники подвергли суровому осуждению снисходительность исповедников-иезуитов; и их дух распространился подобно брожению по городу и имел странный эффект, побуждая кающихся покидать своих исповедников-иезуитов, потому что они были обращены к добродетели. В то же время распространился слух, что великий труд Янсена вот-вот увидит свет. Он умер в 1638 году, оставив свою рукопись на попечение своих друзей в Лувене. Местные иезуиты следили за их передвижениями с усердием детективов и обнаружили, что эта работа попала в прессу. Признается, что они подкупили печатников, которые поклялись хранить тайну, чтобы те передали им листы книги, и они пожаловались нунцию, что лувенские профессора собирались выпустить работу на запрещенную тему благодати и свободы воли. На "Интригу" последовала контринтрига - пикантная ситуация с учетом священной темы книги, — и она была опубликована в 1640 году, а сразу после этого также в Париже.

Этому маленькому, невинному и академическому трактату, *Августину* Янсена, было суждено воспламенить Европу на десятилетия. Исторический спор святого Августина и валлийского священника Пелагиуса, о котором говорится в нем, был намного превзойден этой современной попыткой примирить свободу человеческой воли с непреодолимой силой благодати. Кафедры и школы гремели взаимными анафемами; брошюры с тяжеловесной ученостью и едкой иронией вперемешку с последней *скандальной хроникой* на книжных прилавках. Но иезуит никогда не довольствовался той свободной ареной полемики, в которой, как он утверждал, преуспел. Рим должен был осудить своих противников, и в Риме начались знакомые интриги. Инквизиция осудила книгу на том основании, что эта тема была запрещена. Что не хватало для иезуиты, равно как и не проверяем поток аргументов и инвективы; и 6-го марта 1642, Урбан VIII торжественно осудил книгу. Однако теперь у янсенистов появились друзья среди прелатов, и булла не была опубликована во Франции с обычной торжественностью. Споры по-прежнему бушевали угрюмо, сдерживаемые только шпионами Ришелье; и когда он умер и Сен-Сиран был освобожден (в том же году), они снова получили огласку.

Тем временем на поле боя появился новый чемпион, и атака на иезуитов приняла более личный характер. Анна де Роган, принцесса Геменская и любовница архиепископа Поля де Гонди (впоследствии кардинала де Реца), попала под влияние Арно д'Андилли и Сен-Сирана, и их ораторское искусство и ее преклонный возраст убедили ее, что настал час обратиться к добродетели. У нее был духовник-иезуит, как у многих знатных дам и украшенных драгоценностями прелатов, которые не снисходили даже до того, чтобы скрывать свои похождения, и он, естественно, был задет, обнаружив, что по мере того, как принцесса преуспевала в добродетели, она отказывалась от него в пользу Сен-Сирана. Нет никаких сомнений в искренности Анны де Роган, и слова Кретино-Жоли о том, что она "доверила свое элегантно кокетство престарелому Арно д'Андийи" и что она была одновременно "гостьей Порт-Ройяля и любовницей Поля де Гонди", пользуются дурной славой. Отвергнутый иезуит представил ей рукопись с нападками на более строгие принципы, которых она придерживалась; Анна де Роган с негодованием показала это Сен-Сирану; и блестящего молодого брата Анжелики Арно попросили ответить. Его книга *De la fréquente Communion* (1641) привела к столь же острой и шумной полемике, как вокруг *Августина*.

Арно предвидел нападение; он передал рукопись теологам, и, когда разгневанные иезуиты осудили ее, он смог заручиться поддержкой четырех архиепископов, двенадцати епископов и ряда докторов богословия. Этому союзу могущественного меньшинства высшего французского духовенства с янсенистами было суждено доставить иезуитам серьезные неприятности. Нельзя полностью согласиться с утверждением, что все добродетельные люди во французском епископстве были противниками иезуитов, а все порочные прелаты выступали за них. Но это был век настолько вопиюще аморальный, что у большей части высшего духовенства были свои любовницы, свои гончие и ястребы, а также свои логи в опере, в то время как на задворках Церкви толпились *аббаты* (часто не священники), которые вели очень распутный образ жизни. Иезуиты в течение некоторого времени, в силу своего влияния при дворе, имели право голоса при назначении прелатов — мы обнаружим, что они полностью контролируют это через несколько лет — и нет сомнений, что они выдвигали людей с незначительным характером, которые были готовы поддержать их; точно так же, как они принимали в английскую миссию священников с низкой культурой или характером, потому что ими было легче управлять. С другой стороны, янсенисты представляли собой, прежде всего, строгий стандарт христианского характера. Название, которое закрепили за ними иезуиты, подразумевает, что они были

привержены определенным академическим, если не еретическим, теориям епископа Янсена. Это неправда. В основном это были миряне, равнодушные к спекулятивной теологии, утверждавшие лишь, что христианская вера требует более строгих стандартов поведения, чем обычно демонстрируют французские христиане. Правильное название для них - пуритане.

Следовательно, в значительной степени, но не полностью верно, что лучшие из прелатов были настроены против иезуитов. Теперь известно, что даже у Боссюэ, который решительно выступал против иезуитов, были свои тайные любовные связи, и, с другой стороны, на стороне иезуитов были люди аскетической жизни, пусть и не очень ясного ума (как Винсент де Поль). Однако открытое заявление столь многочисленной и могущественной группы духовенства привело иезуитов в ярость, и война проповедей и памфлетов достигла стадии накала. Отец Нуэ назвал Арно "фантастическим, меланхоличным, сумасшедшим, слепым, злобным, разъяренным" и осыпал его такими конкретными эпитетами, как змея, скорпион, волк и чудовище. Арно осмелился сказать, что грешным дамам следует держаться подальше от Святого Причастия. Но отец Нуэ продолжал нападать на шестнадцать прелатов, которые одобрили книгу Арно, и это привело к его гибели. К их великому огорчению, начальство иезуитов было вынуждено отречься от своего проповедника и сделать выговор, и янсенисты восторжествовали. Однако иезуиты ответили придворными интригами и вынудили Мазарини и королеву-регентшу приказать Арно отправиться защищать свою книгу в Рим. Это было нарушением прав Галликанской церкви, и университет, парламент и духовенство протестовали так яростно, что от проекта пришлось отказаться.

Сен-Сиран тем временем умер (в 1643 году), и Арно был лидером растущей и могущественной организации пуритан. Поскольку следующим шагом иезуитов при дворе должно было стать получение *секретной грамоты* и помещение его в Бастилию или Венсенн, он вернулся в провинции, и борьба была перенесена в Рим. Прелаты, одоббившие книгу Арно, обратились к папе с просьбой поддержать ее, и в Рим был направлен ученый богослов, чтобы пресечь маневры иезуитов. В результате, после двух лет ожесточенных дискуссий, книга была объявлена свободной от ереси. Иезуиты, заявившие, что тридцать положений книги несостоятельны, теперь сосредоточились на невинной фразе в скобках в предисловии. Арно называл Петра и Павла "двумя вождями, которые на самом деле были одним целым", и утверждалось, что это было нападением на папство. Еще через год споров и интриг безобидный приговор был осужден, и иезуиты провозгласили по всей Европе, что они одержали победу.

Следующим шагом было приведение в исполнение во Франции буллы Урбана VIII. осуждающей *Августина* Янсена. Сорбонна (теологическая школа университета) получила папское предписание, предписывающее им принять буллу, и, несмотря на давление суда, богословы справедливо ответили, что их не интересует мнение бельгийского богослова. И снова парижские кафедры — артиллерия духовной армии — открыли огонь, а памфлетисты были заняты делом. Затем синдик Сорбонны Корне, друг иезуитов, представил на суд этого органа семь предложений. Он не назвал автора и прямо (и лживо) заявил, что они не относятся к Янсону, но было хорошо известно, что предложения, как предполагалось, были взяты из работы Янсена, и последовала напряженная борьба. Дело было выиграно, как обычно, благодаря интриге. В то время возник некоторый спор о том, насколько далеко монашеские богословы могут голосовать в Сорбонне, но они вступили в силу вопреки мнению юристов, и пять предложений были осуждены и доведены до сведения Рима. Теперь было открыто заявлено, что эти пять положений были взяты из книги Янсена.

Папство все еще колебалось, принимая во внимание спорный характер голосования в Сорбонне, и намекнуло, что следует побудить французских прелатов потребовать осуждения. По словам М. Кретино-Жоли, ответ был быстрым и спонтанным. "В Париже открывается Генеральная ассамблея духовенства, и восемьдесят восемь епископов осудят пять предложений папы Иннокентия"; иезуиты, по его словам, отошли в сторону и позволили высказаться прелатам. Но французский историк, должно быть, знал, что этот вопрос вообще не был вынесен на рассмотрение Генеральной Ассамблеи. Подписи были получены частным образом, и вся процедура была настолько коварной, что сегодня мы не уверены, требовали ли осуждения семьдесят, или восемьдесят, или девяносто епископов. Необходимо отметить эти детали, если мы хотим понять католические настроения, которые позже изгнали иезуитов из Франции. Около восьмидесяти епископов, по-видимому, были вынуждены в частном порядке обратиться к Папе с просьбой осудить эти предложения; другие прелаты написали, умоляя папу воздержаться. Однако теперь Ватикан был официально приглашен выступить с заявлением, и в Риме возобновилась война теологов.

Тем временем парижские иезуиты выдержали болезненный отпор в своей атаке на янсенистов. Один из них, отец Бризасье, опубликовал брошюру "*Конфонду янсенизма*" (1651), в которой не только осыпались фамильярные оскорбления в адрес Отшельников, но и подвергался нападкам моральный облик монахинь Порт-Ройяла. Это были монахини, которых враждебно настроенный архиепископ впоследствии объявил "чистыми, как ангелы, и гордыми, как дьяволы". Чистота их жизни пользовалась дурной славой, и люди испытывали сильное негодование. Архиепископ Парижа официально осудил брошюру как "содержащую много лжи и самозванства", и отец Бризасье был смещен — назначен ректором колледжа в Руане — своим начальством. Ни один иезуит, конечно, не писал без разрешения, и многочисленные отвратительные памфлеты, которые они выпустили в то время против пуритан, затрагивают всю Парижскую провинцию.

Нам нет необходимости следить за ходом судебного процесса в Риме. После двухлетней борьбы Иннокентий X издал свою знаменитую буллу, в которой пять положений были объявлены еретическими и содержались в работе Янсена. Иезуиты выпустили пиротехнический разряд ораторского искусства и памфлетов — в одной из газет того времени епископа Янсена изображали дьяволом, летящим к протестантам, — но они переусердствовали. Ни один янсенист (даже Янсен) никогда не учил пяти положениям, и во Франции не было человека, который хотел бы их защищать. Но иезуиты настаивали на утверждении, что эти положения содержатся в трудах Янсена, и это привело к серьезному спору, в который прелаты могли свободно вступить. Современному читателю может показаться ужасающей тратой энергии и извращением характера, что столь могущественная организация тратит свои ресурсы в течение двадцати лет на войну из-за таких заумных предложений, но с этого момента борьба становится откровенно смешной. В течение почти восьмидесяти лет мы обнаружим, что иезуиты напрягают все ухищрения и знания, чтобы гарантировать, что каждый человек во Франции согласится с тем, что папа (который никогда не читал книгу Янсена) был прав, заявив, что пять положений содержатся в *Августине*; и полемика, которую они ведут, навлечет на себя ужасающий бич *Провинциальных писем* Паскаля, а на папство - вызывающее заявление Галликанской церкви. Мы вынуждены признать прискорбные корпоративные амбиции и извращенность характера в их поведении.

Пуритане хладнокровно ответили, что их не интересуют пять положений, которые осудил папа, но что, по правде говоря, они должны протестовать против приписывания этих взглядов епископу Янсену. Так продолжалась война. Именно в это время, в 1654 году, иезуиты предприняли нелепую попытку дискредитировать своих противников, раскрыв знаменитый "Заговор Бург Фонтена": заговор столь же богатый воображением и грубый в вымышленных деталях, как заговор Титуса Оутса. Они серьезно сообщили, что обнаружили, что Сен-Сиран, Арно и четверо других янсенистов двадцать три года назад тайно встретились в неизвестной деревне, чтобы организовать заговор с целью уничтожения христианства во Франции. В то время, когда заговор был назван годом, Арно было девять лет. Арно, находясь в одиночестве, опубликовал письмо против иезуитов, и (снова наполнив жюри голосующими монахами) они добились осуждения его Сорбонной. Когда мы обнаруживаем, что король пишет, чтобы надавить на Сорбонну, мы можем ясно распознать руку придворных иезуитов. Они восторжествовали, но теперь их триумф навлек на них самое тяжелое и непреходящее наказание, которое они когда-либо переносили.

В 1648 году монахини были вынуждены вернуться из Парижа в свою негостеприимную долину, а Отшельники удалились из аббатства в поместье на холме с видом на долину. Там, без каких-либо особых костюмов или обетов, несколько самых блестящих молодых людей Парижа вели жизнь, полную великого аскетизма и набожности. Некоторые жили в Париже и время от времени проводили время в Ле Гранж, и среди них был молодой человек с худым, бледным лицом и большими блестящими глазами под высоким лбом по имени Блез Паскаль. Он уже завоевал европейскую известность как математик. Когда Арно, несколько измученный, дал слабый ответ своим оппонентам, его друзья предположили, что следует попросить Паскаля предпринять атаку. Арно согласился, и 23 января 1656 года появилось первое *Письмо провинциалу*. Это была тонкая и неотразимая сатира на теологические измышления иезуитов. Чтобы дать возможность конфликтующим школам монашеского богословия прийти к согласию в осуждении янсенистов, определенные термины (такие как "ближайшая благодать" и "достаточная благодать") были введены в качестве расплывчатых общих критериев ортодоксальности, и Паскаль потратил свое бессмертное остроумие на эту слабость. Все признают, что более ранние *Провинциальные письма* являются шедеврами сатиры. Письмо было с восторгом встречено в Париже, и неделю спустя, пока в Сорбонне продолжались дебаты, было опубликовано второе письмо. Третье появилось десять дней спустя, после порицания Арно.

Здесь совершенно излишне обсуждать литературные качества писем Паскаля, но в четвертом письме Паскаль начал свое прямое и устрашающее обвинение иезуитов. Следующие шесть писем содержат разоблачение иезуитского морального учения, которое является наиболее серьезным моментом в его работе, а остальные письма — с десятого по восемнадцатое, адресованные иезуитам, — в основном касаются обоснования его обвинительного акта. Хотя можно полагать, что большинство читателей знакомы со знаменитой работой Паскаля, необходимо начать с краткого анализа шести букв (с пятой по десятую).

Главным разногласием между Отшельниками и иезуитами был, как я уже сказал, вопрос моральной, а не умозрительной теологии. Они обвинили иезуитов в том, что они приспособливают принципы христианской морали к аморальному поколению. Сен-Сиран и

Арно уже цитировали многие отрывки из трудов иезуитов в доказательство этого, и теперь Паскаль и его друзья исследовали всю область иезуитской казуистики в поисках дальнейших доказательств. Например, в пятом письме Паскаль показывает, как иезуиты смягчают обязательность поста. В день поста человек может выпить любое количество вина, гиппократа или меда с водой. Если человек не может заснуть без ужина, он не обязан поститься; в каком-то смысле это справедливое решение, но отец Эскобар продолжает говорить, что ему не нужно выполнять свои обязательства, откладывая на вечер "угощение", которое разрешено в дни поста, поскольку никто не обязан менять порядок приема пищи. Опять же, мужчина, истощивший себя пороком, не обязан поститься; и Паскаль мог бы добавить, что иезуиты освобождали жену от поста, если ее муж считал, что это мешает ее привлекательности (Тамбурины), мужа, если это ослабляло его сексуальные способности (Филлиуций), и девушку, если это уменьшало очарование, на которое она полагалась, чтобы заполучить мужа (Тамбурины).

После этого сатирического эссе об облегчении поста Паскаль переходит в шестом письме к обязательству раздавать милостыню и смежным вопросам. Богатые христиане были обязаны по букве Евангелия раздавать бедным из своих излишних благ, и Паскаль процитировал великого теолога-иезуита Вассеса, учено доказывающего, что "вы едва ли найдете такое понятие, как излишние блага, у светских людей, даже у королей". Это была удобная доктрина для богатых, но у иезуитов было слово для бедных. Мог ли камердинер, считающий, что ему недоплачивают, самостоятельно пополнить запасы товаров своего хозяина в объеме дефицита? Да, сказал отец Бауни. И поскольку в то время у исповедников-иезуитов было много любопытных случаев, представленных им камердинерами, их богословы очень тщательно проработали положение слуги. Если менять хозяина было бы очень неудобно, камердинер мог бы даже поддержать лестницу, по которой его хозяин полез в незаконную авантюру; хотя в этом крайнем случае хозяину придется сильно отругаться, прежде чем камердинер будет оправдан.

Седьмое письмо показывает, как иезуиты приспособили пятую заповедь к эпохе драк и дуэлей. Вполне законно драться на дуэли, если человек в противном случае навлек бы на себя бесчестье (Эскобар); законно молиться Богу, чтобы он убил грозного врага (Уртадо); законно убивать преступника и его лжесвидетелей (Молина); законно преследовать и убивать человека, который нанес вам удар, — при условии, что вы чисто технически заботитесь о своей чести и не чувствуете мстительности (Эскобар); законно убивать оскорбителя, если это единственный способ предотвратить нанесение вреда (Лессиус); при необходимости законно убить предполагаемого вора, даже если он попытается взять только одну золотую монету (Молина); и — очень важная доктрина — монаху законно убить человека, который порочит его монастырь или его орден, если нет другого способа пресечь клевету (Амиго). Это были прекрасные доктрины для эпохи Людовика XIV.

В восьмом письме цитируются выдающиеся богословы, которые разрешают судье принимать тайные и незаконные подарки, при условии, что они даются из благодарности или просто для поощрения его к вынесению честных вердиктов (Молина); и другие, которые учат, что, хотя ростовщичество (которое тогда означало любой интерес к деньгам) запрещено, ростовщик может потребовать определенную дополнительную сумму во имя благодарности (Эскобар и т.д.); что банкрот может оставить себе достаточно имущества, чтобы позволить себе и своей семье жить "прилично" (Эскобар); что деньги, заработанные преступлением или пороком, могут быть использованы для получения прибыли. не подлежит восстановлению (Лессиус и т.д.); и что

"проститутка, девственница, замужняя женщина или монахиня" имеет строгое право на деньги, обещанные ей за порок (Филлиутиус). Девятое письмо показывает, как оправдывается обжорство, и бичевает знакомую казуистическую доктрину ментального резервирования. Из десятого письма мы узнаем, что хрупкая женщина может принять в свой дом своего партнера по греху, если она "не может прилично отказаться".

Апологет иезуитов пытается ослабить это ужасное обвинение, говоря, что набожный Шатобриан назвал труд Паскаля "бессмертной ложью". Французский историк не добавляет, хотя он, несомненно, знал, что Шатобриан отказался от этого выражения в более зрелые годы, сказав: "Теперь я вынужден признать, что он [Паскаль] ни в малейшей степени не преувеличивал". Цитируется также Вольтер, выражающий возмущение тем, что Паскаль обвиняет иезуитов в стремлении развратить мораль. У Вольтера, жившего в ранние годы под сенью Бастилии, бывали моменты неискренности; в данном случае достаточно сказать, что в пятом письме Паскаль прямо говорит, что он не обвиняет иезуитов в стремлении развратить мораль. Единственная серьезная критика, которую можно найти среди бесчисленных ответов на Паскаля, заключается в том, что его цитаты не всегда точны. Следует помнить, что они приведены не как устные цитаты и что Паскалю приходилось полагаться на помощь своих коллег. То, что он намеренно неправильно процитировал какого-либо теолога, могут предположить только те, кто совершенно не осведомлен о его характере. Однако совершенно верно, что иногда уточняющие фразы были ненадлежащим образом опущены, несколько фраз были неправильно переведены, а сведение длинных отрывков к коротким предложениям в некоторых случаях приводит к несправедливости. Эти случаи относительно немногочисленны и неважны. Обвинение в иезуитской казуистике, как я его резюмировал, совершенно обосновано, и более поздние исследования лишь расширили длинный список невыдуманных отрывков. [26]

Ste. Бев заметил, что из-за обвинительного акта Паскаля иезуиты "потеряли руль мира". Несомненно, они так и не оправились полностью от "ужасного удара" (как называет это их историк), который нанес им Блез Паскаль. Исторически неверно, что они были "раздавлены" и замолчали под неоднократными ударами плетью. В своих письмах Паскаль ссылается на их многочисленные ответы, их яростные оскорбления, их угрозы физического преследования. К сожалению, один из их отцов усугубил ситуацию, написав смелую защиту казуистов. Его книга была осуждена Сорбонной и Римской инквизицией, и ее пришлось дезавуировать. Большое количество духовенства и монахов присоединились к янсенистам в осуждении их доктрин, и в конце концов — если мы можем немного забежать вперед, чтобы закончить этот эпизод — они были официально осуждены Французской церковью. На какое-то время Людовик XIV. помешали своим оппонентам вынести этот вопрос на рассмотрение Генеральной ассамблеи духовенства, но, когда мадам де Монтеспан сменила мадемуазель де Лавальер в его привязанностях, Боссюэ и архиепископ Парижский использовали ее влияние, чтобы заручиться согласием короля, и в 1700 году их доктрины (и доктрины других слабых теологов) были сурово осуждены. Единственное смягчение, которого смогли добиться иезуиты, заключалось в том, что их богословы не были названы по именам.

Тем временем война пяти предложений тянулась нескончаемо долго. Монахини Порт-Ройяла, Отшельники и многие представители духовенства и мирян отказались подписать то, что они считали явной неправдой — утверждение о том, что пять положений были найдены в работе Янсена, — и иезуиты безжалостно преследовали их. Под давлением суда Собрание духовенства

постановило, что все учителя и религиозные деятели должны подчиняться булле папы римского, и впервые во Франции было учреждено нечто вроде инквизиции. Был разработан формуляр, и вступил в силу королевский указ о том, что он должен быть подписан. "Великий турецкий Кретъен" в то время легко руководился своим духовником и другими иезуитами в религиозных вопросах, и его беззаботный двор под председательством мадемуазель де Лавальер отнюдь не был против того, чтобы суровые янсенисты были избиты их снисходительными исповедниками. Монахини Порт-Ройяла героически противостояли официальной лжи. Анжелика Арно к тому времени была мертва, но ее сестра Агнес убедила монахинь противостоять как сладким уговорам Боссюэ, так и гневным угрозам архиепископа Парижского. В 1664 году архиепископ вернулся с более грозным аргументом в виде отряда из двухсотлучников, и монахини были рассеяны по Франции. Одиночки тоже были рассеяны, хотя несколько наиболее выдающихся из них нашли приют в гостинице герцогини де Лонгвиль. Иезуиты были настолько назойливы, что папе римскому пришлось напомнить им, что его долг - удерживать пуритан в Церкви, а не изгонять их из нее.

Четыре епископа по-прежнему поддерживали пуритан, и в течение нескольких лет продолжались бесполезные споры между французским двором, Ватиканом и повстанцами. Одним из этих четверых был архиепископ Санский, прелат более утонченного типа и суровый критик иезуитов. В 1653 году иезуиты дошли до таких крайностей в своих нападках на него, что он наложил на всех иезуитов в своей архиепископии интердикт за неповиновение, и приговор был настолько справедлив, что им не удалось добиться его отмены до смерти прелата в 1675 году. Епископ Памье наложил такое же суровое наказание на иезуитов своей епархии. И король, и духовенство теперь устали от бесконечной войны, и восшествие на престол нового папы Климента IX в 1667 году показалось умеренному духовенству поводом для компромисса. Архиепископ Санский, принцесса де Конти, герцогиня де Лонгвиль и другие выдающиеся посредники убедили папство исключить иезуитов из переговоров, и Арно пообещал подчиниться, если это будет сделано. Поэтому переписка велась в строжайшей тайне, и в начале 1669 года Людовик XIV. чеканил и выпустил золотую медаль в ознаменование "мира" и "восстановленного согласия". Иезуиты были так разгневаны этой формулировкой, поскольку она не выражала искоренения ереси, что, когда медаль стала редкостью, они отрицали, что она была выпущена с ведома короля.

Теперь монахиням было разрешено постепенно возвращаться в свою долину, и Отшельники возобновили нападки на мораль иезуитов. С этой стороны иезуиты могли надежно рассчитывать на сочувствие Людовика XIV, и вторая блестящая критика, опубликованная янсенистами, - "*Практическая мораль иезуитов*" - была осуждена парламентом при вмешательстве королевского прокурора к публичному сожжению. Иезуит сменял иезуита в заботе о совести короля, несмотря на его печально известную и непрерывную аморальность в течение почти двадцати лет. Их французский апологет осмеливается сказать нам, что они "объявили войну сердцу короля", и цитирует Байля, который сказал по поводу *связи* с мадемуазель де Лавальер, что "отец Анн ежедневно дразнил принца по этому поводу и не давал ему покоя". Это одно из самых вопиющих проявлений "иезуитизма" в творчестве М. Кретино-Жоли. Байль (в примечании к статье *Annat*) просто цитирует эти слова памфлетиста, которого он описывает как совершенно недостойного доверия; и я могу добавить, что цель памфлетиста - просто доказать, что более поздний исповедник, отец Лашез, был хуже отца Анната. Правда в том, что Аннат оставался на его попечении в течение всех восьми лет, когда Луи цеплялся за мадемуазель де Лавальер, и, когда блестящей и беспринципной маркизе де Монтеспан удалось

добиться положения королевской любовницы в 1670 году, а отец Аннат ушел в отставку по возрасту, его место занял его коллега отец Ферье. В течение четырех лет он оставался ответственным за замечательную совесть короля, и небезосновательно отметить, что он был вознагражден властью, которой до сих пор не обладал ни один королевский духовник во Франции. Он и его коллеги теперь имели исключительное право назначать епископов, и характер французского епископства в последние годы правления Людовика XIV. во многом объясняется ими. Ферье умер в 1674 году, и знаменитый отец Лашез, человек умеренных способностей, но изысканных манер, был назначен королевским духовником. Он оставался на своем посту в течение оставшихся пяти лет *связи* с мадам де Монтеспан, и именно мадам де Ментенон (и преклонный возраст), а не его духовник, наставила королевского грешника на путь добродетели.

Окончательный отказ от таинств не искупает этой длительной приверженности Людовику XIV, даже если мы проигнорируем другие обстоятельства, которые умаляют достоинства этого запоздалого акта суровости. Иезуиты пошли на компромисс с пороком, чтобы разделить власть величайшего монарха эпохи. В предыдущей главе мы видели, как они использовали или надеялись использовать свое влияние при французском дворе при завоевании Англии; на данный момент мы видим, что они достигли большого могущества во Франции благодаря своему снисходительному поведению; а в последующих главах мы обнаружим, что они извлекают выгоду из своего привилегированного положения для усиления своего влияния в Испании и Италии. Они смотрели на Людовика XIV так же, как когда-то смотрели на Филиппа III. Испании, как восходящего солнца монархического мира, и они подавили свои угрызения совести в своей решимости использовать его власть для достижения целей своего Общества. Это необычным образом иллюстрируется их поведением на следующем этапе церковных дел Франции.

В большинстве районов Франции существовал старый обычай, который давал королю право назначать бенефиций до тех пор, пока епископский престол оставался вакантным. Это прибыльное "Угощение", как его называли, никогда не было признано в южных провинциях, но в 1673 году Людовик XIV. постановил, что в будущем все епархии (за исключением нескольких с особыми привилегиями) должны будут признавать королевское право. Собственные слова короля указывают на то, что иезуиты вдохновили это неподобающее вторжение в духовный мир, и не скрывался тот факт, что оно было направлено главным образом против епископа Павийона из Алета и епископа Коле из Памье, которые противостояли двору и иезуитам в отношении папской буллы против янсенистов. Епископы обратились к Риму, и в 1676 году на трон Петра взошел человек, который был не в настроении кланяться земным монархам или допускать интриги иезуитов. Иннокентий XI. сурово настаивал на правах Церкви и осудил действия Людовика. Парламент и французская иерархия в целом встали на сторону короля, и папские записки остались неопубликованными. Иезуиты южных епархий притворились, что считают эти записки поддельными, и продолжили кампанию интриг и клеветы, которую они вели в течение некоторого времени против епископа Памье. Павильон погиб в ходе борьбы. Затем папа Иннокентий разработал план, с помощью которого он рассчитывал победить неискренние маневры иезуитов. Он вручил свои записки генералу Общества и велел ему передать их французским иезуитам через их провинциалов. К своему великому смущению, иезуиты Парижа и Тулузы оказались теперь перед дилеммой неповиновения приказам либо папы, либо короля, но они выпутались со своей обычной ловкостью.

Парламенты Парижа и Тулузы были тайно проинформированы о том, что отцы-иезуиты получили копии папских записок и получили указание опубликовать их. Проникнуть в секреты Общества было не так легко, чтобы отвести подозрение в том, что иезуиты сами передали эту информацию, и действия Парламентов показывают, что они это сделали. Даже их решительный апологет здесь признает, что, "возможно", иезуиты передали эту информацию юристам вопреки строгому приказу папы. Сцена, которая последовала за этим, является одной из самых примечательных в истории Общества. Парижский парламент, который более века находился в ожесточенной оппозиции Обществу, теперь (1681 г.) публично восхвалял патриотизм иезуитов, сорвав их попытку "удивить их мудростью и развратить их верность". Люди четвертого обета, люди, которые называли себя неподкупными защитниками папства, теперь отбросили свой ультрамонтанизм и оказывали материальную помощь галликанцам в то время, когда шел очень серьезный конфликт с Ватиканом. Это была, в очередной раз, цена за благосклонность Людовика XIV. Иннокентий ответил, отлучив Людовика от церкви, и он передал дело французскому иезуиту, который в то время находился в Риме. Оно, конечно, так и не было опубликовано. Иезуитские власти в Париже держали его в своих руках до тех пор, пока гнев папы не остыл и он не осознал неразумность его применения.

Со всех точек зрения поведение иезуитов в этот кризис непривлекательно. Они обнаружили, что в подобных конфликтах долг Общества сохранять нейтралитет, и сохранили расположение соперников, идя на такие компромиссы, которые были навязаны им последовательными фазами борьбы. Духовенство Французской церкви собралось на Ассамблею в 1681 году и под руководством Боссюэ сформулировало знаменитые четыре статьи, которые определяют права Галликанской церкви и ограничивают притязания Ватикана. Всем профессорам и религиозным деятелям Франции было предписано подписать эти статьи; но иезуиты через свою придворную хунту добились освобождения и смогли сообщить Ватикану, что они одни не приняли эту вызывающую "Декларацию галликанского духовенства": однако полвека спустя, когда Франция станет для них более опасной, чем папство, мы обнаружим, что они отбросили свои угрызения совести и подписали статьи. Даже в то время папство не было успокоено их коварным поведением. Иннокентий XI. угрожал уничтожить Общество и оставался яростным противником этого до своей смерти в 1689 году.

К этому времени Людовик XIV. вступил в свою позднюю фазу упадка власти и искреннего интереса к религиозным вопросам. Мадам де Ментенон укрепила свое влияние на него тайным браком в 1684 году и придала религиозное направление его мыслям. Одним из ужасных последствий этого запоздалого и несбалансированного рвения была, как гласит история, отмена Нантского эдикта (1685 г.) и ужасное притеснение протестантов. Было бы ошибкой возлагать всю вину за эту прискорбную жестокость и ее пагубные последствия для страны на иезуитов. Высшее французское духовенство в целом все еще придерживалось духа преследования и в течение многих лет настаивало на насильственных мерах против сектантов, которые отказывались поддаваться их доводам. Отец Лашез был лишь одним из многих узколобых священников, которые побудили Людовика XIV. увенчать серию несправедливых мер против протестантов этим жестоким и невежливым актом. Это было, однако, завершение насильственной политики, к которой иезуиты призывали с самого начала, и можно справедливо усомниться в том, что Людовик XIV был прав. принял бы такую меру даже на своей последней стадии, если бы придворные иезуиты не настаивали на этом.

При трезвом дворе иезуиты еще некоторое время продолжали пользоваться большим влиянием, хотя это все больше сдерживалось мадам де Ментенон и прелатами, которым она благоволила. В 1688 году Людовик решил сделать французских иезуитов независимыми от римских властей, но им удалось отговорить его. Они продолжали бороться с регалистами и янсенистами отравленным оружием клеветы, оскорблений и интриг. Самые нелицеприятные сцены происходили в южных епархиях, а лидеров янсенистов, таких как Арно, преследовали даже за пределами страны. Одной иллюстрацией этой затянувшейся и вводящей в заблуждение кампании должно быть достаточно. В 1690 году теологи Дуэ получили ряд писем за подписью Арно; и в том, что они считали частной перепиской с лидером янсенистов, они прибегали к фразам, которые ни при каких других обстоятельствах не смогли бы извлечь из них. Затем эта переписка была опубликована иезуитами, а профессора Университета Дуэ были изгнаны и заменены членами Общества. Мошенничество, однако, подтвердило еще одну деталь в длинном счете, который Франция вскоре должна была уладить с иезуитами. Арно, живший в Нидерландах, сразу же осудил письма как подделку и публично осудил иезуитов как прямых или косвенных авторов.

Монахини Порт-Ройяла стали следующими жертвами их безжалостной кампании. Более дружелюбный папа Климент XI сменил Иннокентия, и в 1705 году его побудили издать новую буллу (*Vineam Domini*) о подавлении янсенизма. Архиепископ Парижский настаивал на принятии монахинь, но им все еще казалось, что это освящает знакомую неправду, и они заявили, что подпишутся под этим только с оговоркой. У нас нет документальных доказательств того, что иезуиты вдохновили события, последовавшие за этим отказом, но в то время вина была открыто возложена на них, и обстоятельства свидетельствуют об этом. Король — все еще под руководством отца Лашеза — написал в Ватикан письмо с просьбой разрешить уничтожить общину, и ранней весной 1708 года монахини были окончательно рассеяны. Отец Лашез умер в начале следующего года, и этот пост занял отец Летелье, мрачный и решительный сторонник амбиций Общества. Под его влиянием последние повстанческие движения храбрых монахинь были строго подавлены, и в январе 1710 года их древнее и любимое аббатство, самый строгий центр монастырской добродетели во Франции, было стерто с лица земли.

Летелье, мрачный, неутомимый человек, чьи сверкающие глаза презирали придворный комфорт - он был сыном крестьянина - и не искал в этом мире ничего, кроме господства Общества Иисуса, теперь обнаружил, что влиянию иезуитов угрожает влияние жены Людовика и ее любимого прелата Ноая, архиепископа Парижского. В 1711 году было перехвачено письмо, раскрывавшее интриги Летелье и иезуитов, и Ноай в гневе отстранил от должности всех членов Общества в своей епархии. Главным писателем-янсенистом теперь был Кенель, который только что опубликовал свои *Моральные размышления*. Иезуиты обнаружили много ереси в этом невинном произведении и сразу же использовали свое влияние, чтобы добиться осуждения. Архиепископ, однако, выразил восхищение им, и задача иезуитов была более чем обычно трудной. Наконец, в июле 1711 года было перехвачено письмо, из которого было ясно, что Летелье интригует против архиепископа, и это вызвало большое возмущение среди новой партии при дворе. Ноай не только отстранил от должности отцов церкви, но и осудил около десятка их писателей и проповедников за распущенные принципы. Однако интрига продолжалась, и осенью 1713 года Климент XI осудил книгу Кенеля в булле *Unigenitus*. Сен-Симон, который в то время находился при французском дворе и был в хороших отношениях с иезуитами, говорит нам, что булла была написана благодаря Летелье и двум другим иезуитам, "таким же прекрасным и лживым, как он", и что в булле "все было блестяще, кроме правды".

Сен-Симон не был теологом. Мы можем принять на веру его слова о том, что получение буллы было "темным делом"; и мы знаем, что на более поздних стадиях оно проводилось в Риме с нерегулярной и неподобающей поспешностью. Однако верно, что многие фразы Кенеля были сомнительными, хотя они лишь повторяли и усиливали слова Евангелия: "Без Меня не можете делать ничего" (Иоанна vi. 66). Но слова Священного Писания были осуждены так же, как и слова Кенеля, и иезуиты смогли поздравить друг друга с тем, что "Жуванси был отомщен". [27]

Булла *Unigenitus* была, по словам французского епископа того времени, так же плохо принята в Париже, как и в Женеве, и иезуиты готовились к последней фазе своей долгой борьбы с пуританами. Сен-Симон оставил нам странную и неприятную картину, на которой отец Летелье обсуждает с ним их способы принудить к принятию буллы. Страсть, проявленная королевским духовником, поразила герцога, и он испытал не меньшее отвращение к уловкам, с помощью которых Летелье намеревался сокрушить своих противников. Архиепископ теперь осудил Кенеля, но отклонил буллу, и четырнадцать епископов последовали его примеру. Снова разгорелся ожесточенный спор, и было перехвачено письмо Летелье, из которого Ноай узнал, что королевский духовник настаивал на том, чтобы Людовик отправил его в Рим, где папство унизит его. Церковный мир кипел от страстей, в то время как Франция медленно утрачивала то гордое положение, на которое ее возвели ее великие полководцы.

В разгар этого конфликта Людовик XIV. умер (1715); и какое-то время казалось, что правлению иезуитов пришел конец. Мрачный Летелье был изгнан из Парижа, и Ноай заменил иезуитов в управлении церковными делами. Их враги собрались вокруг регента и давили на него, чтобы он уничтожил власть Общества. Филипп Орлеанский был, однако, не из тех людей, которые приносят либеральных казуистов в жертву пуританам, а изящных проповедников - суровым парламентариям. Человек блестящих ролей и легкомысленных наклонностей — он получил образование в области порока у аббата Дюбуа - он видел не более чем временную политическую выгоду в том, чтобы обуздать иезуитов ради удовлетворения своих сторонников. Вскоре он снова впал в праздность и порок, а иезуиты, завоевав расположение его беспринципных фаворитов, вернулись к власти. Дюбуа желал высокого церковного сана, и ход событий очень убедительно подтверждает подозрение, что иезуиты предоставили в его распоряжение свое влияние в Риме. Он убедил Филиппа заставить парламент зарегистрировать буллу *Unigenitus*; и вскоре после этого он стал, несмотря на свою печально известную репутацию, архиепископом Камбре и кардиналом Церкви. Другие недостойные священнослужители были аналогичным образом повышены в должности, и власть кардинала Ноая была ограничена. Дюбуа в 1722 году добился для иезуита должности духовника молодого короля. Ноай, который выступал против этого назначения, отказал исповеднику в канонических полномочиях, и новая интрига продолжалась до тех пор, пока Ноай не умер и не был избран архиепископ-иезуит.

Теперь иезуиты вернулись к власти при дворе, хотя и не в полной мере, а остатки янсенистов подверглись безжалостным преследованиям. В течение почти двадцати лет противники иезуитов пытались уклониться от исполнения папских решений, и говорят, что более ста священников были изгнаны и большое количество заключено в тюрьму. Один из епископов был низложен и унижен за сопротивление, и ожесточенная борьба потрясла мирную атмосферу бесчисленных монастырей. Пятьдесят монахов цистерцианского ордена из одной провинции были в 1723 году отлучены от церкви и заключены в тюрьму властями. Папское осуждение включало положения, которые были явно обоснованными, и другие, которые были не более чем

цитатами из Священного Писания, настолько поспешно был обнародован мстительный приговор. Однако торжествовали иезуиты и правление Людовика XV. они были полностью восстановлены в Версале.

Франция больше не была мировой державой, какой она была в золотой век Людовика XIV, и ее эгоистичный и рассеянный монарх слепо вел ее к революции. Иезуиты, как и прежде, цеплялись за престиж должности королевского духовника, несмотря на вопиющую безнравственность короля, но силы, которые вскоре должны были сместить их, незаметно набирали силу. Пуритане были скорее заставлены замолчать, чем уничтожены, и парламент, возложив на Общество большую часть вины за свое изгнание в 1753 году, возродил свою ожесточенную враждебность. Первый удар обрушился на них в том году. Отец Перуссо, королевский духовник, умер, и удачная интрига поставила на его место священника, который не был иезуитом. И Перуссо, и его преемник отказали в отпущении грехов королю, чей распутство было столь цинично продемонстрировано. Принимая во внимание постоянные нападки на их распущенность в течение ста лет, иезуиту было бы трудно сделать меньше. Когда, однако, иезуиты потеряли главное положение, на мгновение показался некоторый шанс вернуть им расположение косвенным путем. Мадам де Помпадур также пожелала отпущения грехов, чтобы найти удобное место в свите королевы; и, признав себя кающейся, она отдала себя под духовное руководство иезуита отца Сэси. Какое-то время он делал вид, что верит в ее искренность, но смех Парижа привел его в замешательство, а суровый отказ папы вмешаться вынудил его удалиться. С этого времени мадам де Помпадур и ее придворные были настроены против иезуитов.

Несколько лет спустя, в 1757 году, попытка Дамьена убить Людовика привела к очередному протесту против Общества. Общий и вероятный вердикт заключается в том, что иезуиты не разделяли возмущения, хотя тот факт, что у Дамьена был духовник-иезуит и что он ранее состоял на службе у иезуитов, все еще кажется многим авторам оправданием серьезных подозрений. Доказательства неубедительны, но возмущение привело к новому обсуждению царегубийственных доктрин Общества, а также секретности и запутанности его процедуры. К тому времени, как мы увидим, маркиз де Помбаль обдумывал уничтожение иезуитов в Португалии и вел переписку с их врагами во Франции. Теперь эти враги были усилены блестящей и могущественной группой деистических и атеистических писателей, известных как "философы", и под ногами высокомерных и ничего не подозревающих иезуитов готовилась грозная мина.

Искра, которая зажгла эту мину, была особенно позорным действием со стороны Общества. В 1753 году генеральный настоятель ордена иезуитов на Антильских островах отец Лавалетт был вызван в Париж для дачи показаний по обвинению в крупномасштабной торговле. Лавалетт был одним из тех людей с коммерческим чутьем, которых Общество без колебаний использовало для увеличения своего богатства, пока они были успешны. Хотя от имени Общества он владел обширными поместьями в Вест-Индии и тысячами негритянских рабов (купленных им самим, переодетым, на общественном невольничьем рынке), и было известно, что у него были агенты в Париже для продажи его сахара и кофе, он приехал в Париж с рядом показаний под присягой местных французских офицеров о том, что иезуиты не занимались "иностранный торговлей", и был оправдан. Он вернулся, чтобы вести свой процветающий бизнес в большем масштабе, чем когда-либо. У него были просторные склады, и он получал прибыль около 280 000 франков в год; и теперь, хотя он и был оправдан на том основании, что не должен был заниматься торговлей, он

занимал крупные суммы денег и увеличивал прибыль путем ловкой и несколько острой сделки на денежном рынке. Он переусердствовал в этой практике, и, поскольку его бизнес одновременно постигли другие бедствия, некоторые из его французских кредиторов потребовали свои деньги.

Французские иезуиты разделились во мнениях по этому вопросу. Более проницательные марсельские отцы были склонны занять денег и выполнить обязательства, но парижские власти верили, что они все еще достаточно сильны, чтобы выиграть конфликт, и настояли на том, чтобы Лавалетт признал себя банкротом. Это была последняя и самая фатальная из длинной череды совершенных ими грубых ошибок, не говоря уже о моральном аспекте их процедуры. Закон был приведен в действие; в марте 1761 года перед юристами парижского парламента была поставлена задача судить их традиционного врага, и длительный судебный процесс, сопровождавшийся сильным волнением, завершился тем, что иезуиты, как коллективный орган, были приговорены выплатить все долги Лавалетта - около пяти миллионов франков. Чтобы определить ответственность, юристы вынудили иезуитов предъявить свои Конституции и другие документы, которые они стремились скрыть от мирян, и это разоблачение привело к более широкой и решительной атаке на Общество. Их действия по отказу выполнять обязательства по вест-индскому бизнесу, на котором они так много нажились, считались и всегда будут рассматриваться как морально бесчестные. От их имени утверждается, что иезуиты являются "простодушной" и духовной группой людей, не имеющих склонности или способностей к коммерции, и что Лавалетт скрывал свои операции — как они вынудили его заявить — от своего начальства. Подобные заявления лишь усиливают цинизм их процедуры. Мы неоднократно сталкивались с тем, что они занимались коммерцией, и мы знаем, что иезуитская система делала абсолютно невозможным для подчиненного, даже если он хотел этого, скрывать крупные коммерческие операции от своего начальства. Документы иезуитов разъяснили это всему Парижу, и их противники перешли в последнюю атаку.

Парламент объявил, что Конституции иезуитов непригодны для группы французских священников, и потребовал их изменения; он запретил Обществу создавать конгрегации среди мирян, обучать молодежь или принимать послушников. Придворные иезуиты убедили короля созвать собрание высшего духовенства и выступить с контрдекларацией в пользу Общества; но в их ушах теперь бушевала страшная буря. В своих крайних опасениях они отреклись от наиболее характерных принципов иезуитов. Они провозгласили, что принимают четыре статьи Галликанской декларации 1682 года и что они будут лояльны Галликанской церкви, даже если их генерал прикажет им сделать что-то, противоречащее ее принципам. Они боролись за жизнь; но люди во Франции знали из своей предыдущей истории в стране, что подобные заявления были чисто дипломатическими и были отменены в тот момент, когда они вернулись к власти.

Борьба продолжалась всю зиму, а весной (1762 г.) король отменил меры, принятые против них, но приказал им изменить свои Конституции. В будущем они должны были иметь генерального викария во Франции, независимого от римского генералитета, и подчиняться епископам. Людовик тайно проконсультировался с римскими властями и убедил их, что этот компромисс абсолютно необходим для спасения французской провинции; и, хотя генерал Риччи с горечью ответил: "Sint ut sunt, aut non sint" ("Пусть они будут такими, какие они есть, или не будут вообще"), предложение было открыто сделано во Франции. Но парламент отказался зарегистрировать королевский указ и закрыл восемьдесят четыре иезуитских колледжа. Всю

весну и лето продолжался обстрел памфлетов и пламенные дебаты в парламентах, иезуиты напрягали все ресурсы, чтобы предотвратить удар, и 6 августа 1762 года парижский парламент постановил, что Общество должно прекратить свое существование во Франции. Иезуиты были изгнаны из своих резиденций, и им была назначена небольшая пенсия из конфискованного имущества. Вся их собственность во Франции оценивалась почти в 60 000 000 франков, и они, как оказалось, лишились ее, вместо того чтобы выплатить справедливые долги Лавалетта. В то же время парижский парламент осудил сто шестьдесят четыре произведения, написанные иезуитами в период с 1600 по 1762 год.

Людовик XV. в декабре 1764 года был подписан указ о репрессиях, и из школы и дворца, из скромных жилищ бедняков и особняков принцев иезуиты печально направились к границам страны, в которой они так долго пользовались замечательной властью и злоупотребляли ею. Тщетно уговаривали папу протестовать против действий Людовика XV. Некоторые из главных провинциальных парламентов осудили папскую буллу к сожжению на площади, а парижский парламент с презрением отверг ее. Подавляющее большинство нации приветствовало подавление; и, как только их власть иссякла, иезуиты были захлестнуты потоком ненависти, который теперь свободно поднимался против них. Было бесполезно ссылаться на то, что несколько скептически настроенных юристов или государственных деятелей привели их к краху. В нескольких местностях они все еще находились под защитой провинциальных властей, но вся страна устами своих чиновников и значительной части духовенства радовалась их падению. Сначала они пытались парировать удар обычными маневрами. Многие из них отказались от своей одежды и имени и остались интриговать против своих противников; и в 1767 году парижский парламент постановил, что все они должны покинуть страну. За исключением нескольких человек, которые все еще оставались частными учителями молодежи, якобы покинув Общество, и нескольких человек, укрывшихся в ультрамонтанских местностях, иезуиты теперь были с позором изгнаны с земли Сент-Луиса. И мало кто, прочитав долгую историю их работы во Франции, не признает, что это было справедливым завершением их интриг, изворотливости, эгоизма, жажды власти, беспринципного преследования соперников или оппонентов и снисхождения к пороку и преступлениям.

СНОСКИ:

[26] Я ознакомился с замечательным изданием "*Писем*" Молинье (1891). Редактор приводит оригинальные латинские отрывки из теологов-иезуитов, и именно после сравнения их с цитатами или парафразами Паскаля я прихожу к выводу, приведенному в тексте. Необходимо добавить, что некоторые из этих доктрин не ограничивались иезуитами. Дело в том, что иезуиты, как группа, были характерно распущенными. Вероятностный подход, например (пагубная доктрина о том, что человек может совершить действие, которое, вероятно, является законным, хотя, более вероятно, греховным), не был изобретен иезуитами, но они сделали его основным элементом своей казуистики. Они учили, что человек волен следовать за одним-единственным слабовольным теологом, если он является "серьезным авторитетом", вопреки неблагоприятному мнению всех остальных.

[27] В предыдущих главах я цитировал книгу отца Жуванси "*История общества*". Этот том напоминает и восхваляет действия французских иезуитов во времена Генриха III. "Генрих IV" был опубликован в 1713 году и вызвал такое возмущение, что парламент его подавил.

ГЛАВА X

ИЗГНАНИЕ ИЗ ПОРТУГАЛИИ И ИСПАНИИ

На Пиренейском полуострове мы имеем ту же романтическую историю о том, как иезуиты были лишены великолепного процветания и изгнаны со всеми признаками позора из стран, в которых они почти достигли духовной диктатуры. Более того, и здесь наша хроника будет касаться почти исключительно действий придворной хунты иезуитов, которые навлекают бедствие на свое Общество. Не было бы протiwоестественным заподозрить, что в этом есть некоторая пристрастность; что я игнорирую святые, ученые или филантропические достижения большинства и выдвигаю на первый план только придворные интриги и злоупотребления властью немногих. Но беглый взгляд на работы авторов-апологетов покажет, что у искреннего историка нет альтернативы. Учитывая численность и ресурсы иезуитов в семнадцатом и восемнадцатом веках, в их послужном списке на редкость мало великих и добрых дел. Несколько примеров сияющей преданности, на которые мы обратим внимание по ходу дела, и несколько небольших скандалов, которые мы обычно игнорируем, мало что меняют в ничем не примечательном однообразии обычной жизни. Большинство португальских и испанских иезуитов просто продолжают работу по преподаванию, проповеди и написанию богословских трудов в комфортабельных и неаскетичных домах, которые мы описали ранее. Наша история, как и общая история Испании и Португалии того времени, в основном связана с придворными и политиками.

Начнем с Португалии, где на Общество обрушился первый разрушительный удар. Португальский иезуит, отец Франко, оставил нам восхитительную хронику деяний своих коллег вплоть до конца первой четверти восемнадцатого века. Его работа (*Synopsis Annalium Societatis Jesu в Лузитании*, 1726) полностью подтверждает ощущение, что жизнь подавляющего большинства португальских иезуитов не является материалом для истории; это немногим больше, чем отчет о смертях ничем не примечательных (но всегда очень святых) иезуитов, с несколькими сдержанными ссылками на те события при дворе, которые представляют реальный интерес. Это правда, что отец Франко прилагает список тысяч иезуитов, которые отправились провести свои жизни в Бразилию или Индию, но мы увидим, что в тот период, с которым мы имеем дело, эти миссионерские поля приносили много утешения и мало опасности. Героический век закончился; это был век, когда королевские исповедники позволяли своим братьям лениво нежиться в лучах королевской милости.

К концу правления Иоанна IV в 1656 году могущество и богатство иезуитов стали еще больше, чем когда-либо прежде. Мы видели, что во время революции 1640 года, когда Португалия получила независимость от Испании, иезуиты так удачно распределили свои силы, что некоторые из них наверняка были на стороне победителя; и Иоанн IV. он был не из тех, кто слишком пристально вникал в их поведение. Его двор вскоре наполнился иезуитами. Отец Нуньес, человек большого благочестия и аскетизма, оказавший огромное моральное влияние на благородных дам двора, заботился о совести королевы Луизы и ее детей. Отец Фернандес,

иезуит совсем другого типа, был духовником короля и обладал большим политическим влиянием. Он был членом Государственного совета и епископом Японии и носил свой сан с сознательностью, которая сильно раздражала знать. Когда умер его более скромный коллега Нуньес, он также стал духовником королевы и добился большого влияния на короля. Когда вице-король Индии, заметив, что иезуитам запрещено заниматься торговлей, отобрал у иезуитов в этой стране собственность стоимостью двадцать тысяч крон в год, которую они приобрели коммерческим путем, Фернандес убедил короля отменить его решение и распорядиться о восстановлении собственности. Кроме того, Иоанн IV ежегодно выделял большие суммы иностранным миссиям и солидную сумму в виде "виатикума" каждому священнику, покидавшему Португалию ради миссий; он дарил им дворцы и осыпал другими благами.

Когда Иоанн умер, и Луиза стала регентшей при своем маленьком сыне, разгневанная знать предприняла энергичные усилия, чтобы сместить иезуитов. Старший сын Джона, у которого был наставник-иезуит, отказался жениться и пожелал вступить в Общество. Люди вспоминали прежнего короля Себастьяна и говорили, что иезуиты пытались захватить корону. Наставника-иезуита даже обвинили в разглашении военных секретов страны; а один из его коллег, отец Виейра, был настолько сильно скомпрометирован его письмом, которое было перехвачено, что Иоанн был вынужден назначить его иностранным послом; другой иезуит был дипломатическим представителем Португалии в Риме. Дворян возмущала такая ситуация, но Фернандес занимал слишком сильное положение, и правление иезуитов продолжалось и при регентстве. Однако Фернандес умер в 1660 году, и именно второй иезуит с таким именем (о чем иногда забывают) сыграл ведущую роль в экстраординарных событиях 1668 года.

Старший принц Теодоз преждевременно скончался, и Альфонсо унаследовал трон. Было ли в юноше какое-то неизлечимо болезненное напряжение, или обучение у иезуитов сделало его неспособным к серьезной политической жизни, мы не можем сказать; но, повзрослев, Альфонсо VI вступил на путь насилия и распущенности, которые напоминают юность Нерона. Его двор был полон диких участников его оргий, и он выставлял напоказ свои пороки на улицах и в тавернах своей столицы. Он сменил своего духовника-иезуита на монаха-бенедиктинца, вырвал бразды правления из рук своей матери и пригрозил очень быстро втянуть страну в ожидавшую ее пропасть. Трезвомыслящие дворяне и государственные деятели смотрели на это с тревогой, и было неизбежно, что вскоре возникнет заговор с целью его свержения. Но подробности революции, в которой иезуиты были очень активны, не делают чести ее участникам.

Альфонсо женился на Марии Изабель де Савойя-Немур, чей духовник-иезуит, отец де Вилль, с сочувствием выслушал историю о безобразиях, которым она подверглась. Отец де Вилль и его коллеги отнеслись с не меньшим сочувствием, когда Мария Изабелла перенесла свою привязанность на красивого молодого брата короля, дома Педро, и они вступили в заговор с целью заменить Альфонсо Педро. Главным заговорщиком, по-видимому, был отец Виейра, которого французский историк считает славой португальской провинции того времени. Виейра не был лишен способностей, но он был беспокойным и назойливым политиком и настолько эксцентричен в своих религиозных идеях, что попал в тюрьму инквизиции. Иезуиты тайно вовлекли дворян в план свергнуть Альфонсо, развестись с ним и заменить его братом. Развод-это, конечно, неизвестно Католической Церкви, но она никогда не смогла обнаружить изъян в браке которых было целесообразно отменить, а с чем-то очень похожим легкомыслия или

цинизма, иезуиты и королева намерена обвинить царя имсилу и вам развестись с ним: царь, который был известен своими любовными похождениями и имел ребенка одной из его любовниц. Затем Педро был проинформирован о дружелюбном расположении королевы и поддержке знати, и заговор начался.

Короля отвлекло от его распутных утех объявление о том, что королева удалилась в монастырь и потребовала вернуть ей приданое. Он полетел в монастырь, но обнаружил там своего брата с вооруженными силами для защиты королевы, и после бесплодной борьбы он был вынужден отречься от престола и засвидетельствовать девственность королевы. У нас есть слова английского посла о том, что отец де Вилль и его коллеги были главными авторами этого дерзкого заговора, или "комедии", как называет ее апологет иезуитов. Брак был расторгнут в марте (1668), и было условлено, что депутация кортесов посетит Марию Изабель и будет умолять ее выйти замуж за Педро, поскольку Португалия была слишком бедна, чтобы вернуть ее приданое. Свадьба была отпразднована несколько недель спустя, Альфонсо был отправлен в комфортабельную ссылку, а иезуиты вернулись к власти при дворе. Как бы искренне мы ни аплодировали очищению грязного дворца и освобождению молодой королевы, мы должны признать, что эта процедура свидетельствует о значительном недостатке моральной деликатности.

Благодарность Педро своему духовнику-иезуиту Фернандесу и его коллегам не могла быть иной, чем королевская. Он даже сделал Фернандеса депутатом кортесов (где ему нужны были сторонники), и из строгого письма (переданного на французском языке), в котором генерал Олива осудил это действие властей португальской провинции, мы заключаем, что Фернандес очень неохотно отказывался от этой чести. Под угрозой наказания он уступил, но сохранил абсолютную власть над королем Педро и поставил свое Общество в более сильное положение, чем когда-либо. В иезуитских документах того времени мы находим постоянные упоминания об "Отцах Дворца" и огромных льготах, которые они предоставляли своим коллегам. Через короля они добились изменения испанской инквизиции, которая недавно заключила в тюрьму одного из их самых способных людей, и во многих колониях они получили монополию на торговлю с туземцами и приобрели богатство, подобное богатству испанских отцов в Парагвае. Вторая жена Педру была не менее щедра по отношению к Обществу, чем Луиза, и бывшая королева Англии, вернувшаяся в Португалию в 1693 году, присоединилась к обогащению иезуитов. Когда Педро умер в 1706 году, его сын Джон V. продолжал покровительствовать Обществу и ослаблять королевство. Теперь при португальском дворе находилось более дюжины иезуитов, и в течение многих лет едва ли можно было приблизиться к королю без их разрешения.

Во время долгого правления некомпетентного и суеверного Иоанна V. Португалия быстро погрузилась в ожидавший ее упадок. Иезуиты не только занимались торговлей в колониях и поглощали огромные суммы денег в виде пожертвований и ежегодных выплат, но и Церковь в целом, по подсчетам, получила около пятисот миллионов франков, выжатых главным образом из разлагающихся колоний, от монарха, одержимого священством. Иезуиты ни в коем случае не несут полной ответственности за скандальные расходы и экономическую глупость Иоанна V. Или за возрождение практики сожжения еретиков и возведения роскошных монастырей. В последние годы жизни король перенес свою благосклонность на ораторианских и францисканских священников, и казалось, что долгому правлению иезуитов угрожает серьезная опасность. Но этот ужасающий клерикальный паразитизм и пренебрежение национальной экономикой, которые быстро подтачивали силу Португалии, были лишь

кульминацией настроений, которые иезуиты культивировали при португальском дворе в течение столетия.

Король умер в 1750 году, и иезуиты вернулись к власти при его сыне Джозефе. Отец Морейра был духовником короля, а отец Оливейра - наставником его детей; отец Коста был духовным наставником своего брата Педро, отец Кампо - своего дяди Антонио и отец Аранхуэс - своего дяди Эммануэля. Хунта была полностью восстановлена, и правительство снова фактически оказалось в руках иезуитов. Однако теперь в политическую жизнь Португалии вошел человек, которому было суждено поколебать европейское могущество иезуитов и в течение короткого периода в десять лет изгнать их из Империи в нищете и позоре.

Себастьян Джозеф де Карвалью, граф Оэйрас и маркиз Помбал, был членом одной из иезуитских конгрегаций для мирян и с их сердечного согласия занял пост государственного секретаря иностранных дел. В его враждебности к иезуитам нет ничего загадочного или дискредитирующего. Даже если верно, что временами он сражался с ними их же неподходящим оружием, подоплека конфликта очевидна. Он понимал, как понимает сегодня каждый не католический историк, что их правление было столь же пагубным для государства, сколь и выгодным для их собственного общества, и, как министр иностранных дел и деловой человек-мирянин, он признавал, что их коммерческая деятельность в колониях вредна для мирян и несовместима с их профессией. Говорить, что на него оказали влияние работы французских философов, абсурдно — он не сочувствовал их идеям, — и не менее несправедливо говорить, что он хотел протестантизировать португальскую церковь. Именно как католик и патриот он задался целью реформировать разбухшую и выродившуюся Церковь и оживить национальную экономику. Нам не нужно воображать пороки в Помбале, когда недостатки иезуитов столь вопиющи.

Сильному человеку повезло, что у него был слабый, робкий и ленивый монарх, и едва ли меньше повезло в том факте, что у короля был более сильный и привлекательный брат, на соратников которого можно было легко пустить подозрение. Сегодня трудно установить, насколько правдивы обвинения в том, что дом Педро стремился к трону и пользовался тайной поддержкой иезуитов. Король Иосиф был не прочь поверить такому обвинению, и вскоре произошли события, которые придали ему правдоподобие. В 1752 году португальцы предложили уступить Сакраменто Испании в обмен на часть Парагвая, в которой иезуиты провели семь своих прибыльных "сокращений", и, когда войска отправились добиваться изменения границ, ученики иезуитов оказали кровопролитное сопротивление. Можно процитировать письма, в которых иезуиты советовали подчиниться, но было перехвачено *секретное* письмо от одного из ведущих испанских иезуитов американским отцам, в котором, как было обнаружено, содержался совет сопротивляться. Были посланы дополнительные войска, иезуиты и их ученики были изгнаны, а Помбал составил и распространил мемуары о действиях иезуитов и фактическом рабстве, которое они поддерживали в сокращениях. Их монополия на торговлю с туземцами была отменена, и Помбал был заинтересован в компании, которая стремилась обеспечить безопасность торговли. Иезуиты яростно атаковали это изменение, и два члена Общества были сосланы.

Затем на некоторое время кампания Помбала была приостановлена ужасающим землетрясением, опустошившим Лиссабон в 1755 году. Робкий и суеверный король пребывал в нерешительности относительно природы этого предзнаменования. Сначала, когда выяснилось,

что дом Помбала уцелел, в то время как семь домов иезуитов были разрушены, он был склонен видеть в катастрофе наказание за грехи иезуитов; но эти хитрые казуисты легко убедили страну, что единственным новым событием в жизни Португалии, объясняющим это излияние божественного гнева, было преследование Общества, и их рвение в помощи бездомным снискало им большое сочувствие. Изгнанные иезуиты были отозваны, и они, казалось, восстановили все позиции, которые потеряли за предыдущие десять лет.

С жестокостью, которую мы так часто встречаем в анналах Общества, иезуиты затем перешли к нападкам на Помбала, и их церкви зазвонили с осуждением великого реформатора. При всех своих недостатках Иосиф I обладал достаточной мудростью, чтобы выбирать между иезуитами и своим способным министром. Помбал провел в Португалии более реальные реформы, чем политики-иезуиты за все два столетия своего влияния; он отменил *самоуправление*, обуздал власть инквизиции, пресек паразитический рост монахов, установил границы притязаниям знати и провел великие реформы во всех ветвях администрации. Он был жестким и безжалостным человеком, в какой-то степени разделявшим иезуитское чувство, что цель оправдывает средства, но он был искренним и просвещенным патриотом. Он сохранил свое влияние на короля и сделал следующий шаг в своей кампании против Общества.

Только в 1756 году сопротивление местных жителей иезуитским сокращениям было окончательно преодолено, и доказательства (которые мы увидим позже) тайной провокации иезуитов произвели глубокое впечатление на короля. В то время на папском престоле находился папа, который неоднократно осуждал иезуитов. Позже мы увидим, что их поведение на китайских и индийских миссиях, иначе, как скачками, как их поведение в Южной Америке, и Бенедикта XIV. строго осуждают их. Его главный министр, кардинал Пассиони, также был настроен против иезуитов. Король Иосиф представил Ватикану отчет о поведении иезуитов в Южной Америке и попросил провести их реформу. Тем временем осенью 1757 года Помбал убедил короля, что иезуиты разжигают беспорядки в самой Португалии, и был подписан приказ об изгнании всех исповедников-иезуитов из двора. В ночь с 19 на 20 сентября слуги и солдаты вошли во дворец, и отцы Морейра, Коста и Оливьера, проснувшись, обнаружили, что их приговорили к удалению из их комфортабельных кабинетов. Затем Помбал приказал, чтобы ни одному иезуиту не разрешалось приближаться ко двору, разослал очень убедительное оправдание поведения короля другим европейским дворам и потребовал реформы в Риме.

1 апреля 1758 года папа подписал указ о проведении расследования поведения иезуитов, и кардинал Салданья был направлен в Южную Америку для проведения расследования. Слушания в Риме держались в секрете от иезуитов до тех пор, пока не был подписан указ, и агенты Помбала добились назначения кардинала, который не был другом Общества. Но и папа, и генерал умерли весной того же года, и, когда кардинал Салданья справедливо сообщил, что иезуиты Южной Америки неправильно занимались торговлей, новый генерал Риччи обратился к новому папе Клименту XIII, который, как было известно, благосклонно относился к Обществу. Климент назначил комиссию по расследованию, которая, будучи составленной из друзей Общества и не проводя расследования на месте, объявила иезуитов невиновными.

Заявление было абсурдным и неискренним, как мы поймем, когда рассмотрим поведение иезуитов в миссиях, и Помбал понял, что ему придется иметь дело с отцами церкви в Португалии. В июне (1758 г.) кардинал-патриарх наложил интердикт на всех иезуитов Лиссабонской епархии, и общественное мнение, казалось, было готово к решительному шагу.

Событие, произошедшее в ночь с 3 на 4 сентября того же года, дало Помбаль такую возможность. Когда король возвращался из дома своей любовницы, маркизы Таворы, в него было произведено несколько выстрелов, и большое количество членов семьи Тавора были арестованы и подвергнуты пыткам. Один из заключенных, герцог д'Авейру, сказал под пытками, что иезуиты были посвящены в заговор, и восемь ведущих отцов церкви были арестованы и подвергнуты пыткам. Впоследствии герцог отказался от своих слов, и следует сказать, что, помимо этого никчемного заявления, нет никаких положительных доказательств, связывающих иезуитов с этим преступлением, хотя они поддерживали тесную переписку с тавора. Однако они не были наказаны на этом основании вместе с другими заключенными. Только один из иезуитов был казнен, но за ересь, а не за государственную измену; остальных держали в тюрьме, в то время как все тавора были казнены.

Вместо того, чтобы попытаться возбудить дело против иезуитов на основании таких порочащих доказательств, Помбаль воспользовался более веским аргументом, что их моральные принципы, особенно в отношении убийств, были основным источником подобных безобразий, и последовала очень ожесточенная полемика. Казалось, всем постепенно становилось ясно, что длительный конфликт иезуитов и их противников вот-вот вступит в свою последнюю стадию. Были епископы, которые поддерживали Помбала, и епископы, которые обращались к папе с просьбой остановить его прогресс. Чего Помбал больше всего боялся, так это волнения невежественных и суеверных масс, и он действовал с большой осторожностью. До того, как его проект был реализован в Португалии, иезуиты из колоний были на пути под охраной в метрополию, и когда они прибыли, дома иезуитов были окружены солдатами, наиболее активные отцы были переведены в тюрьму, а остальным запретили общаться с мирянами. К апрелю 1759 года около 1500 иезуитов находились в тюрьме или под охраной. Затем король сообщил папе, что собирается изгнать отцов из своих владений. Когда Климент запротестовал, были представлены более веские доказательства их интриг, и, по общему мнению беспристрастных современников (таких как английский историк Кокс) и более поздних властей, некоторые из этих документов были подделаны. Климент по-прежнему отказывался санкционировать изгнание, и Помбаль предпринял безжалостный и неоправданный шаг. В праздник св. Игнатий (31 июля) шесть иезуитов были приговорены к колесованию, как будто теперь показания свидетеля, подвергнутого пыткам, придавалась какая-то ценность.

Этот несправедливый приговор не был приведен в исполнение, вероятно, из опасения, что папа серьезно усомнится в юрисдикции гражданских властей, но положение иезуитов было плачевным. Именно в Португалии они впервые достигли власти и богатства и наслаждались почти непрерывным владычеством в течение двух столетий; теперь они лежали на соломе в общих тюрьмах или с трепетом обсуждали мрачное будущее в своих переполненных резиденциях. В первый день сентября приговор о высылке был приведен в исполнение. Кардинал Салданья предложил младшим иезуитам отказаться от своих обетов, но немногие приняли это, и большинство из них были посажены на корабль и доставлены во владения папы. Помбаль был жесток и несправедлив до конца в реализации своего замысла; возможно, он опасался их дальнейшей деятельности на чужой территории. Возможно, в рассказах об их лишениях есть некоторое преувеличение, и действительно, такой приговор не мог быть приведен в исполнение без лишений, но никто не может оправдать его действия по содержанию 221 иезуита в тюрьмах Португалии. Один из них, отец Малагрида, старик семидесяти двух лет, похоже, был немного невменяем из-за своего заключения, и некоторые работы, которые он написал в тюрьме, были переданы инквизиции. Он был приговорен к

сожжению заживо тем самым трибуналом, который иезуиты сыграли важную роль в создании в Португалии. Из 200 иезуитов 88 умерли в тюрьме, а остальные оставались в своем унижительном плену до смерти Иосифа I. и увольнения Помбала в 1777 году. К тому времени их Общество прекратило свое существование.

Таков был трагический исход истории иезуитов на земле, которую они привыкли считать самой безопасной и щедрой страной, в которой они пустили корни. Как бы строго мы ни осуждали детальную процедуру маркиза де Помбала, по существу его поступок был справедливым и патриотическим. Португалия, которая в шестнадцатом веке обещала стать одной из величайших держав мира, погрузилась на унижительную глубину, и ее упадок быстро продолжался благодаря власти политических иезуитов. Они были неспособны к патриотическому пониманию задачи управления, и они использовали в своих интересах экономическую глупость жизни в перегруженных колониях и поощряли ее. Если они не желали выполнять надлежащие обязанности священников и воздерживаться от интриг ради политической власти, они должны были уйти.

Мы уже видели, как этот смелый ход отозвался эхом во Франции и воодушевил врагов Общества. Теперь мы должны обратиться к Испании и посмотреть, как "самые католические величества" этой страны последовали ужасному примеру Помбала. Общая схема этой истории чем-то похожа на историю Португалии. Ряд слабых и некомпетентных правителей занимают трон; над ними (как правило) доминирует группа придворных иезуитов, которые учат их, что главная обязанность короля - быть целомудренным, ревностным к вере и щедрым по отношению к Церкви; обширная испанская империя неоднократно сокращается по мере того, как обнажается ее растущая слабость; и, наконец, сильный человек осознает зло господства иезуитов и побуждает короля отправить отцов обратно во владения папы, из которых они пришли. В одном отношении эта история еще более неприятна, чем та, которую мы только что закончили. Какими бы целомудренными ни были испанские монархи в этот период, они настолько слабы и подслеповаты, что двор полон самых грязных интриг ради власти, и иезуиты глубоко вовлечены в эти интриги.

Мы оставили испанское общество наслаждаться великолепным процветанием в первые годы правления Филиппа IV. Читателям блестящей книги майора Юма *"Двор Филиппа IV"* (1907) не нужно напоминать, что это был "самый веселый и порочный двор со времен Гелиогабала" и что Мадрид пребывал в отвратительном состоянии порока и декаданса. Королевским духовником был не иезуит, а никчемный доминиканец, и между соперничающими орденами шла ожесточенная борьба. Однако иезуиты по-прежнему руководствовались совестью большинства дворян и богатых людей и пользовались щедрым покровительством короля. Они процветали в распадающемся королевстве, были равнодушны к периодическим национальным бедствиям и утверждают только, что произвели на свет таких блестящих казуистов, как Эскобар. В конце этого долгого и унылого правления хроника Общества становится более интересной.

Четырехлетний младенец Карл II унаследовал трон, и это дало иезуитам такую возможность при регентстве Марии Анны, дочери Фердинанда III. Королева Анна привезла с собой из своего немецкого дома очень образованного иезуита, отца Нидхарда, который был ее духовником. Было вполне естественно, что этот отец получил преобладающую власть после смерти короля, и мы можем рассматривать это как особенно легкомысленную кастильскую сплетню о том, что шестидесятилетний священник питал к королеве более нежные отношения, чем политический

советник. Мы можем также допустить, что власть Нидхарда использовалась бескорыстно, и он был верен аскетическому идеалу своего Общества. Но он вопиюще нарушал другие, более важные правила Общества, занимая ту должность, которую занимал, и внес большой вклад в накопление ненависти в Обществе. Он был не только королевским духовником, но и государственным советником — фактически первым министром — и великим инквизитором. Он отстоял свое правление, когда королева возложила на него эти звания. Она получила "разрешение" от папы римского, и Нидхард затем выдал себя за иезуита Хименеса и правил Испанией. Папский документ не дает ему никакого морального оправдания. Если бы он и его начальство пожелали, его могли бы немедленно перевести в Германию. Они согласились с его политической позицией из-за власти, которую она им давала.

Испанские дворяне были раздражены правлением священника и женщины и с раздражением наблюдали за продолжающимся разложением нации. В 1668 году они потеряли большую часть Нидерландов по мирному договору в Экс-ла-Шапель, и независимость Португалии была признана. Дон Хуан, внебрачный сын покойного короля, воспользовался случаем и напал на иезуитов. Они назначили принца губернатором Нидерландов, но он отказался ехать. Они запретили ему приближаться к столице, и он смело двинулся к Мадриду и потребовал увольнения Нидхарда. Войска и народ поддержали его, и, проливая горькие слезы, королева была вынуждена "разрешить Нидхарду уйти в отставку". Толпа пригрозила немедленно покончить с его карьерой, но он сбежал в Рим, где стал послом Испании, а затем кардиналом и архиепископом Эдессы. Он значительно усилил враждебность к иезуитам в Испании.

За долгим и пагубным правлением Филиппа последовало долгое и пагубное правление его слабоумного сына, и Испания пришла в упадок со страшной быстротой. Благочестие процветало — однажды пятьдесят еретиков были казнены ради развлечения молодой королевы, — а уродливый король подавал восхитительный пример целомудрия. Мало кто осознавал более важную обязанность остановить разложение земли, и иезуиты довольствовались тем, что плыли по вялому течению. Вероятно, их богатство достигло наивысшей точки во время правления Карла II. "Одно из самых катастрофических правлений за всю историю", — называет это выдающийся историк. Но было бы мало интереса вести хронику полученных ими княжеских подарков и наследства, а также красивых домов, которые они построили. Карл умер от старости на сороковом году жизни (1700), и его убедили оставить трон герцогу Анжуйскому и таким образом обеспечить защиту Людовика XIV. для несчастной страны. С этого момента история испанских иезуитов приобретает более оживленный оттенок.

Семнадцатилетний юноша Филипп V. был доверен Людовиком XIV. на попечение французского иезуита Добентона. Отец Летелье был в то время духовным наставником великого монарха, и он рекомендовал своего друга и коллегу Добентона на важный пост управления совестью испанского короля. Добентон был крепким маленьким человечком, который скрывал огромные способности и стремление к интригам под маской суровой отрешенности от мирских дел. С другой стороны, блестящую француженку, принцессу Орсини, послали отстаивать интересы Франции в окружении королевы, и ей удалось добиться такого сильного влияния, что мы иногда видим, как она без особого преувеличения пишет о "моей администрации". Она была *мэром камерары* при юной Марии Луизе — простой девушке - и ее огромная власть навлекла на нее ненависть испанцев и некоторых французозов. К 1703 году двор кипел интригами. Мемуары герцога де Сен-Симона, работа современного английского историка Кокса и письма, которыми обменивались испанский и французский дворы, указывают на то, что Добентон был самым

активным и коварным агентом заговора против принцессы Орсини. Очень грязная интрига длилась весь 1703 год и закончилась отзывом принцессы во Францию. Королева, однако, была так разгневана, что заговор был раскрыт Людовику XIV. — это авторитетно изложено в переписке Людовика и Филиппа, — и Добентон был с позором уволен от двора, а принцессе Орсини разрешили вернуться.

Другой французский иезуит, отец Робине, сменил Добентона, и судьба его предшественника не помешала ему интересоваться политикой, хотя поначалу он точно так же притворялся равнодушным к светским вопросам. Следующие десять лет, однако, прошли без заметных происшествий, и испанские иезуиты продолжали накапливать богатство. Сен-Симон рассказывает нам, что однажды корабль из Южной Америки выгрузил на пристани Кадиса несколько ящиков, адресованных "Генеральному прокуратору Общества Иисуса". Говорили, что содержимое было шоколадным, но вес был невероятным, и чиновники решили открыть одну из коробок. По-видимому, он был полон плиток шоколада, но вес каждой был настолько загадочным, что их пришлось рассмотреть повнимательнее. Это были слитки чистого золота, густо покрытые шоколадом. Этот инцидент, вероятно, поддержал слух в Испании о том, что иезуиты спрятали золотые прииски в своих тщательно охраняемых рудниках, но мы можем с большей вероятностью распознать направление, в котором была получена большая прибыль от этих рудников, и причину решительных усилий властей иезуитов поддержать своих отцов в этой неканонической отрасли.

Королева Луиза умерла в 1714 году, и при дворе считалось, и это не исключено, что принцесса Орсини стремилась стать ее преемницей. Ей было тогда больше шестидесяти лет, но она все еще обладала большим обаянием и способностями и, казалось, производила нежное впечатление на целомудренного, набожного и слабоумного молодого короля. Робине положил конец ее амбициям смелым ответом. Когда однажды Филипп спросил его, какие последние новости из Парижа, он ответил, что ходят слухи, что король собирается жениться на мадам Орсини. Филипп гневно опроверг это, и принцесса очень скоро ушла из политической жизни Испании. Однако многие другие были заинтересованы в изгнании принцессы Орсини, и не следует преувеличивать роль отца Робине. Испания продолжала приходить в упадок. По мирному договору 1713 года ее империя была лишена Сицилии, Милана, Неаполя, Сардинии, Нидерландов, Гибралтара и Менорки. Филипп консультировался со своими советниками-иезуитами по несколько раз в день, но ни они, ни другие его советники не могли сделать ничего, кроме интриг за власть в уменьшающемся королевстве. Аббат (впоследствии кардинал) Альберони теперь приходил к власти и был связан с Робине в деле о гибели принцессы Орсини. Альберони убедил Филиппа, что Элизабет Фарнезе - именно та тихая и скромная молодая принцесса, которую он хотел бы видеть своей второй женой, и Филипп уступил. Но Елизавета, надменная и страстная девушка, была заранее проинструктирована о своих обязанностях, и при их первой встрече она жестоко оттолкнула принцессу. Затем Альберони и Робине поссорились из-за назначения нового архиепископа Толедо. Робине обеспечил себе звание друга Общества (1715), а он, в свою очередь, навлек на себя гнев королевы и Альберони и был сослан в Германию.

Перед своим отъездом Робине убедил Филиппа призвать Добентона на свою сторону, и с этого момента придворная интрига обернулась против Альберони. В этом Добентон сыграл второстепенную, но важную роль. Английский и французский дворы, а также многие испанцы жаждали отстранения итальянского фаворита, и Добентон, который исповедовал Филиппа

дважды в день и проводил с ним другие консультации, был нанят ими, чтобы отравить короля против его министра. Филипп был убежден, что великие планы Альберони таят в себе опасность для страны, и уволил его. В данном случае исповедник-иезуит позволил себе стать орудием врагов Испании и плел интриги против ее самого способного государственного деятеля.

В 1724 году Филипп передал корону своему сыну Людовику и удалился, чтобы посвятить свою бесполезную жизнь религиозным занятиям. Нет никаких серьезных свидетельств того, что иезуиты заставляли Филиппа уйти в отставку, хотя они, безусловно, пытались отговорить его от возвращения короны и принимали участие в женитьбе Людовика на дочери герцога Орлеанского. Как бы то ни было, Людовик умер несколько месяцев спустя, и Филипп вернулся на трон.

Добентон умер в 1723 году, и его место занял иезуит Бермудес, который поддерживал традицию интриг. Преемником Альберони был испанец из Нидерландов Рипперда, который был неприятен иезуитам по многим причинам. В Голландии он справился со своими амбициями, обратившись в протестантизм, и по возвращении в Испанию, где он снискал благосклонность короля, он быстро вернул себе веру в старое вероучение. Духовник королевы, иезуит, который радовался титулу и одеянию архиепископа Амиды, плел интриги против этого необычного авантюриста и сверг его. И здесь иезуит просто использовал свои возможности, чтобы выразить негодование многих других, и историки не относятся к падению Рипперды с каким-либо сочувствием, но интриги духовных наставников двора теперь были настолько вопиющими и так много обсуждались в Европе, что Филипп разозлился. Когда вскоре после этого отец Бермудес оскорбил королеву, тайком передавая королю письма из Франции, которые должны были быть скрыты от нее, и был уличен в интриганстве, как и его предшественники, он был отстранен от должности. В суде рассказывали, что Бермудес предложил поклясться на распятии, что он невиновен, и что Филипп ответил: "Я слишком уважаю образ Христа, чтобы позволить вам лжесвидетельствовать таким образом". Бермудес был уволен, а ирландский иезуит, отец Кларк, был назначен королевским духовником на оставшуюся часть меланхолического правления Филиппа V.

Восшествие на престол его сына Фердинанда VI в 1746 году не принесло особого облегчения стране и не изменило власти иезуитов. Фердинанд, слабый и добродетельный монарх того типа, который оказался столь близок иезуитам, был предан Обществу. Его духовник, отец Рабаго, был его главным советником, и придворные толпились вокруг иезуита в надежде завоевать его влияние. Его положение и власть, а также слабость монарха сделали его смелее, и несколько лет спустя он отважился на поступок, который должен был иметь катастрофические последствия для его Общества. Несмотря на все усилия иезуитов, Испания согласилась уступить Португалии часть Парагвая, содержащую семь иезуитских сокращений, в обмен на Сакраменто. Я уже упоминал этот инцидент, говоря о Португалии, и в следующей главе расскажу о том, что произошло в Парагвае. Вкратце, армия из 15 000 индейцев из сокращений — не только из семи рассматриваемых сокращений, которые могли позволить себе не более нескольких сотен солдат, но, очевидно, вся мощь войск иезуитов, набранных из всех их разрозненных сокращений, — встала на пути испанских и португальских войск, и только после многих сражений и по истечении трех лет соглашение между двумя правительствами могло быть выполнено.

Маркиз де Помбал, находившийся тогда у власти в Лиссабоне, сразу же заявил, что иезуиты вдохновили это предательское сопротивление. Любому беспристрастному человеку было бы трудно представить, что эта армия была мобилизована со всей территории влияния иезуитов и поддерживалась в течение столь длительного периода вопреки воле отцов-иезуитов, которые так безраздельно господствовали над индейцами и привыкли вести их в бой. Фердинанд колебался, но в конце концов Помбал перехватил секретное письмо отца Рабаго к испанским отцам, в котором тот призывал их сопротивляться. Английский посол сэра Бенджамин Кин (цитируемый Коксом в его *"Мемуарах королей Испании"*) сообщает нам, что это письмо и другие доказательства были представлены Фердинанду, и король выразил большое возмущение иезуитами в его присутствии. Сам Кокс, которого иезуиты часто цитируют как беспристрастный авторитет, говорит, что письмо было "несомненно" подлинным. Рабаго, по его словам, поначалу ничего не знал об иностранных делах и управлялся хунтой своих коллег, подчинявшихся королю, но он стал амбициозным и плел интриги против власти ведущих государственных деятелей Карвахала и Энсеняды. Письма, перехваченные в 1754 году, открыли королю глаза, и когда в следующем году исповедник был уличен в его интригах против Энсеняды, он был безапелляционно отстранен от должности.

Фердинанд продолжал доверять другим иезуитам и сопротивляться давлению Помбаля, но тот умер в 1759 году, и на трон взошел более способный правитель, Карл III. Чарльз был набожным католиком и был предан Обществу. Он был, как и его предшественник, глух к предупреждениям и мольбам Помбала, и безжалостное изгнание иезуитов из Португалии (в 1759 году) только усилило его благосклонность к ним в Испании. Все их ошибки были забыты, и обвинения Помбаля в их поведении в колониях были горячо отвергнуты. Мало кто мог предвидеть, что при таком правителе менее чем через десять лет после его восшествия на престол великолепная структура процветания иезуитов в Испании будет разрушена до основания, а отцы церкви с позором изгнаны.

Первым действием иезуитов, изменившим отношение короля к ним, было их противодействие канонизации епископа Палафокса. Чарльз горячо желал, чтобы этому святому испанскому епископу прошлого века были возданы высшие почести Церкви, но, как мы увидим позже, Палафокс представил папе Иннокентию X. очень серьезное обвинение в поведении иезуитов, и, если бы он был канонизирован, его письма "навлекли бы позор на Общество", как говорит историк-иезуит Кордара. Кордара признает, что средства, которые они использовали для предотвращения канонизации, не заслуживали одобрения; фактически, это были главным образом подкуп и бессовестное очернение епископа. Процесс не вышел за рамки объявления епископа "Достопочтенным", и Чарльз был недоволен иезуитами.

В 1766 году возникло менее явное, но гораздо более серьезное недовольство. Попытка укоротить длинные плащи и широкополые *сомбреро* испанского народа, предпочитавшего наемных убийц, привела весной 1766 года к восстанию в Мадриде. Чарльз был суровым сторонником королевской власти, и эта вспышка сильно разозлила его. Его главный министр Аранда, ученый и политик либеральной школы, симпатизировавший Шуазелю и Помбалю и выступавший против иезуитов, теперь сумел убедить короля, что иезуиты вдохновили восстание. Согласно официальному "историку" Общества, единственным основанием для этого было то, что иезуиты храбро бросились на разъяренную толпу и разоружили ее, что вызвало неподобающее подозрение в их силе. Историк старается не упоминать, что осенью того же года юрист по имени Наварро был арестован за выдвигание ложного обвинения против некоторых

монахов (которых иезуиты недолюбливали) в связи с беспорядками, и что, когда дело обернулось против него, он заявил, что иезуиты побудили его сделать это, чтобы отвести подозрения от их собственного поведения. Шарль был убежден, что они были зачинщиками беспорядков, и теперь он был готов выслушать обвинения Помбаля и Шуазеля.

Затем королю было сообщено, что иезуиты сговорились заменить его на троне его братом Людовиком. Один из наших лучших авторитетов, Кокс, заявляет, что среди доказательств использовалось поддельное письмо в этом смысле, якобы отправленное генералом Риччи главам испанских иезуитов. Как бы то ни было, король был убежден, что было проведено тщательное расследование состояния и деятельности Общества, и король доверил добровольным рукам Аранды задачу по его уничтожению. Аранда понял, что секретность необходима для успеха, и он и несколько доверенных коллег тайком составили обвинительный акт для Общества. Чтобы перехитрить шпионов-иезуитов, приходилось принимать такие меры предосторожности, что министр брал с собой в карман перо и чернила, чтобы никто не узнал, что король подписывает документ. К началу 1767 года было решено изгнать иезуитов из испанских владений, и Аранда приступил к работе, чтобы организовать изгнание, не давая иезуитам возможности спровоцировать восстание в их пользу. Запечатанные приказы были разосланы местным чиновникам по всей империи, и под страхом смерти было строго предписано не вскрывать их до вечера 2 апреля. [28]

К концу марта иезуиты, должно быть, поняли, что против них замышляется какой-то серьезный шаг, но тайна была хорошо сохранена, и план выполнен в точности. Вскоре после полуночи 2 апреля войска молча окружили шесть иезуитских колледжей в Мадриде и все другие дома и резиденции Общества. Приговор был приведен в исполнение одновременно, в полном порядке. Изумленные иезуиты проснулись и обнаружили в каждой камере по солдату и чиновнику, им было приказано одеться и проследовать в трапезную. Там собравшейся общине был зачитан королевский указ об изгнании, и войска незамедлительно препроводили их с такими небольшими личными пожитками, как требники и табак, в назначенный порт. Их посадили в отдельные вагоны и тщательно изолировали друг от друга и людей, пока они не оказались на борту корабля. Похоже, меры предосторожности Аранды были чрезмерными. Иезуиты скорее жалуются на жестокость солдат, чем пытаются найти какое-либо сочувствие, к которому они могли бы апеллировать. Конечно, были сочувствие и гнев, а также безумное ликование, когда стало известно о падении Общества. Но прежде чем страна полностью осознала, что гордое Общество было обречено испанским королем на изгнание, 6000 иезуитов Испании и ее колоний скорбно пересекали Средиземное море на переполненных судах, направляясь к берегам папской области. Каждому была назначена пенсия из их конфискованного имущества, но им сообщили, что пенсии всем прекратятся, если кто-то из них осмелится напасть на Испанию и защитить Общество; это не было несправедливой мерой, учитывая тот факт, что ни один иезуит не мог публиковать без разрешения.

Еще одно очень болезненное испытание ожидало отцов на итальянском берегу. Карл послал известие папе, что счел необходимым изгнать иезуитов и вверяет их "мудрому и святому руководству" папы. Письмо не настолько неуважительное, как это может показаться, но Климент XIII. был так разгневан, что совершил непростительный шаг. Следует помнить, что Помбаль ранее разгружал свои корабли у берегов папской области, и подавление во Франции вынудило большое количество людей перебраться в Италию. Мы можем предположить, что целью Помбаля, Шуазеля и Аранды было заставить папу принять их требование об упразднении

Общества. Климент был так разгневан, что отказался принять несчастных изгнанников. Дело не в том, как иногда говорят, что он забыл отправить или воздержался от отправки приказов о приеме иезуитов. Когда первое судно с 600 удрученными священниками направилось в порт Чивита-Веккья, его остановил грохот папских пушек, и в течение нескольких недель несчастных людей швыряло по волнам Средиземного моря на виду у негостеприимных папских государств. В конце концов их отправили на Корсику наслаждаться их скромными пенсиями. Некоторые отступили, а некоторые переодетые вернулись на родину, и за ними охотились как за предателями; но через шесть лет их последние надежды были уничтожены папским упразднением Общества.

Вердикт историка об этом романтическом падении Общества Иисуса в двух странах, которые казались особенно приспособленными для его деятельности, всегда должен быть окрашен его вероучением. Протестантские историки время от времени комментировали суровое исполнение приговора и характер некоторых доказательств, на основании которых он был получен, но никто не ставит под сомнение справедливость высылки. С другой стороны, хотя в то время католическая церковь была, мягко говоря, поровну разделена по этому вопросу, ни один современный католический историк не признал бы справедливости этого приговора. Я не предлагаю рассматривать это подробно до тех пор, пока мы не дойдем до упразднения Общества Папой Римским. Действительно, мы не можем полностью оценить дело испанцев и португальских католиков против иезуитов, пока не изучим их поведение в колониях. Когда мы изучим всю подоплеку, мы будем в состоянии взвесить суровое и пространное обвинение— которое Климент XIV, умышленно искажаемый католическими писателями, предъявляет Обществу, вынося торжественный смертный приговор. На данный момент мне нужно только сказать, что, помимо их больших нарушений в колониях, иезуитов ненавидели в Испании и Португалии на том основании, что, несмотря на их высокие профессии, они искали и накапливали богатство, занимались торговлей, участвовали в политических интригах, причиняли зло другим духовным организациям, были небрежны в моральных принципах и истощали ресурсы разлагающейся страны, не оказывая ей никакой соразмерной услуги. Этого описания их деяний должно быть достаточно, чтобы читатель мог сказать, были ли справедливы обвинение и приговор.

СНОСКИ:

[28] Кокс относит исключение к утру 1 апреля, а подписание указа - ко 2 апреля. Похоже, это ошибка.

ГЛАВА XI

ИНОСТРАННЫЕ МИССИИ

Пожалуй, нигде конфликт свидетельств в отношении иезуитов не проявляется столь остро, как при рассмотрении их деятельности за пределами Европы. С одной стороны, у нас есть *Назидательные письма*, которые сами миссионеры рассылали своим римским властям для

публикации в Европе. На основе этих писем авторы-апологеты рисуют картину самой очаровательной преданности и духовного успеха; нас приглашают увидеть тысячи иезуитов, разрывающих все семейные узы, чтобы нести евангелие Христа через моря, кишасшие врагами-голландцами и англичанами, в страны, откуда вернется только один из сотни и где их ждет зуб змеи, яд тропиков или нож дикаря; нам рассказывают, как они безоружными уходят в леса, и свирепые племена сдаются перед слабым символом распятия, как они очаровывают ревнивых монархов Англии. Восток с его обширной ученостью и открытыми для других миссионеров дверями, которые были закрыты для них веками, как из самого грубого дикарского материала они создают идеальные республики, подобные тем, которые Платон отчаялся создать из просвещенных афинян.

С другой стороны, мы узнаем, что эти *Назидательные письма*, которые так ясно заявляют о своей цели, являются "благочестивой ложью"; что они намеренно преувеличивают обращения и мученичества и передают совершенно ложную картину деятельности иезуитов; что иезуиты занимаются обширной коммерческой деятельностью по всему миру, совершенно беспринципны в защите своих монополий и накоплении богатства и идут на самые скандальные уступки язычеству, чтобы получить численность и влияние. Более того, все это говорят католические священники и прелаты, а не завистливые торговцы и свободомыслящие политики. Прелаты неоспоримой святости направляют в Европу самые суровые и тяжкие обвинения против иезуитов и заявляют, что Общество подвергло их самым жестоким и беспринципным преследованиям. Поэтому мы должны пробираться сюда с крайней осторожностью. К счастью, многие обвинения против иезуитов серьезно рассматриваются в Риме, и на основании доказательств, которые представляются римским трибуналам и в целом одобряются ими, историк иногда может вынести уверенный вердикт. Давайте начнем наш обзор с действий иезуитов на Дальнем Востоке.

В начале рассматриваемого нами периода Япония закрыта от христианских миссионеров, и вся кровь, пролитая на ее земле, оказывается бесплодной. Мы видели, что императоры в конце концов решили искоренить новую религию, и окончательное восстание выживших христиан в 1638 году привело к завершению разрушительной работы. Впоследствии один или два иезуита проникли в страну под видом торговцев, но они были арестованы или вынуждены уехать. Хитрые японцы придумали испытание веры, которое должно было сломить рвение миссионера; каждый европейский иммигрант должен был плюнуть или растоптать распятие, прежде чем приземлиться. Серьезный авторитет, один из генеральных комендантов Французской Ост-Индской компании (Мартин из Пондишери), утверждает, что иезуиты нашли казуистический выход из этого затруднения и оскорбили распятие; они, по их словам, рассматривали его просто как кусок дерева и металла. Как бы то ни было, последний иезуит — отступник, который раскаялся, — был казнен там в 1652 году, а отцы "Японской провинции" были рассеяны по другим восточным миссиям.

Тем временем Китай стал наиболее привлекательной сферой труда. Следует помнить, что иезуит Риччи наконец нашел способ проникнуть через китайскую оборону; он скрыл свою религию, оделся как ученый-китаист и завоевал большой авторитет как математик и астроном. Он приобрел большое влияние при дворе, и другие иезуиты последовали его примеру. Их заслуги перед двором были вознаграждены разрешением проповедовать свои доктрины в провинциях, но эта работа часто пресекалась местными преследованиями, и иезуиты направляли свои основные усилия ко двору и образованному классу. Традиция, начатая Риччи, поддерживалась

и развивалась, и вокруг императора собралась очень странная группа миссионеров. Главным среди них был отец Адам Шалл, очень способный математик и близкий друг императора. Он мог составлять гороскопы, находить пушки, восхищаться искусством кунг-фу-цзе и во всех отношениях вести себя как китайский джентльмен. Он нашел существенное соответствие между образованной китайской религией и христианством — особенно в том, что убрал распятие с глаз долой - и добродушно санкционировал поклонение "Небесам", кунфу-цзе и культу предков. Образованный китаец, как мы знаем сегодня, является агностиком, и он пришел к выводу, что иезуит был почти таким же либеральным толкователем народных суеверий. Поэтому он приветствовал этих западных джентльменов, которые умели читать по звездам, делать причудливые часы, находили пушки, руководили армиями и рисовали картины лучше, чем местные ученые.

Иезуиты ранее помогали китайцам отразить татар, но в 1636 году произошло более грозное вторжение, и, на всякий случай, они разделили свои силы. Шалл присоединился к татарам в Пекине и прочитал по звездам, что они победят; некоторые из его коллег остались с династией, находящейся под угрозой, заявили, что звезды были на их стороне, и побудили некоторых членов королевской семьи принять крещение. Татары победили, противостоящие им иезуиты были отозваны, и Шалль вошел в доверие к новому императору. Он стал мандарином первого класса и президентом имперского математического трибунала. Он был одет в великолепные шелка, и его паланкин, который несли двенадцать слуг, сопровождала сильная телохранительница с обычными китайскими символами; кроме того, — если верить миссионерскому Салу, что кажется разумным, — в его прекрасном дворце жили две очаровательные китайские леди, а со временем и двое детей. Но десять лет спустя император умер, началось преследование, и отец Шалл прискорбно скончался в тюрьме в 1666 году. Все иезуиты — всего девятнадцать человек — были заключены в тюрьму, а их 151 церковь была закрыта или разрушена.

В 1669 году молодой император Кан Хи, сын завоевателя татар, достиг совершеннолетия и освободил иезуитов. Отец Вербест занял место отца Шалла, и поскольку его военные заслуги позволили императору подавить восстание, он получил разрешение вызвать новых "математиков" с запада. Франция теперь была великой расширяющейся державой в Европе, и новая сфера деятельности с ее перспективой монополии на торговлю была обеспечена Людовику XIV. Шесть ученых французских иезуитов прибыли сюда в 1688 году, и с того времени и до конца столетия их могущество и богатство росли. Как художники, астрологи или механики, священники стали незаменимыми при дворе, а братья-миряне привнесли западные навыки в медицину и хирургию. Один из них получил золота на 200 000 франков за лечение императора. Они также импортировали часы, вино и другие западные товары, и от простого одобрения перешли к активному участию в великой китайской индустрии получения прибыли, которая затем была сурово осуждена их Церковью. Конкурирующие католические миссионеры сообщали, что три иезуитских дома в Пекине зарабатывали ростовщичеством 80 000 франков в год; хотя иезуиты возражали, что они взымали не более двадцати четырех процентов. Отец Жербийон теперь был главой математического трибунала и дипломатическим агентом по делам России. Отец Мартини был военным экспертом и, как мандарин первого ранга, изображал дракона на своем прекрасном шелковом одеянии.

У этих преуспевающих иезуитов была одна очень серьезная заноза в боку. Доминиканские, францисканские и другие миссионеры последовали за ними в страну и выражали самое искреннее отвращение к их порядку. Их высокомерие, их не священнические занятия, а также их торговля и ростовщичество были достаточно плохими, но они даже не проповедовали Евангелие. Они отвергали доктрину Искупления, не помазывали умирающих женщин (из уважения к китайской деликатности) и разрешали своим новообращенным участвовать в обрядах старой китайской религии. Доминиканцы и францисканцы нарушили их прибыльную политику, выставив распятие перед глазами изумленных китайцев, и начались ожесточенные споры. Монахи обратились к Риму, и в 1645 году Пропганда осудила уступки иезуитов. Иезуиты проигнорировали осуждение на том основании, что оно было вынесено на основе ложной информации, и отправили Mandarin Martini в Рим. Мартини беззастенчиво утверждал, что разрешенные ими обряды носили чисто гражданский характер, и он смог вернуться с разрешением на их практику. Но доминиканцы послали нового посланника в Рим, а тем временем ужасный янсенист Арно узнал факты и выставил иезуитов на посмешище всей Европе.

Теперь вся машина интриг в Риме была приведена в движение, и в 1684 году три епископа, принадлежавшие к конкурирующей французской конгрегации иностранных миссий, были отправлены провести расследование. Когда иезуиты сочли невозможным убедить этих уполномоченных в том, что древние китайцы получили знание об истинном Боге от детей Ноя, что культ предков был эквивалентен службам в честь душ в чистилище и так далее, они безжалостно использовали свое влияние при дворе против них и миссионеров. Однако со временем до Рима дошло неблагоприятное сообщение, и началось серьезное расследование. Десять иезуитов при китайском дворе написали, что сам император одобрил их интерпретацию китайских доктрин и обрядов, но, хотя новый папа Климент XI был благосклонен к Обществу, а Пер Лашез увеличил влияние Франции, свидетельства других миссионеров были слишком очевидны, чтобы их игнорировать. Опытный миссионер и способный молодой прелат, монсеньор (впоследствии кардинал) де Турнон, был направлен в 1703 году для изучения практики иезуитов в Индии и Китае.

Полное приключений путешествие монсеньора де Турнона, патриарха Антиохийского, составило бы интересный том. Вскоре мы увидим, каковы были обычаи иезуитов в Индии, и не удивимся, что он сразу же осудил их. С этого момента и до самой смерти с разбитым сердцем, шесть лет спустя, в христианской тюрьме, ему мешали и мучили интриги иезуитов. Он прибыл в Кантон весной 1705 года, и ему сообщили, что император отказался его видеть. Положение иезуитов при дворе было таково, что даже ребенок не мог не распознать их руководства в этом решении, и разразился большой скандал. Прошло двенадцать месяцев, прежде чем легату разрешили засвидетельствовать почтение папы императору, и, поскольку он вежливо настаивал на том, что иезуиты ложно представляют Церковь, его изгнали из страны и передали на попечение португальских властей, которые контролировались иезуитами. Добравшись до Макао, этот папский легат обнаружил, что вице-король Индии, архиепископ Гоа и епископ Макао запретили ему осуществлять свои полномочия в любой стране под португальским флагом. Когда он справедливо ответил отлучением от церкви епископа и генерал-капитана Макао — и папа признал честность его поведения, сделав его кардиналом в том же году (1707), — португальские власти заключили его в тюрьму. Он умер в тюрьме три года спустя, в возрасте сорока двух лет. Единственными священниками на востоке, которых он чувствовал себя вынужденным порицать, были иезуиты, и в письмах самого де Турнона и священников из его

свиты (один из которых был заключен в иезуитский дом) решительно приписываются все бесчинства, которым они подверглись, иезуитам, которые перехватывали их переписку, чтобы скрыть факты от папства. Некоторые из этих священников даже утверждают, что упрямый кардинал в конце концов был убит ядом.

Поскольку мы знаем, что иезуиты имели огромное влияние в Пекине, Макао и Гоа и могли легко добиться надлежащего обращения с представителем папы Римского, мы вынуждены верить этим свидетелям. Заявление Кретино-Жоли о том, что "они не осмелились вмешаться в конфликт между императором и легатом", немногим менее чем легкомысленно. Они руководили всем разбирательством - как обычно, через других. Заверение Де Турнона о том, что, когда священника пытали, чтобы он дал показания против него в Пекине, два иезуита подслушивали за занавеской, вполне согласуется с их обычаями; примерно в то же время в Парагвае, когда вооруженные ученики Общества подверглись жестокому нападению на епископа, два иезуита, спрятавшись за деревьями, направляли их. Мы увидим, что каждый прелат в любой части мира, который намеревается разоблачить злодеяния иезуитов, испытывает те же оскорбления, что и несчастный кардинал де Турнон.

Иезуиты как в Индии, так и в Китае игнорировали приказы официального представителя папы Римского и цеплялись за свои прибыльные миссии. В 1706 году они убедили императора запретить любому миссионеру нападать на китайские обряды, и, поскольку ожесточенные споры продолжались, а изгнание наиболее активных прелатов оказалось безрезультатным, они добились указа, изгоняющего всех миссионеров, которые следовали указаниям покойного легата. Однако теперь этот скандал был известен всему христианскому миру, и 25 сентября 1710 года Климент XI торжественно осудил их практику. Они снова усомнились, заметив, что некоторые из их практик конкретно не осуждались, и 19 марта 1715 года была издана новая папская булла (*Ex illa die*), предписывающая, что все миссионеры должны принести клятву отказаться от запрещенных практик. Император осудил буллу и заключил в тюрьму прелата, который сообщил о ней иезуитам, а Ватикан направил в Китай третьего представителя. Несмотря на определенные уступки (впоследствии осужденные папством), монсеньор Меццабарба добился немногим большего успеха, чем его предшественники, и иезуиты продолжали придерживаться своих компромиссов и искушать папство радужными обещаниями успеха. По их словам, там было девять членов королевской семьи и сотни влиятельных китайцев, готовых принять христианство по мере того, как они его излагали. Иннокентий XIII, теперь полностью информированный Меццабарбой, сурово осудил их (1723), и мы знаем из частного письма историка-иезуита Кордары, что он готовил "зверский указ" против Общества, когда умер в 1724 году.

Как непосредственные преемники Иннокентия XIII. были открыты влиянию иезуитов, им было позволено сохранять свое положение и практику в азиатских миссиях до середины восемнадцатого века. Другими словами, эти религиозные деятели, которые были особенно обязаны повиноваться папе, бросали вызов папству в течение почти ста лет (с момента первого осуждения) и совершали всяческие надругательства над его представителями. Тем временем их великий покровитель Кан Хай умер (1722), и разъяренные китайцы начали разрушать конфликтующие миссии. Говорят, что тогда в Китае было несколько сотен тысяч христиан, хотя дальнейшее покажет, что они почти полностью принадлежали к беднейшим классам, завоеванным материальными услугами и готовым вернуться к даосизму при малейшем давлении. Новый император запретил христианство и изгнал всех миссионеров, за

исключением наиболее образованных иезуитов. В письме, написанном одним из этих иезуитов, дается отчет об их положении. Как инженеры, астрономы и дипломаты, они по—прежнему пользовались покровительством и вознаграждением китайского двора — он добавляет, что частично они оставались в интересах французской (и своей собственной) торговли, - но образованные китайцы презирали свою религию, и они были сведены к тайному служению быстро сокращающемуся числу бедных новообращенных.

Такая ситуация сохранялась до 1743 года, когда появился Бенедикт XIV. наконец-то восстановил достоинство папства и издал свою знаменитую буллу *Ex quo singulari*. Вторая и более резкая булла, сурово осуждающая их упорство, появилась в 1744 году, и теперь они были вынуждены безоговорочно подчиниться. С этого времени китайская миссия распалась. Что касается иезуитов, то они никогда не отличались религиозной основательностью. Несколько иезуитов, пытавшихся поддержать новообращенных в провинциях, были казнены, а придворные иезуиты были ограничены в своих занятиях гидротехникой, хирургией, филологией и астрологией. Они задержались в Пекине на целое поколение, самые странные фигуры во всей церковной вселенной, но китайцы не проявляли никаких признаков смягчения, и они умирали один за другим на своих необычных должностях. Их смерть положила конец волнующему, но бесплодному эпизоду первой попытки христианизации Китая.

Прежде чем мы обратимся к Индии, следующему важному центру христианства на дальнем Востоке, мы должны взглянуть на их судьбу во вспомогательных миссиях. В их письмах рассказывается, как они прибыли на Филиппинские острова в 1665 году и имели чудесный успех среди очень скромных, но в целом мирных туземцев; говорят, что один иезуит крестил 50 000 из них (по-видимому, в основном детей) за четыре года и основал восемь церквей и три колледжа. Один священник на восемь церквей и восемь церквей на 50 000 обращенных - вот истинная мера их успеха. Как правило, они довольствовались тем, что выливали крещенскую воду на головы всех, кого можно было побудить принять ее материальными благами или смутной верой в ее магические свойства, и отправляли раздутые статистические данные в Европу. Однако, несмотря на войны между местными жителями и периодические преследования, они создали процветающую миссию. Ее история запятнана коммерческой деятельностью и беспринципным поведением по отношению к остальному духовенству. Позже мы увидим, что у них были обширные поместья в Калифорнии и Мексике, и оттуда они вели большое и регулярное сообщение на своих собственных судах с Манилой. Архиепископ Манилы Пардо осудил эту торговлю и приказал им распределить стоимость своего имущества среди бедных. Его постигла обычная участь прелатов, которые вмешивались в деятельность Общества. Был ли губернатор Филиппин подкуплен или просто уговорен отцами церкви, нам не нужно пытаться определять; но его офицеры схватили архиепископа ночью и депортировали его на соседний остров. Тридцатью годами ранее предшественник Пардо, архиепископ Герреро, подвергся такому же безобразию.

В китайской провинции Кочинхин, Тонг Кинге и Сиаме история иезуитов во многом такая же, как и в Китае, и ее не нужно рассказывать подробно. Отец де Родс, миссионер раннего и пылкого типа, проникает в Китайскую провинцию Кочин в 1640 году и, несмотря на сопротивление и преследования, за несколько лет обращает 40 000 "новообращенных" и строит семьдесят "церквей". Современный миссионерский опыт в Азии позволяет нам проверить эти абсурдные утверждения. Отец де Родс был схвачен и изгнан, а следующая группа миссионеров приняла политику Китая. Они убедили короля считать их великими математиками и искусными

инженерами и распространили мягкую форму христианства, как в Китае. Это привело к аналогичному, но еще более ожесточенному конфликту с миссионерами, не являющимися иезуитами. Когда прибыла папская булла *Ex illa die*, осуждающая их практику, они беззаботно заметили, что она пришла из Амстердама, а не из Рима, и проигнорировали ее. Происходили очень ожесточенные ссоры с французскими священниками-иезуитами, которых они называли "янсенистами"; и эти священники обвиняли их в самом отвратительном пороке и бесчинстве. Мы увидим, что обвинение в распутном образе жизни должно быть принято; но травили ли они враждебных священников и приказывали ли раздевать до пояса и пороть непокорных туземных женщин - это вопросы, которые должны оставаться открытыми. Историк-профан, естественно, испытывает замешательство, когда две группы священников категорически обвиняют друг друга во лжи, а одна группа определенно лжет.

Наконец Ватикан направил епископа для расследования ситуации в китайской провинции Кочин, и мы, возможно, вправе прислушаться к отчету этого беспристрастного папского легата. Он обнаружил большую моральную и теологическую распущенность среди иезуитов. У одного отца, пользующегося высокой властью, в течение двадцати лет была наложница, и он брал ее с собой, когда навещал больных; и было много пьянства и насилия по отношению к их противникам. Папские агенты были подкуплены, чтобы поддержать их, а языческих чиновников было легко убедить восхищаться более добродушными методами иезуитов и поддерживать их. Легат официально запретил им заниматься ростовщичеством, продавать туземцам ничего не стоящие лекарства по непомерным ценам, одеваться в яркий пурпур и перевязывать свои ниспадающие локоны цветными лентами и так далее. Его указ проливает свет на практику иезуитов среди местных жителей. Стоит отметить один любопытный случай в его отчетах. Францисканский монах, немощный шестидесятилетний старик, в угоду иезуитам основал церковь наперекор церкви французских миссионеров. Легат приказал ему удалиться, и вскоре монах пришел сказать, что он не может удалиться, поскольку капитан Стражи Королевских собак (молодой иезуит- "математик") назначил его Опекуном и прислал ему несколько собак, потому что воздух в его округе благоприятен для собак. Одним словом, иезуиты использовали все свое влияние при дворе, чтобы помешать легату и преследовать его, и вскоре после этого он умер в печали.

В 1630 году Сиам принял двух иезуитов. Они прибыли в качестве посланников губернатора Филиппин и настолько очаровали короля, что их пригласили остаться. Когда испанские суда последовали за ними, сиамцы возмутились; но ссора была улажена, и в 1685 году шестеро выучились "математике" у великого короля Людовика XIV. прибыл при великолепном параде и внушительном военном эскорте к сиамскому двору. Теперь иезуиты повсюду были дипломатическими агентами для расширения французской торговли, если не французской территории, и работе в Сиаме способствовал французский авантюрист по имени Фолкон, завоевавший доверие короля. Король попросил прислать еще "математиков", и четырнадцать иезуитов охотно откликнулись. Но вместе с ними (в 1687 году) прибыли французская эскадра и несколько полков, которые приступили к занятию и укреплению позиций в Бангкоке и Мергуе. Король вскоре обнаружил, что у ученых математиков, министра Фалкона и французских полков было тесное и тайное взаимопонимание, и эта замечательная попытка распространить Евангелие преждевременно прекратилась. Фалкон потерял голову, а математики были изгнаны.

В предыдущей главе мы видели, как иезуиты применили свои гибкие принципы к обращению Индии, первоначальной и центральной области деятельности азиатских миссий. Мы видели,

что после отправки в Европу самых впечатляющих деятелей крещения в течение столетия они объявили, что работа была глубоко неудовлетворительной, и необходимо принять какой-то новый план охвата образованных индусов. Итак, отец де Нобили оделся как индуистский священник самой священной касты, перенял все эмблемы и обычаи этой касты и на протяжении всей жизни вел себя таким образом, что другие члены секты саниасси не могли обнаружить, что он христианин. Отец Бритто, отец Беши и другие иезуиты сменили его в этой фантастической роли. Рим был торжественно заверен, как и из Китая, что обряды и эмблемы саниасси (которые пропитаны индуистской мифологией) были "чисто гражданскими" по своей природе; местных прелатов (которые часто были бывшими иезуитами) и официальных лиц Ватикана подкупили или убедили одобрить эту выдумку; и более века иезуиты разрешали ряду членов Общества надевать священные одежды и практиковать обряды саниасси.

Мелодраматический настрой, который иезуитский дух воспитывал в членах Общества, сыграл немалую роль в этом необычном развитии их миссионерского предприятия. Рассматриваемый с точки зрения цели, которую они преследовали, чтобы оправдать это, следует признать это провалом. Очень немногие индуисты из высших каст были обращены, и даже эти немногие, как правило, принимали лишь довольно выхолощенную версию христианства. Некоторым иезуитам-саниасси удалось добиться значительного авторитета. Они разъезжали на прекрасных лошадях, их носили в паланкинах, в то время как туземцы охлаждали их веерами из павлиньих перьев, и производили большое впечатление на невежественных туземцев. Один из них, Беши, настолько пленил местного князя, что тот стал его первым министром и разъезжал по стране в сопровождении тридцати всадников и местного отряда. Однако эти успехи среди образованных индусов были достигнуты только благодаря сокрытию отличительных элементов христианской веры и намеку на то, что просвещенные священники в самом Риме (в отличие от обычных миссионеров) придерживались того же либерального взгляда на символ веры.

Новообращенные по-прежнему находились в основном среди беднейших классов и парий, чья бедность делала их более восприимчивыми к миссионерскому влиянию. Мы можем с подозрением отнестись к огромным цифрам произведенных ими обращений, которые отдельные иезуиты отправляли в Европу, — один из апостольских викариев в Индии прямо называет их "ложью", — но сотни тысяч местных жителей были в какой-то мере собраны в лоно христианства. Иногда нас просят восхититься устранением кастовых барьеров, которое повлекло бы за собой это включение в общее лоно, но иезуиты полностью уважали кастовые барьеры. Некоторые из их числа заслуживают высокой похвалы за то, что стали париями среди парий, — одеваются в их рваную одежду и едят их мерзкую пищу, — но иезуит из высшей касты даже не взглянул бы на своего коллегу-парию, если бы встретил его на дороге. Он не хотел входить в хижину парии; умирающего парию нужно было вынести под дерево, чтобы получить от него помощь, и, если он был слишком болен, чтобы его можно было вынести, он умирал без причастий. Париям не разрешалось входить в церковь; их загоняли в ограду рядом с ней, чтобы они слушали мессу, и таинства часто совершались для них через окно.

Это были не единственные претензии к иезуитам со стороны других миссионеров, которые не могли сообщить о десятках тысяч обращенных в христианство. В равной степени было доказано, что они придавали мало значения доктрине искупления, как в Китае, и делали весьма существенные уступки язычеству. Они опустили те части церемонии крещения, которые не нравились индусам (использование слюны и дыхания новообращенного): они не давали обращенным имен святых и советовали им называть себя не христианами, а (в знакомой

индуистской фразе) "последователями истинного Бога": они женились на простых детях задолго до наступления половой зрелости, и они разрешали замужней девушке носить *талию* согласно языческому обычаю: [29] они благословляли и раздавали пепел коровьего навоза, который был использован для приготовления пищи. местные жители почитали: они разрешали своим новообращенным носить, а иногда носили и сами, эмблемы Вишну. Похоже, что в некоторых местах они не ставили креста над алтарем.

Эти экстраординарные уступки — они широко известны как "малабарские обряды", поскольку иезуиты обосновались главным образом в Малабаре, — подверглись яростной критике со стороны других миссионеров и были доведены до сведения Рима. Как мы видели, в 1703 году для расследования этой ссоры был послан монсеньор де Турнон, который осудил наиболее вопиющую практику иезуитов. Когда легат отправился в Китай, иезуиты и местные прелаты (либо иезуиты, либо друзья иезуитов) полностью проигнорировали его приказы, и вражда продолжилась. Следует иметь в виду, что иезуиты теперь пользовались огромным влиянием как при португальском, так и при французском дворе, и чиновники, естественно, преклонялись перед их богатством и властью. В течение значительного времени они получали от королей Португалии огромные субсидии на свою миссионерскую деятельность, и их коммерция и внимание к подаркам и наследствам увеличили это богатство. Управляющий Французской Ост-Индской компанией в Пондишери рассказывает нам, что иезуиты в Индии превзошли английских и португальских купцов и уступили голландцам лишь в торговой деятельности. В его время в бухгалтерских книгах его компании на имя иезуита (отца Тахара) числился долг в размере 450 000 *ливров*. Их богатство было очень велико, и они без колебаний использовали его для поддержания своего положения, а также для привлечения новообращенных.

Но малабарские обряды, китайские обряды и брахманы-иезуиты теперь, как мы видели, были бичом в руках критиков Общества в Европе, и папство было вынуждено подавить их. Как мы уже неоднократно убеждались, репутация иезуитов за широкую проницательность и государственную мудрость, в отличие от проницательности и способности к интригам, лишена оснований. Римские власти-иезуиты могли разрушить систему за год, но они поддерживали ее в течение ста лет и со слепым упрямством позволили нанести на Общество несмываемое пятно и были ответственны за внезапный крах своих миссий. Когда Бенедикт XIV. смело и безапелляционно осудил их, там был грозным реакцию среди их преобразует, и сотни прихожан стремительно исчез. Их апологет хочет заставить нас поверить, что они подчинились в 1741 году (за год до первой буллы Бенедикта), но что "расстояние и трудности общения задержали прибытие их писем в Рим". Игнорируя глупое замечание о трудностях общения, мы можем заметить, что 1741 год был спустя семнадцать лет после их официального осуждения представителем папы Римского Климентом XII. он осудил их в 1734 и 1739 годах, а они проигнорировали его указы; и это до сих пор было далеко от того, чтобы подчиниться в 1741 году Бенедикту XIV. он счел их непокорными его булле 1742 года и был вынужден издать другую в 1744 году. Они подчинились в 1745 году, и структура, которую они воздвигли двумястами годами преданности и притворства, быстро пришла в упадок.

Миссии в других частях Азии не имели большого успеха. Цейлон был захвачен двумя отцами в 1616 году, но когда они были казнены в 1627 и 1628 годах, миссия, похоже, была заброшена. Интересно обнаружить, что они даже вошли в почти неприступную столицу Тибета. Двое из их наиболее преданных и суровых миссионеров пешком пересекли долину Кашмир и унылые горы и достигли Лхасы. Экспедиция не принесла результата и не повторялась. В ближней Азии эта

работа также была лишь умеренно успешной. Вооруженные дипломатическими документами французского двора, вместо распятия, которым они иногда хвастаются как своим единственным оружием, они вступили во владения турок и спорили с греками, несторианами, армянами и другими христианами о непогрешимости папы римского. Они основали резиденции в Фессалониках, Смирне, Требезоне, Дамаске и т. Д. И продвинулись к берегам Евфрата. В 1682 году два иезуита, великолепно экипированных и нагруженных подарками, обратились к персидскому шаху в качестве посланников Людовика XIV и получили разрешение проповедовать христианское Евангелие. По их словам, за четверть века они крестили 200 000 местных жителей. Затем персидский правитель враждебно посмотрел на растущее тело, и оно растаяло быстрее, чем выросло. Эпоха Людовика XIV. закончилась, французская мечта об экспансии была отложена в сторону, и поток французских денег прекратился.

В 1677 году была предпринята новая попытка побудить коптов Египта признать власть папы римского. Был взят на вооружение ставший уже привычным прием произвести впечатление на монарха демонстрацией учености и искусства и надеяться на то, что удастся коварно посеять христианское семя в его владениях. За двадцать лет кропотливого труда ученые-миссионеры многое добавили к скудным географическим и археологическим знаниям Европы, но их тайная религиозная миссия провалилась. Абиссиния также по-прежнему сопротивлялась их усилиям. Они обратили императора, и он был убит в гражданской войне за попытку навязать своему народу новую веру; они заручились благосклонностью его преемника, и иезуит, наконец, получил настоящее достоинство патриарха Абиссинии. Угроза гражданской войны побудила императора ограничить их деятельность, и, когда было обнаружено, что они внушают своим новообращенным мятежные чувства, они снова были изгнаны и — за исключением случайных замаскированных вторжений — их работа была полностью уничтожена. Можно добавить, что некоторые из наиболее героических иезуитов проникли в Конго и пытались добраться до чернокожих в Тетуане, Анголе и на побережье Гвинеи. Другие последовали за неграми в Америку; и благородный и самоотверженный труд отца Питера Клавера в течение сорока лет (1615-1654) должен быть поставлен на чашу весов против их общей деморализации.

Теперь мы обратимся к знаменитым миссиям Южной Америки и должны попытаться получить беспристрастную оценку их работы, особенно среди уроженцев Парагвая. Ранее я описывал образцовые деревни, или "сокращения", которые составляют центральный интерес иезуитских миссий в Америке. С начала семнадцатого века отцы решили, что они не будут сотрудничать с испанцами из южноамериканских городов. Для этого был замечательный мотив, и мы увидели, что дух, который воодушевлял первых миссионеров в этом регионе, был превосходным. Они уходили парами или поодиночке, без оружия, в обширные леса и вдоль великих рек в поисках новообращенных. Туземцы сначала бежали перед ними. Испанец был для них человеком с превосходным оружием, который стремился только поработить туземцев и разбогатеть их трудом. Поначалу именно с целью устранения этого естественного предрассудка иезуиты отделились от колонистов и добились от короля заявления о том, что принявшие крещение туземцы никогда не должны попадать в рабство. Позже они добились для них освобождения от военной или иной службы и от любого вида местных налогов. Эти вещи сразу же возмутили большую часть испанских колонистов и привлекли к миссиям менее диких туземцев. Поэтому в следующий раз они добились разрешения на колонизацию независимо от мирян и в 1610 году основали первую редукцию. Они отправляли обученных туземцев обратно в леса с топорами, ножами, зеркалами и другими заманчивыми подарками, а сами отцы раз за разом смело проникали в них, так что к 1630 году у них было около 100 000 сокращенных туземцев. Затем в

течение нескольких лет их колонии были опустошены враждебным племенем; но иезуиты получили от испанского короля разрешение вооружать своих учеников, сформировали армию из нескольких тысяч обученных и хорошо оснащенных солдат и с лихвой восстановили свои позиции. Со временем у них сократилось 300 000 туземцев.

В ходе этих сокращений работникам не было произведено никаких выплат. Потрудившись показать, что они были не очень продуктивными, апологет иезуитов вынужден заявить, что отцы церкви "не считали уместным внушать христианам идеи алчности": замечательное чувство, если бы Общество само не присвоило излишнее богатство общин. Не более убедительно напоминать и о естественной лени туземцев. Они не были ленивы в сокращениях. За лень налагались публичные и суровые епитимьи, а часы работы, сна, игр и молитв были строго установлены. Еженедельно раздавались грубые хижины, легкая одежда и достаточное количество дешевой еды; фестивали были частыми и оживлялись игрой на флейте, песнями или танцами; мораль контролировалась настолько строго, что за туземцами наблюдали даже ночью. Не кажется справедливым сравнивать их с рабами или предполагать, что до тех пор, пока они вели себя хорошо, с ними почти не обращались. То, что они были далеко не так цивилизованны, как описывают розовые письма иезуитов, вскоре станет очевидным, но 300 000 туземцев были принуждены вести регулярный и дисциплинированный образ жизни. Абсурдно говорить об "идеальных республиках", когда рабочие жили в жалких хижинах, не имели корпоративной собственности или власти, работали весь день на хозяев, которые не отчитывались ни перед ними, ни перед кем-либо другим, и могли, выйдя на марш, сразу же вернуться к дикости. Но они находились в гораздо более выгодном положении, чем порабощенные, озверевшие, пьяные от вина туземцы, попавшие в руки непрофессионалов-колонистов.

Противодействие сокращениям было в принципе экономическим. Испанские торговцы чувствовали, что им мешают эксплуатировать туземцев, и мы можем им сочувствовать, а можем и не сочувствовать, и горько упрекали иезуитов в потворстве коммерции. Когда были опубликованы "Назидательные письма", в которых описывалось, как иезуиты снова выходят из своих приятных сокращений, встречаясь с дикарями или зверями и змеями новых регионов с распятием в руках, люди насмешливо замечали, что новые сокращения увеличат доходы Общества. Иезуиты возразили, что контакт с испанцами означал бы болезни и порок среди их учеников, и они предпочли бы управлять деревнями — они, конечно, не признавались, что занимаются торговлей, — чем принимать европейских мирян. В том, что они получили большую прибыль от 300 000 скудно оплачиваемых рабочих, сомневаться невозможно, но как нам судить об искренности их заявления о том, что они сохранили контроль исключительно из религиозных и моральных побуждений?

Возможно, факты их отношений с епископами Парагвая позволят нам решить, считать ли их действия в других зарубежных миссиях недостаточными. Эти факты, конечно, оспариваются авторами-иезуитами, но авторитет слишком серьезен, чтобы мы могли игнорировать их на этот счет. Дом Бернардин де Карденас, францисканский монах, ставший епископом Парагвая, послал монаха Вильялона к испанскому двору и Ватикану с жалобой на иезуитов. Я излагаю факты так, как они приведены в "Мемориале Вильялона Филиппу Испанскому"; и те, кто думает, что они дискредитированы, потому что иезуиты отрицали более вопиющие обвинения, а испанский суд, управляемый иезуитами, отклонил их, вольны приписывать ложь епископу, а не иезуитам.

У двух предшественников Карденаса было много неприятностей с иезуитами, но в течение года или двух после своего посвящения он был с ними в очень дружеских отношениях. Они с самого начала не считали его посвящение недействительным, как говорит их апологет; эта мысль (впоследствии опровергнутая папством) пришла им в голову в ходе ссоры. В 1644 году Карденас объявил, что собирается посетить рим, который входил в его епархию, и иезуиты предложили ему 20 000 крон, чтобы он пропустил эту часть своего визита. Он отказался, и они обнаружили сомнения в действительности его посвящения. По настоянию Карденаса они распространили в газетах слух о том, что прибывают испанские священники, которые будут мешать женщинам, собрали отряд из восьмисот индейцев и двинулись к епископальному городу Успение. Губернатор, жестокий человек, ранее поссорился с епископом, и можно было бы предположить, что вряд ли требовалась взятка в размере 30 000 крон, чтобы заручиться его сотрудничеством. По крайней мере, совершенно точно известно, что во время путешествия епископ был схвачен губернатором во главе солдат-иезуитов, с ним жестоко обошлись и отправили в ссылку за 200 миль отсюда.

Карденас с большим трудом добрался до Ла-Платы, передал свое дело в высший трибунал королевской аудиенции и был удостоен своего престола. Однако недалеко от города он был снова арестован войсками иезуитов и отправлен обратно в свое жалкое изгнание. В 1647 году произошла смена губернатора, и он вернулся, к великой радости жителей города. Иезуиты, однако, заинтригованные его духовенством, позволили двум его каноникам основать конкурирующий капитул в своей резиденции и настроили против него нового губернатора. Он был осажден в своем соборе в течение четырнадцати дней; но компромисс был принят, и, когда губернатор умер два года спустя, граждане назначили самого Карденаса губернатором в соответствии со своим законным правом. Затем иезуиты создали соперника на пост губернатора, добились с помощью интриг и подкупа его признания властями Ла-Платы и предоставили в его распоряжение 4000 своих вооруженных индейцев под предводительством иезуитских лидеров. Оставляя за собой шлейф возмущения, который не согласуется с иезуитским описанием их учеников, эти войска бросились на вооруженных и разъяренных граждан. В последовавшей битве были убиты 385 индейцев и иезуит, но горожане были побеждены.

Тем временем иезуиты воспользовались исключительной привилегией, которую, по их утверждению, они получили от Пия V и Григория XIII. Они сказали, что в случае спора между ними и епископом они имеют право назначить судью (или *попечителя*), выбранного ими самими, для арбитражного разбирательства. Мы видели, как они пользовались этой привилегией на отдаленных Филиппинах, и встретимся с ней снова. Это было грубое и смехотворное заявление, поскольку иезуиты всегда заботились о выборе судьи, который вынес бы решение в их пользу; более того, папа Иннокентий X. впоследствии заявил (как мы увидим), что у них не было такого права. Они выбрали друга, коррумпированного члена одной из более слабых религиозных конгрегаций, и он отлучил епископа от церкви. Затем войска иезуитов схватили прелата и увезли его примерно на 200 лиг от города. Из своего изгнания он отправил отца Вилланона в Испанию, и, хотя монах был выслежен иезуитскими войсками, ему удалось добраться до Мадрида и сообщить об этом королю. Случилось так, что король всего за несколько лет до этого получил достоверную информацию о подобном бесчинстве в Мексике и вынес строгий выговор иезуитам, несмотря на группу придворных отцов. Однако, казалось, никаких перспектив на мир не было, и Карденаса перевели в другую епархию.

С 1650 по 1750 год провинция Парагвай процветала без особых перерывов. Войска, которые были обучены и оснащены во время различных сокращений, со временем превратились в армию из 15 000 прекрасно вооруженных людей, с боевыми инстинктами дикарей и лучшим оружием, которое могла предоставить Европа, так что ни необращенные племена, ни испанцы не могли напасть на них. Были предприняты героические усилия, хотя и с весьма умеренным успехом, по расширению зоны действия миссий. Общество никогда не испытывало недостатка в людях с самым бесстрашным и самоотверженным характером, и многие из них оставляли свои кости белеть в зараженных лесах или на знойных равнинах. Нужно быть прискорбно предубежденным, чтобы отказываться видеть героизм этих отважных апостолов; но не менее предубежденным было бы не признать, что, осознавали они это или нет, они были апостолами или пионерами обширной и прибыльной промышленной системы, в которой иезуиты были задействованы ненадлежащим образом. Раз за разом присылались королевские или церковные инквизиторы — ни один добровольный и серьезный инквизитор никогда не допускался — изучить сокращения и составить лестный отчет для испанского или римского двора. Я уже говорил, что сокращения были достойны восхищения по сравнению с жалким положением других туземцев, попавших в руки испанцев и португальцев; но то, что иезуиты занимались торговлей, что они эксплуатировали своих туземцев на благо общества и что они были готовы принять самые беспринципные меры для защиты своей монополии, является исторической банальностью.

В 1750 году Фердинанд VI в награду за военные услуги, которые их войска (всегда возглавляемые иезуитами) так часто оказывали его офицерам, освободил их от небольшого налога — взноса в пользу короны, — которому они подлежали, и, казалось, наступила эра большего процветания, чем когда-либо. Однако в том же году, как мы видели, Испания и Португалия пришли к соглашению, которое стало судьбоносным для Общества. Португалия уступила Сакраменто, место, имеющее большое стратегическое значение, Испании в обмен на часть Парагвая, на которую пришлось семь сокращений. Придворные иезуиты тщетно пытались разрушить это соглашение, и были посланы войска для захвата территории, переданной Португалии. Им противостояли силы численностью в 15 000 человек, собранные со всего иезуитского ордена, и завязалась кровопролитная битва. Фактически, только после длительной борьбы и привлечения превосходящих сил объединенная испано-португальская армия подавила восстание. Из чистой алчности иезуиты нанесли смертельный удар своему собственному процветанию.

Их апологет хотел бы заставить нас поверить, что отцы использовали все влияние, которым они обладали, чтобы обуздать туземцев и добиться их подчинения. На первый взгляд, такое утверждение является проявлением чистой наглости. Туземцы, особенно туземные войска, никогда не передвигались без указаний иезуитов, и эти войска, очевидно, были набраны контролерами провинции из всех различных сокращений. Переписка испанского и португальского командиров полностью изобличает иезуитов; и, как мы видели, португальские власти перехватили письма, в которых отец Рабаго приказывал местным иезуитам организовать сопротивление. Даже благочестивый испанский король был убежден, что они несут ответственность за восстание. Они могли сразиться с королем или папой, когда состояние или власть Общества были под угрозой. И из-за их нежелания пожертвовать семью сокращениями из пятидесяти, их судьба была предрешена. В течение десяти лет из Испании прибыл орден, приказавший выселить всех иезуитов из их домов и переправить их в Европу. Правительство действовало в этом случае хитро и скрытно и не оставило места для восстания; удрученные

миссионеры прибыли на родину только для того, чтобы узнать, что Общество было позорно запрещено во всех королевских владениях и что половина католической Европы требовала их уничтожения. [30]

Португальские отцы в Бразилии были менее предприимчивы, чем их испанские коллеги. В течение шестнадцатого века они распространились по берегам Амазонки и обратили в свою веру большое количество местных жителей. Когда голландцы захватили город Мараньон в 1641 году и поставили под угрозу их работу, иезуиты были очень активны в вдохновении успешного восстания против них, и король наградил их привилегиями для своих протекторов. В 1653 году отец Виейра, с которым мы познакомились в главе о Португалии, приехал в Бразилию, и работа пошла быстрее. Авторы-апологеты просят нас восхититься благородным поведением этого одаренного отца, отказавшегося от комфорта двора ради дымящихся лесов и грубых туземцев Бразилии; но мы видели, что соотечественники отца Виейры были больше причастны к его отъезду, чем какие-либо возвышенные чувства, которыми он, возможно, обладал. Он применил свой порывистый характер и большие способности к работе миссии, и она быстро продвинулась в организации и прибыльности, пока американо-португальский союз, в свою очередь, не отправил Виейру на новый этап его бурной карьеры. Сокращения, или колонии, в Бразилии не были организованы и контролировались так жестко, как в Парагвае. Изобилие почвы освобождало туземцев от кропотливого труда, но колонии были небесприбыльны, и, когда иезуиты получили от короля декларацию о том, что все туземцы в его американских владениях должны перейти под их контроль, плантаторы и торговцы перешли к ожесточенной вражде. Дважды они изгоняли иезуитов, и дважды суд, управляемый священниками, добивался их возвращения. Наконец Помбаль пришел к власти в Португалии, и, как мы видели, иезуиты были отозваны и выброшены на берега Папской области.

Вместо подробного изучения небольших колоний, которые тем временем были основаны в Чили, Перу и других частях Южной Америки, мы сразу перейдем к северу и завершим кратким описанием миссий в Мексике, Калифорнии и Канаде. Здесь наше внимание сразу привлекает знаменитое дело епископа Палафокса, и я чувствую себя вправе безоговорочно полагаться на два письма, в которых этот святой и ученый прелат излагал свои претензии папе Иннокентию X. Когда эти письма были опубликованы, через десять лет после их написания, иезуиты воскликнули, что они подделаны, и Кретино-Жоли очень нечестно намекает, что есть основания подозревать это. Мало того, что эти письма прямо упомянуты в указе Конгрегации обрядов (16 декабря 1660 г.), и мало того, что папа Иннокентий на основании их издал три судебных иска против иезуитов, но Арно показал во время первоначального спора, что сам Палафокс, предвидя маневры иезуитов, оставил генералу монахов-кармелитов письменное подтверждение своего авторства второго (и более смертоносного) письма. Кроме того, у нас есть ссылка на это письмо, запрещающее его распространение во имя мира, в указе испанской инквизиции от 5 февраля 1661 года. Сомневаться в подлинности писем легкомысленно, а характер автора неоспорим. Его добродетели принесли ему официальный титул "Достопочтенный" от Ватикана, и он мог бы получить более высокий титул, если бы не интриги иезуитов.

Палафокс был епископом Ангелополиса, и в этом качестве он пытался заставить иезуитов выплачивать его престолу справедливую десятину с унаследованного ими имущества. Они ответили оскорблениями, и затем он поинтересовался, по какому праву они проповедуют и слушают исповеди в его епархии. Они высокомерно хвастались своими особыми привилегиями

и отказались предъявить документы, поскольку у них была еще одна привилегия, освобождающая их от этого; утверждение, которое папа впоследствии объявил ложным. Палафокс сообщил верующим, что у них нет полномочий для этого служения. При этом иезуиты воспользовались еще одной из своих замечательных привилегий — правом назначать судей по спорам — и заплатили по 4000 крон каждому двум доминиканским монахам из Мехико, чтобы они приехали и выступили арбитрами. Вице-король также был подкуплен, и двух монахов провели в Ангелополис в сопровождении большого парада трубачей и стражи. Вскоре на углах улиц было вывешено объявление о том, что епископ Ангелополиса был низложен и отлучен от церкви за свое неподобающее поведение, а в июне 1647 года Палафокс бежал в холмы от растущего насилия. 31 Июля, в праздник св. Игнатий, карнавальная процессия, начавшаяся от дома иезуитов, пронесла по городу самые непристойные карикатуры на епископскую службу. Многие его сторонники были изгнаны, а отряды солдат и шпионов-иезуитов бродили по холмам в поисках жалкой хижины, где прятался Палафокс.

Все эти подробности представлены папе в письмах епископа, и, чтобы сделать их более понятными, приводится замечательный отчет о мирском процветании отцов церкви. Похоже, в них сосредоточена большая часть богатств Мексики. Двум из их колледжей принадлежит 300 000 овец, [31] помимо крупного рогатого скота и другого имущества. Они владеют шестью крупными сахарными заводами стоимостью от полумиллиона до миллиона крон каждый и получают ежегодную прибыль в размере 100 000 крон каждый, в то время как все остальные монахи и духовенство Мексики вместе владеют только тремя небольшими нефтеперерабатывающими заводами. У них огромные фермы, богатые серебряные рудники, большие магазины и мясные лавки, и они занимаются обширной торговлей. Тем не менее, они постоянно интригуют из—за наследства — недавно одна женщина оставила им 70 000 крон - и отказываются платить назначенную с них десятину. Пикантно добавить к этому авторитетному описанию, что конгрегации иезуитов в Риме все еще периодически запрещали отцам церкви заниматься коммерцией, а авторы-иезуиты по-прежнему серьезно утверждают, что Общество никогда не занималось коммерцией. Следует также добавить, что миссионеры все еще получали значительные субсидии от короля Испании, что в каждом из их заведений было (по словам епископа) всего пять или шесть иезуитов и что они руководили всего десятью колледжами.

Из своего убежища Палафокс отправил гонцов как в Рим, так и в Мадрид, и ответы, сурово осуждающие иезуитов, были немедленно отправлены как папой, так и королем. Папа Иннокентий назначил комиссию из кардиналов и епископов для рассмотрения апелляции Палафокса и встречной апелляции римских иезуитов. Они высказались в пользу епископа почти по каждому пункту, и папа опубликовал свое первое краткое изложение в этом смысле (14 мая 1648 года). 25 июня король сурово осудил их за назначение судьи и неповиновение епископу. Иезуиты притворились, что считают папский приказ не имеющим обязательной силы, поскольку он не был одобрен Королевским советом; странный отход от ультрамонтанских принципов. Короче говоря, королю пришлось повторить свое предупреждение, а папе римскому дважды повторить свои приказы, прежде чем они отказались от своих интриг в Мексике, Мадриде и Риме. Палафокс, однако, был приглашен в Испанию — в письмах короля о нем всегда говорится с величайшим уважением - и был сделан вывод, что в интересах мира он должен остаться на родине. Даже в могиле иезуиты преследовали святого епископа, яростно выступая против его канонизации, но его письма остаются ужасным обвинением в их поведении в миссиях.

В Калифорнии (или в восточной части Северной Америки) были другие поместья иезуитов и деревни, из которых велась прибыльная торговля с Манилой с помощью прекрасного фрегата, принадлежащего Обществу. На Антильских островах они хвастались официальной монополией "духовного управления" французских островов. Верно, что это дало им новую возможность для торговли и что они оказали большую политическую услугу французскому правительству в обмен на эту привилегию; но уместно добавить, что многие из отцов отличились самоотверженным трудом среди негритянских рабов. Их миссия в Мэриленде была разрушена ростом протестантизма, и остается только сказать несколько слов об их судьбе в Канаде.

Кочевые привычки индейцев и постоянно повторяющиеся военные действия помешали им добиться большого успеха в Канаде. В более спокойных районах у реки Святого Лаврентия и озер им удалось основать несколько своих сельскохозяйственных колоний, но их работа была тяжелой, опасной и, как правило, не приносила прибыли, и даже престиж французского правительства, для которого они действовали как политические агенты, не позволил им обратить в свою веру очень большую часть индейцев. Более того, как бы мы ни восхищались преданностью и выносливостью, которые многие из них проявили в стремлении завоевать на свою сторону свирепые и кочующие племена, коммерческое рвение неизгладимо портит их работу. Когда они впервые получили разрешение на въезд в Канаду от Генриха IV, их надолго задержали во Франции, потому что они отказались прийти к соглашению о торговле с мирянами-колонистами, а их первые миссионеры были схвачены англичанами в попытке пересечь моря без этого соглашения. Восемьдесят лет спустя, когда был заключен мир с грозными ирокезами, которые так часто мешали их работе, представитель индейцев настаивал на том, что они не допустят иезуитов, поскольку отцы искали только своих бобров и своих женщин. С другой стороны, никто не ставит под сомнение огромную политическую услугу, которую они оказали своему правительству, подчинив индейцев французской власти и настроив их против англичан. Их история, пока Англия не захватила Канаду в 1759 году, а сама Франция не отреклась от них несколько лет спустя, была историей индивидуальной преданности, омраченной корпоративной занятостью коммерцией и политикой.

Теперь мы рассмотрели обширное поле миссионерской деятельности иезуитов в семнадцатом и восемнадцатом веках и можем оценить эффект, который произведет, когда через несколько лет голос папы Римского призовет их навсегда отказаться от своих черных одежд и своего гордого имени. Было бы лицемерием сказать, что мы не можем в нескольких словах резюмировать впечатления, полученные в результате этого опроса. Давайте прежде всего признаем, что тысячи отцов проявили героическое рвение в выполнении работы, возложенной на них Обществом. Французы, испанцы, португальцы и итальянцы, часто благородного происхождения и выдающихся качеств, сталкивались с опасностями средневекового путешествия, преодолевали пешком многие лиги пустынных гор или смертоносных лесов и мужественно отдавали свои жизни от чумы или меча. Однако есть и другой аспект, который мы воспринимаем столь же ясно: другое качество, которое мы находим при шелковых дворах Китая, Сиаме или Персии, в блеске индийских или бразильских деревень, на равнинах Парагвая или Мексики и среди снегов Канады. Оно повсюду, оно идентично и ощутимо. Эти люди отступили от своих идеалов. Благодаря обширной и лицемерной системе торговли они накапливают богатство и власть, защищают их подлыми интригами и жестокими нападениями, притупляют свое моральное чувство в погоне за большим, предаются чувственности и возносятся до высокомерия. Пришло время преподать им суровый урок.

СНОСКИ:

[29] Эта *талиа* описывается другими миссионерами как грубое изображение, представляющее индуистское божество, эквивалентное латинскому Приапу. Она, безусловно, была мифологической и была подвешена на шнуре с очень явным мифологическим значением. Иезуиты сначала заявили, что это "гражданский обычай", а затем сказали, что "направление намерений" со стороны новообращенного делает его безвредным. Когда Рим оказал на них давление, они изобрели *талию* с крестом на одной стороне и эмблемой Пиллеара на другой.

[30] Трудно оценить величину сокращений в Парагвае. Робертсон в своих *Письмах о Парагвае* подсчитал, что средний индеец зарабатывал не менее ста долларов в год, а его еда, хижина и одежда не стоили пятидесяти. Он оценивает общую стоимость ста тысяч таких рабочих и имущества примерно в 5 641 200 фунтов стерлингов.

[31] В английском переводе книги Хоэнсбрука "*Четырнадцать лет иезуита*" эта цифра ошибочно указана как 30 000.

ГЛАВА XII

В ГЕРМАНСКИХ ЗЕМЛЯХ

Когда мы перейдем к описанию кульминации ранней истории иезуитов в виде торжественного и аргументированного осуждения Общества папством, мы отметим необычное обстоятельство восприятия этой новости в Европе. Католические монархи Франции, Испании, Португалии и Неаполя приветствуют этот акт, и миллионы южных католиков, находящихся под их контролем, практически не возражают против него. Католический император очень охотно соглашается на разрушение Общества, и иезуитам и их друзьям не удастся вызвать сколько-нибудь масштабное восстание в Австрии и соседних княжествах. Но протестантский король Пруссии и греко-католическая императрица России открывают двери своих владений беглецам из римских земель и протестуют против жестокого обращения с иезуитами. Двести лет иезуиты напрягали каждый нерв и каждый канон противоречивой порядочности в борьбе с ересью и расколом, и все же они тайно просят Фридриха Прусского объявить себя "защитником Общества", и они укрываются от враждебности католиков при дворе Екатерины Российской!

В соответствующий момент на это исключительное обстоятельство будет пролито много объяснительного света, но я предвосхищаю сам факт, потому что он предполагает общую точку зрения. Очевидно, что поведение иезуитов различалось в католических и протестантских странах, и мы с начала видели, что поведение иезуитов в немецких протестантских землях часто очень выгодно контрастировало с поведением иезуитов в католических странах. Они действительно проявляют свою необразованную зависть ко всем другим служащим папской армии, они ищут возможности для интриг и приобретения богатства, но присутствие большого количества протестантских наблюдателей оказывает свое влияние на их моральный и культурный уровень. Они приспосабливаются к окружающей среде, как мы обнаружили, они

это делают в Китае или Индии. Однако группа стран, о которых мы вынуждены говорить в этой главе, очень разнообразна по вероисповеданию, и мы рассмотрим выдающийся опыт иезуитов в каждой из них вплоть до периода подавления Общества.

Начиная со Скандинавии, мы должны сначала рассмотреть романтический эпизод обращения королевы Кристины. Дочь Густава Адольфа взошла на престол на шестом году жизни, в 1632 году, и была тщательно подготовлена к задаче правления. Ее врожденный характер, не в меньшей степени, чем мужская работа, которая предстояла ей, заставляли ее возмущаться любой склонностью к мягкотелости представителей ее пола, и она стала твердой наездницей, прилежной ученицей искусства и литературы, спутницей великих ученых и решительной старой девицей. В течение многих лет шведы гордились своей королевой амазонок, какой она любила себя представлять, и даже восхищались ее знанием южной культуры и языков (греческого, латыни, французского, итальянского, испанского). Она спала всего пять или шесть часов, в пять утра обсуждала философию с такими учеными, как Декарт (который провел месяц или два в Швеции), беседовала с послами на их родном языке, а затем могла десять часов охотиться в своем костюме амазонки. В целом она была романтической натурой, и иезуиты приблизились к ней.

Мы помним профессора Николаи, посла Поссевина и других иезуитов, которые пытались обратить в свою веру Швецию. Новый миссионер, отец Маседо из Португалии, был замаскирован под секретаря португальского посла Перейры. Возможно, Маседо отправился к Перейре просто в качестве исповедника, но вскоре он занял независимую позицию. Он нашел дорогу в кабинет королевы, произвел на нее впечатление своей ученостью и признался ей, что он переодетый иезуит. Кристина, в свою очередь, призналась, что у нее есть сомнения по поводу лютеранства, и она обсудит это с учеными отцами Общества. Маседо обнаружил, что здешний климат слишком суров для него, и, поскольку посол отказался предоставить ему отпуск, бежал в Рим; а два очень образованных иезуита, тоже переодетые, очень кружным путем добрались до Стокгольма. Два "торговца" вскоре обратили Кристину в свою веру, и после нескольких довольно сомнительных маневров, направленных на то, чтобы сохранить свои коллекции произведений искусства и доходы, она бежала, переодевшись мужчиной, в Брюссель, где блестящее собрание католиков приветствовало ее вступление в Церковь (1655).

Поскольку Кристина после своего обращения имела мало общего с иезуитами, а шведы быстро закрыли ворота от дальнейших вторжений католиков, мы могли бы оставить эту историю, но представляет определенный интерес рассмотреть, было ли "обращение" подлинным. Есть веские основания полагать, что Кристина устала от унылого севера и решила обеспечить свой доход, сменить кредо и провести остаток своих лет на солнечном и артистичном юге. Иезуиты должны были стать гарантами ее ортодоксальности перед Папой римским, на которых она должна была положиться, если разгневанные шведы прекратят поставки (что в конечном итоге и произошло). У нее не было глубоких религиозных чувств. Когда бельгийский иезуит заметил, что они еще могут увидеть ее среди святых, она ответила, что предпочла бы, чтобы ее поместили среди мудрецов; и говорят — хотя и с меньшим авторитетом, — что, когда ей сказали, что в день ее публичного приема в церкви Иннспрука будет комедия, она заметила, что это очень уместно "после утреннего фарса". Во всяком случае, те, кто знал ее, описывают ее как "почти распутницу в разговорах о религии и морали", и любовные ухаживания римских кардиналов не улучшили ее благочестия. После нескольких лет наслаждения свободой ее страстная натура столкнулась с

серьезными трудностями, и ее жизнь оказалась прискорбным провалом и пустой тратой способностей.

В королевстве Польском иезуиты нашли самый близкий по духу дом, который они когда-либо находили, если не считать южных латинских стран, к которым принадлежало большинство из них. Это не единственная и не самая серьезная параллель; Польша, подобно Португалии, Испании и Франции (после 1700 года), быстро пришла в упадок после того, как иезуиты достигли пика своего могущества в стране. Католические писатели во второй половине семнадцатого века обычно противопоставляли процветание государств, присоединившихся к Ватикану, провалу или застою государств, принявших Реформацию. Франция, Испания, Португалия и Австрия были великими мировыми державами, и при Собеском Польша обещала занять важное положение. Англия, с другой стороны, все еще была маленькой империей; Голландия теряла свое сиюминутное величие; Норвегия, Швеция и Дания считались полуварварскими; швейцарские кантоны были небольшим пасторальным народом; немецкие протестантские государства были истощены и растеряны. Этот аргумент подействовал на романиста со страшной силой. Католические государства все больше приходили в упадок или бросали вызов авторитету Папы римского; протестантские государства являются великими мировыми державами. Протестантские колонии в Америке стали великой цивилизацией; престиж католических колоний возрастает лишь по мере того, как (подобно Аргентине) они отказываются от своего вероучения.

Поэтому для авторов, пишущих об иезуитах, было вполне естественно подчеркивать тот факт, что страны, в которых они получили наибольший контроль, были наиболее подверженными упадку державами, и воображение инстинктивно вызывает картину некоего гиганта тропического леса, постепенно охваченного и убитого паразитической растительностью. Эту картину не следует воспринимать слишком легко. Искусство, например, часто процветало наиболее пышно, когда цивилизация начинала приходить в упадок, но это, конечно, не был паразитический рост, ускоряющий упадок. Вполне возможно, что иезуиты процветали *потому, что* нация приходила в упадок, а не потому, что нация приходила в упадок из-за их процветания. Проблема требует тщательного анализа и точных доказательств. Однако мы видели на примере Испании и Португалии, что на самом деле процветание Общества наносило этим государствам как экономический, так и политический ущерб — что иезуиты действительно направляли в свою собственную организацию богатство и власть, которые должны были способствовать благосостоянию государства, - и мы обнаружим ту же ситуацию в Польше и Австрии.

В Польше, как и в Австрии, иезуит того времени утверждал бы, что Общество оправдывало свое богатство и власть просветительской работой. Мы видели, как Общество захватило страну и с помощью интриг и насилия захватило функции высшего образования во время правления Батория. С этого момента Польша пришла в упадок с частичным возрождением при Собеском. В течение долгого и катастрофического правления Сигизмунда (1590-1632) упадок продолжался, и власть иезуитов сохранялась. Ясно одно: в стране ощущался острый недостаток мужественного и бескорыстного патриотизма, и учителя-иезуиты, безусловно, были не теми людьми, которые могли бы его внушить. Целью иезуитского образования было продвижение интересов Церкви, а не государства, и их влиянию, в частности, были

обусловлены религиозные распри и принуждение протестантских меньшинств, которые отвлекали королевство, навлекали на него враждебность соседей-протестантов и способствовали эгоистичным интригам за власть. Правление Владислава (1632-48) имело те же черты, и они стали более заметными, чем когда-либо, когда на трон взошел иезуит, брат покойного короля, Иоанн Казимир. Теперь едва ли нашелся бы богатый дом, школа или лагерь, в которых не было бы своих иезуитов. Дело религии активно продвигалось, но дело страны падало все ниже и ниже, и ее катастрофическое и растерянное состояние вынудило монарха-иезуита отречься от престола через четыре года.

Деятельность иезуитов очень хорошо прослеживается при избрании следующего короля. Поляки были слишком демократичны, чтобы признавать наследственный принцип; они избирали своего монарха, и теперь каждые выборы были поводом для сбора кандидатов из разных частей Европы и массы подкупов и интриг. Ройш опубликовал в своей *книге о жизни* (стр. 231) частное письмо иезуита, отца Бодлера, в котором показано, что иезуиты более половины Европы интригуют, чтобы обеспечить на выборах 1669 года человека, который соответствовал бы их интересам. Отец Бодлер, духовник одного из кандидатов, герцога Нойбургского, пишет о тайной кампании отцу Вайхелину из Мюнхена. Английскому члену Общества герцог конфиденциально поручил расшифровать сложное частное письмо. Поскольку в этом письме (от принца Ауэрсперга) едко отмечается, что иезуиты разделяют свои силы на выборах, так что некоторые из них наверняка окажутся на стороне победителя (как мы это часто видели), английский иезуит немедленно сообщает об этом своим немецким коллегам и даже переводит на латынь для генерала. Генерала, похоже, следует держать в курсе всех этих маневров — пока он поучает Европу декретами против потворства политике или коммерции, — и отец Бодлер чувствует, что его обвинят, "если дело обернется менее благоприятно для общества". Подобные документы, обычно обнаруживаемые в домах иезуитов после подавления Общества, очень существенно отличаются от опубликованных трудов иезуитов.

В этом случае не были избраны ни герцог Лотарингский, ни герцог Нойбургский, для которых иезуиты работали в явном противоречии друг с другом, но с тайным пониманием. Поляк Михаил Вишневецкий взошел на трон, и польские иезуиты удержали свою власть среди разлагающейся нации. За ним последовал великий Собеский, при котором Общество имело больше политического влияния, чем когда-либо. Будь то в лагере или при дворе, Собеский был окружен иезуитами, и некоторые из наиболее важных и катастрофических пунктов его политики были вдохновлены ими. Именно его духовник, отец Вота, побудил его отклонить предложение Франции о союзе и принять предложение Австрии; и мы знаем позорную неблагодарность Австрии, когда Собеский спас Вену в 1683 году, и с какой жадностью она взяла свою долю Польши, когда страна ослабла настолько, что ее можно было расчленить. Поляки устали от дорогостоящей славы Собеского, его деспотического правления и пагубной ортодоксальности, и последние годы его жизни были омрачены чувством неудачи.

Фридрих Август Саксонский сменил Собеского. Он получил право на трон, развратив половину парламента и отрекшись от протестантской веры, и, хотя от природы отличался терпимостью, был вынужден позволить иезуитам и другому духовенству продолжать ослаблять страну религиозными преследованиями. Отцу Воте было поручено заботиться о его покладистой совести, и он пришел к выводу, что представилась отличная возможность для насаждения католической нетерпимости в Саксонии, куда Фридрих Август был на время вынужден удалиться. Апологет иезуитов рассказывает, что сам Фридрих Август хотел принудить

протестантов, и что Вота благоразумно удержал его. Это была бы замечательная ситуация — распущенный и беспринципный монарх, принявший католическую веру только в обмен на корону, удерживаемый духовником Собеского от преследования своих протестантских подданных, — но мы знаем, что на самом деле именно саксонским министрам пришлось сдерживать иезуита. Август III, ортодоксальный сладострастник и никчемный монарх, вззошел на трон Польши; иезуиты продолжали процветать, а страна приходит в упадок. Мы увидим, как, когда его беспомощный каркас будет разорван алчными соседями, иезуиты все еще полностью владеют своим богатством и властью и первыми склоняются перед русским захватчиком и завоевывают его благосклонность. Однако есть один случай из польской жизни XVIII века, на котором необходимо остановиться более подробно. У нас есть подробный отчет об этом отвратительном событии [32] и это проливает неприятный свет на деятельность иезуитов в Польше.

Летом 1724 года протестант из Торна отказался приподнять шляпу, когда проходила католическая процессия, и на него напал ученик иезуитского колледжа. Протестантские власти арестовали католика за нападение, и произошел бунт, в ходе которого иезуитский колледж был взят штурмом и разрушен. Теперь была задействована королевская власть, и мэр, вице-мэр и девять других граждан Торна предстали перед Высоким судом Варшавы за неспособность предотвратить разрушение колледжа. Иезуиту было разрешено в присутствии судей произнести яростную подстрекательскую проповедь об этом безобразии, и несчастные были приговорены к смерти. К приговору был добавлен особый пункт: он не должен быть приведен в исполнение до тех пор, пока иезуит и шесть представителей польской знати не поклянутся в виновности обвиняемого. Мы знаем из их собственных слов, что судьи надеялись таким образом спасти обвиняемых от мести иезуитов. Они убедили папского нунция надавить на настоятеля иезуитов, чтобы он не посылал одного из своих подданных приносить присягу, и, когда иезуит все же явился в назначенное время, чтобы поклясться лишить жизни невинных людей, они указали, что священник не может канонически предпринимать никаких действий, которые привели бы к казни. Иезуиты спокойно ответили, что они послали для принесения присяги "коадьютора-мирянина" вместо священника. Это правда, что, как только они решили судьбу этих людей, они обратились с мольбой о пощаде, но мы знакомы с этой лицемерной фразой из анналов инквизиции. Более того, позже они попытались смягчить вину за свое поведение, лживо заявив, что письмо нунция прибыло слишком поздно для рассмотрения: наглая неправда, поскольку у нас есть ответ иезуитов нунцию, и мы знаем, что судьи напомнили им о вмешательстве нунция перед принесением присяги.

До конца этого жалкого дела их поведение было отвратительным. Муниципалитет Торна, разумеется, был вынужден выплатить Обществу компенсацию за разрушение колледжа, и они добились абсурдной премии в 36 400 флоринов. Горожане горячо протестовали против этой скандальной и обременительной награды, и в конце концов она была, несмотря на протесты иезуитов, снижена до 22 000 флоринов. Иезуиты, как нас уверяют всякий раз, когда они заявляют о банкротстве, слишком духовны, чтобы быть хорошими дельцами, но их отношение к потере их собственности в Торне не было ослаблено духовностью. Они потребовали (и, без сомнения, нуждались) 8000 флоринов наличными. У муниципальных властей не было такой уж большой суммы, чтобы заплатить им, и она была выдана торговцем под залог пластинки казенного мэра города. На оставшуюся часть долга иезуиты отобрали муниципальные поместья Лонцин и Венгожин. Они удерживали эти доходные поместья в течение шести лет и

уступили их только после того, как гражданские власти выплатили им весь долговой капитал с 6 процентами. проценты за последующие годы.

Мы видели, что положение иезуитов в Голландии было во многих отношениях похоже на их положение в Англии, но тот факт, что несколько провинций оставались римско-католическими, давал им преимущество и сохранял страну открытой для них. Утрехт, например, присоединился к другим провинциям только при условии предоставления полной свободы католикам и иезуитам. Из этих католических округов отцы церкви с большим рвением наступали на соседнее протестантское население. Несмотря на ненависть иезуитов к голландцам, которых они на протяжении всего семнадцатого века представляли как заклятых врагов, к ним относились снисходительно, пока их собственные действия не навлекли на них наказание. Мы видели, что, по крайней мере, было достаточно доказательств, чтобы убедить голландцев в причастности иезуитов к двум попыткам покушения на их правителей, и когда в 1638 году был раскрыт католический заговор с целью впустить испанцев, поднялась новая буря против иезуитов. Их апологет признает, что существовал заговор и что они знали о нем; но он не находит никаких доказательств того, что они были участниками заговора. Доказательства, на которые опирались голландцы, были предоставлены солдатом и сами по себе не очень впечатляют; но несколько отцов были подвергнуты пыткам и казнены. Складывалось впечатление, что любой заговор с целью внедрения испанцев, весьма вероятно, имел бы иезуитское происхождение, и доказательств было достаточно в данных обстоятельствах. Мало кто всерьез будет считать, что произошла судебная ошибка.

Отмена Нантского эдикта в 1685 году, который отправил множество преследуемых гугенотов в Англию и Голландию, сильно озлобила голландцев и привела к новой вспышке гнева против иезуитов. В то время у них было сорок пять резиденций и семьдесят четыре священника в Голландии, но их процветающая миссия была почти разрушена волной гнева, прокатившейся по стране. Они были тяжело ранены, толпы протестантов угрожали их собственности, и ходили слухи, что Генеральные штаты вот-вот изгонят их. Сегодня интересно сравнить красноречивые призывы к терпимости, с которыми они обращались к голландцам, с частными письмами, в которых они уведомляли своих французских коллег о том, что их нетерпимость навлекла на них это бедствие.

Буря прошла без очень серьезных последствий, но прошло совсем немного времени, прежде чем поведение иезуитов снова поставило под угрозу их миссию. Мы уже видели, что с того момента, как Ватикан назначил епископа контролировать священников-миссионеров в Голландии, иезуиты вели против него чрезвычайно эгоистичный крестовый поход. Они поддерживали это противодействие на протяжении всего периода, с которым мы имеем дело. Неркассель, архиепископ Утрехта и апостольский викарий, пожаловался Риму на их поведение в 1669 году, и они ответили знакомым обвинением в янсенизме. Неркассель был вызван в Рим, но Иннокентий XI. был на папском престоле, и иезуиты проиграли. Они не ослабляли своего сопротивления, и когда Питер Кодде сменил Ниркасселя в 1686 году (иезуитам после напряженных усилий не удалось назначить друга Общества), вражда становилась все более и более невыносимой. В 1702 году они убедили Ватикан сместить его и заменить более близким по духу прелатом по имени Кок. Кодде был дружен с Арнольдом, который нашел убежище в Нидерландах, и недобросовестно использовал свое влияние в Риме при Клименте XI. добился его низложения. Однако они не смогли убедить папские власти заключить Кодде,

принадлежавшего к хорошей голландской семье, в тюрьмы инквизиции, и, когда он вернулся в свою страну, правительство возбудило его дело против иезуитов.

Ситуация, к которой они привели Церковь в Голландии, была плачевной. Капитулы Утрехта и Харлема отказались признать Кока архиепископом, и верующие были в замешательстве. В течение многих лет иезуиты насмехались над разногласиями среди протестантов. Эти разногласия были, по крайней мере, основаны на соображениях веры, и протестанты могли резко возразить, что их духовенство, принадлежащее к какой-либо одной конфессии, никогда не разделялось на резко враждебные группировки по простому вопросу корпоративных интересов. Когда возобновил свое служение, и иезуиты при содействии дружественного нунция в Брюсселе поддержали Кока против него. При аналогичных обстоятельствах королева Елизавета оказала помощь английскому светскому духовенству в борьбе с иезуитами, и голландское правительство решило сделать то же самое. Кок был изгнан, а четверо ведущих иезуитов были вызваны в Генеральные штаты (1705 г.) и им было приказано использовать свое влияние в Риме для реабилитации Кодде или же покинуть страну. Голландцы улыбнулись, когда иезуиты возразили, что их слабое влияние не повлияет на Ватикан, и, когда из Рима пришел отрицательный ответ, они были объявлены вне закона. Они избежали приговора, но в 1708 году были изгнаны со всей Голландии, за исключением привилегированной провинции Утрехт. Однако, когда негодование голландцев остыло, они прокрались обратно в страну и тайно служили своим последователям. Даже после столь тяжелого опыта они продолжали умалывать заслуги своих напряженных и опасных трудов, проявляя упорную враждебность к соперничающему духовенству и злоупотребляя им.

В Бельгии, которая теперь была преимущественно католической и только перешла из-под контроля католической Испании под контроль католической Австрии, иезуиты процветали вплоть до момента подавления Общества. Последние остатки протестантизма были раздавлены пятой испанских солдат или изгнаны в Голландию, и провинция представляла собой прекрасное поле для спокойной работы. Единственный примечательный эпизод заключается в том, что в своем стремлении возвыситься над другим духовенством иезуиты настаивали на том, чтобы Рим применил к Бельгии знаменитое испытание верой, которое было разработано для "янсенистов" Франции. У Арно было много поклонников в Бельгии, и особенно Лувенский университет был сильно возмущен перспективой быть вынужденным заявить, что в малоизвестной работе епископа Янсена есть пять положений, которых там не было. Архиепископ Малинский и нунций были побеждены иезуитами, но Иннокентий XII. не решался распространить эту жалкую борьбу на мирную бельгийскую церковь. Нунций намеренно скрывал от папы информацию до тех пор, пока иезуиты не предприняли еще одну попытку добиться своего, но в 1694 году папа настоял на том, чтобы приставать только к священникам, которые, как было установлено, придерживаются пяти рассматриваемых положений. Как обычно, иезуитам не удалось найти никого, кто придерживался бы известных положений, и дело было закрыто.

История иезуитов в государствах, которые сейчас образуют Германскую империю, и в Австрии еще не написана систематически, и материал представляет собой большую и неперевавленную массу хвалебных эпизодов и резких обвинений. [33] В Австрии, или Священной Римской империи, как ее тогда называли, мы могли бы с некоторой преемственностью следить за судьбами Общества, но это мало что добавило бы в отношении характера иезуитов к тому, что мы собрали из отчетов Франции, Испании и Португалии. Центральным и наиболее важным

фактом является продолжающееся влияние исповедников-иезуитов при дворе. Среди интересных рукописей, которые были изъяты во время подавления Общества, был документ, датируемый времен генерала Аквавивы, дающий королевским исповедникам секретные инструкции относительно их обязанностей; [34] открыто, конечно, правилом иезуитов было отказываться от таких должностей, насколько это возможно, и ограничиваться чисто духовными вопросами, если должность была принята. Эти инструкции делают духовника шпионом не только за монархом, но и за его министрами и гражданскими чиновниками, и предписывают ему получать информацию даже о частной жизни своих главных подданных. Мы знаем из других конфискованных рукописей, которые были опубликованы (особенно Деллингером и Роушем), что эта информация регулярно отправлялась в Рим, и что на каждом важном этапе исповедник, который обычно просил монарха дать время посоветоваться с Богом и своей совестью, отправлял тайного гонца в Рим (или консультировался с другими иезуитами) и действовал в соответствии с политикой Общества.

В этом смысле иезуиты в значительной степени контролировали политику Австрии в семнадцатом и восемнадцатом веках. Отец Ламормейни, духовник Фердинанда II, вдохновил указ о восстановлении церковной собственности в 1629 году, как мы видели, и впоследствии передал лучшую ее часть иезуитам; которым ничего нельзя было "вернуть", поскольку они не владели ничем из этой собственности. В следующем году Ламормейни практически принял решение об увольнении Валленштейна. Не было ни одного важного вопроса, по которому император не консультировался бы с ним, и опубликованные документы показывают, что были времена, когда иезуит, действуя по указаниям из Рима, советовал политику, которая принесла бы пользу Франции, а не Австрии; например, в 1635 году он пытался (тщетно) убедить императора уступить Эльзас Франции. У нас есть большое количество писем императора к Ламормейни, и они показывают, что иезуит был практически первым министром, как в светских, так и в духовных вопросах. Другие иезуиты были привязаны к принцам и знати, и естественным результатом стало значительное увеличение власти и богатства Общества. В очередной раз пресечение деятельности ордена и конфискация его документов подтвердили подозрения историков. Й. Фридрих (*Бейтпраге*) опубликовал некоторые из конфискованных документов, в том числе заявление, составленное в 1729 году прокурором провинции Верхняя Германия отцом Бисселем. Из этого следует, что Немецкая провинция Общества передала (под высокие проценты) 262 208 гульденов католической власти для целей Тридцатилетней войны, а иезуитский колледж в Льеже - 200 000 гульденов. Казначей-иезуит добавляет замечание о том, что эти займы должны храниться в строгом секрете, поскольку разглашение "может привести к разорению наших учреждений".

Смерть Фердинанда II в 1637 году не изменила положения иезуитов. Ferdinand III. они тщательно обучили его, и он всегда был готов поставить под угрозу благополучие своей империи и нарушить покой своих подданных, продвигая замыслы иезуитов в протестантских провинциях, как мы сейчас увидим. Леопольд I, унаследовавший престол в 1657 году, был еще более ревностным учеником иезуитов и был предназначен для принятия священства. Одним словом, мы можем сказать, что иезуиты сохраняли свое богатство и власть до тех пор, пока, к их великому гневу и разочарованию, император Иосиф II. беззаботно присоединился к другим католическим монархам в кампании по подавлению Общества, и даже Мария Терезия отказалась ходатайствовать за них перед папством. В то время одна только их собственность стоила более 2 000 000 фунтов стерлингов, но правительство обнаружило, что они предвосхитили роспуск, вложив крупные суммы за границу. Поэтому невозможно оценить их

реальное богатство, но когда мы добавляем к доходам от их обширных поместий жалование королевским и знатым духовникам, плату за мессы и духовные упражнения, вознаграждение университетских и других преподавателей, а также очень щедрый и постоянный приток подарков и наследства, мы понимаем, что австрийские иезуиты не могли быть намного менее богатыми, чем французские и испанские.

Можно предположить, что мы должны относиться к этому богатству снисходительно, несмотря на иезуитский обет бедности, из-за огромных образовательных услуг, которые Общество оказало Империи. Однако их школьная система подвергалась резкой критике со стороны австрийских писателей, и даже на пике их могущества австрийские государственные деятели смело и успешно нападали на нее. В мемориале, адресованном императрице Марии Терезии в 1757 году, настаивалось на том, что все университеты пришли в упадок с тех пор, как они были захвачены иезуитами. Два года спустя (сентябрь 1759 г.) императрица вынудила их уступить другим преподавателям кафедры логики, этики, метафизики и истории, а также несколько кафедр теологии, которые они занимали в Венском университете. Историк университета Кинк полностью подтверждает это утверждение о том, что он пришел в упадок под контролем иезуитов. Действительно, ученый священник-оратор отец Тейнер, префект архивов Ватикана, показывает в своей *Истории понтификата Клементя XIV*, что другими способами иезуиты нанесли серьезный вред культуре католической Германии. Их эгоистичная решимость монополизировать преподавание и литературу разрушила интеллектуальную жизнь иезуитского духовенства, и мало кто смог прийти им на смену, когда Общество было упразднено. Позже мы увидим, что, когда Фридрих Великий аннексировал Силезию, где образование контролировали немецкие иезуиты, он пренебрежительно посоветовал им послать во Францию за более способными учителями.

Также необходимо отметить, что большое количество скандалов произошло среди австрийских и немецких иезуитов, особенно среди учителей. Тема неприятная, но сторонники иезуитизма настолько настаивают на чистоте своих записей, что ее нельзя полностью упускать из виду. Бывший директор Баварского государственного архива, доктор Карл Генрих фон Ланг, изучил документы иезуитов, находившихся под его опекой в Мюнхене, и обнаружил в письмах провинциала Верхней немецкой провинции генералу тревожное количество обвинений в противоестественных или иных пороках. В рассматриваемый им период (1650-1723) в провинции явно наблюдался необычайный уровень сексуальной коррупции, и, если мы обнаружим, что это тот случай, когда секретные документы Общества попали в наши руки, мы должны с серьезным подозрением отнестись к заявлениям иезуитских авторов в отношении провинций, о которых у нас нет аналогичной информации. [35]

Доктор фон Ланг также написал очерк истории иезуитов в Баварии (*Geschichte der Jesuiten in Baiern*, 1819), и мы имеем картину вырождения и процветания, как во многих других странах. В одной из первых глав мы видели непривлекательную историю их поселения в Баварии и принуждения протестантов. До и во время Тридцатилетней войны они были самыми яркими подстрекателями Максимилиана, и когда террор шведов утих, они вступили в период великого процветания в разоренной стране. Однако, когда Максимилиан умер в 1651 году, государственные деятели, которые знали, насколько глубоко они ответственны за опустошение Баварии, предприняли некоторую попытку остановить их продвижение. Членам конкурирующего религиозного ордена театинцев покровительствовала герцогиня Мария, и иезуиты провели просветительскую кампанию против театинцев, которые оказали яростное

сопротивление. Каждая организация обвиняла другую в том, что она творит чудеса в честь своих святых. Фон Ланг подсчитал, что вскоре после середины семнадцатого века 585 членов баварского отделения Общества имели постоянный доход в размере 185 950 флоринов. К этому, однако, мы должны добавить гонорары, жалованье, подарки и наследство. Доктор фон Ланг показывает, что между 1620 и 1700 годами Обществу были сделаны крупные пожертвования в размере 800 000 флоринов, часто по предложению его членов.

Последующее состояние иезуитов в Баварии невозможно оценить, поскольку более крупные взносы в их фонды были указаны только в строго секретных документах, которые никогда не видели света. Мы знаем, что в восемнадцатом веке Общество процветало как никогда. В 1727 году в Баварии и Тироле насчитывалось 875 иезуитов, и документы, конфискованные при подавлении, доказывали, что их богатство было огромным. Только их колледж в Ингольштадте владел сотнями ферм или рядом поместий стоимостью около 3 000 000 флоринов. Дюжина других колледжей также были богато наделены земельной собственностью. Однако по мере того, как шел XVIII век, враждебность к иезуитам возрастала. У протестантов никогда не было серьезных оснований жаловаться на споры иезуитов, и в Баварии мы находим, что они обвиняют иезуитов (вполне справедливо) в том, что они рекомендуют сыновьям родителей-протестантов *красть* "плохие книги" своих отцов и приносить их в колледж. Католики, с другой стороны, жаловались, что иезуиты не оказывали никаких материальных услуг, пропорциональных их огромному богатству, и по мере того, как из Португалии, Франции и Испании поступали сообщения о репрессиях, их противники становились смелее. Иезуиты настолько не ожидали, что их потревожат, что в 1770 году они создали отдельную баварскую провинцию с более чем 500 членами. Три года спустя они были секуляризованы и рассеяны из-за подавления Общества.

В протестантской Саксонии у иезуитов была иная задача. Мы уже видели, как они подстрекали Фридриха Августа, после того как он приобрел польскую корону, сменив веру, утвердить принцип религиозной нетерпимости в Саксонии. Наследник престола, однако, был протестантом и находился под контролем протестантов, и иезуиты должны были обеспечить, чтобы династия была католической. Это было не в интересах Саксонии, которая, будучи протестантским государством, могла бы занять лидирующее положение в Германии, тогда как, став католической, она оказалась бы в тени Австрии и Баварии. Король приставил к принцу иезуитов, и, когда его обращение оказалось трудным, его отправили путешествовать по Италии в компании двух иезуитов. Ему было всего лишь шестнадцать лет. Однако его отца заверили, что он может не только присвоить значительную часть церковного имущества, захваченного протестантами во время Реформации, но и предоставить в его распоряжение папские войска в случае необходимости, чтобы заставить замолчать протесты его протестантских подданных. В ноябре 1712 года мальчик был "обращен". Отец Салерно, самый активный из иезуитов, занятых этим важным делом, затем был отправлен в Вену, чтобы устроить брак с австрийской эрцгерцогиней, и, поскольку все дети от этого брака должны были быть католиками, наследование было обеспечено. Однако, как показывает нынешнее состояние Саксонии, иезуитам в данном случае не удалось навязать свое вероучение королевской властью. Отец Салерно был вознагражден — выражаясь языком иезуитов, "вынужден" принять вопреки своему желанию — кардинальскую шапку. Он был тринадцатым иезуитом, чья скромность была попорчена папством подобным образом с 1593 года, не говоря уже о нунциях, епископах и других прелатах.

Соппротивление Венгрии проникновению иезуитов было длительным и героическим. Протестантизм добился большого прогресса в Венгрии после Реформации, и императоры надеялись, что иезуиты искоренят его в той части страны, которая находилась под их контролем. Фердинанд II. особенно доверял их образовательному влиянию, но Фердинанд III. и Леопольд поддерживали иезуитов в активном преследовании еретиков. Доктор Кронес [36] тщательно изучил из рукописи *Ежегодных писем* Общества интриги, с помощью которых иезуиты стремились вернуть себе власть после Вестфальского мира. Население наполовину состояло из протестантов, и императоры не желали разжигать мятежных венгров слишком открытым использованием императорской власти. Самые усердные и тайные маневры были предприняты иезуитами, чтобы повлиять на выборы и обеспечить правовую основу в стране. Неудавшийся заговор 1666 года послужил их цели лучше. В условиях всеобщей мстительности австрийского триумфа самые решительные меры были приняты против протестантского духовенства. Более успешное восстание в 1675-1679 годах еще раз завоевало терпимость к протестантам и сдержало иезуитов, и они, похоже, продолжали эту разнообразную кампанию интриг, принуждения и неудач до упразднения Общества.

В католических кантонах Швейцарии мы, естественно, имеем ту же историю, что и в католических государствах: контроль над образованием, решимость отодвинуть в тень оставшуюся часть католического духовенства и скандальное и изматывающее материальное процветание. И здесь мы снова получили очень интересное представление о реальном состоянии общества, опубликовав секретные документы, которые были конфискованы при подавлении. Хроника иезуитского колледжа в Кольмаре с 1698 по 1750 год, к счастью, была обнаружена среди их бумаг и опубликована в 1872 году. [37] Это самая замечательная бухгалтерская книга или дневник деловых операций, демонстрирующий на каждой странице тот острый инстинкт коммерции и высокой прибыли, от которого иезуиты всегда так стремились отречься. Виноградники и поместья неуклонно переходят во владение колледжа, возмущенные родственники, лишённые наследства, ведут борьбу в судах или идут на компромисс, и самое живое удовлетворение выражается, когда с собственностью заключена какая-нибудь выгодная сделка или виноградные лозы оказались плодородными. Лютерану в 1727 году было, по словам тайного хрониста иезуитов, "достаточно просто" заплатить значительную арендную плату за заброшенный подвал, принадлежащий колледжу; в том же году душеприказчики благочестивой дамы не в состоянии выплатить иезуитам наследство наличными, и они берут товар, пригодный для продажи; в 1730 году три поля небольшой стоимости сдаются в аренду на условиях, которые наводят на мысль, что был обманут какой-то простой арендатор-католик. Вся история рассказывает о стремлении сохранить наследие, проницательности в выгодном обращении с имуществом, которое они наследуют или покупают, и несколько лицемерной готовности обращаться к государственным органам за бесплатными грантами, которые они предоставляют бедным людям или сообществам. Колледж Кольмара был деловым предприятием самого острого характера.

Этих отрывочных сведений о жизни иезуитов в германских странах достаточно, чтобы объяснить тот рост враждебности, который достигает кульминации в разрушении Общества. Существует резкий контраст между картиной, предложенной этими секретными документами иезуитов, и картиной, предложенной нам такими писателями, как Кретино-Жоли и отец Дюр. Конечно, мало кто был бы настолько наивен, чтобы не понимать, что авторы-иезуиты тщательно отбирают из своих "неопубликованных документов" случайные письма, которые какой-нибудь действительно религиозный иезуит пишет своим товарищам или начальству. Никто, кроме

совершенно предвзятого противника иезуитов, не мог бы вообразить, что всем членам какой-либо провинции Общества недостает моральной деликатности и глубокого религиозного чувства. В любую эпоху и в любом климате были иезуиты с высокими целями, большой искренностью и бескорыстной деятельностью во имя того, что они считали благом человека. В длинном календаре германских провинций таких было много. Но удачная случайность конфискации их документов во многих местах позволяет нам получить более полное и правдивое представление об организации, чем мы получаем из этого одностороннего восхищения ее более религиозными членами и ее общественными профессиями. Как единое целое Общество, как в Германии, так и во Франции, Испании, Португалии и в миссиях, было глубоко запятнано казуистикой, алчностью, стремлением к богатству и власти, коммерческой деятельностью, двуличием в политических вопросах и прискорбным отношением к конкурирующим священникам. Они поддерживали свою власть не столько за счет любви народа, сколько за счет с трудом завоеванной благосклонности князей и прелатов; и в тот момент, когда эти князья осознали свои недостатки, их кажущееся незыблемое процветание рухнуло с треском, к радости половины католической Европы. Нам остается только взглянуть на их судьбу в Италии до того года, когда папа, чьим отборным полком они якобы являлись, одобрил действия королей и упразднил Общество Иисуса "навсегда".

СНОСКИ:

[32] *"Дас Торнер Блутгерихт"* Якоби и другие документы.

[33] *"Книга об иисусе в землях немецкого цунге"*, которую публикуют немецкие иезуиты, не вышла за рамки первого периода.

[34] Опубликовано монахом-бенедиктинцем Дудиком в *Архиве истории Остеррайха*, том ii. стр. 234.

[35] Посмотрите, особенно, грязные подробности в книге доктора фон Ланга *"Джейкоби Морелли, S.J., amores"*, 1815.

[36] *Archiv für österreichische Geschichte*, Bd. 79, pp. 277-354; and Bd. 80, pp. 356-458.

[37] *Mémoires des R.R.P.P. Jésuites du Collège de Colmar*.

ГЛАВА XIII

ПОДАВЛЕНИЕ ОБЩЕСТВА

Удары, которые были нанесены иезуитам католическими монархами Португалии, Испании и Франции в XVIII веке, исторически незначительны по сравнению с подавлением Общества папством. Легко предположить причины поведения правителей, скрывающие злодеяния иезуитов. Это был не Людовик XV. безнравственный и беспринципный правитель, и разве либерализм не проник во все слои высшего французского общества? Разве Иосиф I Португальский не был беспринципным сластолюбцем, нерешительным учеником министра, который мог опуститься до подлога? Разве Карл Испанский не был введен в заблуждение

скептически настроенным министром в сговоре с Помбалем и Шуазелем? Разве они не вынудили неаполитанского короля последовать их примеру и завоевать расположение австрийского императора с перспективой присвоения огромных богатств Общества? Так звучат оправдания; и добавляется, что эти объединенные монархи в конце концов оказали такое давление на папу, избрание которого они обеспечили, что исключительно ради мира, не обвиняя иезуитов, он неохотно подписал знаменитый указ об упразднении.

Мы видели, что эта версия разрушения Общества, в том что касается католических монархов, может иметь некоторую остроумность на страницах апологетов, но не может быть без абсурда выдвинута в качестве истории. Определенные, серьезные и непоправимые претензии к иезуитам были предъявлены в каждой стране, в которой они были подавлены. Теперь мы должны увидеть, что последняя часть апологетической версии в равной степени не соответствует действительности. Неправда, что Власти добились избрания Климента XIV; неправда, что он поклялся уничтожить Общество; и неправда, что он уничтожил его ради мира, не высказав по существу выдвинутых против него обвинений. Скорее всего, мы обнаружим, что действие Климента XIV. естественным завершением отношения лучших пап к Обществу было то, что он представлял его как таковое и что, осуждая Общество, он собрал все серьезные обвинения, которые выдвигались против него, и подтвердил их папской властью.

Общее состояние общества в Италии до середины XVIII века не заслуживает подробного изучения. Один ничем не примечательный генерал сменил другого на номинальном верховном посту, но политика Общества, по крайней мере со времен Аквививы, диктовалась помощниками и более способными людьми в Риме. Общество Иисуса - это аристократия, а не автократия. Обвинение в деспотизме не является несправедливым, если мы не забудем, как часто этот деспотизм сдерживался мятежными "подданными", но это деспотизм немногих, чьи решения публикуются Генералом. Случай, произошедший в конце семнадцатого века, проиллюстрирует это.

К тому времени, как мы видели, *Письма* Паскаля привлекли презрительные взгляды Европы к учению иезуитов-казуистов. Не имеет большого значения, что наиболее слабых из этих моралистов было всего несколько среди бесчисленных теологов Общества, потому что почти все иезуиты учили, что в случае моральной дилеммы человек может действовать, руководствуясь мнением одного казуиста, вопреки мнению остальных. Это правда, что они добавили, что один богослов должен обладать "серьезным авторитетом", но, принимая во внимание цензуру и одобрение Общества в каждом конкретном случае, любой богослов-иезуит будет рассматриваться поклонниками Общества как серьезный авторитет. Этот знаменитый принцип вероятности — теория о том, что в вопросах моральной вины можно придерживаться "вероятного" мнения в противовес "более вероятным" мнениям, — который был принят и почти апроприирован иезуитами, вызвал большой скандал из-за распущенности некоторых из их выдающихся казуистов, и в конце концов ряд отцов церкви выступили против него и попытались снять клеймо с Общества.

Самым известным из этих реформаторов был отец Тирсус Гонсалес де Санталла, способный профессор университета Саламанки. Примерно в 1670 году он написал на латыни трактат "О правильном использовании вероятных мнений" и отправил его в Рим для изучения и утверждения. Власти отказались санкционировать публикацию, но в 1676 году Иннокентий XI, неодобительно относившийся к распущенности иезуитских казуистов, услышал о

забракованной рукописи и послал за ней. Затем через инквизицию папа римский (в 1680 году) убедил Гонсалеса опубликовать книгу и передал генералу Оливе указ о том, что ни одному отцу не должно быть запрещено преподавать вероятностный подход и что, напротив, никому не должно быть позволено защищать вероятностный подход. Генерал Олива составил циркуляр, воплощающий приказы папы, который ему было приказано передать своим подданным, почтительно представил его кардиналам инквизиции, а затем — подавилего. Олива умер в 1681 году, его преемник, отец де Нуайель, умер в 1686 году, а сам Гонсалес был отправлен в Рим для участия в выборах 1687 года. Папа приветствовал его и намекнул, что он должен быть возведен в сан полководца, чтобы спасти Общество от "пропасти", в которую оно погружается. Несмотря на яростное сопротивление вероятностников, он был избран незначительным большинством голосов и в 1691 году отправил в печать свой латинский трактат.

Помощники или советники генерала теперь заявляли о своей власти. Они пригрозили своему генералу, что, если он не откажется от работы, они предупредят глав всех провинций Общества об опасности, которую он навлечет на них. Отец Гонсалес предложил опустить его имя с титульного листа и вырезать особенно неприятный раздел работы, но они наотрез отказались от компромисса. Он опубликовал, и они донесли на своего генерала папе римскому за издание богословского труда без разрешения папы. Теперь в обществе разгорелись настолько ожесточенные споры, что папа приостановил продажу книги и в 1693 году передал дело трехгодичной Конгрегации прокураторов-иезуитов. Лихорадочная интрига и ряд горячих памфлетов из-под пера опытных иезуитов подготовили путь для Конгрегации, и, когда она собралась, она проголосовала за созыв внеочередной Генеральной Конгрегации. Многие из них угрожали свергнуть Гонсалеса. Папа, однако, объявил их голосование недействительным, и книга была опубликована; но его "подданные", которых многие считают трупами в руках деспотического генерала, преследовали Гонсалеса до самой его смерти. [38]

В этот период интересы итальянских иезуитов почти ограничивались Римом. Теперь они были настолько богаты и могущественны по всей Италии, что держали в узде противостоящие элементы, и мы находим лишь несколько интересных эпизодов, которые спасли их прежнюю карьеру от однообразия. В 1656 году они добились разрешения вернуться в Венецию, последний оплот их врагов. Приходящей в упадок торговле Венеции теперь серьезно угрожали турки, и иезуиты без колебаний раздували рвение турок. К середине семнадцатого века Венеция оказалась в тяжелом положении и была вынуждена обратиться за помощью. Говорят, что иезуиты выплатили изрядную сумму обнищавшей республике; это, по крайней мере, правда, и в принципе то же самое, что папа обещал помощь при условии, что перед иезуитами будут открыты двери. Страшные клятвы никогда больше не принимать их были неохотно отменены, и вскоре отцы восстановили свое былое процветание. Хотя против них постоянно обрушивались потоки полезной критики, особенно в Риме, они процветали по всей Италии так же, как в Испании и Португалии. Не проходило и года, чтобы какой-нибудь умирающий дворянин не завещал им дворец или загородный дом, или какой-нибудь маленький городок не приглашал их основать колледж; а когда чума, землетрясение или голод опустошали страну и к ним возвращалось героическое настроение, на них обрушивался дождь благословений и благодеяний.

За рассматриваемый нами период их постигло только одно серьезное бедствие. Ближе к концу семнадцатого века произошла жестокая ссора между королем Обеих Сицилий и папой Римским; это всегда было одной из самых болезненных дилемм для общества. Король

претендовал на высокий духовный авторитет, и епископы, поддерживаемые папством, наложили интердикт на обширные территории Сицилии. Гражданская власть ответила указом об изгнании духовенства, подчинившегося папе, и часть иезуитов понесла этот приговор. Позже, когда Виктор Амадео получил остров и пообещал примирительное поведение, иезуиты вновь открыли свои церкви; но из Рима им было приказано закрыть их, и они снова были изгнаны. Затем Испания возобновила контроль над Сицилией и восстановила их.

В 1705 году Гонсалес умер, и ему наследовал ученый Тамбурины. В то время скандал с концессиями иезуитов в Индии и Китае был добавлен в литературе их противников к скандалам американских миссий, и папство было вынуждено действовать. В 1710 и 1715 годах Климент XI. строго осудил их практику, и римским иезуитам ничего не оставалось, как неточно представить, что их миссионеры подчинились. Следующий папа, Иннокентий XIII, обнаружил, что это неправда, и снова сурово осудил их; но за ним последовали несколько покладистых понтификов, и Общество продолжало вести свой нерегулярный образ жизни во всех частях земного шара. В назидательных высказываниях со стороны римских властей недостатка не было. Тамбурины умер в 1730 году, и на Собрании, последовавшем за одним из декретов, было строго предписано, что отцы Общества должны во всех частях света избегать "даже видимости торговли" и воздерживаться от насилия при нападении на своих оппонентов. Никто лучше этих правителей Общества не знал промышленную и коммерческую систему, которой в то время повсеместно придерживались отцы церкви, и приемы, с помощью которых они заставляли замолчать своих критиков; и все же не было предпринято никаких усилий для обеспечения соблюдения указа.

Бенедикт XIV. вззошел на папский престол в 1740 году и на время положил конец интригам Общества при римских дворах. Его буллы 1742 и 1744 годов, сурово осуждавшие их непокорное поведение в Индии и Китае, нанесли тяжелый удар по двум их наиболее прибыльным миссиям; но их американские миссии были завуалированы оптимистическими заверениями Франции, Испании и Португалии; и, когда Лоуренс Риччи стал генералом Общества в 1758 году, оснований для серьезного беспокойства было мало. Действительно, Бенедикт XIV. умер в том же году, и дружественный папа Климент XIII, итальянский дворянин с примирительным характером, получил тиару. К тому времени (согласно списку, опубликованному в 1750 году) в Обществе насчитывалось 22 589 членов, из которых 11 293 были священниками. Они были распределены по 669 колледжам и 945 менее важным резиденциям; необычно и характерно для Общества то, что на 22 000 членов приходилось всего 24 "дома исповедующих", и что половина этих членов не были священниками.

Одно облачко затянуло горизонт, когда Лоуренс Риччи стал генералом; но даже самый робкий и унылый наблюдатель не осмелился бы предположить, что ему суждено было стать последним преемником Игнатия. К удовлетворению испанского и португальского судов было доказано, что иезуиты вдохновили восстание в Парагвае, и Помбаль начал свою кампанию против Общества. Восшествие на престол Климента XIII. в июле иезуиты успокоились, но в сентябре того же года пришло известие о попытке покушения на короля Португалии, и несколько месяцев спустя ряд ведущих португальских иезуитов оказались в тюрьме. С этого момента судьба отцов была предрешена в Португалии, и их усилия были в основном направлены на ограничение распространения инфекции. Климента поощряли сопротивляться португальцам, а испанский

двор был вынужден рассматривать Помбаля как клеветника. Однако во Франции недавно произошло знаменитое дело Лавалетта, и поднялась очень зловещая волна негодования против иезуитов. Теперь было известно, что Шуазель был связан с Помбалем враждебными отношениями к Обществу.

Риччи, флорентийский дворянин по происхождению, человек спокойного и утонченного вкуса, не был идеальным правителем для того периода, но по мере того, как сгущались тучи, он бросал всю свою энергию в борьбу. До конца 1759 года он должен был позаботиться о тысячах португальских иезуитов, которых Помбаль цинично высадил на берегах Италии. В следующем году французские суды начали обязывать Общество выплатить долги Лавалетта, а в 1761 году парижский парламент осудил Общество и начал репрессивную работу. В пылкой полемике, охватившей теперь все католические страны Европы, обсуждался и рекламировался каждый сомнительный эпизод в истории Общества и, вероятно, многое из того, что было добавлено к историческим фактам. Мириады брошюр разжигали чувства людей, и впервые со времен первых лет правления Игнатия иезуиты съежились перед бурей клеветы. В 1764 году Людовик XV. подписал указ об упразднении Общества во Франции, и к 1767 году итальянские провинции снова были наводнены толпами беглецов.

Карл III. правительство Испании до сих пор решительно сопротивлялось доводам Помбаля, но весной 1766 года мадридские иезуиты навлекли на себя подозрение в том, что они вдохновили восстание против королевской власти, и Риччи доложили, что монарх был мрачен и неприступен. По мере того как шел год (и, как мы теперь знаем, Аранда завершил свое дело против ордена), от испанского двора поступали все более мрачные сообщения, и в первые дни апреля 1767 года с побережья пришли новости о том, что 6000 испанских иезуитов оказались бездомными в водах. Принимая во внимание колонии, к настоящему времени Общество было разрушено в гораздо большей части христианского мира, и огромное количество его собственности было конфисковано. Более того, теперь было известно, что французы, испанцы и португальцы настаивали на том, чтобы папа упразднил Общество; и, по крайней мере, с середины 1767 года перспектива этого ужасного события обсуждалась во всем духовном мире Рима.

Перед концом 1767 года работы начались на итальянской земле. Карл III. перешедший из Неаполя на трон Испании, он оставил это королевство на попечение либерального министра Тануччи под властью своего сына Фердинанда IV. Неаполитанцам потребовалось небольшое давление. 3 ноября 1767 года дома иезуитов были окружены, бумаги изъяты, а отцы церкви изгнаны из Южной Италии. Несколько месяцев спустя настала очередь Пармы, а в апреле отцы были изгнаны с Мальты, поскольку великий магистр был феодалом неаполитанского короля. Исходила ли эта идея от иезуитов или нет, мы не можем сказать, но папа пришел к выводу, что в случае с Пармой он может нанести ответный удар. Он возродил старые папские притязания на герцогство, отменил приговор иезуитам и отлучил от церкви тех, кто их изгнал. Союзники незамедлительно ответили: Франция захватила Авиньон, а Неаполь оккупировал Беневенто и Понте-Корво в Папской области.

Именно на этом этапе, 2 февраля 1769 года, Климент XIII. нашел облегчение в смерти, и началась историческая борьба за наследование папского престола. От результата этих выборов зависела судьба Общества, и иезуиты и антииезуиты поспешили на арену и использовали все средства, которые были в их силах, чтобы повлиять на этот вопрос. Но иезуиты и их друзья, что

вполне естественно, публиковали как факт каждый слабый отзыв сплетен в связи с выборами, чтобы ослабить значение их подавления избранным папой; и это должно быть изучено с большой тщательностью. [39]

Климент XIII. умер 2 февраля, и итальянские кардиналы, особенно из Папской области, попытались избрать нового папу до того, как далекие и настроенные против иезуитов державы смогут прислать своих кардиналов и утвердить свое влияние. Они открыли конклав 15 февраля, и им почти удалось избрать кардинала Киджи. Естественно подозревать, и это решительно подтверждается, что иезуиты побудили их пойти на этот неправильный шаг, и мы знаем, что генерал Риччив то время лихорадочно перебежал от одного прелата к другому. Мы можем быть совершенно уверены, что иезуиты использовали все свое влияние, чтобы добиться досрочных выборов, но есть еще один элемент, который следует учитывать. Кардиналы были, по выражению времени, разделены на *зеланты* и *антизеланты*: кардиналов, которые возмущались вмешательством светских властей в дела Рима, и кардиналов, которые считали политическим прислушиваться к пожеланиям католических монархов. Однако, помимо этих двух школ, было много кардиналов, которые не занимали решительной позиции и были склонны руководствоваться ходом событий или, по крайней мере, не были готовы встретить яростный гнев Франции, Испании, Португалии и Неаполя.

Когда, следовательно, маркиз д'Обетер, французский посол, и монсеньор. Азпуру, представитель Испании — португальский посол прибыл позже — выразил протест от имени своих суверенов и потребовал отложить конклав до прибытия французских и испанских кардиналов, большинство кардиналов были запуганы, *зеланты* были вынуждены угрюмо покинуть свои кельи в Ватикане. Кардинал Реццонико, племянник покойного папы римского, был одним из лидеров *зеланты*. В течение марта из Франции прибыли кардинал Люин и кардинал Бернис. Первый был простым избирателем, но Бернис — обходительный, тщеславный, амбициозный прелат, добивавшийся места французского посла в Риме, — был польщен французскими властями, убедив их, что исход выборов и судьба иезуитов зависят главным образом от него, и он с большим рвением применил свои небольшие полномочия для интриги. К концу апреля прибыли португальский посол Мендоса и два испанских кардинала, и Рим запылал дискуссиями и интригами. У антииезуитов было ядро из шести неаполитанских, двух испанских и двух французских кардиналов, и проблема заключалась в том, чтобы обеспечить себе большинство среди сорока избирателей.

Иногда говорят, что они завоевали равнодушных кардиналов частично подкупом, частично запугиванием; но отец Тейнер отрицает оба обвинения. Фактически, у нас есть личное заверение Берниса своему правительству, которое, по-видимому, рассматривало возможность подкупа, что все кардиналы того конкретного конклава были религиозными людьми и неподкупны. Самое большее, мы можем быть склонны признать, что тот факт, что некоторые кардиналы владели собственностью в Провинциях, захваченных Францией и Неаполем, склонял их к угождению Властям. Что касается запугивания, кажется очевидным, что послы убеждали отдельных избирателей в серьезной опасности противодействия желаниям католических монархов; но отец Тейнер отрицает, что подобные аргументы использовались на самом конклаве. Можно было бы подумать, что они были лишними. Каждый кардинал знал, что четыре католических короля строго настаивали на освобождении Пармы и подавлении Общества, и не мог не задуматься о возможных последствиях избрания папы-иезуита.

Кретино-Жоли утверждает, что Общество и выступающие за него кардиналы пользовались поддержкой Марии Терезии и что она послала графа Кауница в Рим выразить свою поддержку. Он утверждает, что она неохотно уступила только после того, как другие католические монархи соблазнили Иосифа II., ее сына и императора, домогаться собственности Общества. Это настолько очевидная ложь, что вызывает подозрение во лжи. Кардинал Бернис написал своему двору 28 марта 1769 года, задолго до конклава, что Мария Терезия отказалась поддержать требование о подавлении деятельности иезуитов, но "не могла воспротивиться и даже была бы рада это увидеть"; так заявил император Иосиф II. В сентябре того же года нунций в Вене представил тот же доклад. Иосиф II. сам прибыл в Рим в марте (1769 г.), и иезуиты ясно усвоили его позицию. Посетив их знаменитую церковь Джезу, генерал Риччи поспешил поприветствовать его, и его в шутку спросили, "когда он собирается сменить мундир". Позже, когда они стояли перед массивной серебряной статуей Игнатия, и Риччи объяснил, что это благодаря подаркам друзей Общества, Джозеф заметил: "Скажите, скорее, из-за прибыли от ваших индийских миссий". Иезуиты также узнали, что, когда император посетил Ватикан, он призвал кардиналов избрать другого Бенедикта XIV. С другой стороны, визит графа Кауница состоялся в следующем году, спустя много времени после того, как стало известно об отношении Марии Терезии. Она никогда не колебалась в своей позиции, как она выразила это Клименту XIV. после подавления; у нее и в мыслях не было выступать против или не одобрять то, что папа считал необходимым. Австрия была потеряна для иезуитов. Только нескольких мелких и неважных правителей можно было заставить вступить за них.

Более сложной проблемой противников иезуитов было найти кардинала, которому можно было бы доверить разрушение Общества, но при этом у него были бы какие-то шансы на избрание. Испанский посол предложил побудить кардинала заняться упразднением Общества, если он будет избран. Какое-то время французский посол поддерживал эту идею, но кардинал Бернис решительно выступил против нее; и есть достаточно доказательств того, что от нее отказались до конца апреля. Следовательно, нет никаких серьезных оснований для обвинения в том, что кардинал Ганганелли обещал уничтожить Общество, если его изберут, как вынужден признать французский историк. Единственный вопрос заключается в том, дал ли Ганганелли письменные заверения испанцам в том, что, по его мнению, папа римский обладает властью разрушить Общество. Генерал Риччи опубликовал брошюру, в которой утверждал, что папа не имеет права упразднить Общество, и, конечно, для кардинала было бы несерьезно выражать свое мнение по этому поводу. Но, похоже, Ганганелли не сделал никакого заявления испанцам. Между представителями Испании и Франции возникла некоторая ревность, и испанцы смутно хвастались Бернису, что имели какое-то общение с Ганганелли. Бернис сообщил, что у них были от него какие-то письменные заверения, но в более поздних письмах (проигнорированных французским историком) он отказывается от них. 19 июля он написал, что, возможно, ошибся: 30 ноября он признал, что полностью ошибался, и между испанцами и Ганганелли не было никакого "соглашения". Результаты голосования, которые приводит Theiner, подтверждают это. Предполагаемая договоренность или заверение должны были быть датированы 15 или 16 мая, однако Ганганелли получил точно такое же количество голосов (10) 14, 15, 16, 17 мая.

Правда в том, что никто не знал, что будет делать Ганганелли, если станет папой. В прошлом францисканский монах, он был человеком искреннего благочестия и неоспоримой честности. Говорят, что он был честолобив и пытался заручиться голосами обеих партий, заметив одной группе, что оскорблять католических монархов опасно, а другой - что невозможно приносить в жертву Общество. Это всего лишь сплетня. Он был пожилым человеком — ему было шестьдесят

пять лет - с высоким характером и большими способностями. Иезуит Кордара сообщает нам, что Риччи убеждал Климента XIII. чтобы дать ему пурпур, а он всегда был в дружеских отношениях с иезуитами. Нет ни малейших серьезных оснований для обвинения его в ненадлежащих действиях, и мы знаем, что 19 мая он был избран единогласным голосованием.

Теперь обе партии атаковали Ватикан и привлекли чиновников на его службе, чтобы они сообщали им о передвижениях своих противников и настроениях папы Римского. Трудно представить себе пожилого монаха, который с намеренным честолюбием стремился к тому положению, в котором оказался бы новый папа. Послы Держав немедленно возобновили свое требование упразднения Общества, в то время как иезуиты, их друзья и шпионы сохраняли мрачную бдительность. Как бы ни поступил папа, он навлек бы на себя яростное и опасное негодование. Климент XIV. он был не из тех людей, которые продали бы свою совесть за восстановление Авиньона, Беневенто и Понте-Корво; но удержание этих мест было бы не единственным и не самым серьезным следствием разочарования Держав. С другой стороны, он знал историю и принципы иезуитов. Говорят, что он передал свою кухню в ведение монаха францисканского ордена. Независимо от того, правда это или нет, что он боялся яда, он должен был знать, что иезуиты не подчинились бы безропотно смертному приговору, и последние годы его жизни были бы полны неприятностей.

Представителям Держав папа ответил, что он не предпримет никаких шагов и не будет поощрять ни одну из сторон, пока не проведет тщательное расследование этого вопроса. Иезуиты, однако, вскоре поняли или вообразили, что Климент благоволит Сильным Мира сего. Дважды за два месяца после выборов генерал Риччи появлялся в Ватикане, как это было принято у глав религиозных орденов на главных праздниках ордена, и дважды ему приходилось уезжать, не повидавшись с Папой. Он усилил свою бдительность и активность, и послам пришлось прибегнуть к различным уловкам, чтобы скрыть свои сношения с папой; Бернис теперь стал послом и стремился оправдать свое назначение. В июле дух иезуитов воспрянул, и настала очередь придворных волноваться и кипятиться. Климент издал распоряжение, предоставляющее определенные священнические полномочия на семь лет миссионерам-иезуитам, которые только начинали отправляться в зарубежные миссии. Иезуиты напечатали краткое изложение и с триумфом рассеяли копии по Европе; послы гневно запротестовали, заявив, что это противоречит воле их монархов. На самом деле, не было ни малейшей причины придавать этому брифингу большое значение. Это было просто соблюдение формы, которая была обычной при отъезде миссионеров, и опустить ее в данном случае было бы очень серьезным и преждевременным признаком намерения упразднить Общество.

Однако невежливое ликование иезуитов вынудило папу пойти на некоторую уступку их противникам. Было принято ежегодно переиздавать буллу *In Coena Domini*, которую дружественный предшественник издал в пользу Общества. Климент отказался санкционировать ее переиздание в 1769 году, и по Европе прокатилась очередная волна возбуждения. В некоторых местах иезуиты сами напечатали и опубликовали буллу и добавили еще одну нескромность к обвинениям против них. Ими была совершена третья, более серьезная ошибка. Послы настаивали с еще большим рвением, и, как сообщает Бернис своему двору, папа с достоинством ответил, что он должен посоветоваться со своей честью и совестью и провести длительное расследование, прежде чем принять решение. Шуазель пригрозил, что послы будут отозваны, если папа римский не даст им письменных гарантий в течение двух месяцев, и Климент снова решительно отказался. Франция предложила восстановить Авиньон,

если он даст гарантии, и только вызвала его негодование. Это Папа, которого иезуиты и их апологеты представляют морально и интеллектуально порочным; однако сами они проявляли и продолжают проявлять значительную степень беспринципности в этом вопросе. Кретино-Жоли, игнорируя это несоответствие всему своему повествованию, цитирует письмо, в котором Климент, как предполагается, сообщает об этом Людовику XV. что он не упразднит Общество, получившее благословение девятнадцати его предшественников. Это письмо было подделано и опубликовано иезуитами, которые замаскировались во Франции, и апологет, должно быть, прекрасно понимал, что сам папа с негодованием дезавуировал его в письме нунцию в Париже; более того, Кретино-Жоли сразу же показывает из переписки Шуазеля, что французы ничего не могли понять в отношении папы.

Однако эти иезуитские бесчинства, по-видимому, подтолкнули папу римского, и 25 сентября (1769 г.) он дал Бернису письменное заверение от имени Людовика XV. что он намеревался подавить Общество. Немного позже Карл III. король Испании получил такое же секретное заверение. Тридцать четыре епископа Испании во главе со своими кардиналами и архиепископом Севильи написали письма с требованием репрессий и доказали, что Обществу противостоят не только либеральные политики. В феврале следующего года семинария во Фраскати была отобрана у иезуитов и передана под контроль светских священников. Весна и лето прошли, не подарив иезуитам новой надежды. Они сообщили, что Климент мрачен и недоступен, и не исключено, что им стало известно, что в настоящее время в архивах Ватикана ведутся поиски и составляется отчет об истории Общества с момента его основания. Фактически, с того времени Климент тайно собирал исторический материал, на основе которого ему предстояло составить свое сокрушительное обвинение Обществу. Правда, в июне граф Кауниц посетил Рим; но, поскольку мы знаем позицию как Марии Терезии, так и Иосифа II, мы должны согласиться с заявлением Тейнера о том, что он убеждал папу подавить Общество, а не с легким утверждением французского историка о том, что он выступал в защиту иезуитов. Общество, казалось, было обречено.

Затем, в декабре месяце, Шуазель отстранен от власти во Франции, и это известие вызвало бурю ликования по всем провинциям Общества. Д'Эгийон, которого считали другом Общества, (с помощью мадам Дюбарри) сместил их главного противника, и политика Франции, без сомнения, теперь изменится на противоположную. Дюбарри) Иезуиты и благородные дамы, работавшие на них в Париже, по крайней мере делали вид, что верят, что их вернут во Францию и что папа больше не будет подвергаться единодушному давлению католических властей. Но в своем первом послании кардиналу Бернису Д'Эгийон поддержал политику своего предшественника в отношении Общества. Испания также заменила своего посла более энергичным представителем, графом Флоридой Бланкой, и папа подвергся нападкам более яростным, чем когда-либо. Нам предлагается пикантная картина, на которой крепкий испанский граф издевается над престарелым понтификом, который жалобно обнажает свою кожу, чтобы показать Флориде Бланке извержение, доказывающее, что он болен и на него нельзя давить. Письма Берниса более достоверны; французский посол искренне восхищается благородным сопротивлением папы интриганам с обеих сторон и его решимостью справедливо и терпеливо завершить расследование, прежде чем он осудит Общество.

В течение 1771 и 1772 годов иезуиты были уличены в дальнейших неблагоприятных действиях, которые усилили обвинение против них. В июне 1771 года секретарь португальского посольства был признан виновным в сговоре с иезуитами и выслан из Рима; он передал иезуитам депеши, которые были получены от его правительства, и даже письма в Ватикан, касающиеся Общества. В 1772 году дело о канонизации епископа Палафокса было вынесено на рассмотрение конгрегации, и, несмотря на чрезвычайную опасность, иезуиты оказали яростное и беспринципное сопротивление. Непристойные памфлеты, в которых очернялся характер святого епископа, а личность испанского монарха представлялась брошенной на растерзание дьяволам, были, конечно, анонимными; но только иезуиты были заинтересованы, или думали, что заинтересованы, в предотвращении канонизации Палафокса. Карл III. удвоил свое давление на Ватикан, и в сентябре Римская семинария была у них отобрана на справедливом основании ненадлежащего управления. В том же месяце Екатерина Великая вторглась в Польшу, и Рим и другие католические страны с возмущением узнали, что иезуиты взяли на себя инициативу приветствовать раскольнического узурпатора и потребовать его подчинения. Они, как мы увидим, заискивали перед Екатериной и готовили отступление из католической Европы. Едва Рим перестал обсуждать эту замечательную новость, как из Парижа поступило сообщение о еще более примечательном инциденте. Фридрих Великий цинично сообщил Д'Аламберу (в декабре), что генерал Риччи прислал секретного представителя с просьбой объявить себя "Защитником Общества Иисуса". Немного позже Мария Терезия снова обнаружила, что ее духовник-иезуит Кампмюллер, как и подобает тайным исповедникам, предал ее доверие властям Римского Общества.

Маловероятно, что эти инциденты повлияли на основную политику Климента XIV, чье резюме исторических нарушений Общества медленно составлялось, но они позволили ему начать открытые действия против иезуитов. Их руководство другими семинариями и колледжами было поставлено под сомнение, и несколько (включая Ирландский колледж в Риме) были у них отобраны. В феврале (1773 г.) было объявлено, что епископы должны были получить полномочия "апостольских визитаторов" для проверки всех резиденций иезуитов в своих епархиях и подавления их деятельности там, где они сочтут это необходимым. Предполагается, что Климент думал, что нашел способ разрушить Общество без издания официального указа об упразднении, но более вероятно, что он просто готовил католический разум к решительным мерам. Он назначил только одного из этих "визитаторов", кардинала Мальвецци, архиепископа Болоньи, и протокол о пресечении, должно быть, был составлен до того, как Мальвецци завершил свою работу. На самом деле Мальвецци доложил Ватикану, что болонские иезуиты уже распоряжаются своей собственностью, и было необходимо немедленно помешать им осуществить столь незаконный план, как этот. Сам Мальвецци в своих письмах Клементу говорит об этой мере как о предварительном этапе приведения в исполнение "давно подготовленного приговора" против Общества. Иезуиты встретили кардинала, который был заведомо враждебен к ним, с большой дерзостью и только усилили враждебное отношение к себе.

По мере приближения весны 1773 года конфликтующие элементы в Риме были приведены в состояние сильного возбуждения. Папа действовал в строжайшей тайне, но сама тайна явно скрывала смертный приговор. 28 мая папа удалился на две недели и таким образом избежал назойливости обеих сторон. В течение нескольких недель после ретрита он все еще не давал никаких указаний на свое намерение, и 27 июня он снова ушел в ретрит, [40] и отказался впускать посетителей.

Воздух в Риме теперь был напряжен от ожидания, но секретность поддерживалась с исключительным успехом. Теперь мы знаем, что знаменитое распоряжение (*Dominus ac Redemptor Noster*) об упразднении Общества было подписано Климентом 21 июля, и что папская пресса напечатала достаточное количество его копий для передачи в каждую страну без единого нарушения доверия. В августе представители Держав были конфиденциально проинформированы о том, что работа выполнена, но иезуиты не смогли получить ни малейшей информации. Климент XIV. выполнил свою задачу с непревзойденным мастерством. Иезуитские легенды, в которых он ночью подписывает роковой указ у окна дворца, падает в обморок, лежит без сознания всю ночь и просыпается только для того, чтобы впасть в бредовый припадок ужаса и раскаяния, не заслуживают рассмотрения. Это басни, пересказанные много лет спустя авторами-иезуитами (особенно Болгени), и они не обладают даже художественным достоинством последовательности. Кретино-Жоли, кажется, дает им веское подтверждение, утверждая, что он слышал свою версию из уст Григория XVI. Но он странным образом не сообщает нам, какую именно историю он услышал от более позднего папы, и отец Тейнер прямо спрашивает, достаточно ли он знает итальянский, чтобы понять Григория (который никогда не говорил по-французски в таких случаях). В любом случае, это воспроизведение в отдаленном будущем проиезуитских сплетен, от которых в то время мы не находим никаких следов, исторически бесполезно. По словам всех свидетелей-современников, после подавления дела Климент был в прекрасном расположении духа и выполнял трудную работу со всем благоразумием, спокойствием и хорошим настроением.

Но лучшей защитой Климента и решительным ответом его недоброжелателям является сам отчет, который он подписал 21 июля и над составлением которого он усердно работал во время своих двух "отступлений". Это чрезвычайно действенный и убедительный документ. Авторы-иезуиты постоянно говорят, что Климент XIV. отменил Общество только на том основании, что мир Христианского мира требовал этого шага, и что он не вынес никакого суждения о самом Обществе. Даже недавняя американская *католическая энциклопедия*, которая поражает откровенностью и точностью, заявляет в статье о Клименте XIV. что "папа не возлагает никакой вины ни на правила Ордена, ни на нынешнее состояние его членов, ни на ортодоксальность их учения". Это неискреннее и наиболее вводящее в заблуждение описание брифинга. Клемент мастерски излагает нарушения, в которых обвинялось Общество за двести лет его деятельности. Хотя, однако, он часто довольствуется тем, что говорит об этих прошлых делах как об "обвинениях", он осторожно добавляет, что раз за разом они поддерживались его предшественниками, которые были обречены на решительные действия против Общества; и когда он касается существующего Общества, которое его по-настоящему волнует, он ясно замечает, что оно "больше не может приносить обильные плоды и значительные преимущества, для которых оно было создано", и поэтому он упраздняет его навсегда.

Невозможно привести здесь весь текст пространного брифа, но анализа и некоторых выдержек будет достаточно, чтобы показать это. Краткое изложение начинается после нескольких вступительных замечаний общего характера с длинного списка религиозных конгрегаций, которые были распущены папством. Эти органы были закрыты из-за ухудшения их состояния или нарушений, и поэтому этот список является подходящим введением к основной работе брифинга. Затем папа сообщает, что он тщательно изучил основание Общества и ранние папские документы, изданные в отношении него. Он добавляет: "Сам смысл и условия этих апостольских установлений [писем его предшественников] учат нас, что Общество почти с самого начала породило в себе зародыши раздора и зависти, и что они не только раскалывают

само Общество, но и побуждают его членов восстать против других религиозных орденов, светского духовенства, академий, университетов, колледжей, государственных школ и даже против монархов, которые приняли их в свои Государства". Здесь мы имеем, в категорической форме, подтверждение всех обвинений, которые были выдвинуты против иезуитов в первое столетие их существования.

Из-за этих беспорядков, по его словам, "были поданы тысячи жалоб на этих религиозных деятелей", и папство умоляло их реформировать. Он напоминает об усилиях прежних пап реформировать общество и добавляет, что, как мы видели, они потерпели поражение. "Самые оживленные споры возникают повсюду по поводу доктрины этого Ордена, которую многие обвиняют в том, что она полностью противоречит здравой вере и доброй морали. Лоно Общества раздирается внутренними и внешними разногласиями; среди прочего, его упрекают в том, что оно слишком жадно стремится к мирским благам". Здесь снова слышится категорическая нотка порицания, и, рассказав об очередных усилиях пап по реформированию общества, он говорит:

"Мы с глубочайшим прискорбием наблюдали, что эти средства правовой защиты и другие, примененные впоследствии, не имели ни эффективности, ни силы, достаточной, чтобы положить конец беспорядкам, обвинениям и жалобам, выдвинутым против Общества, и что наши предшественники Урбан VII., Климент IX. X. XI. и XII. Александр VII. и VIII., Иннокентий X. XI. XII. и XIII., и Бенедикт XIV. тщетно пытались восстановить в Церкви желаемое спокойствие посредством различных законодательных актов, либо касающихся светских дел, которыми Обществу не следует заниматься, в миссиях или где-либо еще; либо касающихся серьезных разногласий и ссор, грубо спровоцированных его членами, не без риска потери душ и великого скандала среди народов, против епископов, религиозных орденов, мест, посвященных благочестию, и всевозможных сообществ в Европе, Азии и Америке; или касающихся толкования и практики определенных языческих церемоний, допускаемых в различных странах. места, отличные от тех, которые одобрены Вселенской Церковью: или относящиеся к использованию и толкованию тех максим, которые Святой Престол справедливо запретил как скандальные и явно наносящие ущерб добрым нравам: или относящиеся к другим вопросам, имеющим большое значение и абсолютно необходимым для сохранения чистоты и неприкосновенности догм христианской религии".

Абсурдно рассматривать это грозное обвинение религиозной организации как простой перечень обвинений, справедливость которых папа не будет выяснять. Это список обвинений, доказанных к удовлетворению его предшественников и воплощенных в декретах пап, которых он называет; и самый суровый критик Общества едва ли смог бы сформулировать более весомое обвинение в нескольких строках. Папа добавляет, что меры его предшественников по реформированию общества были бесплодными, а при Клименте XIII. "штормы стали сильнее, чем когда-либо". Католические монархи, по его словам, были вынуждены из-за "мятежей" и "скандалов" изгнать иезуитов из своих владений и потребовать упразднения Общества. Этому требованию он уделил добросовестное внимание и, "признавая, что Общество Иисуса больше не может приносить обильные плоды и значительные преимущества, ради которых оно было создано", он "подавляет и упраздняет Общество навсегда". Краткое изложение заканчивается указаниями по распоряжению имуществом иезуитов и необычайно длинным и тонким развитием его предложения, чтобы казуистический гений иезуитов не смог уклониться от него.

Таким образом, краткое изложение представляет собой гораздо больше, чем просто заявление о том, что иезуиты должны быть принесены в жертву в интересах мира, и ненависть, с которой они преследовали память о его авторе, имеет под собой веские основания. Это простая и выученная демонстрация того, что шаг, предпринятый Климентом XIV, это справедливая кульминация истории Общества; в нем ничего не говорится о том, чтобы оставить открытым вопрос об истинности обвинений против иезуитов, а намеренное добавление торжественных слов "навсегда" к приговору о роспуске ясно показывает, что оно не предполагает временной ситуации. Единственное серьезное возражение, выдвигаемое иезуитами и их друзьями, заключается в том, что они не были вызваны для ответа на выдвинутые против них обвинения. Климент мог бы ответить, что обвинения рассматривались и их защита заслушивалась дюжину раз за всю историю папства; но его главной причиной отказа от этой бесполезной идеи судебного разбирательства, вероятно, было то, что он хорошо знал, как интриговали иезуиты в подобных случаях. Подобно Сиксту V, он, несомненно, скончался бы, оставив Церковь в агонии борьбы, еще до вынесения приговора.

Это заключение, как я уже сказал, было скрыто от всех, кроме пяти кардиналов, которые должны были привести приговор в исполнение до 17 августа. В тот день католические державы были официально проинформированы оподписании брифа. В девять часов того же вечера группа чиновников и стражников вошла в столичный дом, пристроенный к Джезу, и приказала Риччи созвать всех своих подданных в трапезную. Они знали — некоторые из них были свидетелями той же сцены в Испании и Португалии, — что их час настал, но, должно быть, они были глубоко огорчены формулировками брифинга, который им зачитали. Их гордое Общество пополнило список дегенеративных конгрегаций, которые Ватикан был вынужден упразднить! Им было запрещено выходить из дома до тех пор, пока для них не будут предоставлены светские костюмы, а нотариусы не поставят папскую печать на их документы. В тот же вечер или на следующий день сводку прочли в других итальянских домах, и по мере того, как курьеры устремлялись на север, катастрофическая весть медленно распространяла мрак и отчаяние по всему иезуитскому миру вплоть до Голландии и Польши.

Горе иезуитов было не менее сильным, чем ликование их противников. Смеющаяся толпа ворвалась в канцелярию за экземплярами брифинга, но было напечатано всего несколько экземпляров, и его радикальные положения стали известны лишь постепенно. Затем наступил долгий и волнующий период, когда новости об ответных действиях иезуитов приходили со всех сторон. Римские иезуиты тихо покидали свои дома, день за днем, поскольку им выдавали светскую одежду. Папа позаботился не только о них, но и о бывших португальских иезуитах, поскольку Португалия отказалась выполнить свое обещание, и приложил все усилия, чтобы найти для них работу на службе Ватикану, светскому духовенству или миру образования. Многие просто сменили одежду и продолжали быть духовниками знатных дам или наставниками их сыновей. Многие из них жили сообща, на свои совместные пенсии, ожидая смерти Климента XIV, и восстановления Общества. Главной проблемой в Италии было то, что оскорбительные анонимные брошюры печатались в огромных количествах и распространялись, и в некоторых случаях их связывали с иезуитами; и что Риччи и его помощники, которые оставались в центральном доме, были уличены в предательской переписке с повстанцами в отдаленных регионах и заключены в тюрьму в крепости С. Анджело, где несчастный Риччи умер два года спустя. Рим был не прочь посмеяться как над антииезуитами, так и над самими иезуитами. Несомненно, городские сплетники рассказывали друг другу басни, которые иезуиты воспроизвели в последующие годы, а их апологет приводит в качестве "истории" — например,

что бриллианты, украшавшие статую Мадонны в Джезу, впоследствии были публично надеты любовницей одного из прелатов, которому было поручено привести приговор в исполнение, — но сторонники иезуитов в Риме полностью замолчали.

В итальянских провинциях, где иезуиты призывали к верности крестьян и дворян, незнакомых с их историей, анонимные брошюры быстро распространялись, и были предприняты еще несколько открытых попыток ослабить осуждение. За некоторое время до подавления восстания святая монахиня из Витербо снискала репутацию вдохновенного оракула, и ее слава была велика среди последователей иезуитов. После подавления дела ее вдохновение стало богаче и точнее, и вскоре Ватикан узнал, что тысячи людей лелеяли ее предсказания о том, что папа Римский умрет немедленно, короли погибнут с позором, Фридрих Великий обратится в христианство и Общество Иисуса будет быстро восстановлено. На поле боя появилась вторая женщина с предсказаниями аналогичного характера. Папа распорядился арестовать обеих и провести расследование епископом Орвието. В комнатах бывших иезуитов он нашел огромную массу литературы, относящейся к пророчицам, и пряди их волос ("и другие вещи, о которых приличия запрещают мне упоминать", - говорит отец Тейнер) для продажи или распространения в качестве богатства. Судебное расследование было проведено, и двух иезуитов были осуждены к лишению свободы в с. Анжело, как главных агентов в мошенничестве.

В Неаполе, Испании и Португалии это известие было воспринято с большой радостью. Во Франции, по словам Кретино-Жоли, это было воспринято с возмущением, и архиепископ Парижа, выступая от имени "Галликанской церкви", смело отверг заявление папы и направил Его Святейшеству весьма примечательное письмо. Во Французской церкви все еще были епископы, обязанные своими кафедрами иезуитам, и архиепископ де Бомон заслужил их благодарность, защищая их казуистов. Но г-н Кретино-Жоли здесь повинен в одной из самых серьезных уловок в этой части своей работы. Предполагаемое письмо, в связи с которым он не делает ни слова предупреждения, является вопиющей иезуитской подделкой. Оно датировано 24 апреля 1774 года, однако хорошо известно, что за несколько недель до этой даты архиепископ отстранил от должности бывшего проповедника-иезуита месье де ла Врильера за то, что тот, пользуясь своими знатными связями и светской репутацией, сделал несколько замечаний в проповеди о действиях папы римского. Дело в том, что это поддельное письмо, подделанное на имя архиепископа Арльского, впервые увидело свет в брошюре иезуитов восемнадцать лет спустя. Французы восприняли это известие с безразличием или радостью.

Австрия также сразу же секуляризировала своих иезуитов. Несмотря на предыдущие заверения, у папы были некоторые опасения по поводу отношения Марии Терезии, и вместе с копией записки он собственноручно отправил ей письмо. Она ответила, как говорила в течение четырех лет, что то, что папа считает нужным делать, ей нравится. Помимо Пруссии и России, которые мы рассмотрим в следующей главе, сопротивление иезуиты пытались оказывать главным образом в небольших странах, таких как швейцарские кантоны, или в зарубежных миссиях. В Люцерне иезуиты побудили сенат пойти на смелый шаг - приостановить исполнение судебного приказа и обратиться в Ватикан за разъяснениями. Их презрительно игнорировали до тех пор, пока они не решили привести приговор в исполнение в отношении Общества. Во Фрейбурге — об этом событии рассказывают как о трогательном и достойном похвалы самих иезуитов — настоятель собрал многочисленную паству в их часовне ("чтобы попрощаться"), произнес самую красноречивую речь о достоинствах и заслугах Общества и умолял своих

последователей уважать приказы папы. Естественно, эффект был обратным умиротворению народа, и потребовалось некоторое время, чтобы избавиться от иезуитов во Фрейбурге. В Солере и других городах были аналогичные проблемы. В Кельне бывший иезуит Фуллер редактировал *Газетт*, и ее колонки разразились яростными нападениями на папу и воспроизводили все неблагоприятные римские сплетни о нем и его уполномоченных. Они должны были обратиться в Генеральный совет против этого печально известного понтифика. Только в июне следующего года, после того, как нунций пригрозил наложить интердикт на город и была задействована власть императора, иезуитов и их друзей заставили замолчать; а затем они просто сменили мундиры и продолжали на своих различных должностях ждать лучших дней. В Польше епископы сразу же приступили к исполнению приказа, но иезуиты внушили им мысль, что он недействителен по техническим причинам, и сенат заговорил об отправке посла в Рим. Борьба закончилась тем, что польские иезуиты нашли убежище, как мы увидим, под властью Екатерины.

Одним словом, мы не находим той восхитительной и кроткой покорности, на которую претендуют проиезуитские писатели, которые, похоже, думают, что случаи распространения оскорбительных памфлетов, которые контрабандой переправлялись из страны в страну, и смелая позиция местных властей тут и там, были весьма болезненны для осужденных отцов церкви. Напротив, мы обнаруживаем, что начиная с генерала Риччи и ниже, иезуиты интригуют или восстают везде, где у них есть большая местная поддержка и они не подчиняются могущественному католическому монарху. В "дальних миссиях" сиквел был хуже, чем в Европе. Изгнание испанских и португальских отцов привело к уничтожению большей части миссионерских провинций, а осуждение их обрядов значительно сократило количество миссий французских и немецких иезуитов. Но некоторые из них все еще оставались при дворе китайского императора или тайно работали в провинциях, и еще больше их было в Тонкинге и Индии. Они сопротивлялись папскому указу в течение трех лет, по крайней мере в Китае. О каждой выполняемой ими миссии сообщалось в отдел пропаганды восстания, и письма, которые иногда цитируются, чтобы показать, как кротко они приняли приговор, были написаны исключительными личностями. Незначительное меньшинство из них высказалось за подчинение. Большинство из них лицемерно заявляли, что император (который, как следует помнить, больше не признает их существования как священников) не допустит их повиновения.

Когда в 1776 году они были вынуждены уступить, они разделились на три партии и вступили в долгую и скандальную ссору по поводу раздела своего имущества. Еще в 1785 году один из бывших иезуитов притащил бывшего настоятеля Пекинской миссии в китайский гражданский суд и разоблачил ссору. Буржуа распоряжался своей собственностью, товарами, магазинами и т.д., которые оценивались в полмиллиона франков, и он вознаграждал членов своей собственной партии тысячей *таэлей* каждого, а своих противников оставил в больших лишениях. В 1786 году пропаганда вынудила их передать свои миссии, которые они все еще контролировали, в светской одежде, другим, но они продолжали в течение нескольких лет ссориться друг с другом и с другими миссионерами. Последняя глава их азиатских миссий немногим менее грязна, и было бы чистым обманом скрывать эти факты и предлагать нам только одно или два назидательных письма, написанных лучшими отцами.

На момент своего упразднения Общество насчитывало 22 589 членов (из которых 11 293 были священниками) и владело 669 колледжами и 869 другими резиденциями (из которых только 24 были "домами исповедующих"). Нет необходимости добавлять какие-либо размышления о

подавлении. Папский протокол - это высший приговор иезуитам на первом этапе их существования. Сколько бы преданных и аскетичных членов ни было среди двадцати тысяч, Общество было неизлечимо коррумпировано. После предыдущего опыта не было серьезных оснований полагать, что реформа увенчается успехом; они сами не желали реформироваться — декреты их конгрегаций были макулатурой, — и они сопротивлялись любым попыткам папы реформировать их. Общество, как единое целое, было привержено погоне за богатством и властью, и в этом стремлении оно неизменно действовало так, как будто цель оправдывала средства. Зародыши, посеянные в нем Игнатием, созрели. Его последователи искали богатых и могущественных, скрывали свои действия в тайне и попирали свои собственные правила и устав Церкви, когда того требовала цель.

СНОСКИ:

[38] See a full account in Döllinger and Reusch's *Geschichte der Moralstreitigkeiten in der Römisch-Katholischen Kirche* (1889), i. 120-273.

[39] Две работы дадут читателю достаточный материал для формирования представления по данному предмету. Со стороны иезуитов есть работа Кретино-Жоли "Клеман XIV". *et les Jésuites* (1847), хотя произведение представляет собой немногим больше, чем воспроизведение пятого тома *Истории того же писателя ... de la Compagnie de Jésus* совершенно беспринципен во многих своих заявлениях. Другая работа (*Histoire du pontificat de Clément XIV.*, 1852) является ответом на предыдущую, написанную образованным и добросовестным префектом Секретных архивов Ватикана отцом Тейнером. Оба содержат многочисленные выдержки из современных документов, особенно из переписки послов. Труд Святого приста, *История пути иезуитов*, интересен и оживлен, но полон сплетен и ненадежен.

[40] Ретрит - это период, обычно двухнедельный, в течение которого священники и монахини полностью посвящают себя молитве и созерцанию. Обычно это делается ежегодно; отправиться в ретрит дважды за шесть недель было бы расценено как экстраординарное и, в данных обстоятельствах, очень важное событие.

ГЛАВА XIV

РЕСТАВРАЦИЯ

В отчете о подавлении Климент XIV. перечислил ряд религиозных конгрегаций, которые папство упразднило из-за их упадка. Большинство из них стерлось из памяти даже священнослужителей. Их члены подчинились приказу папы и либо направили свои стопы в какую-нибудь другую религиозную организацию, либо спокойно наслаждались пенсиями, выделяемыми им из их имущества. Но вряд ли можно было ожидать, что члены Общества Иисуса, которые особенно поклялись повиноваться Папе Римскому, подчинятся вынесенному им приговору. Они будут, в той или иной форме, ожидать колокольного звона над останками Климента XIV и, при необходимости, над останками католических монархов. Однако форма, которую на самом деле приняло их сопротивление, была более дерзкой, чем мог ожидать их самый ярый критик. Они убедили двух не католических правителей воспрепятствовать

публикации сводки в своих владениях, убедили себя, что таким образом избежали тяжелых духовных наказаний, налагаемых сводкой на мятежников, и пренебрегли каждым приказом папы и его представителей изменить хотя бы свое имя и костюм.

О поведении Фридриха Великого и Екатерины, покровительствовавших иезуитам, написано так много, что мы не разделяем удивления современников. В своей переписке с вольнодумцем Д'Аламбером в Париже Фредерик легкомысленно выдвигает одну причину за другой для своего поступка. Он проигнорировал предупреждения Д'Аламбера. Папа "подрезал когти" опасным животным; он "отрезал хвосты лисицам", и они больше не могли нести факелы на кукурузные поля филистимлян. С другой стороны, они были прекрасными учителями, и для Фридриха не имело значения, какие распоряжения отдавал папа по поводу их костюмов и домашнего устройства. Оказав на него более серьезное давление, он заявил, что, аннексировав Силезию, он торжественно поклялся уважать религиозный *статус-кво*, и он был обязан с честью оставить там иезуитов, поскольку они были частью ситуации, которую он поклялся уважать. Даже этот якобы серьезный аргумент был слишком нелеп, чтобы удовлетворить его друзей. Протестантский правитель, клянясь уважать католические порядки, естественно, предполагает, что он должен делать это только до тех пор, пока этого желает глава Церкви. Истина заключается в том, что, во-первых, иезуиты предоставили его государству сравнительно хорошую систему образования без каких-либо затрат для его казны; и, поскольку они могли бы преподавать так же эффективно, продолжали бы они называть себя иезуитами или нет, далее ясно, что Фридрих намеренно защищал и поощрял их восстание, чтобы добиться от них большей услуги, чем просто преподавание арифметики. Они должны были, как это часто делалось для католических монархов в отдаленных доминионах, учить верности Пруссии и разоружать мятежников. Добавьте к этому тот факт, что инквизиция внесла его труды в Индекс, а Ватикан упрямо отказывался признавать его королевский титул, так что он не был лишен возможности раздражать Рим, и у нас есть достаточное объяснение его поведения.

До 1740 года Пруссия оставалась почти полностью протестантской, так что сейчас она почти впервые появляется в хрониках иезуитов. То тут, то там существовали небольшие католические общины, но прозелитизма было мало, и не было даже католического епископа. В 1742 году Фридрих отвоевал Силезию у Австрии и таким образом включил в свои владения многочисленное и недовольное католическое население. Как напомнил Д'Аламбер Фридриху, иезуиты сделали все, что было в их силах, чтобы воспрепятствовать его оккупации Силезии, и они долгое время продолжали поощрять желание католиков вернуться в Австрию. Они были, по его словам в его *Политическом завещании* (1751), "самыми опасными из всех монахов" и "фанатично привязаны к Австрии". Но они были могущественной державой в Силезии. Университет Бреслау и почти все школы находились под их контролем, и значительная часть населения, окончившая их школы или получившая удовольствие от их служения, была горячо привязана к ним. Фредерик решил, что они должны остаться и за ними должно быть тщательное наблюдение. В 1746 году он изучил их систему образования и посоветовал им послать за несколькими французскими иезуитами, которые подняли бы их уровень. Мы вполне можем поверить, что их школы нуждались в улучшении, но Фредерик имел в виду еще одно преимущество. Закваска французских иезуитов помогла бы противостоять австрийскому предубеждению.

Силезия все еще находилась в таком состоянии, когда в 1772 году иезуиты обнаружили, что борются за жизнь своего Общества. Фредерик в частном порядке написал, что его "следует

искоренить во всем мире", а за десять лет до этого он серьезно рассматривал предложение изгнать иезуитов из своих владений. Теперь, по-видимому, ему пришло в голову, что у него появилась великолепная возможность примирить католическую Силезию и уничтожить проавстрийские настроения. Иосиф II. Фридрих Прусский поддержал бы их дело и не позволил бы, чтобы у его подданных отняли их министров. Мы увидели, что генерал-иезуит был хорошо осведомлен о его позиции, и попросили его открыто изображать из себя защитника Общества. Вероятно, он ответил, что, хотя протестанты не осмеливаются вмешиваться в дискуссии в Риме, он будет держать двери Пруссии открытыми для них. Когда появилось постановление о запрете, он запретил епископам публиковать его в Силезии и предложил генералу Риччи и его коллегам гостеприимство своих владений.

С этого момента Фридрих улыбался гневу Рима и католических народов. Циничный юмор его позиции нас не касается, но поведение самих иезуитов является серьезной главой в их истории. Сначала, с присущей им казуистикой, они заявили, что краткое изложение не имеет обязательной силы, поскольку оно не было адресовано лично. Когда это предполагаемое каноническое нарушение было высмеяно, они, как я уже сказал, заявили, что Фридрих сознательно считал себя обязанным поддерживать *статус-кво*, что поэтому он отказался позволить им изменить свое имя и что интересы религии запрещают им игнорировать приказы могущественного светского монарха. Их собственные коллеги в Италии предупредили их, что это лицемерно завуалированное восстание само по себе было веским оправданием обвинительного акта Климента в адрес Общества; папский нунций в Варшаве напомнил им, что они фактически понесли наказания, указанные в брифинге. На все эти предупреждения они не обратили ни малейшего внимания, и католический мир предстал перед странным зрелищем группы священников, которые, как считалось, были телохранителями папы, укрывавшимися от его анафем за щитом вольнодумца. Более того, они пошли дальше и, цинично игнорируя их призыв подчиняться своему монарху, стремились использовать Пруссию для поддержания или восстановления полной организации общества. Представитель Пруссии в Лондоне помог им связаться с бывшими иезуитами Англии, и они предложили провести Собрание в Бреслау и избрать генерального викария Общества, поскольку Риччи все еще находился в С. Анджело. Английские бывшие иезуиты были, однако, слишком рассеяны и беспомощны, чтобы присоединиться к ним.

Нунций доложил Клименту, что предпринимать решительные действия было бы небезопасно, поскольку Фредерик был бы вдохновлен на ответные действия. Поэтому было предписано, чтобы епископы отказались рукополагать своих растущих прихожан или наделять обычными духовными полномочиями, и иезуиты почувствовали, что возникнет серьезная ситуация. Со своей католической паствой у них не было особых трудностей. Климент XIV. был представлен как продажный понтифик, который купил тиару за симонианское обещание уничтожить Общество и который теперь бродил, почти безумный, по галереям Ватикана, стена и плача: "Я сделал это по принуждению". Но они не могли долго прожить без сотрудничества епископов, и в Рим был направлен посланник от имени Фридриха, чтобы договориться о компромиссе. Они должны были сменить имя и одежду, внести как можно меньше изменений в свой домашний уклад и продолжить обучение в своих домах и колледжах.

На этом этапе, 22 сентября 1774 года, Климент XIV. скончался. Ему было семьдесят лет, и у него было хроническое заболевание (геморрой). Напряжение последних четырех лет и острое разочарование в связи с возвращением Авиньона, Беневенто и Понте-Корво глубоко повлияли

на его здоровье. Более того, в апреле он попал под сильный ливень, и, хотя в начале лета он, казалось, поправился, в июле его состояние стало тяжелым. К концу августа открыто обсуждался вопрос о наследовании папского престола. Он медленно и непрерывно погружался в воду в течение сентября и умер 22-го. Не представляется необходимым тщательно проверять слух о том, что он был отравлен. Его болезнь нельзя рассматривать иначе, как естественную, и отталкивающие подробности о трупе, приводимые в "Сен-Присте", кажутся отголоском римских сплетен. Если мы отказываемся принимать на веру популярные истории о психическом состоянии Климента — его правление до конца отличалось большой трезвостью и благоразумием, — мы также должны отказаться принимать во внимание эти слухи об отравлении. Два врача заявили, что смерть и состояние трупа в знойный сентябрьский день были естественными. Вряд ли потребовалось бы сильно расширять принципы иезуитов, чтобы санкционировать отравление Климента XIV.; Исторически, однако, у нас нет очень серьезных оснований обвинять их в этом преступлении.

15 февраля 1775 года Пий VI взошел на папский престол. Власть и отношение католических монархов все еще были таковы, что шансов на восстановление Общества было мало, и казалось безопасным принять папу, который был бы хорошо расположен к бывшим иезуитам. Именно Пию VI. Прусский посланник сделал свои предложения, и они были с радостью приняты. Были изданы распоряжения о том, что епископы Силезии могут наделить полномочиями бывших членов "исчезнувшего общества", и они вступили в новую фазу своего восстания. Вместо того чтобы приветствовать такое упорядочение их положения, они жаловались, что Фридрих "перешел на сторону их врагов" (епископов), как это и было на самом деле. В течение 1776 года силезские иезуиты были практически секуляризованы. Они были вынуждены отказаться от своих костюмов, сместить начальство и передать свою собственность государству в обмен на зарплату. Они по-прежнему жили общинами и пользовались определенным иммунитетом от епископального контроля, но теперь они были "Священниками Королевского учебного института".

Фредерик пригласил других бывших иезуитов присоединиться к его Институту, и каждому было назначено жалованье в размере 700 флоринов в год. В таком состоянии сотня бывших иезуитов продолжала контролировать образование в Силезии и ссориться со светским духовенством, пока Фридрих не умер в 1786 году. Когда епископы возразили против того, чтобы отцы жили в общине, Фредерик добродушно ответил, что в Риме сто двадцать из этих бывших иезуитов живут в общине, и ему, возможно, будет позволено подражать снисходительности папы. Он до конца гордился своей экономичной системой образования и своим триумфом над папством. Его преемник в некоторых отношениях видоизменил институт, но изменения были незначительными до 1800 года, когда он был преобразован в "Королевское прусское католическое школьное управление" и в него были допущены преподаватели-миряне. Так закончился один из самых известных и любопытных бунтов против папства.

Некоторые недовольные бывшие иезуиты перебрались в 1800 году из Силезии в Россию, и теперь мы должны вернуться назад и рассмотреть не менее примечательное восстание иезуитов в этой стране. Екатерина II. у нее, как и у Фридриха, были веские политические причины покровительствовать иезуитам. В августе 1772 года Пруссия, Россия и Австрия захватили фрагменты Польши, о которых они давно мечтали, и Екатерина со своими войсками вошла в польскую Лифляндию и Литву. Древнее королевство пришло в упадок, как мы видели, пропорционально процветанию иезуитов, и оно подверглось расчленению с бессильным

гневом престарелого человека. Когда раскольник Екатерина пришла заявить о своей преданности, католическое духовенство обычно стояло в стороне в патриотической угрюмости, пока иезуиты не взяли на себя инициативу. Для них придумывается замечательное оправдание в том, что они были безразличны к политике и земным механизмам правления и признавали только обязанность повиноваться суверену, который действительно обладал властью. На самом деле они знали, что у Польши нет ни малейшей надежды избежать своей тяжелой участи, и поспешили поприветствовать нового правителя.

Проницательный взгляд Екатерины сразу же оценил ситуацию. Эти двести польских иезуитов имели огромное влияние на полтора миллиона ее новых подданных, и на их авансы нужно было отвечать щедростью. Петр Великий навсегда изгнал иезуитов из России; Екатерина немедленно издала указ об отмене этого запрета в отношении ее польских владений и выразила лестное восхищение их колледжами. Очевидно, она считала, что они окажутся отличными учителями лояльности по отношению к полякам, но через несколько месяцев Клемент упразднил Общество, и возникла новая ситуация. Разыгрывая одну из тех маленьких комедий, которые украшают их летописи, польские иезуиты обратились к своей новой государыне с самой почтительной просьбой разрешить им повиноваться приказу папы. Нет никаких сомнений в том, что это письмо, которое с восхищением воспроизводится в "комплиментарных историях иезуитов", является подлинным; однако в нем не объясняется, каким образом иезуиты могли уменьшить свою полезность для Екатерины, изменив свое имя и костюм, и почему им понадобилось это императорское разрешение, чтобы внести изменения, которые ее не касались.

У Екатерины и иезуитов было достаточно общего, чтобы понимать друг друга. Они хотели, чтобы она запретила им повиноваться папе, и они были бы ей благодарны. Екатерина сразу же отказалась разрешить им сменить имена и гербы, и они сообщили в Рим, что светская власть запрещает им соблюдать бриф, и в интересах религии они должны подчиняться ей. Ситуация была настолько скандальной, поскольку папский нунций настаивал на роспуске провинции, что некоторые из наиболее щепетильных отцов церкви покидали свои дома и стремились к секуляризации. В ответ на эти расколы было опубликовано письмо Климента епископу Варми (бывшему иезуиту), и в этом письме Климент был представлен как одобряющий существование Общества в России. Хотя это письмо серьезно воспроизведено французским историком Общества, оно является вопиющей подделкой. Климент и его нунций до конца протестовали против позиции польских иезуитов, и ход повествования покажет, что сами они не обратили серьезного внимания на это предполагаемое разрешение. Это не единственная неправда, которую нам придется до них докопаться.

При Пии VI. когда новый папа был избран, они сразу же обратились к нему за советом в своем трудном положении, но представители Франции и Испании внимательно наблюдали за новым папой, и он не осмелился и не соизволил ответить. Их неканоническое положение теперь вызывало у иезуитов такое же беспокойство о будущем, какое оно вызывало у их коллег в Пруссии, и Екатерина обратилась непосредственно в Рим с просьбой устранить причиненные им неудобства. Папа думал, что сможет избежать назойливости послов, предоставив Могилевскому епископу всю полноту власти для ведения дел с отцами церкви. Этот дружелюбный прелат, без сомнения, был предложен ими, поскольку он сразу же дал им желаемое разрешение основать дом для послушников. В довершение комедии папа римский через своего государственного секретаря заявил протест, что он не рассматривал этот шаг,

когда представители Франции и Испании подали жалобу. Иезуиты не обратили внимания на его дипломатический протест, открыли послушничество и принимали саму Екатерину в своем новом учреждении.

Полномочия епископа Могилевского теперь достигли своей цели, и иезуиты попросили Екатерину ограничить их и разрешить им избрать генерала в соответствии с их конституцией. Екатерина (в 1782 году) издала указ в соответствии с их желанием, но епископа оттолкнуло их двуличие, и он обратился в Сенат и добился приказа, согласно которому иезуиты должны были подчиняться ему. Пользуясь благосклонностью императрицы и князя Потемкина, иезуиты проигнорировали указ Сената и избрали генерального викария и помощников. Чтобы добиться папского снисхождения к такому поведению, они убедили Екатерину отправить бывшего епископа-иезуита Бениславского в Рим. Пий VI. не осмелился дать письменное подтверждение своей позиции — еще одно доказательство того, что письмо Климента было подделкой, — но Бениславский сообщил, что папа решительно сказал ему: "Я одобряю Общество в Белой России. Я одобряю это". И снова французский историк безоговорочно воспроизводит это утверждение как факт. Но лживый епископ был настолько нескромен, что сделал свое заявление перед отъездом из Рима и опубликовал его во Флоренции, а папа с негодованием опроверг его. Епископу было приказано покинуть Рим, и, как показывает Библия, Пию VI. выпустил два брифинга, отрицающих, что он одобрил Создание Общества (29 января и 20 февраля). М. Кретино-Жоли, похоже, предпочитает думать, что солгал папа Римский.

В отдаленные дебри Литвы римская ссора не имела особых шансов проникнуть, и епископ Бениславский вскоре вернулся с радостным заверением, что папа одобряет их позицию; монархи помешали ему выступить с кратким докладом, но он отправил это устное послание, чтобы оправдать отцов церкви перед их совестью. Ложь была распространена среди бывших иезуитов Европы, и многие из них отказались от своих пенсий или должностей и переехали в Россию. Похоже, что в Обществе сохранились и другие черты, помимо искусства мысленной сдержанности. Кретино-Жоли великодушно замечает, что после 1785 года русские отцы "строят суконные фабрики, печатный станок и все, что необходимо для такой эксплуатации": другими словами, полноценную бизнес-систему. Примечательно, что даже в этих обстоятельствах, когда иезуиты настаивали на восстановлении своего Общества, они не отказались от своей неправильной практики.

Смерть Екатерины в 1796 году никак не повлияла на положение отцов. Она доверила воспитание своего сына отцу Груберу, одному из самых способных членов Общества в России, и когда Павел вззошел на престол, он заявил, что сохранит покровительство, которое его мать оказала Обществу. Это правда, что Павел с самого начала проявлял к ним некоторую заботу. Ватикан теперь настолько смирился с аномальной ситуацией, что сам воспользовался влиянием иезуитов и направил нунция в Санкт-Петербург. Важно понимать, что российские законы строго запрещают прозелитизм. Павел, как и Екатерина, терпел иезуитов только при условии, что они служили своим единоверцам, образованной молодежи, и не предпринимали никаких попыток поколебать веру членов греческой церкви. В этих условиях он рассматривал их как полезную помощь в проведении национальных реформ, начатых Петром Великим. Но Павел испытал искушение вмешаться в духовное управление своих католических подданных, и, когда нунций вежливо запротестовал, самодержец велел ему покинуть Россию. Грубер тактично выступил посредником между ними, и нунцию было разрешено вернуться. Возникает почти искушение подумать, что Грубер, чрезвычайно проницательный иезуит, устроил ссору с целью

посредничества, поскольку впоследствии мы находим, что он говорил о "долге" Святого Престола перед ним и его коллегами, и в это время можно проследить весьма примечательное взаимопонимание между *кардиналами зеланти* и нерегулярными иезуитами.

Pius VI. умер в 1799 году, до последнего вздоха отказываясь тревожить Церковь в Европе, вводя санкции против иезуитов, даже в России. После его смерти венецианский сенатор Реццонико был отправлен ультрамонтанской партией в Санкт-Петербург просить защиты Павла перед предстоящим конклавом; и единственное значение, которое мы можем придать этому посольству, состоит в том, что царь-раскольник должен был противодействовать запугиванию католических монархов и дать кардиналам возможность избрать папу, который восстановил бы Общество. К этому времени Французская революция завершила свой трагический путь, и бывшие иезуиты повсюду громко заявляли, что это было естественное развитие сил, которые требовали подавления Общества; что, если эти дикие и разрушительные силы не хотят разрушить цивилизацию в Европе, их необходимо отозвать, чтобы положить им конец. Росло желание прислушаться к их убедительной проповеди или, по крайней мере, понять, что, если иезуиты будут восстановлены при условии, что они сдержат новый дух, они могут оказаться могущественным помощником законных монархов. Бурбоны были изгнаны из Франции; Карл III. д'Аранда пошел по пути своих отцов, и тот оказался бессилён; Неаполь начинал желать огады из иезуитов, чтобы защитить себя от северной чумы.

Царю было очень лестно предложение утвердить свою власть в метрополии христианского мира, но трудно обнаружить, чтобы он обладал каким-либо материальным влиянием. Только Португалия и Австрия все еще сопротивлялись замыслу восстановления Общества, а Австрия была полностью занята встречей с войсками Наполеона. Следовательно, кардиналам было нетрудно добиться избрания Кьярамонти, который, будучи епископом Тиволи, открыто выразил свое нежелание проводить репрессии. Пий VII. теперь это был немощный и уходящий в отставку старик, бывший член ордена бенедиктинцев: странная фигура для возложения на трон, который в настоящее время подвергался таким жестоким штормам. Но Наполеон еще не был императором, и папство все еще оставалось тихим и озадаченным наблюдателем за необычайными событиями в Европе. Не прошло и шести месяцев после избрания Пия VII. получил от царя настоятельную просьбу одобрить Создание Общества, и 7 марта 1801 года он торжественно признал его существование в России. Вскоре мы увидим, что русские отцы уже при попустительстве Пия VI отправили колонию в Парму по просьбе герцога и что различные группы плохо замаскированных иезуитов появились в разных частях Европы. Теперь у иезуитов появилась серьезная надежда восстановить свою власть.

Мы уже видели, что иезуиты нисколько не пострадали от сурового наказания, и положение Грубера при русском дворе является интересной иллюстрацией этого. У него было почти такое же отношение к Павлу I. как Лашез к Людовику XIV. или Ламормейни к императору. Вопросы чисто русской политики были переданы ему, и русские придворные ненавидели его и льстили ему. Действительно, около 1800 года мы находим его вовлеченным именно в такую интригу, которую любили старые иезуиты. Наполеон хотел оторвать царя от его союза с Англией и быстро развивал идею своей промежуточной карьеры — предложение разделить Европу между тронами Франции и России. Он конфиденциально написал Груберу, искусно намекая, что сотрудничество с его планом пойдет на пользу Обществу, и Грубер, который мог видеть будущее Наполеона, ревностно взялся за свое дело. Возникает вопрос, не могла бы история Европы пойти по-другому, если бы Наполеон последовал этой идее и восстановил Общество Иисуса в

качестве главного элемента своей "духовной жандармерии". С другой стороны, Павел поручил своим представителям на Ближнем Востоке получить доступ для иезуитов, и был сделан первый шаг к восстановлению иностранных миссий.

Павел умер весной 1801 года, и на престол взошел более осторожный Александр. Он спокойно заверил напыщенных иезуитов, что одобряет и будет поддерживать российское покровительство Обществу, но ясно, что он более критично следил за их поведением, чем его предшественники. И теперь отцы приступили к предприятиям, за которыми, безусловно, было целесообразно наблюдать. Павел передал иезуитам Римско-католическую церковь в Санкт-Петербурге, и к этой церкви была присоединена привилегия открытия школы. В течение 1801 и 1802 годов некоторые из наиболее способных отцов были отправлены туда из главного центра в Полоцке, и была открыта школа для сыновей дворян, набравшая большое количество учеников, русских и католиков. В Санкт-Петербурге также появился в качестве посланника Сардинии знаменитый французский писатель Жозеф де Местр, который в то время впервые испытывал горячее восхищение Обществом, которое он так мало знал. Добились иезуиты этого назначения или нет, он оказался ценным помощником. Пока под умелым руководством Грубера не было причин для недовольства. В новых провинциях, которые осваивал Александр, иезуиты преданно и с пользой работали среди колонистов; у великого царя не было более ревностных и действенных апостолов верности. В школах преподавание также было безупречным. Были приняты меры даже для обучения молодежи доктринам греческой церкви.

Работа по восстановлению Общества протекала гладко. В октябре 1801 года старшие отцы собрались на Собрание и избрали Грубера генеральным директором Общества. С этого месяца мы можем правдоподобно датировать восстановление Общества, поскольку его бывшие члены были свободны и были приглашены приехать со всех концов Европы и подчиниться власти Грубера. Летом 1803 года Грубер отправил отца в Рим, "чтобы следить за интересами" Общества. Будучи членом уполномоченного органа, он сохранил свой костюм, щеголял им в глазах изумленных римлян и посетил в нем Ватикан. Люди чувствовали, что за призраком вскоре последует воскрешение. Следующим летом Грубер получил от папы добродушное уведомление о том, что Фердинанд Обеих Сицилий желает иметь в своем королевстве несколько отцов для воспитания молодежи, и Пий был готов оказать ему услугу. 6 августа 1804 года Общество было восстановлено на Обеих Сицилиях. Тем временем другие Общества, которые были более или менее тайными иезуитами, и различные сообщества бывших иезуитов в разных частях Европы возвращались к повиновению генералу, но мы отбросим эпизод с Россией, прежде чем говорить о них.

В 1805 году Грубер погиб при пожаре, и российское общество попало под власть менее проникательного лидера. Отец Бзрозовски был избран генералом, и в течение нескольких лет он довольствовался спокойным развитием политики своего предшественника. Однако в 1811 году он обратился к царю с просьбой повысить их главный колледж в Полоцке до уровня университета и разрешить ему контролировать все школы, находящиеся в ведении Общества. Это вывело бы их из-под контроля министра культов и сделало бы неотъемлемой частью системы образования, подчиняющейся министру народного просвещения; это также освободило бы их школы от контроля Санкт-Петербургского или Виленского университетов. Александр, казалось, был впечатлен их благовидным доводом о том, что здоровое

соперничество повысит уровень образования, и их обещанием, что *их* образование будет и дешевле, и основательнее (менее либеральным и космополитичным), чем чисто российское. Но это предложение вызвало первую большую бурю против иезуитов в России. В течение некоторого времени росло негодование против них. Русские дворяне, чиновники и священники гневно вспоминали о власти, которой пользовался при дворе священник-иезуит, и сетовали на рост римского католицизма. Иезуиты возразили, что они не приняли ни одного из своих учеников в Римскую церковь; похоже, что они тайно отправили к другим священникам учеников, в умах которых они посеяли семена обращения.

Затем Жозеф де Местр взялся за свое красноречивое перо в их защиту, и битва была выиграна. В 1812 году Полоцкий колледж был возведен в ранг университета и начал давать образование сыновьям знатных или богатых русских. Со временем на его скамьях сидело до двухсот благородных юношей греческого вероисповедания, и, как обычно, интерес отцов к своим ученикам привел к уважительной заботе об их матерях и сестрах. Было замечено, что многие были приняты в Римскую церковь, хотя никогда иезуитами. Европейская политика на несколько лет отвлекла внимание царя, но критики Общества в 1812 году получили мощное подкрепление в виде агентов Английского библейского общества. Александр находился в состоянии войны с Наполеоном и в тесном союзе с Англией, и Библейское общество воспользовалось политической ситуацией, чтобы проникнуть в Санкт-Петербург. Они принесли богатый запас информации об иезуитах и усилили бдительность русских. Загадочный рост числа отколовшихся от Рима с момента открытия иезуитского колледжа для знати в столице вызвал бурные дискуссии.

Наконец, в 1814 году молодой князь Голицын, племянник министра просвещения с таким именем, присоединился к Римской церкви. Ему шел шестнадцатый год, и он уже два года посещал занятия у иезуитов. Его дядя, суровый критик иезуитов, теперь начал яростную кампанию против Общества, и город разразился разоблачениями их тайных махинаций. Было обнаружено, что реальное число обращенных в Рим было скрыто, поскольку новообращенным было дано указание исповедовать свою новую религию только тайно. Началось сильное волнение, и иезуиты сочли благоразумным закрыть свои школы для всех, кроме сыновей римских католиков. Было слишком поздно. Священники и профессора поддерживали бурную агитацию и нервно пытались раскрыть тайну католиков.

В разгар этого волнения Александр вернулся из Франции после окончательного поражения Наполеона, и обе стороны обратились к нему с просьбой. Его ответом был указ, изданный в декабре, строго предписывающий иезуитам закрыть свои школы и покинуть Санкт-Петербург. Холодным извешенным тоном он напомнил, что их приняли при строгом условии, что они не будут обращать в свою веру, и осудил их "нарушение доверия". Они были навсегда изгнаны из Санкт-Петербурга и Москвы, и в католических провинциях им предстояло вернуться к тому состоянию подчинения, в котором они находились до 1800 года. В ночь с 20 на 21 декабря полиция вошла в их коллегии и зачитала царский указ. На следующий день они были вынуждены покинуть благородных дам Санкт-Петербурга и в разгар зимы отправились в долгую санную прогулку в Полоцк. Александр любезно снабдил их мехами и распорядился, чтобы к ним относились с уважением, но он был убежден в их вине. В более позднем письме генерал действительно признает, что некоторые из отцов обращали в свою веру столичных дам; и принципы иезуитов в отношении правдивости таковы, что мы можем усомниться, было ли это сделано без его ведома, как он говорит, и может быть прощено, если мы полностью

проигнорируем заверения иезуитов в том, что они не имели никакого отношения к многочисленным обращениям их учениц. Не только общий закон России, но и специальный императорский указ 1803 года запрещал прозелитизм, и этот указ был вынужден привлечь внимание иезуитов. "Во имя вящей славы Божьей" они в очередной раз попрали строгое и почетное человеческое обязательство.

Бжрозовский умер пять лет спустя, и они обратились за разрешением избрать другого генерала. К этому времени, как мы увидим, Общество было восстановлено, и итальянцы с нетерпением ожидали смерти русского генерала, но Александр избавил их от зла раскола в Обществе. Ему сообщили, что иезуиты продолжали разрывать свою помолвку. Князь Голицын составил пространные мемуары, в которых показал, что они занимались обращением в свою веру, иногда с применением насилия, с 1801 года; местным властям приходилось сдерживать их в некоторых отдаленных провинциях. Он утверждал, что они сказали своим новообращенным в столице продолжать внешне соблюдать греческую религию, поскольку папа дал им на это разрешение. Они продолжали обращать в свою веру своих учеников и солдат в Литве и в других провинциях и управляли своими поместьями так неумело или так несправедливо, что толпы их крестьян бродили под видом нищенствующих по дорогам России. Мы не можем контролировать эти заявления. Мемуары были напечатаны и опубликованы имперскими властями, и иезуитам было приказано эвакуироваться с территории России. Из своих поместий и княжеских колледжей в Литве и Ливонии, а также из бедных колоний на Кавказе и в Сибири, где многие из них работали в лучших традициях Общества, они с грустью повернулись лицом к западу, с которого были изгнаны.

Третий элемент восстановления Общества возвращает нас к 1794 году, когда несколько молодых священников, беженцев из революционной Франции, пытаются в Бельгии основать очищенный иезуитизм под другим названием. Самым выдающимся из них был аббат граф де Бройль (сын знаменитого маршала). Он и еще несколько человек обсуждали план тайного воплощения принципов Игнатия в новом обществе и консультировались с некоторыми бывшими иезуитами. Отец Пей из Лувена стал их директором, и в феврале 1794 года они вступили во владение загородным домом, подаренным им лувенским банкиром, и назвали себя "Конгрегацией Святого Сердца Иисуса". К ним присоединились два дворянина из полка "эмигрантов", но вскоре армия Французской Республики изгнала шестерых отшельников из Бельгии, и они пешком отправились в Аугсбург — общество должно было быть восстановлено по его самым чистым образцам. К их числу добавилось еще несколько человек, и были приняты простые обеты. Бывшие иезуиты с интересом наблюдали за ними, и они стремились быть принятыми в Российское общество. Затем они намеревались отправиться в Рим, как это сделали Игнатий и его спутники, и предложить свои услуги папе римскому, но французы преградили им путь и вскоре вынудили их бежать в Вену.

Теперь их было семнадцать, и они побудили десятки епископов-беженцев обратиться к Папе за одобрением Конгрегации. Тем временем они основали послушничество в Праге и дом в Хагенбрунне, недалеко от Вены. Была скопирована вся структура позднего Общества Иисуса, и учебные заведения были восстановлены. Наконец, в 1798 году венский нунций довел их до сведения папы римского. Они не забыли совет Игнатия ухаживать за богатыми дамами, и сестра императора, эрцгерцогиня Марианна, была их горячей сторонницей. Pius VI. однако, как мы видели, ему не хватило смелости восстановить Общество, или же времена еще не созрели. Он

выразил горячий интерес к общине и предложил им вступить в отношения с аналогичной организацией - "Обществом веры", которое было основано в Италии.

У бывшего римского иезуита Каравиты был среди последователей предприимчивый молодой человек по имени Пакканари, честолюбивый сын тирольского портного. Пакканари был лидером группы молодых людей, которые, вдохновленные Каравитой, ходили навещать больных и наставлять невежественных, как это делали ранние иезуиты. Вскоре они образовали "Общество веры Иисуса" и, чтобы было понятнее их значение, переняли одежду и устав бывших иезуитов. Римские власти потребовали небольшого изменения их костюма, но в остальном потворствовали их росту. Это был 1798 год: Людовик и Карл III. были мертвы, и аристократический мир вздыхал по иезуитской уздечке для революции. В конце того же года они открыли послушничество в Сполето, приняли три обета и добавили четвертый - повиноваться папе. Папа нуждался в специальном полку так же сильно, как и во времена Лютера. Новая эпидемия с севера обрушилась на Италию, и Пий VI. находился в изгнании во Флоренции. Пакканари посетил его при попустительстве бывшего секретаря-иезуита папы римского и рассказал ему об "Отцах Веры", которые поступили на его особую службу. Пий одобрил это и сказал Пакканари, что подобный орган уже существует в Австрии.

В первые месяцы 1799 года Пакканари отправился в Вену, чтобы изучить конкурирующее сообщество и посмотреть, можно ли подчинить его своей власти. Его путешествие по австрийским владениям показало ему, насколько настало время для такого предприятия, поскольку прелаты и бывшие иезуиты приняли его с радостью. В Падуе граф Сан-Бонифачо (бывший иезуит) предоставил дом для десяти своих товарищей; в Венеции высшее духовенство обласкало его. Единственной чертой, сдерживавшей энтузиазм старых иезуитов, было то, что Пакканари намекал на то, что Общество стало коррумпированным и необходимо снова строить на примитивном фундаменте. По их мнению, Европа снова была готова к политическому иезуитизму, и не было необходимости проходить трудоемкие предварительные этапы ухода за больными и пешими путешествий. В Вене новый император Франциск II принял его милостиво, и эрцгерцогиня Марианна прониклась к нему глубоким уважением.

Энергия и способности Пакканари вскоре рассеяли сомнения приверженцев Священного Сердца; они отказались от своего имени, слились с Обществом Веры и повторили свои клятвы Пакканари как своему настоятелю. Теперь была образована обычная провинция с отцом Синео в качестве провинциала, и Пакканари отправился в Прагу, где находились эрцгерцогиня и послушница. Здесь амбициозный юноша совершил первую ошибку в своей необычной карьере. Игнатий строго запретил, чтобы в ордене иезуитов никогда не было женской ветви, как это было во многих религиозных орденах, но эрцгерцогиня и другие знатные дамы были настолько преданы новому предприятию, что Пакканари разрешил или убедил их принять обеты и пообещать послушание Главнокомандующему Общества Веры. Многие бывшие иезуиты теперь считали его новатором и начали с недоверием следить за его карьерой. Однако он нашел много богатых покровителей, и небольшие колонии были отправлены в Англию (о которой я расскажу позже), Францию и Голландию. Через несколько лет в новом Обществе насчитывалось несколько сотен членов, и, поскольку русские иезуиты теперь были признаны Пием VII, Пакканари настоятельно призвали объединиться с ними.

Он отказался или медлил, и с этого времени члены его Общества начали отказываться от своего повиновения ему и стремиться присоединиться к истинному ордену. Эрцгерцогиня цеплялась

за Пакканари в течение многих лет, и престиж ее общения завоевал уважение к нему. В Риме, где она и ее спутники превратили свой дворец в монастырь, она купила дом и церковь для своего уважаемого директора, и он основал общину из тридцати отцов под присмотром папских властей. Теперь он находился в состоянии открытой войны с бывшими иезуитами, наводнившими Рим, и, когда они пренебрегли его генеральским званием, он возразил, что краткое одобрение Общества в России было вымогано у Пия VII. Теперь он мог бы согласиться с идеей слияния, но русский генерал, чтобы укрепить свой авторитет, настоял на том, что он примет пакканаристов — как их называли в народе — только поодиночке и не поддержит идею корпоративного союза. Пакканари решительно боролся за свой угасающий авторитет. В 1803 году лондонские отцы веры покинули его и перешли в подчинение Груберу. В 1804 году более многочисленные французские отцы отреклись от его власти и присоединились к русским; в том же году Общество было восстановлено в Неаполе, и многие пакканаристы присоединились к нему. Папа по-прежнему был снисходителен к падшему "генералу" из уважения к своему зачатому другу, и его Общество задержалось в Италии, Австрии и, особенно, Голландии. Наконец против Пакканари были выдвинуты определенные обвинения, вероятно, старшими иезуитами, и будущий реформатор был заключен в папскую тюрьму за роскошь манер, несовместимую с его профессией. Он был освобожден французскими войсками, когда они вторглись в Рим, но его престиж упал, и, спасаясь в горах от своих преследователей-иезуитов, второй Игнатий бесславно погиб от рук разбойников. Вскоре после этого Общество Иисуса было официально восстановлено, и пакканаристы сбросили свою тонкую маскировку и присоединились к нему.

Мы уже видели различные шаги, с помощью которых готовилось восстановление Общества в Италии. В 1793 году Фердинанд Пармский смело предложил русским прислать ему несколько иезуитов для воспитания молодежи в герцогстве, а также Пия VI. он добродушно закрыл глаза, когда они основали пять колледжей и начали привлекать старых членов Общества. Затем последовала французская кампания в Италии и более горькое, чем когда-либо, негодование по поводу нового духа, который вторгся в Европу и сотрясал законные троны. В 1804 году, когда стало ясно, что Наполеон уничтожил пагубную республику только для того, чтобы создать еще более опасную державу, Фердинанд Сицилийский обратился к генералу Груберу с просьбой создать группу иезуитов, чтобы внедрить "здоровые" идеи в умы своих подданных. Затем грянул Аустерлиц, и французская армия была освобождена, чтобы посадить Жозефа Бонапарта на трон Обеих Сицилий. И снова иезуитам пришлось бежать из Неаполя со своим королем-покровителем (и, особенно, со своей королевой-покровительницей), но присутствие английского флота удерживало французов на материке, и иезуиты Сицилии были неприступны. За несколько лет они достигли огромного богатства и власти, и было бы несправедливо связать долгую сонливость этого прекрасного острова с глубоким влиянием, которое иезуиты оказали на него в первой половине девятнадцатого века.

В 1809 году настала очередь папы трепетать перед этим ужасным воплощением нового духа. Папские государства были аннексированы, и Пий VII. отправился в четырехлетнее горькое изгнание. Он вернулся в 1813 году и увидел, как союзники смыкаются вокруг павшего монарха. Весной следующего года Наполеон отрекся от престола, и восстановленные монархии приступили к задаче вычеркнуть последние двадцать лет из истории Европы и затоптать последние искры либерализма, который, как считалось, привел к Французской революции. Это

был момент для восстановления Общества Иисуса. Монархи, настаивавшие на его отмене, были мертвы, новое поколение так и не осознало его могущества и неправильностей, а сами иезуиты в течение двадцати лет уверенно заявляли, что ужасы, пережитые Европой, были прямым результатом того, что у них отобрали образование молодежи и духовное руководство взрослыми. На эту логическую ошибку был дан быстрый ответ, и нет необходимости нас задерживать. Революция произошла из-за сохранения средневековой несправедливости в более просвещенный век, и иезуиты, при всей их власти над королями, никогда не произносили ни слова осуждения этих старых злоупотреблений. Мы увидим, что они вложили все свое восстановленное влияние в задачу их сохранения даже в девятнадцатом веке.

Правда в том, что восстановление ордена иезуитов было актом папства, которому не было оправдания с точки зрения католиков. В булле *Sollicitudo*, которая так плохо контрастирует с аргументированным и мужественным изложением Климента XIV, Пий VII. осмелился сказать, что он выполняет "единодушное требование католического мира". Как знал папа, это было полной неправдой. Только Испания из великих Держав — если мы все еще можем назвать ее великой — была заинтересована в реставрации. Австрия и Франция не желали восстановления иезуитов и не допустили бы их возвращения к власти, когда этого пожелал папа; Португалия яростно протестовала против реставрации. Пий VII действовал в соответствии со своими собственными чувствами и чувствами мелких монархов, таких как короли Сардинии и Неаполя. Он верил, что иезуиты станут наиболее эффективным средством для искоренения того, что осталось от либерализма и революции. Он положил начало тому тесному союзу между обществом и реакцией, который был катастрофической ошибкой иезуитов на протяжении последних ста лет. Но такова была цена их восстановления.

Булла была издана 7 августа 1714 года и в тот же день зачитана в газете. В присутствии выдающегося собрания духовенства и знати папа отслужил мессу, а затем зачитал буллу. По этому случаю было собрано около пятидесяти членов репрессированного Общества, и мы можем себе представить, каким трогательным зрелищем было видеть, как эти пожилые люди, пережившие грандиозную катастрофу — одному из них шел сто двадцать седьмой год, — с почестями возвращаются в свой столичный дом. Джезу и пристроенный к нему дом содержались в надлежащем состоянии. Массивная серебряная статуя и более дорогие церковные украшения были проданы, чтобы удовлетворить требования Франции к папской казне, а библиотека дома исчезла. Но община светских священников, стоявших у руля в годы репрессий, была в основном бывшими иезуитами, и они благоговейно содержали дом до тех пор, пока их рассеянные братья не смогли вернуться. Также был восстановлен послушничество; старые отцы были отозваны из своих викариатств, колледжей и множества профессий; были избраны провинциальный и генеральный викарии; иезуиты быстро распространились по Папской области. Известие о возвращении Наполеона охладило их энтузиазм на месяц или два, но вскоре они услышали о Ватерлоо и приступили к выполнению задачи, ради которой их вернули к жизни.

Реакцией католического мира был, как я уже сказал, болезненный комментарий к словам Папы Римского. Яркая булла, разрешающая и призывающая католических монархов восстановить Общество Иисуса, распространилась по Европе в течение следующих нескольких недель. В Парме и Неаполе уже были свои иезуиты. Герцог Моденский сразу же принял Общество, и

Виктор Эммануил, чей брат уступил ему корону, чтобы войти в Общество, естественно, открыл для них свое королевство. Фердинанд VII. король Испании, самый жестокий и беспринципный из восстановленных монархов, отменил указ об изгнании и тепло приветствовал иезуитов, которые согласились сотрудничать с ним в кровавой работе, которую мы рассмотрим в следующей главе. Иоанн VI Португальский отказался впустить "пагубную секту" в свое королевство. Людовик XVIII, даже по настоянию Талейрана, отказался санкционировать присутствие иезуитов во Франции. Австрия отказалась признать их в своей империи, в которую все еще входила Венеция. Бавария исключила их. Иезуитам потребовались годы интриг, чтобы проникнуть в католические кантоны Швейцарии.

Таков был ответ католической Европы Пию VII. Несмотря на резкое предложение бороться с либерализмом, которое они сделали, объясняя революцию своим отсутствием, они по-прежнему были исключены из трех четвертей католического мира. Обвинительный акт в их адрес со стороны Климента XIV. Пий VII не получил ответа, и их поведение в России и Пруссии не завоевало к ним уважения. Они не давали серьезных гарантий лучшего поведения. Как они преодолели это сопротивление и в течение столетия почти вернулись к своей прежней численности, и очистили ли невзгоды их характер - вот два вопроса, которые остаются для рассмотрения.

ГЛАВА XV

НОВЫЕ ИЕЗУИТЫ

В течение нескольких лет после реставрации итальянские иезуиты были полностью заняты реорганизацией своего корпуса, возвращением своей собственности и поглощением оставшихся пакканаристов и выживших представителей старого общества. Ясно, что, если бы не частичная реставрация в Парме и Неаполе, Общество еще долго оставалось бы слабым. Сколько еще оставалось в живых из 22 589 последователей Игнатия, изгнанных из своих домов сорок лет назад, мы не знаем, но при переформировании полка никто не рвался под знамена. Трудно было также вернуть их имущество. Несмотря на щедрость правителей Пьемонта, Неаполя и Папской области, работа продвигалась медленно. Именно в 1820 году мы впервые видим интересный проблеск восстановленного тела.

В начале того же года генерал Бжрозовский умер в Полоцке, за несколько месяцев до того, как иезуиты были изгнаны из России, и итальянцы поспешили провести выборы. Перед смертью генерал назначил отца Петруччи генеральным викарием, и этот чиновник прибыл в Рим и вместе со своими соотечественниками-итальянцами назначил выборы на 4 сентября. Нам, конечно, не позволено знать всю правду об этих выборах, но те факты, которые мы знаем, ясно показывают, что итальянцы были полны решимости восстановить контроль над Обществом. Однако, по-видимому, произошла более глубокая ссора. Некоторые из молодых людей и бывшие пакканаристы хотели реформировать конституции, и их поддержал кардинал делла Ганга, викарий папы римского (а позже Лев XII); мужчины постарше выступали против реформы. Но какова была точная позиция Петруччи, решить невозможно. Кретино-Жоли, который

единственный имел доступ к архивам и воспользовался своей привилегией таким образом, чтобы сделать ссору непонятной, выдвигает нелепое предположение, что Петруччи и кардинал хотели уничтожить Общество.

Как бы то ни было, Петруччи пытался провести выборы до прибытия поляков, но в то время в Риме находился энергичный бретонец из Русской провинции, отец Розавен, и он обратился к кардиналу. Затем Петруччи написал полякам, что они должны отложить свое путешествие в Рим, но Розавен раскрыл им эту хитрость, и они прибыли в Рим в начале сентября. Должно быть, в доме иезуитов царил самая необразованная суматоха, поскольку вместо выборов 4 сентября мы видим, как кардинал делла Ганга вмешивается 6 сентября, чтобы сказать, что комиссия во главе с ним и кардиналом Галеффи была назначена папой для вынесения решения по их ссорам. Неделью спустя комиссия установила, что Петруччи должен был обладать полномочиями генерала, но два кардинала должны были председательствовать на выборах. Отчет, предоставленный нам французским историком, сбивает с толку своей путаницей и, очевидно, призван скрыть ожесточенный конфликт личных и национальных амбиций, реформаторов и антиреформаторов.

Партия, выступавшая против Петруччи (и, предположительно, против реформы), теперь обратилась к кардиналу Консальви и осудила своего генерального викария. Консальви мало интересовали иезуиты, но, как они знали, он был не прочь помешать делла Ганге. В октябре он добился призыва Конгрегации. Кажется, это были самые оживленные и страстные выборы, свидетелями которых когда-либо был старый дом. Петруччи постановил, что избиратели из Англии, Франции и части Италии не имели канонического права голоса; Конгрегация отвергла его решение, а когда он выразил протест, сместила его и исключила его и его главного сторонника Пьетробони из Конгрегации. Делла Ганга подал апелляцию папе, Консальви отклонил его апелляцию, и 18 октября был избран отец Фортис. Затем победоносная секция провела судебное разбирательство по поводу поведения меньшинства. Петруччи и Пьетробони были помилованы из-за их возраста, но несколько молодых людей были исключены из Общества.

Следует признать, что это Собрание демонстрирует решительную преемственность нерегулярных черт Общества. Фортис, Розавен, Петруччи и лидеры конфликтующих сторон были старыми членами; Фортис, по крайней мере, пожилой итальянец на восьмом десятке лет жизни, принадлежал к подавленному Обществу, и поведение его и его последователей наводит на мысль, что сорок лет жизни без ограничений дисциплины не способствовали улучшению их характера. В умиротворенной Европе 1820 года они видели легкое поле для триумфа своего ордена, и итальянцы стремились контролировать его. Борьба против предложения реформировать Общество столь же непривлекательна; и легкость, с которой обе партии апеллировали к соперничающим кардиналам, в то время как иезуитская традиция яростно негодовала против любого внешнего вмешательства в их Конгрегации, довершает неприятную картину. Победили антиреформаторы, и избиратели разбрелись по своим провинциям и миссиям.

Три года спустя Пий VII. умер, и торжествующая клика в Джезу на мгновение встревожилась, когда кардинал делла Ганга вззошел на папский престол под именем Льва XII. Розавен выражает свою озабоченность в письме коллеге и предсказывает, что он, по крайней мере, будет вынужден покинуть Рим. Но Лев XII. он был убежден, что Общество стало одним из самых

полезных вспомогательных органов папства, и поспешил заверить их, что их интриги против его власти забыты. На самом деле он и года не пробыл в Ватикане, когда оказал им честь, вернув Римский колледж в их ведение, и они собрали своих лучших преподавателей со всех уголков мира, чтобы вернуть ему былой престиж. Другие из их старых коллегий в Папской области были закреплены за ними Львом XII. и итальянские провинции быстро восстановили свою власть.

Всем было известно, что либеральные настроения, порожденные революционным движением, все еще были живы. Тайное общество карбонариев раскинуло свою сеть по всей Италии, и образованный средний класс был в значительной степени либеральным и антиклерикальным. В Неаполе в 1820 году карбонариям на мгновение показалось, что они вот-вот восторжествуют; но восстание было подавлено, и иезуиты вернулись к задаче воспитания среднего класса в пропагандистских настроениях. У них был колледж для сыновей знати в Неаполе и четыре других колледжа в неаполитанском округе; в то время как у них было не менее пятнадцати колледжей и резиденций на острове Сицилия. В северном Пьемонте, откуда в то время мало кто ожидал прихода величайшей угрозы папству, они сохраняли огромную власть на протяжении десятилетий. Виктор Эммануил уступил место Чарльзу Феликсу, и либералы воспользовались случаем, чтобы яростно напасть на отцов церкви. Чарльз Феликс ответил, выбрав духовника-иезуита, отца Грасси. Чарльз Альберт покровительствовал им даже более щедро, чем его предшественники. Он добился возвращения им их старого дома в Турине, а когда обнаружил, что невозможно получить для них их старый дом в Генуе, который был преобразован в университет, он предоставил им в качестве резиденции один из своих дворцов.

В Папской области они вступили в свой золотой век с восшествием на престол Григория XVI в 1831 году. И Лев XII. и генерал Фортис умерли в 1829 году. Молодой голландский иезуит, отец Рутаан (сорока четырех лет), сменил Фортиса и Пия VIII. взошел на папский престол. Он умер в ноябре 1830 года, и Григорий XVI надел тиару в самый разгар революционного движения 1830 и 1831 годов. "Белому террору" не удалось победить то, что он называл революционной стихией; его тысячи казней, ужасающие тюрьмы и отвратительные шпионы лишь подлили масла в огонь восстания, и международное движение за реформы набрало силу. Средний класс в каждой стране — особенно в Италии, где революционные движения по сути были средним классом, — со жгучим негодованием перенес жестокость Австрии, папства, Неаполя, Испании и Франции, и молодые люди типа Мадзини посвятили свою жизнь реформам. В 1831 году итальянские повстанцы, воодушевленные успехом Июльской революции во Франции, подняли свой трехцветный штандарт и вскоре увидели его развевающимся над Моденой, Пармой и рядом Папских государств. Одним из первых действий повстанцев повсюду было нападение на резиденции иезуитов. В Сполето, Фано, Модене, Реджо, Форли и Ферраре иезуиты были изгнаны из своих домов и колледжей и преследовались за границами революционных провинций. Но Неаполь и Пьемонт были непоколебимы в беспорядках, и австрийские войска из Венеции быстро подавили революционный дух. Именно накануне этого восстания — дела почти исключительно образованного класса — Григорий стал папой, и его политика после установления мира была политикой жестоких репрессий.

Здесь нет необходимости вспоминать о жестоким режиме, который установили австрийцы в Венеции (к которым иезуиты были официально допущены в 1836 году), папа римский в центральной Италии и неаполитанский правитель на юге. Для нас достаточно того, что в трех государствах, как и в Испании и Португалии, иезуиты были самыми яркими пособниками реакционных и кровожадных монархов. Григорий XVI, самый отталкивающий папа

современности, был самым щедрым покровителем, который был у иезуитов более ста лет. Он зашел так далеко, что доверил им Городской колледж, учреждение, в котором сама Пропаганда готовила своих миссионеров. Образование было корнем революционного зла, и именно иезуиты должны были следить за тем, чтобы такое образование, какое было дано в Италии, опустилось до ужасающей степени неграмотности и до сих пор составляет 70 процентов в южных провинциях, где дольше всего правили иезуиты, не было запятнано современной культурой. Это правда, что после 1830 года генерал назначил пятерых ученых отцов для пересмотра *Ratio Studiorum* Общества; но нельзя рассматривать это иначе, как несколько юмористический комментарий к иезуитской системе, согласно которому учителя больше не были обязаны преподавать физику Аристотеля или пренебрегать языком учеников, которых они обучали, в пользу латыни и греческого. Фактически, мы имеем очень любопытную иллюстрацию уровня культуры Григория и его учения иезуитов. В 1837 году холера угрожала Риму. Наука о борьбе с подобными эпидемиями, конечно, все еще находилась в зачаточном состоянии, но поведение Рима было именно таким, каким оно было бы пятьсот лет назад. Была назначена торжественная процессия, и среди толп перепуганных людей статую Пресвятой Девы пронесли через весь Рим к церкви иезуитов. Григорий и его кардиналы участвовали в процессии, и какое-то время Джезу был центром или источником надежды Рима. В течение нескольких месяцев 5419 римлян умерли от холеры.

Грегори умер в 1846 году, и Италия вздохнула с облегчением. Нищета рабочего класса, жестокое обращение, которому подвергались образованные классы, а также контроль иезуитов над образованием и очень значительной долей назначений в Папской области породили ненависть к нему во всех частях его владений. Когда Мастаи Ферретти взошел на трон и принял имя Пия IX, его встретили с диким энтузиазмом. Он был достаточно известен, чтобы внушать надежду на то, что царству террора и господству иезуитов пришел конец, и его первые действия подтвердили эту надежду. Была объявлена амнистия, и более жесткие принудительные меры его предшественника были отменены. Росси, который, как мы сейчас увидим, был отправлен в Рим несколько лет назад для переговоров об изгнании иезуитов из Франции, был отозван и назначен ведущим министром Ватикана; а отцу Тейнеру было поручено восстановить память Климента XIV. против иезуитов и Кретино-Жоли, который только что опубликовал свою историю. Иезуиты были настолько печально известны своим недовольством переменами и уступками молодого папы либерализму, что, проходя по улицам, он слышал предостерегающий крик своего народа: "Берегитесь иезуитов".

Трудно сказать, какую роль сыграли иезуиты в том, что новый папа перестал изображать из себя либерала. Обычное утверждение, что он был потрясен убийством графа Росси и революцией 1848 года, поверхностно и вводит в заблуждение. Он навлек на себя негодование либералов из-за того, что быстро отошел от своего первого идеала. Некоторые из главных претензий его образованных подданных, такие как монополия духовенства на все оплачиваемые должности в государстве, остались нетронутыми, и вскоре стало заметно, что он скатывается назад, к реакции. Его духовника заменил друг иезуитов, а когда популярный и несколько мятежный священник Джоберти опубликовал пламенную и справедливую атаку на иезуитов, Пий IX сурово осудил его. В то же время вернувшиеся изгнанники и беженцы, стекавшиеся в Рим из стран, которые цеплялись за угнетение, несомненно, имели идеалы, реализовать которые в ту эпоху было совершенно невозможно ни одному папе. Пий отчуждался все больше и больше, и приближался жестокий конфликт. О том, как третья революционная волна 1848 года докатилась

до Рима, и папа бежал в Гаэту, а иезуиты вернулись к власти в результате неизбежной реакции, следует рассказать в следующей главе.

Когда мы обращаемся к рассмотрению судьбы иезуитов во Франции в первой половине девятнадцатого века, мы находим совсем другую и более интересную хронику. Напомним, что они были изгнаны из Франции в 1761 году, и подавляющее большинство из них фактически покинуло королевство. Многие были секуляризованы и остались учителями, наставниками, исповедниками или *илюре*. В период репрессий многие из них нашли работу во Франции; ученый отец Боскович, например, был назначен директором оптического департамента военно-морского флота при Людовике XVI. Как и в Италии и Австрии, некоторые из них стремились воплотить дух своего осужденного Общества в Конгрегациях с другими названиями, и появилось любопытное разнообразие братств. "Отцы веры", или пакканаристы, происхождение которых мы видели, обрели добродушную атмосферу во Франции, и маленькая колония, присланная ими из Австрии, вскоре пополнилась бывшими иезуитами. Еще одно тело было широко известно как "Жертвы любви Божьей". Женское отделение общества "Святого сердца" также распространилось во Франции и выросло в внушительную организацию монахинь (под руководством бывших иезуитов) с особой функцией предоставления "правильного" образования дочерям богатых людей; по сути, оно остается женским отделением Общества по сей день, хотя связь не является официальной. Существовала "Конгрегация Святого семейства" для подготовки учителей из бедных слоев населения и "Конгрегация Богоматери" для объединения представителей среднего класса.

Но из всех этих объединений, таинственным образом возникших на почве революционной Франции и процветавших под покровительством Наполеона, самым важным была некая "Конгрегация Святой Девы", основанная в 1801 году. Им управлял бывший иезуит, и поначалу оно имело некоторое сходство с ассоциацией молодых людей, организованной в Риме бывшим иезуитом Каравитой. Молодые люди, в основном студенты университетов, должны были навещать больных и бедных - одним словом, быть практичными христианами. Но в то время как итальянские молодые люди становились священниками и пакканаристами, члены Конгрегации Пресвятой Богородицы, как правило, оставались в миру, сохраняя на протяжении всей жизни свое членство в Обществе и связь с его руководителями. Велся реестр их имен и занятий, и это фактически означало, что у иезуитов были друзья и ревностные тайные работники в каждой школе и профессии, в армии и на флоте, в журналистике и политике.

Louis XVIII. вззошел на трон, и Талейран призвал его восстановить Общество. Он отказался, и иезуиты были вынуждены по-прежнему полагаться на свою тайную организацию. Уже в 1814 году у Отцов Веры был дом в Париже и еще шесть домов за городом. Теперь их титул был преднамеренным обманом, поскольку они в 1804 году тайно отказались от пакканаризма, находясь в руках папского нунция, и вступили в Общество Иисуса, как это разрешено в России. Они одевались и вели себя внешне как светские священники, и епископы часто привлекали их к преподаванию и проповеди. От Конгрегации Пресвятой Богородицы они не только получали точную информацию о том, что говорилось и делалось во всех сферах французской жизни, но и набрали много послушников; другие молодые люди присоединились к светскому духовенству и со временем будут следить за интересами общества внутри этого органа. Теперь были отданы приказы, согласно которым иезуиты должны работать в совершенной гармонии со светским духовенством и в самом почтительном подчинении епископам.

В течение следующих нескольких лет их число быстро росло, и примерно в 1818 году они начали занимать видное место в религиозной жизни Франции. Они были особенно заняты в том, что в английской церковной жизни известно как "службы пробуждения". Красноречивые проповедники, особенно когда они обличали либерализм и "дурные" тенденции того времени, они переходили из города в город, разжигая пыл католиков. На обочинах дорог были установлены большие распятия в память об их ораторском мастерстве; по улицам проходили процессии энтузиастов; местами церкви были так переполнены, что приходилось ночевать у дверей, чтобы занять место рядом с кафедрой. Католики говорили (с улыбкой), что это были братья Фуа; но критики утверждали, что это были иезуиты, и были города, где миссионеры подвергались нападкам и были изгнаны. Во французской прессе разгорелась очень серьезная полемика относительно того, действительно ли во Франции есть иезуиты; даже когда в 1822 году либеральный журнал получил и опубликовал письмо генерала Фортиса одному из своих французских подданных, их было трудно осудить.

В этот период, в начале двадцатых годов, знаменитый аббат де Ламенне стремился сформировать демократическую христианскую организацию и приложил усилия, чтобы заручиться поддержкой иезуитов. Louis XVIII. был одним из наиболее умеренных восстановленных монархов; но демократические чувства все еще были сильны во Франции, и, поскольку духовенство в целом было реакционным, демократия, торжество которой Ламенне предвидел, была связана с вольтерьянством. Ламенне был убежден, что время феодальных монархов миновало, и Церковь может быть спасена, только объединившись с народом. Развитие французской истории показало истинность его взглядов. Демократия восторжествовала, и Церковь сократилась до — М. Сабатье говорит мне — менее одной шестой части населения. Видя очевидную силу миссионеров-иезуитов, Ламенне, который был с ними очень дружен, искренне умолял их включить его политику в свои проповеди.

Интересно отношение иезуитов к Ламенне. Они годами колебались, разделились на секции и в конце концов были вынуждены запретить любое публичное обсуждение этого вопроса. В 1821 году некоторые из их членов были осуждены за нападки на Ламенне, в следующем году другие были осуждены за его поддержку; а Розавен, французский ассистент в Риме, распорядился, чтобы "благоразумие" запрещало им публично принимать чью-либо сторону. Позже, поскольку они все еще колебались и противоречили друг другу, генерал Фортис строго запретил публичные высказывания на эту тему. Фортис умер в 1829 году, и Ламенне вновь обратился к иезуитам с призывом "отвернуться от монархов к народу"; но Рутаан сохранил позицию своего предшественника. Когда Ламенне в конце концов был осужден, иезуиты горячо указали, что они отказались поддержать его.

Эта ситуация интересна, потому что она демонстрирует, как иезуиты нервно уклоняются от величайшей социальной проблемы своего времени. Они возражают, что это был политический вопрос, а их традиции запрещают им обсуждать политику. В некотором смысле верно, что иезуиты всегда воздерживались от политических теорий и преклонялись перед фактической правящей властью; за исключением случаев, когда правящая власть мешала им, когда они могли стать самыми яростными революционерами. Но, помимо вопроса, не был ли этот вопрос моральным в самом лучшем смысле этого слова, нелепо утверждать, что "политический" характер евангелия Ламенне не позволял им задуматься над ним, когда в каждой стране, где реакционный монарх призывал их к себе на помощь, они были яростными приверженцами аристократического евангелия. В течение двадцати лет они утверждали, что политические бури,

которые смели старых монархов с их тронов в конце восемнадцатого века, были непосредственно вызваны ослаблением их контроля над школами и университетами. Они были возвращены к жизни с явной целью примирить Европу со старым порядком и уничтожить стремление к демократическим реформам, и только в кантонах Швейцарии было обнаружено, что они придерживаются иной теории общественного устройства; хотя, как мы увидим, швейцарские кантоны в то время были скорее аристократическими, чем демократическими. Очевидно, что во Франции они колебались только потому, что будущее было неопределенным. Их реальной целью было восстановить эпоху Людовика XIV, но это новое демократическое движение выглядело грозным. Они будут ждать и руководствоваться этим вопросом.

Католические демократы гневно обрушились на иезуитов за их позицию по этому важному вопросу и обвинили их в грубом невежестве и безразличии к социальным условиям: совершенно справедливое порицание. Но их могущество росло с каждым десятилетием. Появились новые конгрегации — общества по убеждению влюбленных вступать в брак в церкви, по защите студентов от либерализма и так далее, — и в Конгрегацию Богоматери теперь входила половина дворянства и высшего духовенства, а также ряд писателей, юристов, политиков и чиновников. Их французский апологет, который сам был членом Конгрегации и жил в то время в Париже, признает, что тайное влияние Конгрегации было таково, что многие стали исповедовать религию и присоединились к ней, чтобы продвигать свои материальные интересы. Карл X, сменивший Людовика в 1824 году, восстановил их доверие. Он начал свою карьеру с либеральных мер; но в душе он был более реакционером, чем Людовик XVIII, и менее осмотрительным, и иезуиты молча организовали свои силы для восстановления Общества.

Образованный француз теперь обычно соединял скептицизм Вольтера с умеренным демократизмом Лафайета, и в либеральной прессе разразилась гневная буря. Открытая деятельность "пакканаристов" была оскорблением Конституции, и тайные маневры Конгрегации, печально известной тем, что ее возглавлял отец Ронсин, встревожили их. Власти незаметно выдворили отца Ронсена из Парижа, но работа Конгрегации продолжалась. Карла X подозревали в покровительстве иезуитам. В 1828 году нунций открыто предложил восстановить Общество. Мы можем поверить Кретино-Жоли на слово, что почва была настолько хорошо подготовлена, что мера могла быть безопасно принята в двух палатах. Но Виллель, по словам французского историка, был настолько заблуждающимся, что сначала обратился к стране, и он проиграл. Вопрос об иезуитах был не последним из вопросов, поставленных на карту. На публику обрушился ливень памфлетов, и настроение народа было таково, что однажды, когда король проводил смотр Национальной гвардии, из рядов раздался крик "Долой иезуитов", и смотр был отменен.

Более умеренное Министерство Мартиньяка было сейчас формируется, и, так как он нуждался в сотрудничестве либералов, план восстановления иезуитов был заброшен. Либералы теперь приободрились и предприняли яростную атаку. "Маленькие семинарии", как французы называли подготовительные колледжи для духовенства, были оставлены под контролем епископов, и некоторые из них, как известно, контролировались тонко замаскированными иезуитами. Была назначена комиссия епископов во главе с архиепископом Парижа для рассмотрения обвинения, и было решено, что восемь семинарий на самом деле были иезуитскими колледжами и должны быть закрыты; далее было предписано отобрать семинарии у епископов и передать их под контроль университетов, ограничить количество учеников и впредь не допускать к преподаванию в них ни одного священника, который не принес присягу в

том, что он не принадлежит к несанкционированной Конгрегации. Епископы, многие из которых получили свои места благодаря влиянию иезуитов, тщетно протестовали против этого нарушения их прав. Их протест усугубил ситуацию, поскольку они оговорили, что это должно оставаться в секрете; но Либеральная пресса добыла текст и опубликовала его.

Это был очень серьезный удар по французским иезуитам, которые использовали семинарии для воспитания учеников-мирян в своем духе, а также для обучения светских священников полагаться на них. Пока французская пресса обсуждала вопрос о том, существуют ли они в стране, их число выросло до 436, и у них было два послушничества и несколько резиденций, помимо семинарий. Теперь они были полны решимости принять более смелые меры против врага. Как я уже сказал, вопрос об иезуитах ни в коем случае не был единственным серьезным обсуждаемым вопросом; Мартиньяк получил лишь умеренную и неуверенную поддержку от своих либеральных союзников, поскольку его меры не были достаточно продвинутыми. Однако ясно, что иезуиты, через нунция, внесли свою лепту в то, чтобы побудить короля заменить умеренного Мартиньяка на полностью консервативного Полиньяка. Это было в июле 1829 года. Ответом народа, когда министерство вернулось к старым мерам принуждения, была Июльская революция 1830 года. Главные иезуитские дома в Монруж и Сен-Ашеле были разграблены толпой, и отцы церкви разбежались во все стороны. В очередной раз они потерпели тяжелое поражение в канун, как они считали, победы.

Революционная волна с разрушительной силой распространилась, как мы видели, и на Италию; и там отцы также были на время с презрением изгнаны из своих колледжей. Их восстановление во Франции, естественно, шло медленнее, чем в Италии. Первые год или два правления Луи Филиппа они переезжали, опасаясь за свою жизнь, и обычно прятались в благочестивых католических домах. В 1832 году холера охватила Францию, и они вспомнили, как часто героическое поведение во время таких эпидемий обезоруживало их критиков. Но в девятнадцатом веке с Францией было не так-то легко примириться, и те немногие, кто осмелился появиться в последующие годы, были арестованы. Однако со временем недовольство перешло к более ярким либералам, и они возобновили полупубличное существование предыдущего десятилетия. Католицизм добился большого прогресса в тридцатые годы, главным образом благодаря блестящей группе мирян, и некоторые иезуиты приняли открытое участие в возрождении. Отец де Равиньян, их лучший оратор, несколько сезонов занимал кафедру церкви Святой Богородицы, и они усердно устраивали ретриты для духовенства.

Поскольку они больше не осмеливались преподавать, — хотя было известно, что они открыли колледж для французских учеников сразу за бельгийской границей, — и не проявляли своего характера никакими внешними действиями, юридически они были неуязвимы; но прошло совсем немного времени, прежде чем они снова навлекли на себя гнев либералов. Начиная с 1840 года духовенство яростно нападало на профессоров университета. Поскольку среди них были такие философы, как Кузен и Жоффруа, историки, такие как Мишле, и литераторы, такие как Жюль Симон, мы можем легко поверить, что их лекции временами противоречили ортодоксальным идеям; но нападки были грубыми и преувеличенными, и профессора чувствовали, что ими тайно руководили иезуиты; отец де Равиньян, фактически, участвовал в ожесточенном конфликте перьев. Главным результатом было то, что иезуиты переняли сардонический юмор Мишле, веские порицания Кузена, ядовитые насмешки Симона и безудержные обличительные речи популярной либеральной прессы. Именно во время этой

суматохи Эжен Сю хлестнул их своим *"Странствующим Джуифом"*, а Жорж Санд написала *"Консуэло"*. Против этого яростного и блестящего натиска публикация *Истории* Кретино-Жоли была слабой защитой; она не могла убедить никого, кроме уже убежденного и не критичного католика. Действительно, его обращение с Климентом XIV шокировало многих католиков, и, как мы видели, Пий IX поручил архивариусу Ватикана опровергнуть это.^[41]

Наконец Луи Филипп был вынужден действовать. Католические писатели отнеслись к тому, что во Франции появились иезуиты, как к забавной шутке, и были немало огорчены, когда отцы церкви выдали свое существование способом, который позабавил либеральных памфлетистов. В 1845 году один из их казначеев присвоил вверенные ему средства, и они неосмотрительно подверглись судебному преследованию. В ходе последовавшей полемики стало ясно, что во Франции насчитывается двести членов запрещенного Общества, и бурно требовалось их изгнания. Король знал, что если он подавит "Отцов Веры", они всего лишь изменят свое название, и он избрал более мудрую политику. Он послал России в Рим сообщить папе, что отношения Франции и Ватикана значительно улучшились бы, если бы церковные власти устранили иезуитов. Достоинство Святого Престола было спасено приятной маленькой комедией. Конгрегация по чрезвычайным церковным делам сообщила, что просьба не может быть удовлетворена, и папа твердо ответил французскому посланнику в этом смысле. Но генералу Рутаану был сделан частный намек на то, что желательно выполнить пожелания короля, и России было поручено встретиться с ним. Каким бы ни был точный характер этого намека, Рутан убедил своих французских подданных в целесообразности роспуска их главных общин — в Париже, Сен-Ашеле, Лионе и Авиньоне, — и они снова угрюмо отступили с поля боя. Позже мы увидим, как они нашли подходящего покровителя в лице Наполеона III и как третья республика окончательно пресекла их деятельность во Франции.

Их состояние в Испании в девятнадцатом веке было более неустойчивым, чем можно предположить по их нынешнему процветанию. 15 мая 1815 года Фердинанд VII. отменил суровый приговор своего великого предшественника и распорядился, чтобы их прежняя собственность была возвращена иезуитам. Сто пятьдесят старых членов Общества вернулись на родину; колледжи и послушничества были открыты на средства возвращенной собственности и королевских щедрот; и, как нам рассказывают, город за городом требовали и с энтузиазмом принимали своих бывших учителей. Мы вполне можем поверить, что толпы, приветствовавшие клятвopреступника Фердинанда криком "Долой свободу", приветствовали бы и иезуитов. В отвращении, вызванном их ненавистью к французам и к новым идеям, которые французы принесли в Испанию, невежественная масса народа пала к ногам жестокого монарха и коррумпированного духовенства. Образованный средний класс, однако, оставался в значительной степени либеральным. Они признали Фердинанда только при условии, что он пообещает сохранить их Либеральную конституцию, и, как только он получил корону, он разорвал свое обещание и Конституцию в клочья и со страшной жестокостью обрушился на либералов. Известные либералы были немедленно казнены, пожизненно заключены в тюрьму или изгнаны; инквизиция была восстановлена, и сеть шпионов распространилась по всему королевству. Мужчины, женщины и дети были жестоко наказаны, и возникло "Общество Ангела-истребителя", которое укрепляло окровавленные руки короля и инквизиторов и направляло их.

Эти пять лет испанской истории составляют одну из самых отвратительных глав в летописи современной Европы. К сожалению, невозможно определить, какую роль восстановленные иезуиты сыграли в этом царстве террора. Все духовенство и монахи Испании были союзниками

своего монарха в ведении того, что они считали священной войной. Достаточно того, что иезуиты не возражали против варварских действий Фердинанда, и что за пять лет их число увеличилось более чем вдвое. В 1820 году их число увеличилось до 397, с несколькими новичками и большим количеством колледжей.

И 1820 год дает нам некоторую оценку их вины в связи с предыдущими годами. Средний класс все еще был достаточно силен или гуманен, чтобы положить конец позорным ужасам и подтвердить либеральную конституцию 1810 года. Был созван кортес, и, хотя его члены по-прежнему были преимущественно католиками, было решено, при наличии только одного несогласного, изгнать иезуитов. Перепуганный король уступил депутатам, и в августе четыреста иезуитов были отправлены на пенсию и им было приказано покинуть страну. К несчастью, французский король поддержал своего "кузена", и его войска восстановили дикое самодержавие Фердинанда и власть иезуитов. Царство террора вернулось, и даже другие католические монархи Европы были потрясены безобразиями, совершенными и разрешенными Фердинандом. И снова невозможно выделить долю иезуитов в этой всеобъемлющей вине. Их главной задачей было воспитание молодежи в "лучших" чувствах. Им были доверены Колледж знати и крупный военный колледж в Сегуре, и они вновь заняли свои бывшие колледжи. Но ни священники, ни правители не доверяли методам обучения. Достаточно отметить, что консервативный авторитет по Испании майор Хьюм говорит о возобновившемся господстве террора: "Современная цивилизация не видела подобного примера зверской, слепой свирепости".

Это ужасное состояние продолжалось почти непрерывно до смерти Фердинанда в 1833 году. Затем страна вступила в долгую карлистскую войну, и вскоре иезуиты были изгнаны в третий раз. В то время как королева Кристина объединилась с либералами, Дон Карлос поднял под свои знамена абсолютистов и ультрамонтанов, и подавляющее большинство духовенства поддержало его. Обычно и уверенно говорят, что иезуиты, как и все остальное духовенство, поддерживали дона Карлоса; но когда мы вспоминаем их принцип не принимать открыто чью-либо сторону в двусмысленном конфликте или принимать обе стороны, мы не ожидаем найти никаких доказательств этого на ранних стадиях. Не только либералы, но и масса людей в Мадриде были убеждены, что они на стороне дона Карлоса, и они видели, как ненависть накапливается со всех сторон. В 1834 году на столицу обрушилась холера. Такие случаи обычно служили на пользу иезуитам, но это новое бедствие только еще больше разозлило народ против них. Был поднят крик, что иезуиты и карлисты отравили водопровод, и, по-видимому, по какой-то странной случайности или заговору детей находили на улице с небольшим количеством мышьяка. Днем 17 июля горожане бросились к домам иезуитов и других религиозных организаций, и последовал ожесточенный бунт. Четырнадцать иезуитов, сорок четыре францисканца, пятнадцать доминиканцев и другие люди были убиты в этой борьбе. Некоторые из их провинциальных домов также были разграблены или закрыты, и обитателям пришлось спасаться бегством.

В следующем, 1835 году, регент Кристина снова запретила Общество, и иезуиты были рассеяны. Теперь они открыто встали на сторону дона Карлоса. Утверждая, как обычно, что они равнодушны к политике и должны выполнять требуемые от них духовные службы под любыми знаменами, они последовали в тыл наступающим карлистам и открыли колледжи в завоеванных ими округах. Один иезуит охранял совесть дона Карлоса, другой был наставником его детей, а другие служили в его лагерях. В конце концов более способный генерал-христианин Эспартеро

изгнал карлистов из баскских провинций и закрыл дома иезуитов. Ко времени революции 1848 года в Испании не осталось никого, кроме нескольких замаскированных и робких представителей Испанского общества.

Иезуиты были строго изгнаны из Португалии в течение пятнадцати лет после восстановления Общества. Иоанн VI, конституционный и трезвый монарх, отказался раздражать своих подданных, принимая их, и не нуждался в их удушающем влиянии на образование в Португалии. Он сопротивлялся любому давлению Рима в их интересах и соблюдал Либеральную конституцию, которую он принял. Его внучка Мария унаследовала его трон и политику в 1826 году при регентстве своего дяди, Дома Мигеля. И здесь иезуиты были допущены в силу акта предательства и процветали в атмосфере дикости. Дом Мигель интриговал из-за трона, и, когда он принес присягу уважать Либеральную конституцию, ему было разрешено занять его. "Его иезуитское воспитание, - говорится в *Кембриджской современной истории* (х. 321), - позволило бы ему легко довольствоваться отпущением грехов Церковью за нарушение веры, совершенное во имя благого дела". Он сразу же нарушил свою клятву и с яростью набросился на либералов. По оценкам некоторых португальских авторов, за следующие четыре года более 60 000 человек были казнены, депортированы или заключены в тюрьму.

Таков был второй из ведущих католических монархов, обратившийся за помощью к иезуитам. Никого из жителей старой португальской провинции не удалось обнаружить или побудить возобновить работу во враждебном мире, и в 1829 году из Франции пришлось прислать восемь иезуитов, чтобы начать реставрационные работы. В данном случае они не претендуют на восторженный прием. Ничего из их прежней собственности не было восстановлено, и какое-то время им приходилось укрываться в домах конкурирующих орденов. Однако им, как обычно, посчастливилось привлечь симпатии знатных дам, и на следующий год они получили возможность приобрести свой старый дом в Лиссабоне. Когда король увидел, что за их прибытием не последовало никаких насильственных беспорядков, он начал покровительствовать им и обеспечил для них их знаменитый колледж в Коимбре. В том же году они имели удовольствие основать дом в Помбале, где умер их старый противник, и их настоятель описывает в назидательном письме, как он сразу же "побежал помолиться над могилой маркиза"; похоже, он был глубоко огорчен, обнаружив, что останки Помбала еще даже не были преданы земле, в то время как дети Игнатиуса были с почестями приняты в месте, носящем его имя.

Но свирепость Мигеля уже глубоко взволновала население, и в следующем году отец обманутой молодой королевы, Дон Педро, император Бразилии, пересек океан, чтобы обеспечить ее права и Конституцию. Иезуиты были крайне озадачены. Дон Педро, по-видимому, почувствовал, что не может надеяться на длительный триумф без помощи иезуитов, и в письме с автографом (в марте) тайно предложил им свою защиту и благосклонность, если они оставят Мигеля. Вопрос был неопределенным, и, когда дон Педро прибыл в Лиссабон в июле, иезуиты заверили его, что его письмо попало к ним в руки слишком поздно, чтобы они могли рассмотреть его предложение. Они сохраняли идеальный нейтралитет во время войны и ухаживали за жертвами холеры в обоих лагерях с религиозной беспристрастностью.

Жители Лиссабона спасли дона Педро от дилеммы, которую поставило перед ним это превосходное или благоразумное поведение. 29 июля смешанная толпа солдат и горожан напала на резиденцию иезуитов и разграбила ее. Самим отцам пришлось бы очень тяжело,

если бы некоторые английские морские офицеры не спасли их по-рыцарски. В следующем мае (1834 г.) дон Педро возобновил наказание в виде лишения свободы. Из их красивого колледжа в Коимбре их перевезли в Лиссабон, где они столкнулись с улюлюканьем и насмешками ликующей толпы, а затем были посажены в тюрьму. Впоследствии французы добились их освобождения из тюрьмы, но с тех пор они никогда не имели законного существования на земле Помбал.

Далее мы обратимся к Англии, чтобы изучить судьбу последователей Игнатия вплоть до середины девятнадцатого века. Во второй половине восемнадцатого века иезуиты воспользовались более терпимым духом эпохи Жоржей и снова увеличились в численности. Их колледжи в Испании, Франции и Бельгии принимали большое количество молодых католиков, и мы обнаруживаем, что на момент подавления Общества в Английской провинции насчитывалось 274 члена, из которых 143 фактически находились в Англии. Репрессии в Испании и Франции сократили количество их колледжей; два колледжа в Брюгге были насильственно закрыты властями в 1773 году; остался только дом в Льеже и английские миссии в Ливерпуле, Престоне, Бристоле и нескольких других городах.

Они продолжали жить общиной в этих резиденциях после упразднения Общества и служить в качестве светских священников. В 1794 году их положение снова изменилось в результате французского вторжения в Бельгию, когда английские отцы были изгнаны из своего последнего континентального очага, Льежа. Однако катастрофа оказалась отправной точкой для их более процветающего современного развития в Англии. Один из их бывших учеников, Томас Уэлд, предложил им дом и поместье в Стонихерсте, недалеко от Престона, и 29 августа беженцы достигли места, которому суждено было стать одним из их самых важных центров. Они открыли школу, которой руководили некие "джентльмены из Льежа", и спокойно ждали будущего.

Тем временем бывшие иезуиты, оставшиеся в Англии, переносили свой позор очень нетерпеливо. Один из них, отец Торп, написал в 1785 году столь непристойный *очерк жизни и правления папы Климента XIV*, что его коллегам пришлось изъять ее из публикации по требованию их собственных поклонников. В следующем году бывшие английские иезуиты вступили в переписку со своими мятежными коллегами в России и, хотя они не могли придумать никакого предлога для неповиновения папе в Англии, они предложили объединиться с русскими. Их предложение было отклонено или отложено, и они ждали, пока Папа Римский официально не признал Русское общество в 1801 году. К тому времени аббат де Бройль перевел свою маленькую колонию Отцов Веры из Австрии в Лондон и открыл колледж в Кенсингтоне. Некоторые из бывших иезуитов и многие французские священники-эмигранты были привлечены к этой авторизованной Конгрегации, но Пакканари теперь был объектом подозрения для большинства из них, и, с другой стороны, росла надежда на восстановление Общества.

Теперь предложение поступить на службу к русскому генералу было возобновлено, и как бывшие иезуиты, так и Отцы Веры тайно и поодиночке отправились в Россию и обновили свои обеты. К 1804 году в Англии насчитывалось от восьмидесяти до девяноста иезуитов. Всеобщая и яростная ненависть французов вызвала большое сочувствие к клерикальным жертвам революции, но Англия еще не была готова к такому существенному возрождению иезуитов. Стонихерст превращался в большую и оживленную колонию благодаря продолжающейся

щедлости Уэлда и возвращению выживших жителей старой провинции, и в 1804 году, и более решительно в 1807 году, правительство отдало приказ о роспуске их общин.

Такой орден был слабой помехой их росту, и они воспользовались последовательными движениями, которые помогли восстановлению католицизма. Поток французских эмигрантов, Закон о веротерпимости 1791 года, начало ирландской иммиграции и пропаганда Питтом католической эмансипации позволили католикам войти в девятнадцатый век в большем количестве. Закон о помощи католикам 1829 года настолько раздул их число, что тогда они оценивали свою численность только в Лондоне в 146 000 человек, или почти десятую часть населения; сегодня они составляют около одной пятидесятой населения Лондона. Иезуиты разделили рост с остальным духовенством. Между 1826 и 1835 годами они построили одиннадцать новых церквей, а в 1830 году римские власти официально объявили английскую группу провинцией. Ирландские отцы были отделены от англичан в 1829 году и образовали вице-провинцию. Десять лет спустя началось католическое движение внутри Англиканской церкви, к значительной выгоде Рима.

Ранняя история иезуитов в Соединенных Штатах - одна из самых интересных глав в их современной истории. Когда Общество было упразднено и его члены на мгновение пали духом, Джон Кэрролл, выходец из подавленной Английской провинции, возглавил небольшую группу отцов в Североамериканскую колонию. Он подружился с Вашингтоном и другими лидерами восстания и, как говорят, оказал некоторое влияние на формирование Либеральных положений новой Конституции. В 1789 году он стал епископом Балтимора, а другой бывший иезуит, отец Нил, впоследствии был назначен его коадьютором. Это вывело американскую миссию из-под контроля английского апостольского викария и сделало Кэрролла главой Церкви в Соединенных Штатах. В 1803 году мы находим, что Кэрролл писал генералу Груберу, что в Мэриленде и Пенсильвании есть дюжина престарелых бывших иезуитов, обладающих достаточным имуществом (от старой Мэрилендской миссии), чтобы прокормить тридцать человек; они хотят присоединиться к авторизованному Обществу Грубера и получить приток сил. Русские иезуиты оправдывали свое восстание тем, что светский монарх запретил им отказаться от своих привычек; американцы сказали, что достаточно того, что в Америке нет светского монарха, который запретил бы им носить это. Папство мало что значило для любого из них.

Грубер подчинился, и были заложены основы процветания иезуитов в Соединенных Штатах. В первые годы был достигнут незначительный прогресс. Вновь прибывшие были молодыми иностранцами, а население было разрозненным и в целом враждебным. Один из немецких отцов действительно был арестован и предстал перед судом за то, что не выдал признания вора, но последовавшая полемика скорее подогрела их интерес. Они предусмотрительно основали свой главный колледж и центр в Джорджтауне, недалеко от Вашингтона, и постепенно завоевали уважение американских государственных деятелей, которые посещали колледж и предоставляли ему привилегии. К 1818 году в Соединенных Штатах насчитывалось 86 иезуитов, и новобранцы прибывали из Европы. В 1815 году в Уайт-Марш был открыт послушнический приют, но в Америке удалось найти лишь немногих послушников. На самом деле, поскольку они следовали своему обычаю не брать платы за образование, им повсюду приходилось вести суровую борьбу с бедностью. В 1822 году власти Рима приказали им закрыть школу в Вашингтоне, поскольку она больше не могла существовать без взимания платы. Настоятель, отец Келли, какое-то время бросал вызов своему начальству и содержал школу на плату

учеников; но американизм был еще недостаточно развит, чтобы поддерживать это, и отец Келли был исключен из Общества.

Воспоминания о "черных одеждах" сохранились среди индейцев, и раз за разом предлагалось, чтобы отцы вернулись к своей работе среди них, а также среди чернокожих юга и островов. Их историк приносит пространные и очень искренние извинения за то, что они в течение десяти или двадцати лет отказывались прислушиваться к этому предложению. Они помнили, как их работа среди индейцев была "неправильно истолкована"; их было слишком мало, чтобы выделять людей для дальних работ; со временем они предвидели величие Соединенных Штатов и "предпочли определенное неопределенному". Похоже, истина заключается в том, что торговля одеялами и бобровыми шкурами была невозможна в девятнадцатом веке. Однако после 1840 года они послали миссионеров к индейцам и завоевали у них большую любовь. К тому времени только в провинции Миссури насчитывалось 148 иезуитов, а в провинции Мэриленд - 103.

Очевидно, что ранние иезуиты самоотверженно трудились над тем, чтобы остановить огромное падение Римской церкви в Соединенных Штатах в первой половине девятнадцатого века. Нам не стоит обращать особого внимания на их хвастовство обращением. Иммигранты-католики теперь прибывали миллионами и уходили в пустынные районы и маленькие городки, где их вера быстро забывалась. В 1636 году епископ Чарльзтауна оценил потери почти в четыре миллиона только в его епархии. Многие иезуиты присоединились к борющимся пионерам и вели жизнь, полную великого самопожертвования. Однако их энергия была в основном сосредоточена на расширении своих школ и примирении политиков в таких городах, как Вашингтон. Они обеспечили себе власть в великой Республике, которую они предвидели. Можно добавить, что в то же время это Общество распространялось в Мексике. Восстановленное при Фердинанде, оно, как и в Испании, взяло на себя обязательство сдерживать или разрушать либеральные принципы, которые пустили корни в Мексике. За это они были изгнаны в 1821 году, когда пришло известие о триумфе либералов в Испании, и не возвращались к открытой деятельности до 1843 года.

В германских землях, за исключением Бельгии, восстановленные иезуиты вели ожесточенную борьбу на протяжении всего девятнадцатого века. Австрия и Бавария отказались опубликовать буллу о реставрации или подчиниться ей, к великому огорчению иезуитов. Меттерних, по крайней мере, сохранил дух Иосифа II., а Фердинанд II. еще не был склонен соблазнять своих подданных повторным принятием их. Пруссия, конечно, по-прежнему была закрыта от иезуитов как от иезуитов. Первая серьезная попытка закрепиться в Германии была предпринята в 1820 году, когда изгнанные из России отцы появились на австрийской границе и смиренно попросили разрешения пересечь территорию императора. Они могли бы "перейти границу", сухо ответил он; и когда они добились обычного вмешательства благородных дам, он позволил им отправиться и учить верности своих бедных подданных в Галиции и своих беспокойных подданных в Венгрии. Он выделил средства на эти цели, и вскоре у них была процветающая провинция в Галиции и общий контроль над образованием. Даже здесь они подчинялись епископам, и императорские указы свидетельствовали о большом подозрении и враждебности. В 1829 году Штирия и другие провинции были открыты для них, хотя сопротивление было настолько яростным, что в Граце мы находим их жалующимися на то, что им пришлось остановиться в какой-то гостинице с соседкой-актрисой.

Ferdinand II. умер в 1836 году, но его преемник мало что мог для них сделать перед лицом царящей враждебности. Отец Беккс, будущий генерал, в то время находился в Вене. Иезуит, наконец, принес луч надежды в немецкий лагерь, обратив в христианство герцога и герцогиню Ангальт-Кетенских, а отец Беккс был духовником герцогини в Вене и тайным агентом Общества. В 1837 году он пишет, что их враги очень могущественны, а принципы иосифлян торжествуют; у иезуитов есть только одно государственное учреждение в Австрии, и им запрещено преподавать. Фердинанд, однако, был не прочь заручиться их помощью в борьбе с либерализмом, и они незаметно распространились по отдаленным провинциям. Тироль был открыт для них в 1838 году, и из своего старого колледжа в Иннсбруке они приступили к захвату его школ. Вскоре мы увидим, как революционная буря 1848 года заставила их отказаться от своих новых приобретений.

В Швейцарии судьба иезуитов была более романтической. Во время репрессий они продолжали жить общинами и тщательно скрывали оскорбительный титул от глаз граждан-протестантов. После 1814 года они начали побуждать своих последователей-мирян обращаться к властям с просьбой санкционировать их возвращение к жизни, и началась долгая и ожесточенная борьба за Общество. В то время кантон Золотурн составлял более восьмидесяти процентов населения. Католик, и в 1816 году Большому совету было предложено восстановить Общество. Он отказался, и тогда они предприняли осторожные усилия в Вале и Фрейбурге. Я знаю, что во всех этих случаях иезуиты не фигурируют в связи с петицией; несколько влиятельных католиков призывают к возвращению, а иезуиты изображены безмятежно отстраненными от переговоров. Мы привыкли к претензиям такого рода. В 1818 году Большой совет Фрайбурга (который также составлял почти девяносто процентов. Католик) шестидесятью девятью голосами против сорока двух принял решение вновь принять иезуитов и доверить им свои школы. В то же время они восстановили свой старый дом в Бриге и начали распространяться в католическом Вале.

С начала третьего десятилетия девятнадцатого века радикалы начали свои атаки на растущее число иезуитов. В 1823 году отцы получили свой старый колледж во Фрайбурге, о котором они давно мечтали. С момента их поселения во Фрайбурге этот колледж находился в руках монахов-францисканцев, которые переняли идеи Песталоцци, великого швейцарского педагога, и выполняли замечательную работу. Епископ пожаловался властям на нововведения монахов, и их заменили иезуиты. Радикалы из города были достаточно злонамеренны, чтобы предположить, что иезуиты замыслили добиться такого результата, — чему, конечно, нет никаких доказательств, — и в ночь с 9 на 10 марта они напали на колледж, и им с трудом помешали сжечь его. В следующем году иезуиты были изгнаны из Нидерландов (которые образовали одну провинцию со Швейцарией и Саксонией) и пополнили число своих коллег в Вале и Фрайбурге.

Однако в 1836 году, когда по Европе прокатилась вторая революционная волна, радикалы пришли к власти в большинстве кантонов (включая Люцерн, Фрейбург и Золотурн). Они еще не были в состоянии вытеснить иезуитов, но между ними возникали постоянные трения, и началась серьезная борьба за федеральную власть. Целью радикалов был захват и укрепление федерального правительства, а также изгнание иезуитов (и других религий) со всей Швейцарии. Они и "молодые швейцарцы" были частью международного либерального движения, которое повсюду носило антиклерикальный характер. [42] В 1844 году борьба стала более ожесточенной. Иезуиты Вале отказались признать государственный контроль над своими школами, банда вооруженных радикалов двинулась маршем на Сион и была разгромлена

вооруженными жителями. В том же году иезуиты впервые вошли в Люцерн. Богатый фермер-католик по имени Леу вложил всю свою энергию в их дело, и иезуиты помогали ему, время от времени присылая проповедника, который своими учтивыми и примирительными проповедями показывал, что подозрения с их стороны совершенно необоснованны. Перед лицом бури протестантских и радикальных угроз Собор решил принять иезуитов.

Теперь по стране разгорелась страстная борьба, которая вскоре должна была вылиться в смертельную гражданскую войну. Леу был убит, и католики и радикалы столкнулись друг с другом с лютой ненавистью. Мнения могут расходиться относительно поведения иезуитов в продвижении своего служения, поскольку ясно, что чисто политические разногласия не запятнали бы холмы и долины Швейцарии кровью. Последовавшая за этим война была религиозной, и в основном войной против иезуитов. Весной 1845 года было объявлено, что армия из 11 000 радикалов идет маршем на Люцерн. Католическая конфедерация разослала по округе огненный крест и собрала армию, достаточно сильную, чтобы победить и рассеять радикалов. Именно по трупам этих противников иезуиты вошли в Люцерн и начали учить, причем страсти все еще кипели со всех сторон. Надвигалась более серьезная борьба, и обе стороны спешно организовались. Семь католических кантонов (на предприятие которых французские иезуиты выделили 98 000 франков) сформировали Зондербунд [Отдельный союз], целью которого было создание Католической республики. Федеральный сейм в Берне приказал им распуститься, а когда они отказались, натравил федеральную армию на католические войска. Кровавая и катастрофическая война закончилась победой федеральных войск в 1847 году, Зондербунд был уничтожен, а иезуиты (вместе с другими религиозными орденами) были исключены из Швейцарии Конституцией 1848 года. Иезуиты не стали дожидаться, пока войска войдут во Фрейбург и Люцерн; они бежали в Тироль и Австрию.

В Нидерландах история иезуитов в девятнадцатом веке была историей большого процветания, которому помешали лишь несколько ранних неудач. Как только папа римский издал буллу о реставрации и французское правление было уничтожено, бывшие иезуиты, которые остались в стране в качестве светских священников и Отцов Веры (которые, наконец, вошли в Общество), приступили к организации своего органа. Послушничество было открыто в Румбеке, а еще одно - в Дестельбергене, в Бельгии. Венский конгресс, однако, передал объединенные Нидерланды под контроль Вильгельма Нассауского, и он с беспокойством наблюдал за успехами иезуитов. Бывший отец Веры, граф де Бройль, теперь был епископом Гента, и он вместе с другими прелатами и знатью усердно помогал иезуитам. Споры, которые неизбежно должны были возникнуть после объединения протестантской Голландии и католической Бельгии под одной короной, вскоре разгорелись с неистовой силой, и Вильгельм летом 1816 года приказал иезуитам закрыть их послушничество в Дестельбергене. Они были вынуждены удалиться, но де Бройль призвал их сопротивляться королю и одолжил им свой дворец для содержания их общины. Сам де Бройль впоследствии был изгнан за посягательство на Конституцию, а отцы церкви были изгнаны из дворца острием штыка в 1818 году. Поскольку Уильям пригрозил изгнать их из страны, они перевезли послушника в Швейцарию и напустили на себя видимость покорности. Поскольку, однако, они продолжали раздражать католиков, Уильям в 1824 году приказал епископам запретить им устраивать уединения для духовенства, а в следующем году закрыл две их резиденции.

Этого краткого рассказа будет достаточно, чтобы рассказать о католической революции 1830 года, в результате которой Бельгия завоевала свою независимость. Нас снова просят

рассматривать иезуитов как праздных зрителей ожесточенной католической агитации, закончившейся восстанием; но, принимая во внимание их опыт при Вильгельме, кажется разумнее принять заверения голландцев в том, что они сыграли в этом большую, хотя и тайную, роль. Однако революция была справедливой, и недовольство бельгийцев объяснялось не только религией. [43] С этой даты Бельгия стала золотой землей для иезуитов, а протестантская Голландия позволила им процветать в мире. После 1830 года они буквально наводнили Бельгию; в 1834 году их было 117, а в 1845 году - 454. После этой даты разразилась великая революционная буря 1848 года, и Бельгия стала чуть ли не единственной страной, в которой преследуемые иезуиты могли найти убежище. Леопольд Саксен-Кобургский был слишком благоразумным протестантом, чтобы вмешиваться в их дела, и с бельгийской границы они поддерживали силы своих борющихся коллег во Франции. В Голландии преемник Вильгельма отнесся к ним снисходительно; и когда в 1872 году на их немецких коллег обрушилась буря, они смогли принять беженцев и содержать дома на границе на случай вторжения в Германию, как они делают это сегодня.

Нет необходимости подробно показывать, как восстановленные иезуиты снова распространились по иностранным миссиям. Особенно после 1830 года, когда их число увеличилось, они начали возвращать себе утраченные провинции. В 1834 году шесть отцов высадились в Калькутте, чтобы восстановить Индийскую провинцию, и когда португальские миссионеры и власти попытались изгнать их, им удалось заручиться защитой английских властей. Мадаура, самое богатое из их старых месторождений, было возвращено им в 1837 году. И здесь действующие миссионеры протестовали так яростно, что в течение многих лет немногочисленные иезуиты вели тяжелое и почти бесплодное существование. В 1842 году некоторые из миссионеров-иезуитов получили руководство местным колледжем в Бенгалии, но принц был вынужден выселить их через несколько лет. В Индии еще в середине века царили гневные настроения и громкие протесты против них. В 1854 году они получили в управление викариатство Бомбея, в 1858 году - Пунаха, а в 1859 году - Бенгалии.

Китай был возвращен, очень скромно, в 1841 году, и различные республики Южной Америки принимали их всякий раз, когда католики чередовались у власти с либералами. Они въехали в Аргентину в 1836 году, но снова были изгнаны в 1843 году; в 1853 году им было разрешено поселиться в Гватемале, и они были изгнаны, когда либералы пришли к власти в 1871 году. Но это было бы не более чем календарем дат, если бы фиксировать их появления и исчезновения в Южноамериканских штатах и в зарубежных миссиях в целом. В 1845 году из 5000 иезуитов 518 были миссионерами: в 1855 году в миссиях служило 1110 человек; в 1884 году их насчитали 2575. Они больше не представляли историку интересных черт своих ранних лет; иезуиты больше не щеголяли шелковыми одеждами мандаринов или мифологическими одеяниями саниасси, обширные поместья или торговля не посылали золото своим европейским братьям, отряды солдат не маршировали под их командованием, римские конгрегации не совершали причудливых обрядов и не бунтовали против епископов. Они вступили в эпоху прозы.

СНОСКИ:

[41] По-видимому, именно из-за этой клеветнической атаки на папу римского, а также для придания ей беспристрастности генерал Рутаан публично отрицал, что иезуиты помогали автору. Ученый аббат Гетте в "*Истории иезуитов*", которую он опубликовал вскоре после этого,

рассказывает нам, что, еще не зная о его враждебности к ним, некоторые из парижских иезуитов добровольно признали свою долю в этой работе. В любом случае, иезуиты, очевидно, тесно сотрудничали с автором, поскольку он постоянно говорит о том, что имел перед глазами неопубликованные документы, принадлежавшие Обществу.

[42] Конечно, в борьбе швейцарцев на карту были поставлены более важные вопросы. Избирательное право было узким, правительство в кантонах - аристократическим, а центральная или федеральная власть - слабой. Радикалы в основном стремились реформировать эти функции, но они были едва ли менее воспламенены привилегиями, предоставленными иезуитам. В Вале отцы бесплатно посещали общественные службы.

[43] Историки обычно включают в число причин введение системы светского образования только в школах. Но — как любезно указал мне сэр Роберт Стаут — католические прелаты в своем письме французскому министру внутренних дел от 30 мая 1806 года ранее "охотно" приняли это соглашение. Они согласились, что достаточно преподавать религию в церквях.

ГЛАВА XVI

ПОСЛЕДНЯЯ ФАЗА

Если мы попытаемся в нескольких словах подвести итог истории иезуитов в течение первых нескольких десятилетий после их подавления, мы должны сказать, что в их духе мало что изменилось и что они были полностью настроены на возвращение к своему прежнему положению. В реальном поведении происходят существенные изменения. Промышленная и торговая система, составлявшая один из самых нерегулярных корней могущества в предыдущие столетия, исчезла; они больше не преследуют королевские дворы, как раньше; они, как правило, проявляют меньше высокомерия по отношению к неиезуитскому духовенству и епископам; они менее небрежны в своей казуистике; они уклоняются от цареубийства. Однако большая часть этих изменений явно связана с их новым положением. Например, вряд ли найдется хоть одна страна, где они наслаждались бы непрерывным процветанием хотя бы тридцать лет в течение первой половины девятнадцатого века, так что мы вряд ли могли бы рассчитывать на крупные поместья или торговлю; а их зарубежные миссии строятся медленно и кропотливо. Что касается цареубийства, у нью эйдж более гуманный способ обращения с лишними королями. Если они не советуют королям, то явно не из-за отсутствия желания это делать. В целом, давайте скажем, что ужасный век, как они его себе представляют, в который они переродились, улучшил их поведение вопреки им самим.

Теперь мы должны увидеть, как, используя их выражение, с возрастом нечестия иезуиты продолжают совершенствоваться: как они сохраняют свои худшие черты только в землях, которые они объявляют благочестивыми и справедливыми, и настолько невинны, что бросают тень подозрения на мрачные легенды о них, где изобилуют ересь и неверие. Этот последний этап деятельности иезуитов очень важен, но слишком близок к нам для надлежащего исторического изучения. Однако можно сказать достаточно, чтобы показать, что то, что можно назвать промежуточным взглядом на вырождение иезуитов, является спорным. Есть те (*m.e.* Все иезуиты и их почитатели), которые считают, что иезуиты никогда не подвергались серьезному

порицанию как единое целое; и есть те, кто утверждает, что иезуит девятнадцатого или двадцатого века так же плох, как иезуит семнадцатого, и самодовольно отравил бы папу римского или подделал чек в интересах Общества. Третья точка зрения заключается в том, что их тяжелые и повторяющиеся наказания сделали их порочные черты достоянием истории. Однако в течение первой половины девятнадцатого века мы видели, что у них и в мыслях не было хоронить свое прошлое; они должны были сотрудничать с королями в восстановлении старого порядка, и у нас нет ни малейших оснований думать, что, восстановив его, они использовали бы свою власть иначе, чем в семнадцатом веке. Остается посмотреть, станут ли они мудрее в ближайшие полвека.

Мы покинули их накануне революции 1848 года. За исключением Швейцарии, где их упорство в отстаивании своих прав стало одной из главных причин гражданской войны и ухудшило их перспективы как никогда, они все еще мечтали стереть революцию из летописи Европы и начать все заново в 1750 году. Поэтому страшная буря 1848 года обрушилась на них почти неожиданно. Они лишь недавно были вынуждены покинуть Францию, так что вспышка в этой стране мало затронула их. Но буря докатилась до Австрии и Италии, даже до Рима, и опередила иезуитов. Иезуитский писатель с грустью отмечает, что "первая атака революционеров повсюду была направлена против иезуитов". Естественно; в Европе не было более ярких противников нового века, который представляло революционное движение. Они сами проследили революционный дух до своего временного отсутствия в школах Европы, и революционеры [44] пришли к выводу, что господство террора пользовалось их поддержкой. Итак, из Рейнланда, Австрии, Галиции, Венеции, Турина, Рима, Неаполя и Сицилии — единственных провинций Общества, которые казались безопасными, — вооруженные и разъяренные толпы изгнали иезуитов, и огромная колония сбитых с толку беженцев содрогнулась в Бельгии.

Император Австрии был вынужден 7 мая подписать их изгнание со всей своей империи, но именно в Италии они пострадали больше всего. С 1840 года власти Общества пережили череду болезненных потрясений. Карлисты проиграли, и отцы церкви были изгнаны из Испании; в 1845 году они были вынуждены распустить общины во Франции; в 1847 году швейцарские католики проиграли, и дома иезуитов были разрушены. Они повсюду прибегали к заведомо проигрышным действиям. Мэннинг был в Риме зимой 1847-48 годов, и в его дневнике записано о приходе революции в Рим и бегстве иезуитов. Pius IX. его Либерализм исчерпал себя, и римляне были встревожены и подозрительны. Затем, в январе и феврале 1848 года, пришло известие, что революционеры одержали победу на Сицилии и в Неаполе, и иезуиты отступают на север. К марту римские иезуиты были готовы выступить в любой момент, как обнаружил Мэннинг, посетив их. 29 марта они были изгнаны; и в том же месяце венцы победили своего императора, венецианцы восстали и изгнали иезуитов, а пьемонтцы добились от Карла Альберта Либеральной конституции. Мэннинг размышляет о причинах острой враждебности к иезуитам и связывает это с их союзом с ультрамонтанством и политической реакцией.

Как рассказывает историк, революция 1848 года в большинстве стран одержала лишь временную победу, и в течение 1849 и 1850 годов иезуиты вернулись в свои провинции. В очень многих местах, вернувшись, они обнаружили, что их уютный дом превратился в груды развалин, но буря оказала одно утешительное воздействие. Это доказало, что иезуиты были главными врагами либерализма, и на иезуитов должна быть возложена задача погасить те искры, которые остались от революционного пожара. Pius IX. был изгнан в Гаэту, в то время как римляне создали свой недолговечный Триумvirат и объявили о прекращении папского правления. Он

вернулся в Рим весной 1850 года, когда французские войска уничтожили его противников, и с этого момента он стал ближайшим союзником иезуитов. Его первым действием было канонизирование нескольких членов Общества. Он нанял духовника-иезуита и с помощью кардинала Антонелли и Общества установил эгоистичную и репрессивную систему, которую английский посол назвал "позором Европы".

Наконец, казалось, призрак революции окончательно рассеялся, и перед Обществом открылась перспектива реального восстановления. В Риме иезуиты обладали огромной властью. Их влияние прослеживается в декларации Непорочного Зачатия в 1854 году и ужасающей энциклике против современной культуры и устремлений 1864 года. Им в 1866 году папа доверил свой главный орган, *Гражданскую католическую церковь*, и они сыграли большую роль в агитации за принятие декларации о непогрешимости папы в 1870 году. В течение всего этого периода они контролировали католическую культуру, если не папство. В то же время их власть была восстановлена на Сицилии, в Неаполе и Венеции, так что Италия (за исключением Пьемонта) была покрыта их колледжами и резиденциями. В Австрии император, озлобленный пережитым унижением, теперь открыл им все свои владения, и они собрали отцов со всех концов света, чтобы приехать и восстановить процветание Австрийской провинции. В Бельгии они процветали пышно; и они добились тихого и незаметного прогресса в Голландии, Баварии, Швейцарии, Саксонии и Пруссии, где они не были уполномочены. Во Франции Наполеон III отменил указы, направленные против них, и лелеял их как одну из опор своего трона. В Англии они нашли друга в лице Уайзмана и добились быстрого прогресса; в Соединенных Штатах они росли вместе с феноменальным ростом населения. Эпоха проблем закончилась. Мудрые старые отцы из Джезу и Римского колледжа увидели, как хаос возвращается к порядку.

В 1853 году, в начале этого счастливого поворота их судьбы, Рутаан умер, и Беккс, сын бельгийского сапожника, был избран генералом. Единственным облачком на горизонте был Пьемонт, где прежняя привязанность к иезуитам умерла, но, по-видимому, было доказано, что Франция и Австрия сдержат амбиции этого государства. Но Францию привлекла Сардиния, и в 1859 году Виктор Эммануил начал распространять свое правление на Италию. С того времени и до 1870 года общество не слышало ничего, кроме катастроф. В 1860 году Виктор Эммануил аннексировал Тоскану, Эмилию и Романью, и иезуиты были изгнаны из своих домов в Папскую область. В том же году Гарибальди высадился на Сицилии, положил конец жестокому правлению католического короля и изгнал 300 иезуитов из их роскошного колледжа в Палермо и других резиденций. Осенью он вступил в Неаполь и увлек за собой еще сотни иезуитов. Из письма протеста, которое отец Беккс направил Виктору Эммануилу, мы узнаем, что за два года Общество потеряло 3 учреждения в Ломбардии, 6 в Модене, 11 в Папской области, 19 в Неаполе и 15 на Сицилии. Из 308 иезуитов в их самой процветающей провинции Сицилия только 8 престарелым и больным отцам было разрешено остаться на острове. Из 5500 членов Общества не менее 1500 были бездомными, и им даже не разрешалось найти приют в католических домах в их родных Провинциях. В 1866 году австрийцы были изгнаны из Венеции, и еще десятки иезуитов были изгнаны из своих домов. Можно добавить, что в 1868 году иезуиты были снова изгнаны из Испании, в которую они вернулись при Изабелле II.

В Риме и остальных Папских государствах была большая концентрация иезуитов, и предпринимались отчаянные усилия добиться того, чтобы хотя бы этот остаток земного княжества оставался верным папе. К великой радости иезуитов, в Ватикане собрался

Вселенский собор, и план объявить папу лично непогрешимым в вопросах веры или морали был с энтузиазмом поддержан. В длительном и жарком конфликте утверждающих епископов и отрицающих епископов, а также епископов, которые считали декларацию нецелесообразной, иезуиты были очень активны, презирая саму идею о том, что усиление власти папы могло быть неосмотрительным. Затем началась франко-германская война, уход единственной католической силы, которая могла спасти Рим от Виктора Эммануила, и тучи сгустились еще гуще, чем когда-либо. Иезуиты слишком свободно высказывали свое мнение об "узурпаторе", чтобы питать какие-либо иллюзии относительно этого вопроса.

Когда пьемонтские войска вошли через брешь в Порту Пиа 20 сентября, иезуиты знали, что они обречены. Отряд солдат сразу же направился к дому, пристроенному к Джекзу, и разместился там. Какова бы ни была причина, новое итальянское правительство очень медленно продвигалось в работе по изгнанию иезуитов. В течение нескольких недель солдаты и отцы жили вместе в Джекзу — отцы впоследствии говорили, что солдаты выбрали комнату генерала для игры на барабанах и трубе, — и различные жилища были конфискованы "в общественных интересах" с большими интервалами. В октябре послушничество в Сент-Андреасе с его большими поместьями было захвачено, и послушников заставили записаться в армию. В январе 1772 года одна из их небольших церквей была передана светскому духовенству; в январе 1873 года были присоединены вторая церковь и Римский колледж (который использовался Военным министерством).

Наконец, в июне 1873 года был опубликован закон, согласно которому монахи и религиозные деятели всех орденов должны покинуть Италию. Для каждого ордена должно было быть зарезервировано по одному дому в Риме, чтобы они могли общаться с Ватиканом, но иезуитам было отказано в этой привилегии. Их ненавидело подавляющее большинство образованных итальянцев, которые с гневом вспоминали о своей поддержке кровавых правлений Фердинанда Неаполитанского, Фердинанда VII. Испании, Мигеля Португальского и Григория XVI. и Пий IX. Они встали на сторону реакции и проиграли. Общего сочувствия не было, когда в октябре отец Беккс, ныне немощный старик семидесяти восьми лет, с горечью отправился в свое изгнание во Флоренцию, а оставшиеся итальянские иезуиты были отправлены на пенсию и рассеяны. Послушничество в Сан-Андреасе было арендовано Американской семинарией (и отцу Бекксу разрешили умереть там несколько лет спустя). Джекзу был доверен другим священникам, а священные покои Игнатия и других святых Общества были бережно сохранены. Римский колледж стал государственным учебным заведением: я помню, как тридцать лет спустя по приглашению гражданских властей Рима в его темных залах и просторном четырехугольном здании проводился огромный Конгресс свободомыслящих.

Прошло всего сто лет с тех пор, как римские иезуиты были рассеяны Климентом XIV. Но катастрофа в Италии была не единственным бедствием, ознаменовавшим это мрачное столетие. В прошлом году, когда они ожидали приговора Виктору Эммануилу, они услышали, что их отцы были изгнаны из новой Германской империи. В течение нескольких лет они добились тихого, но значительного прогресса в Пруссии, Баварии и Саксонии, а также в Австрии. Они открыли несколько колледжей в Кельне и в Рейнской провинции, которая всегда была богатым полем для их работы, и имели учебные заведения в Позене, Мюнстере, Меце, Майнце, Бонне, Страсбурге, Эссене, Экс-ла-Шапель, Мариентале, Ратисбоне и многих других местах. Из Рейнской провинции, Баварии и Бадена они послали в Немецкий колледж в Риме так много новобранцев, которые должны были вернуться работать в Германию и усилить влияние

иезуитов в семинариях, епископствах и университетах, что Фридрих Вильгельм III. был вынужден запретить кому-либо из своих подданных посещать Немецкий колледж или любое другое иезуитское учреждение. Фридрих Вильгельм IV. добродушно не обратили внимания на их прогресс, и они распространились по государствам, которые в настоящее время должны были образовать Германскую империю.

Но рождение Германской империи совпало с провозглашением папской непогрешимости, и поднялась сильная агитация за изгнание иезуитов. Длительный контроль за деятельностью иезуитов в Германии позволил вырасти более мужественной и честной культуре среди светского духовенства, и многие из лучших католических ученых были поражены притязаниями папы. Политики и протестанты в целом были обеспокоены этой победой ультрамонтанства и приписывали ее в значительной степени интригам иезуитов. Еще до 1870 года католические государственные деятели Баварии находились в конфликте с Церковью из-за ее чрезмерных притязаний. Когда в 1870 году к Германии были присоединены еще две католические провинции, в результате чего ее католическое население возросло до пятнадцати миллионов, Бисмарк внимательно следил за каждым шагом в росте ультрамонтанства. Раскольники на Ватиканском соборе действительно имели очень серьезные основания для своих заявлений о нецелесообразности с точки зрения Германии. Даже Австрия пригрозила разорвать свой Конкордат с папством, когда пришло известие о декларации непогрешимости. По протестантской Германии распространилось чувство острой враждебности, и старокатолики присоединились к протестам.

Петиции об изгнании иезуитов начали поступать в рейхстаг, и правительство приступило к действиям. Соответствующая мера обсуждалась в рейхстаге в июне 1872 года, а 4 июля она была подписана и обнародована. На улаживание их дел было отведено шесть месяцев, и в течение этого времени все их общины были распущены. Как общины они ушли в Швейцарию, Австрию, Голландию и Бельгию, но закон разрешал им въезжать в Империю в качестве индивидуальных граждан, и Бисмарк знал, что изгнание иезуитов вилок мало что даст. Доктор Фальк, убежденный либерал, был назначен министром народного просвещения, и он разработал ряд мер ("Майские законы") для полного контроля образования государством и для определения квалификации учителей таким образом, чтобы ни один переодетый иезуит не мог вернуться за свой рабочий стол. Контроль над школами до сих пор в основном возлагался на епископов, на чье снисхождение или усердие иезуиты в том, что касалось католических школ, в целом могли положиться.

Бурные споры закончились принятием законов, и Германия вступила в долгую и ожесточенную борьбу католиков против правительства, известную как *Культуркампф*. По сей день иезуитам не удалось, несмотря на самые изощренные интриги, добиться реадмиссии в Германскую империю. Они все еще бродят по границам, в Голландии, Австрии и Бельгии, и содержат большие колледжи, в которых сотни сыновей более богатых католиков получают образование в ортодоксальных принципах. По отдельности они часто живут в Берлине и контролируют непрекращающиеся требования Центристской партии об их реабилитации. "Изгнание" никак не повлияло на их рост и процветание, поскольку из 755 изгнанных иезуитов 1872 года теперь насчитывается 1186. Не исключено, что они добьются возвращения в результате какой-нибудь подобной сделки, которая способствовала окончанию *Культурного лагеря*. Бисмарк видел, что "красный террор" растет быстрее и угрожающе, чем "черный террор", и он заключил мир с католическим духовенством и Римом при том понимании, что они будут бороться с

социализмом в Германии. Социализм продолжает расти, и было бы неудивительно, если бы император в конце концов привлек сыновей Игнатия к своей отчаянной борьбе с ним. Если он это сделает, Общество найдет роскошное поле для роста среди 22 000 000 католиков Империи, пока не начнется последняя смертельная борьба с социал-демократией.

Чтобы узнать о внутреннем духе и характере современных немецких иезуитов, я должен отсылать читателя к бесценной книге графа фон Хоэнсбруха "*Четырнадцать лет иезуита*" (2 тома, англ. перев., 1911). Вся история от начала до конца является трезвым, но жалким обвинением иезуитов и показывает, как мало изменений скрывается за их любезными выражениями. Мы видим, что иезуиты слоняются по домам богатых, используя свое влияние на женщин, вымогая деньги самыми сомнительными способами, практикуя и обучая сдержанности ума на каждом шагу и добиваясь политической власти через мирян-католиков, как они делали на протяжении трех столетий. Когда в сороковых годах отец Андерледи (будущий генерал Общества) был осужден за продолжение занятий в кельнской резиденции вопреки прусскому законодательству, он категорически отверг это обвинение, мысленно оговорившись, что с этого момента школа должна прекратить свое существование. Историк-иезуит, который фиксирует этот факт, говорит: "Какое присутствие духа!" Когда Хоэнсбрух, намереваясь поступить на немецкую службу, спросил ученого иезуита Францелина, может ли он принести клятву соблюдать законы (которые тогда включали Законы Мая), ему ответили, что может, с той оговоркой, что он не уважает никаких законов, осуждаемых Церковью. Приводится множество примеров преднамеренной лжи (с умственной скрытностью), и работа выставляет характер, подготовку и образовательную деятельность иезуитов в крайне непривлекательном свете. Это незаменимый документ для изучения характера современного иезуита.

Немецкие иезуиты были, как я уже сказал, изгнаны в 1872 году; итальянские иезуиты последовали за ними в 1873 году. В то время французские иезуиты наслаждались реакцией общественного мнения, последовавшей за попытками коммунистов. При Наполеоне III. они быстро пришли в себя, и уже в 1855 году снова поступили призывы к их исключению. Они вернулись в свои школы и колледжи после беспорядков 1871 года, и консервативное правительство позволило им процветать. Реакция началась в конце семидесятых, когда Гамбетта энергично возглавил антиклерикальные силы и начал осуждать Общество. Католикам почти удалось свергнуть Республику и возвести на престол герцога де Шамбора. Когда (в 1877 году) они продолжили требовать привлечения французских войск для восстановления папы Римского при его мирской власти, они проиграли дело своей Церкви. С того года католицизм во Франции пришел в упадок, сократившись за тридцать лет с 30 000 000 до примерно 5 000 000 последователей.

В течение двух лет наблюдался огромный рост антиклерикальных настроений, особенно против иезуитов. Они, как и подавляющее большинство религиозных орденов, не имели законного права на существование во Франции. Только три или четыре конгрегации филантропического характера были разрешены французским законодательством. Однако эти полезные организации не добились никакого прогресса, в то время как несанкционированные конгрегации владели имуществом стоимостью 400 000 000 франков. Жюль Ферри теперь стал министром образования и разработал закон, запрещающий любому члену несанкционированного общества преподавать. Когда католический сенат отклонил это предложение, несанкционированные конгрегации были распущены указом (1880). В очередной раз иезуиты были изгнаны из Франции, и к числу изгнанников добавились 2904 члена

Общества. В 1880 году более половины иезуитов — или 7400 иезуитов — были изгнаны из своих соответствующих стран.

Поскольку Франция по-прежнему в подавляющем большинстве была католической, сменявшие друг друга правительства не могли обеспечить соблюдение закона, и иезуиты спокойно вернулись к своей работе. Достаточно сказать, что в течение следующих двадцати лет, пока Франция не стала преимущественно некатолической и не была склонна настаивать на их исключении, 2900 иезуитов фактически увеличили свое число; собственность несанкционированных конгрегаций выросла в цене с 400 000 000 000 до 1 000 000 000 франков; высшее образование в значительной степени контролировалось иезуитами, ученики которых в основном пошли в армию и флот. Вряд ли нужно напоминать о последовательных ошибках, из-за которых иезуиты (и другие религиозные деятели) навлекли на себя приговор об изгнании в 1901 году. В 1886 году Буланже стал военным министром и народным кумиром. Его друзья-радикалы вскоре перестали ему доверять, а монархисты и католики раздули народную агитацию за то, чтобы он стал диктатором. В данном случае у нас есть положительная и достаточная информация о соучастии иезуитов. Граф фон Хоэнсбрух, тогда молодой иезуит, услышал из уст отца дю Лака, самого выдающегося из французских иезуитов, что тот собрал большие суммы денег для "Избавителя Франции" и свержения "грязной и нечестивой республики". [45] Мы едва ли можем сомневаться в том, что они были одинаково ревностны к герцогу де Шамбору, а позже столь же ревностно выступали за дело герцога Орлеанского.

Буланже бежал, спасаясь от ареста, в 1889 году, и республиканцы усилили расправу с иезуитами. В 1897-99 годах произошла знаменитая агитация за повторный суд над Дрейфусом, и иезуиты снова встали на проигравшую сторону тирании и предрассудков. К концу столетия Франция в подавляющем большинстве стала некатолической и не была расположена дальше мириться с интригами и богатством организаций, которые не имели законного существования в стране. Иезуиты, в частности, были угрозой для Республики. Таким образом, новое столетие началось с антиклерикальной кампании, которая все еще свежа в нашей памяти. Вальдек-Руссо принял закон о своих ассоциациях в 1901 году, и иезуиты были снова изгнаны. Комбес и Рувье завершили работу в последующие годы. Однако не предпринимается никаких очень решительных мер против вторжения религий, и иезуиты часто бывают в Париже, как и в Берлине. Число членов Общества из французских провинций возросло до 3071 человека (многие из которых находятся в зарубежных миссиях), и из комфортабельных домов в Англии (где у нас 226 человек) и других странах, надежно вложив свои средства, они ожидают дня отзыва. Но общий распад Церкви во Франции делает очевидным, что они никогда не будут приняты повторно.

Помимо Латиноамериканских республик, в связи с которыми было бы утомительно перечислять различные изгнания и отзывы иезуитов, и Португалии Общество добилось больших успехов в других странах. О Португалии мало что нужно говорить; ситуация аналогична той, что сложилась во Франции. Иезуиты не имели официального права на существование в стране, и, когда Португалия наконец получила возможность заявить о своей воле (после революции 1910 года), она резко отвергла их. И здесь страна преимущественно некатолическая, если мы ограничим наше внимание избирателями, и иезуиты, скорее всего, никогда не вернуться.

Испания стала прибежищем и почти последней надеждой в латинском мире эмигрировавших иезуитов. В коррумпированное и никчемное правление Изабеллы II. им позволили вернуться на

свои посты и процветать. Собственно говоря, они не имели законного права на существование в Испании с тех пор, как были упразднены Кристиной в 1835 году. Конкордат 1852 года предусматривает допуск ораторианцев, винцентианцев и "еще одной" конгрегации; но казуистическое мастерство истолковало это как "по одной для каждой епархии", и все были приняты. Отвратительное правление их покровительницы Изабеллы закончилось революцией в 1868 году; легкомысленная королева была свергнута, и иезуиты разделили судьбу других ее странных фаворитов. Однако с восшествием на престол Альфонсо XII они вернулись в Испанию и получили богатство и власть, которыми пользуются сегодня.

Секретность Общества придает смелости его апологетам делать самые смелые опровержения этих постоянных обвинений в богатстве, власти и интригах, но постоянно случается, что какой-нибудь конфискованный документ или недовольный поклонник предаст их. Такой пример можно привести в связи с испанскими иезуитами. В 1896 году набожный католик, бывший ученик и сотрудник иезуитов, сеньор Себальос-и-Крусада, поссорился с ними и отвернулся от них. В небольшом произведении, в котором он излагает свои претензии (*El Imperio del Jesuitismo*), он рассказывает нам некоторые интересные факты об их богатстве и деятельности. В Испании существует обширное католическое общество, известное как Ассоциация отцов семейств, которое в такой же степени озабочено здоровой политикой, как и здоровой моралью. Сеньор Себальос показывает, как иезуиты тайно используют это в своих политических целях и для противодействия конкурирующим церковным организациям. Что касается их богатства, он говорит, что у них есть 11 колледжей стоимостью от 1 000 000 до 12 000 000 *реалов* каждый, в то время как их главный дом в Лойоле обладает имуществом неисчислимой ценности. В его собственном колледже в Деусто обучалось около 300 учеников, каждый из которых платил по 1500 *песет* в год; ни в одном из них образование не является бесплатным. Школьное образование очень бедное и устаревшее, и лишь немногие из их учеников впоследствии достигают каких-либо отличий. Любопытно узнать, что у этих богатых иезуитских учреждений есть британский флаг, готовый быть поднятым в случае революции (чего они ежегодно ожидают).

Однако нет особой необходимости в доказательствах богатства и политического влияния иезуитов в Испании. В борьбе, которая ведется между реформаторами всех партий и сторонниками глубоко коррумпированной политической системы, иезуиты используют всю свою силу в качестве педагогов и интригуют далеко за пределами своих школ в интересах коррупции; и, верные своей максиме обучения и поимки сыновей более богатых классов, они позволили массам людей оставаться на ужасающем уровне неграмотности. Подавляющее большинство мужчин Испании в больших городах люто ненавидят их и с нетерпением ждут того дня, когда, подобно своим португальским соседям, они изгонят своих коварных врагов. Несколько лет назад драма под названием "*Патернидад*" была поставлена на сцене одного из главных театров Барселоны и была встречена с самым бурным энтузиазмом. Она была написана католическим священником Сегисмондо Пей-Ордейксом и представляла иезуитов современной Испании как практикующих самые порочные приемы, известные в истории Общества. Строго критические произведения великого испанского писателя Переса Гальдоса с таким же энтузиазмом принимаются в Мадриде и во всех других городах. Испанцы с возмущением наблюдают за концентрацией изгнанных иезуитов на своей территории. К изгнанным французским общинам 1880 года были добавлены 147 иезуитов Кубы и Филиппин в 1898 году, и теперь они усилены португальцами. Теперь их число составляет 3859 человек. В 1901, 1906 и недавно либералы пытались или угрожали расправиться с ними; но в Кортесах

слишком много сговоров между противоборствующими партиями, а иезуиты имеют слишком сильное влияние во Дворце: мне сообщили, что нынешняя королева полностью сдалась давлению королевы-матери и иезуитов. Если у короля не хватит мужества облегчить тяжкий сосуд королевской власти, пожертвовав иезуитами, что принесло бы ему огромную популярность, Испания в течение десяти лет последует примеру Португалии.

Несколько Южноамериканских республик и Мексика уже достигли состояния постоянного торжества либеральных элементов и навсегда изгнали иезуитов. Поскольку эта работа продолжается по мере роста образования, естественно предположить, что все они со временем исключают иезуитов. Италия также вернется к своему строгому законодательству, когда правительство обнаружит, что уменьшающееся влияние папства больше не является ценным союзником в борьбе с продвинутыми школами. В настоящее время закон не соблюдается, и в стране насчитывается большое количество иезуитов; итальянская провинция насчитывает более тысячи членов. В Риме они контролируют Григорианский университет, немецкие и латиноамериканские колледжи, Библейский институт и другие папские учреждения. В некоторой степени сдерживаемые Львом XIII, они восстановили все свое влияние в Ватикане при нынешнем средневековом понтифике и являются одними из самых ярых сторонников реакционной политики, с помощью которой он парализует высшую культуру Римской церкви. Высшее светское духовенство не менее социалистов и масонов озабочено их подавлением. Те же силы действуют против них в Бельгии, где их насчитывается 1200 человек (включая иностранных миссионеров), и Австрии. Коалиция либералов и социалистов в Бельгии в любой момент положила бы конец католической власти, поскольку антиклерикальные избиратели составляют большинство, и иезуиты недолго пережили бы перемены.

И все же одна из самых необычных черт всей необычной истории иезуитов заключается в том, что их число чрезвычайно возросло за эти полвека страданий. Рост общества за последние сто лет представлен в следующей таблице:—

1838	3067 членов.
1844	4,133 "
1853	5,209 "
1861	7,144 "
1884	11 840 участников.
1906	15,661 "
1912	16,545 [46] "

Из нынешних членов 3531 находятся в зарубежных миссиях; и возобновление работы в этих областях, в менее авантюрных условиях, во многом объясняет рост Общества. Прогресс Соединенных Штатов и британских колоний с их большим процентом ирландских и итальянских иммигрантов составляет значительную часть оставшейся части. Иезуитов в Соединенных Штатах сейчас насчитывается 2300; и 373 в Канаде и 100 в Австралии. Наиболее вероятно, что будущее иезуитов лежит в протестантских странах. Вероятно, через двадцать лет иезуиты будут исключены из каждого "католического" королевства, хотя их численность превышает 20 000 человек.

Их прогресс и деятельность в Англии могут быть более подробно описаны в качестве иллюстрации этой тенденции. Мы видели, как выжившие члены старой английской миссии объединились с Отцами Веры в 1814 и 1815 годах, чтобы восстановить Общество. Тогда их было 73, и у них было несколько часовен, помимо поместья и дома в Стонихерсте. Они продвигались вместе с общей массой римских католиков, особенно когда в сороковых годах начался более сильный поток иммиграции из Ирландии. Однако светское духовенство по-прежнему выступало против них, и доктор Гриффитс, апостольский викарий лондонского округа, отказался разрешить им основать общину в метрополии. После долгих лет давления в Риме они заручились интересом доктора (впоследствии кардинала) Вайзмана, и им разрешили поселиться на Фарм-Сент, среди самых богатых католиков. Когда Вайзман сменил Гриффитса в 1847 году (а иерархия была установлена в 1850 году), они получили сердечное покровительство и добились большего прогресса. Тогда их было 554. С приходом к власти Мэннинга патронаж прекратился, и их работа была ограничена. Они стремились основать школы для мальчиков из среднего класса; но Мэннинг наотрез отказался, несмотря на благосклонность Пия IX, и они были вынуждены основать свои школы в таких местах, как БоМонт и Уимблдон, за пределами его юрисдикции. Когда они настаивали на создании высшей школы, своего рода католического университета, Мэннинг поспешно основал свою злополучную школу в Кенсингтоне и отказался от их сотрудничества, в результате чего более богатые католики, находящиеся под влиянием иезуитов, не захотели ее поддерживать. Епископ Воан из Солфорда был не намного более снисходителен к ним.

Секрет оппозиционности Мэннинга, по словам его биографа, заключался в его желании повысить достоинство светского духовенства, которое католики слишком склонны считать ниже монашеского статуса. Однако это была не просто мистическая теория кардинала. Он презирал сравнительную лень и мелочное лицемерие религиозных орденов в целом и испытывал особую неприязнь к интригам, скрытности, неподчинению и преследованию богатых людей иезуитами. [47] Мэннинг отказал своему племяннику, отцу Андердону, в священнических способностях и вынудил иезуитов сдать участок в Западном Лондоне, за который они заплатили более 30 000 фунтов стерлингов. Кардинал Воган, однако, смягчил свою политику принуждения, когда его перевели в Вестминстер.

В настоящее время (1912 г.) в Английской провинции насчитывается 729 прихожан и около пятидесяти церквей; хотя *католический справочник* содержит только 285 английских священников-иезуитов и 226 французских беженцев в этой стране. Настрой против них среди светского духовенства и других религиозных конгрегаций почти так же силен, как и прежде. Их очевидное предпочтение более богатых кварталов городов с насмешкой обсуждается в клирических кругах, и говорят, что они постоянно интригуют, чтобы привлечь более удобных католиков из других приходов. Бедность их литературных и схоластических трудов — в основном, ряда незначительных и поверхностных противоречивых работ, в которых больше внимания уделяется мелким замечаниям, чем существенной и точной эрудиции, — и их поразительная неспособность произвести на свет выдающихся людей рассматриваются как серьезное отражение на их теле, учитывая их богатство, численность и досуг. Однако не верится, что они потворствуют каким-либо иным интригам, кроме дружеского рвения среди мирян-католиков повысить свой собственный комфорт и престиж. [48]

Возвращаясь, в заключение, к вопросу, поставленному в начале этой главы, мы считаем невозможным дать общий ответ и охватить все существующие учения иезуитов в одной

формуле. Иезуиты Испании, с их политическими махинациями, их грязной охотой за наследием и их стремлением поддержать испанское правительство в судебном убийстве своих врагов, сильно отличаются от иезуитов Англии, Германии или Соединенных Штатов. Иезуиты Кубы и Филиппин до 1898 года мало чем отличались от более паразитических миссионеров-иезуитов семнадцатого или восемнадцатого веков. Современная эпоха повлияла на иезуитов так же, как какая-то древняя революция в климате земли изменила ее ныне живущих обитателей. Там, где старые тропические условия более или менее сохраняются (скажем, в Чили или Перу), иезуиты почти не изменились; и мы обнаруживаем изменения в точной пропорции к окружающей среде. Внутренние принципы и идеалы не изменились. "Все во славу общества", как сказал монсеньор. Тэлбот сардонически перевел их латинский девиз: "По-прежнему является правящим принципом; Общество остается Исамом римского клерикального мира". Оно по-прежнему стремится главным образом к богатым и могущественным; оно является заклятым врагом прогресса и либерализма в католическом богословии; его ученость совершенно незаметна по сравнению с его ресурсами; [49] оно пускается в политические интриги, даже для разрушения государственных форм, всякий раз, когда этого, кажется, требуют его интересы; его ненавидит очень большая часть католического духовенства и мирян в каждой стране. Пусть либеральный папа снова придет к власти, а модернизм восторжествует, и не исключено, что сам католицизм снова гневно подавит порочные и нерегулярные построения испанского солдата-дипломата и будет настаивать на том, что религиозные идеалы должны достигаться только скрупулезно чистыми и бескорыстными усилиями.

СНОСКИ:

[44] Я использую фразу историков, но могу заметить, что это было, в основном, движение среднего класса за обеспечение свободы мнений и других элементарных политических прав.

[45] *Четырнадцать лет*, ii. 164.

[46] Следует всегда иметь в виду, что "члены церкви" не обязательно означают священников. Гораздо меньше половины составляют священники: остальные - схоласты или помощники-миряне.

[47] Я говорю здесь о том, что слышал в бытность священнослужителем от людей, которые были близки с Мэннингом. *Жизнь Перселла* вводит в заблуждение. Автор намеревался быть откровенным, но иезуиты и другие выступили с такими угрозами, когда стало известно, какие разоблачения будут содержаться в книге, что он был вынужден многое опустить. Соккрытие истины нанесло серьезный ущерб его исторической ценности.

[48] В книге графа фон Хоэнсбруха есть несколько едких размышлений о характере и культуре английских иезуитов. Граф прошел часть своего иезуитского обучения в Англии.

[49] Позвольте мне напомнить, что лично я не ожидаю, что Общество произведет на свет кого-либо, кроме теологов, а многих из них оно произвело в девятнадцатом веке. Однако в спорном богословии работа иезуитов крайне неучтивая и казуистична; истина, по-видимому, имеет второстепенное значение. Но так часто утверждается, что иезуиты являются ученой организацией в более общем смысле, что необходимо задуматься над их послужным списком. Из пятнадцати тысяч ныне живущих иезуитов и их предшественников на протяжении столетия кто получил хотя бы второстепенное звание в области литературы, истории или философии? В

науке есть только отец Секки, единственный выдающийся продукт их научных школ, и отец Васман, чья философия (помимо его наблюдений) является посмешищем биологии.

Напечатано компанией Morrison & Gibb Limited
в Эдинбурге